Вестник
Челябинского
государственного
университета

Филология
Искусствоведение
Выпуск 89

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан в 1991 году
№ 7 (336) 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Басовская Е. Н. Информационный шум как воздействующий компонент медиатекста 6
Березина О. А. Семантический инвариант безличности 11
Власян Г. Р. Проникновение ненормативной лексики в язык повседневного общения ...15
Власян Н. Р. Проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных импликатур 17
Гашков А. В. Повышение точности определения морфологических признаков неизвестных слов методом аналогий с помощью нечётких множеств 20
Гушкова Л. В. Особенности употребления эмоциональной частицы *что за* в текстах Н. В. Гоголя 23
Елистратов А. А. Ремотивантные декомпозиты в английском молодежном сленге 27
Кожухова И. В. Самоупреки в английском языке: форма и функционирование 30
Кочнева Ю. Е. Числовая аллюзия в заголовках мультипликационных фильмов Уолта Диснея 34
Леонова М. Семантика и функция имен в романе Андрея Белого «Петербург» 37
Mark Turner Language, gesture, bodily stance: grammar as a multimodal system 40
Москальчук Г. Г. Актуальные вопросы формообразования текста 47
Мусинова Н. Е. Постакмеизм и творчество Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, И. Бродского ...50
Образцова Е. М. Когнитивный аспект взаимодействия предложения и текста с позиций теории семантико-когнитивного синтаксиса 54
Подъяпольская О. Ю. Использование парадокса для выражения социальной критики в рассказе немецкого писателя Г. Кунерта «Центральный вокзал» 64

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
А. Ю. Шатин – *главный редактор*
А. В. Мельников – *зам. главного редактора*
Л. А. Шкатова – *главный редактор научного направления*
Е. Н. Азначеева, Н. В. Александрова, С. А. Питина, Н. Б. Попова, Н. Б. Приходкина, И. А. Фатеева, Д. В. Харитонов

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в
Тел.: (351)799-71-34

Редактор *О. Ю. Редькина*
Компьютерная верстка *А. А. Селютина*

Подписано в печать 06.05.14.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,1. Уч.-изд. л. 28,7.
Тираж 500 экз. Заказ 35.
Цена свободная

Издательство
Челябинского государственного университета
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательства ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Св-во ПИ № ФС77-54546.
Индекс 81226 в Объединённом каталоге «Пресса России»

Савченко А. А. Идиостилевая специфика фразеосемантического поля «Радость» в прозе В. В. Набокова 68
Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» 72
Сомова М. В. Безличные конструкции как изобразительно-выразительное средство языка и речи 75
Чиршева Г. Н. Специфика присвоения рода английским существительным в русском предложении 78
Холманских Ю. С. Актуализация знака с семантикой отрицания в философско-художественном тексте (на материале стихотворения Т. Ганна «Annihilation of Nothing») 84

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНИСТИКИ

Sobieszewska M. Réflexions sur le discours juridique dans la perspective pragma- et sociolinguistique 88
Бобнев Б. А. Семантическое пространство многозначного имени существительного в итальянском языке 91
Гарбуйо И. Фитометафоры в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты 96
Гейм Е. А. Социокультурный аспект флорентийского диалекта в средневековой Италии 100
Зубчинский И. В. Некоторые способы словообразования футбольной лексики в итальянском и испанском языках 104
Копачева А. Р. Особенности актуализации языковой личности Поля Верлена на материале анализа его поэтических цветообозначений 107
Косович О. В. Нелогичность/ логичность концепций инноваций/ неологизмов: новое/ старое 111
Мерзликина О. В. Структурно-семантическая характеристика испанского молодежного жаргона 113
Попова Н. Б. Дискурсивные практики иронии в творчестве Франсуа Мари де Вольтера 118
Синеева Т. А. Манипулятивные приемы предвыборной агитации во французском медийном дискурсе 122
Толчеева К. В. «Все в заговоре!», или Об адресатности реплики апарте в драматургии Бомарше 125

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Абдуллина Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект 129
Быкова Т. В. Художественные особенности использования юмора в «гуцульском» тексте начала XX века (на примере анализа новелл Игната Хоткевича и Ануфрия Манчука) 133
Войтещук И. В. Особенности речевой объективации концепта «вода» (на материале немецкого и русского языков) 139
Глушкова Н. М. Особенности реализации лингвокультурного типажа «друг» 144
Голованов И. А. Фольклорный текст как многоуровневая структура 148
Горицкая Ю. В. Методологические основы изучения категории *вторичная языковая личность* 152
Григорьева Т. В. Метафорическая бинарная оппозиция как способ языковой интерпретации действительности 155
Добрикова К. А. Культурологическая реализация моделей толерантности (на материале английского языка) 158
Жаркова У. А. Профессиональная языковая личность художника (на материале интервью современных немецких художников) 161

Коваль И. И. Фразеологизмы, репрезентирующие концепт SCHÖNHEIT в немецкой лингвокультуре 165
Кузнецова Н. Ю. Типичные лингвокультурные концепты в немецких и русских волшебных сказках 169
Ланская О. В. Концепт «сад» как отражение инопространства в творчестве Ю. П. Кузнецова (на материале поэмы «Красный сад») 172
Лобанова Л. П. Методика изучения языковой картины мира Л. Вайсгербера 176
Монгилева Н. В. Национальная и этническая картины мира в произведении Ф. Гэн «Киффе-киффе завтра» 180
Постникова Е. В. Создание фрагментарного речевого портрета политика-публициста на материале заголовков СМИ 187
Румянцева М. В. К проблеме отображения объективной реальности в языковой образности 190
Сироткина Т. А. Репрезентация «другого» в художественной картине мира 196
Табакова З. П. Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ 198
Трифонов Р. А. Слово КОРПОРАТИВ как объект метаязыковых комментариев в современных восточнославянских языках 207
Туманова А. Б. Художественный дискурс писателя-билингва как результат взаимовлияния культур 211
Хисамова Г. Г. Языковая личность персонажа в художественном тексте 214
Церцвадзе М. Г. Концепт «родина» в разносистемных языках 217
Южакова Ю. А. Явление тождества в русском языке 220
Ермакова В. А. «Другой» как необходимое условие семиотизации личности (на материале русских и английских паремий) 224

Summary 230

Сведения об авторах 239

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 6–11.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е. Н. Басовская

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ КАК ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МЕДИАТЕКСТА

Рассматривается информационный шум в медиатексте. На материале журнала «Русский репортер» 2013 г. автором показаны два типа информационного шума – «количественный» и «качественный». Высказано предположение о том, что «шумовой эффект» может намеренно использоваться журналистом как средство воздействия на сознание читателя и формирования картины мира, исключающей точное знание и четкость нравственных позиций.

Ключевые слова: *медиатекст, информационный шум, речевое воздействие, «Русский репортер».*

В начале XXI в. в отечественной гуманитаристике отмечается вспышка интереса к медиатексту как лингвистическому и – шире – культурному феномену. Медиатекст рассматривается специалистами как «дискретная единица потока массовой информации» [5. С. 355], сочетающая в себе вербальный, визуальный, аудиальный, мультимедийный планы [4. С. 2012].

Внимание лингвистов традиционно привлекает воздействующий потенциал медиатекста. Наряду с предметно-логической в нем выделяется особая прагматическая информация, причем вектор влияния опубликованного в СМИ произведения чаще бывает направлен не от передачи факта к порождению эмоции, а, напротив, от внушения к убеждению [13. С. 63–67].

Приемы воздействия медиатекста на адресата описаны достаточно подробно. Их базу составляют техники классической риторики [10. С. 36–37], в том числе манипулятивные [3. С. 19–20 ; 2. С. 84–88], дополненные аудио- и видеоэффектами и подкрепленные дополнительными возможностями, которые предоставляет автору сетевая интертекстуальность. В литературе нашли отражение такие свойства современного медиатекста, как нарастающая диалогичность и повышение статуса реципиента [14. С. 14 ; 8. С. 36], экспансия разговорности, усиление вербальной агрессии [6. С. 69–70], активизация прецедентных феноменов и ряд других.

При этом очевидно недостаточной представляется сосредоточенность специалистов на информационном шуме как особом воздействующем компоненте медиатекста. Характерно, что словосочетание «информационный шум» активно используется журналистами-практиками, будучи явно недоосмысленным в специальной литературе, посвященной медиатексту. Так, опытный журналист и специалист в области PR-технологий Н. В. Явдолюк, анализируя современную медиасреду, говорит о «многослойном» информационном шуме, в котором «могут затеряться основные цели и задачи» [15. С. 1].

Информационный шум представляет собой, по точному замечанию А. В. Кузнецовой, «элементы формальной организации текста, препятствующие восприятию информации – искажающие ее или делающие невозможной ее рецепцию» [7. С. 9]. Если технические шумы, связанные с качеством канала передачи информации, находятся вне зоны филологического анализа, то собственно текстовые шумы, безусловно, порождаются факторами лингво-прагматическими, такими как уровень речевой компетенции автора и его коммуникативные установки. С этой точки зрения интересно рассмотреть виды текстовых информационных шумов, а также задаться вопросом о том, всегда ли они имеют стихийный характер и не используются иногда в публицистическом дискурсе как одно из средств воздействия на сознание читателя.

Для понимания самого явления информационного шума безусловно важным оказывается наблюдение И. А. Стернина, указывающего, что новейший публицистический дискурс обладает различными формами свободы, с том числе – свободой концептуальной [12. С. 99]. Это утверждение допускает различные вариан-

ты интерпретаций, среди которых может быть и такая: современные российские журналисты нередко оперируют словами, обозначающими понятия, которые толкуются как самими авторами, так и аудиторией с известной долей приблизительности.

Непосредственно об информационном шуме речь идет в работе И. М. Дзялошинского и М. А. Пильгун. Исследователи обозначают этим термином процесс дробления информации в СМИ и справедливо подчеркивают, что «шум» может возникать как результат следующих авторских стратегий:

− приведения многочисленных не совпадающих мнений;

− сопровождения фактов сложными теоретическими комментариями;

− быстрого обновления информации [2. С. 102].

Нарисованная авторами картина должна быть существенно дополнена. Назрел вопрос о соотнесении понятия «информационный шум» с такими проблемами, как отбор и вербализация информации в публицистическом дискурсе.

Проведенное исследование показало, что возникновение информационного шума определяется количественными и качественными параметрами медиатекста. Далее используются рабочие обозначения «количественный шум» (избыточная информация, не опирающаяся на исходные данные, которые имеются у большинства реципиентов) и «качественный шум» (сведения, форма подачи которых затрудняет их восприятие).

Шум, определяемый количеством информации

Первое явление характерно для постоянной рубрики журнала «Русский репортер» – «Мир в заголовках». Здесь публикуются короткие выдержки из российских и зарубежных изданий, рисующие пеструю информационную картину современного мира. Установка редакции на принципиальное совмещение сообщений о событиях разного масштаба, как незначительных, так и серьезных, в целом понятна и не вызывает возражений. Интерес рядового читателя действительно может вызвать не только важное изменение политической или экономической ситуации, но и мелкий факт, особенно пугающий или, напротив, забавный.

Тем не менее некоторые публикации рубрики обладают специфическими свойствами, превращающими их в мощный источник информационного шума. Рассмотрим следующие примеры:

1. «Донецк. Сегодня. Под Донецком упал пассажирский самолет Ан-24, на борту которого было 52 человека. Они летели из Одессы в Донецк на футбольный матч «Шахтер» – «Боруссия». (Русский репортер. 2013. 21–28 февр. С. 21 (далее – РР).

2. «Тель-Авив. Министерство окружающей среды Израиля отказалось от проекта смешения вод Красного и Мертвого морей. Чиновники и ученые уверены, что это нанесет серьезный вред последнему» (РР. 2013. 21–28 февр. С. 21).

3. «Аделаида. The Advertiser. В Аделаиде огуречное поле пострадало от рук вандалов. Неизвестные уничтожили 700 саженцев огурцов. Ущерб составляет около $ 7000» (РР. 2013. 21–28 февр. С. 21).

4. «Сингапур. The Straits Times. В Сингапуре в 10 раз возросло количество фиктивных браков, несмотря на то что в прошлом году был принят закон, вводящий за это уголовную ответственность» (РР. 2013. 4–11 апр. С. 18).

5. «Маклин. USA Today. 34-летнего жителя Миссури Сидни Левина во время сдачи теста на наркотики застукали за использованием специального устройства Whizzinator. Оно представляет собой искусственный пенис с емкостью для синтетической «медицинской» мочи» (РР. 2013. 4–11 апр. С. 18).

6. «Виндхук. The Daily Star. В Виндхуке арестовали таксиста, который пришел в полицейский участок жаловаться на то, что в его авто врезалась машина полиции. Получив отказ, он сфотографировал офицера и тут же оказался за решеткой» (РР. 2013. 4–11 апр. С. 18).

7. «Аделаида. The Advertiser. Синдром “противного родителя” может объяснить, почему Австралия не так хорошо играет в футбол. Раздраженные, кричащие родители, болеющие за своих отпрысков, вынуждают расстроенных детей менять футбол на плавание и другие виды спорта» (РР. 2013. 11–18 апр. С. 21).

Каждый из приведенных мини-текстов вызывает определенные вопросы. Так, в примере № 1 говорится об авиакатастрофе, называется количество пассажиров, бывших на борту, но не сообщается число погибших и пострадавших. Трудно представить себе читателя, которому было бы совершенно все равно, остались живы или погибли люди, находившиеся в самолете в момент аварии.

В примере № 2 информация подана таким образом, будто проект смешения вод Красно-

го и Мертвого морей широко известен российским читателям. В действительности же никому, кроме узкого круга специалистов, не известно, когда такой проект появился, в чем его суть и почему его осуществление нанесло бы вред Мертвому морю.

Заметка № 3 вызывает еще более глубокое недоумение: совершенно непонятно, кто такие огуречные вандалы, почему они напали именно на данную сельскохозяйственную культуру и, главное, был ли это отдельный странный случай или событие, отражающее некую тенденцию австралийской общественной жизни.

Кроме того, следует заметить, что само использование слова «вандалы», когда речь идет о людях, уничтоживших урожай огурцов, является формально корректным (вандализм – «беспощадное разрушение памятников культуры и искусства, бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей» [1]), но порождает комический эффект: в первую очередь понятие вандализма ассоциируется с деструктивным поведением в отношении произведений духовной культуры, но никак не овощей.

В примере № 4 допущена распространенная логическая ошибка – информация подана без основания для сравнения. Сообщено, что число фиктивных браков выросло в 10 раз, но не указано, что является точкой отсчета (в 10 раз с какого времени или по сравнению с чем). Помимо этого, читатель не имеет возможности даже предположить, какова причина стремительного роста фиктивных браков среди жителей Сингапура.

Фрагмент № 4, несомненно, привлек внимание авторов рубрики скандальным характером сообщения. Считается, что публике интересно все связанное с «материально-телесным низом». Но если даже принять такое предположение в качестве аксиомы, любознательный читатель все равно испытает информационные перегрузки. Из заметки не становится ясно, как именно Сидни Левина использовал устройство Whizzinator. Остается только предположить, что он применял его для занятий онанизмом. В таком случае лишней оказывается информация о том, что устройство содержит емкость для синтетической «медицинской» мочи. Более того, непонятно, зачем нужна синтетическая моча в устройстве, применяемом для тестирования на наркотики, то есть, видимо, для приема натуральной мочи. Из-за обилия неясностей грубовато-забавная публикация становится трудной для восприятия и быстро утомляет читателя, склонного вникать в содержание журнальных сообщений.

Пример № 6 заставляет задуматься о том, действительно ли автомобиль таксиста пострадал от полицейской машины, а также о том, по какой причине водитель оказался за решеткой: означает ли это, что в Намибии запрещено фотографировать сотрудников полиции.

Наконец, заметка № 7 порождает такие вопросы: существует ли такое научно установленное явление, как синдром «противного родителя», и почему именно австралийские отцы и матери столь несдержанно ведут себя на футбольных матчах с участием их детей, будучи при этом значительно более уравновешенными, например, на соревнованиях по плаванию.

Понятно, что во всех рассмотренных случаях журналисты «Русского репортера» не являются авторами сообщений и не несут ответственности за их качество. Но решение о републикации принимает именно редакция центрального российского еженедельника. Рубрика ярко демонстрирует такое свойство современного русскоязычного медиатекста, как парадоксальная одновременная недо- и перенасыщенность информацией. Аудитории предлагается быстро воспринимать большое количество разнородных фактов, для понимания которых недостает существенных деталей. Более того, даже при адекватной интерпретации такие сведения в ряде случаев не вписываются в картину мира реципиента и дают мощнейший «шумовой» эффект, отвлекая от анализа релевантной информации.

Шум, определяемый качеством информации

«Русский репортер» дает немало примеров другого рода – когда шум возникает из-за избранной журналистом или редакцией формы подачи материала. Проанализируем с этой точки зрения несколько заголовков и заголовочных комплексов в соотнесении с содержанием публикаций.

1. «ПЛОХОЙ НЕМЕЦ. **Почему деньги Михаила Прохорова не помогают российским биатлонистам.** Чемпионат мира по биатлону оказался удачным только для одного российского спортсмена – Антона Шипулина, который увез из чешского Нове-Место серебро и бронзу. Остальные члены сборной остались без наград. «РР» попытался разобраться, почему российская команда провалила третье под-

ряд мировое первенство» (А. Владимирова) (РР. 2013. 21–28 февр. С. 70).

2. «ПРОДАЖНОЕ ИСКУССТВО. В московском Манеже проходит выставка «Все на продажу!», посвященная истории русской вывески» (РР. 2013. 21–28 февр. С. 84).

3. «ГИРОСКОП ВЛАСТИ». Статья о том, что российские власти, видимо, не станут упразднять «Единую Россию», которая, возможно, «вместе с ОНФ и составит традиционную для развитых демократий “машину политической ротации” с право-левым вращением, придающую гироскопическую устойчивость политическим системам» (М. Рогожников) (РР. 2013. 11–18 апр. С. 10).

4. «НЕКРЕАТИВНЫЙ ПЕЛЕВИН. **Зачем главный русский писатель чижика съел**. Вышел нетерпеливо и скандально ожидавшийся новый роман Виктора Пелевина “Бэтман Аполло”. Но ни “карго-интеллигенции”, ни “кровавой гэбне” обижаться, увы, не на что. Тема протестов 2011–2012 гг. не раскрыта, и даже неприличных шуток мало. Может, это и есть та самая Пустота?» (К. Мильчин) (РР. 2013. 4–11 апр. С. 37).

5. «УДМУРТСКАЯ ПОРЧА. **Как врачи борются против клятвы Гиппократа.** 2 апреля 11 участковых педиатров города Ижевска объявили итальянскую забастовку. Вот уже вторую неделю они работают строго по закону. И сразу выяснилось, что система здравоохранения держится исключительно на энтузиазме врачей, а неукоснительное соблюдение правил тут же ставит ее под удар. Администрация обвиняет забастовщиков в нарушении клятвы Гиппократа и нежелании работать. “Мы хотим лечить детей хорошо, а не много”, – отвечают участковые. Кто победит?» (О. Андреева) (РР. 2013. 11–18 апр. С. 30).

6. «ПРОНИКНОВЕНИЕ НАШИХ ИНТЕРНЕТОВ. **Каждый пятый российский пользователь Сети живет в деревне.** Пользователей Интернета в России уже давно больше половины численности населения. Об этом говорится в исследовании ФОМ “Интернет в России. Зима 2012–2013” (А. Торгашев) (РР. 2013. 11–18 апр. С. 54).

В примере № 1 заголовок настраивает читателя на то, что причина неудач российских биатлонистов кроется в действиях некоего «плохого немца». Композиция прозаической строфы такова, что, как ни странно, на роль «плохого немца» претендует русский предприниматель Михаил Прохоров.

Из текста статьи выясняется, что упомянутый в заголовке немец – это старший тренер женской сборной России по биатлону В. **Пихлер**. Его роль в развитии данного вида спорта действительно оценивается автором публикации негативно: Пихлер «с треском провалил» чемпионат 2012 г. и оскорбительно высказался в адрес тренера белорусской команды. Прохоров же обвиняется в том, что был в числе инициаторов приглашения Пихлера.

Несмотря на то, что отраженное в заголовке отрицательное отношение к тренеру биатлонисток соответствует тональности текста, название статьи вряд ли можно признать вполне адекватным. Крайне неполиткорректное подчеркивание национальности персонажа и синтаксическая неаккуратность, заставляющая читателя в начале чтения искать немецкие корни у Михаила Прохорова, – все это источники информационного шума, который затрудняет восприятие даже столь несложной по содержанию статьи.

В заметке № 2 журналист, безусловно, претендует на языковую игру: он намеренно называет вывеску, призванную увеличить объем продаж, «продажным искусством», актуализируя третье значение прилагательного: «такой… который ради денег, выгоды готов на бесчестные поступки» [1]. Несложный и не очень оригинальный каламбур не дает существенного экспрессивного эффекта, но создает негативный фон, неуместный на информационной страничке журнала (рубрика «7 событий»). В данном случае можно говорить о такой разновидности информационного шума, как шум эмоциональный.

Пример № 3 – один из типичнейших видов порождения информационного шума: стремясь высказаться небанально и ярко, журналист создает сложную метафору, расшифровка которой требует от читателя узкоспециальных знаний. По данным толкового словаря, гироскоп представляет собой «свободно подвешенное, быстро вращающееся тело (волчок), ось вращения которого может изменять свое положение в пространстве, но благодаря быстрому вращению сохраняет неизменное направление при любых изменениях положения подвеса» [1]. Созданный автором материала образ вполне корректен, но чрезвычайно сложен для восприятия тех читателей, которым никогда не приходилось видеть работающий гироскоп.

Фрагмент № 4 содержит инвективу «некреативный» в адрес популярного писателя В. Пелевина, но это само по себе не создает

информационного шума, будучи выражением резкой, но аргументированной позиции журналиста. Шумовой эффект порождается реминисценцией «чижика съел», отсылающей к сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве». Обращенная к Медведю фраза Вороны: «Вот так скотина! добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!» [9. С. 473] – традиционно ассоциируется с мелкими жестокостями власти, способными дискредитировать ее, но не навести порядок в стране. Если даже предположить, что материал о современной прозе читает та часть аудитории, которая легко выявит в тексте аллюзию на произведение Салтыкова-Щедрина, аналогия с неудачным, с точки зрения литературного критика, романом В. Пелевина представляется в данном случае более чем сомнительной.

В примере № 5 информационный шум оказывается многослойным и потом особенно мощным. Во-первых, само название статьи, формально мотивированное упомянутой в тексте угрозой главврача «навести порчу» на бунтующих подчиненных, искажает журналистский замысел. Автор материала в целом сочувствует протестующим медикам, но получается, что их действия он совокупно называет «порчей», то есть вредоносным воздействием на окружающих.

Во-вторых, в подзаголовке говорится о том, что удмуртские врачи «борются против клятвы Гиппократа», хотя это опять же не точка зрения журналиста, а обвинение, выдвинутое против забастовщиков администрацией. В действительности же педиатры Ижевска выступают как раз за честное исполнение клятвы Гиппократа, требующей всегда поступать исключительно в интересах больного. Главным источником информационного шума становится противоречие между содержанием и формой статьи, позицией журналиста и избранными им стилистическими средствами.

Наконец, небольшая заметка № 6, несущая четкую и доступно представленную информацию, становится тем не менее источником шума из-за необоснованного выбора грамматической формы слова «Интернет». Данное существительное не имеет множественного числа, что определяется его семантикой. Содержание помещенной в «Русском репортере» заметки не объясняет произведенной журналистом странной грамматической трансформации, способной отвлечь часть аудитории от существа сообщаемых фактов.

Подводя итоги, следует вернуться к вопросу о том, представляют ли собой приведенные примеры информационного шума исключительно результат журналистской и редакторской небрежности, или – по крайней мере в отдельных ситуациях – служат решению имплицитных задач медиатекста. Не имея пока достаточных оснований для однозначного ответа на этот вопрос, позволим себе предположить, что информационный шум непреднамерен в каждом конкретном случае, но закономерен и функционален в современном российском медиатексте в целом. Его порождение автором и неустранение редактором отражают некоторые фундаментальные установки сегодняшних отечественных СМИ.

Это в первую очередь тотальная ирония, интерпретация чуть ли не любого события как казуса и курьеза. Кроме того, это характерный для либеральной прессы принципиальный отказ от отчетливой расстановки акцентов, выявления «верных» и «неверных» позиций. Стремление не давить на читателя, не навязывать ему никакой точки зрения легко переходит в намерение запутать его, сбить с толку, убедить только в одном – в полной невозможности сориентироваться в мире, полном противоречий.

Воздействующий потенциал информационного шума требует дальнейшего изучения. Исследования такого рода должны существенно уточнить представление путях влияния СМИ на общественное сознание, а также о приемах защиты реципиента от словесных манипуляций.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова // URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts.

2. Дзялошинский, И. М. Пропаганда в системе гражданской коммуникации: век минувший и день сегодняшний // Системные изменения в массовых коммуникациях и Медиатекст : сб. науч. ст. М., 2011. С. 4–46.

3. Дзялошинский, И. М. Медиатекст: особенности создания и функционирования / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. М., 2011. 377 с.

4. Казак, М. Ю. Интертекстуальные модели медиатекстов [Электронный ресурс] // URL: http://www.webkursovik.ru/kartgotrab.asp?id=-89332.

5. Киселев, А. Г. Теория и практика массовой информации: подготовка и создание медиатекста. СПб., 2011. 400 с.

6. Коньков, В. И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития / В. И. Коньков, А. Н. Потсар, С. И. Сметанина // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналитич. материалов. СПб., 2004. С. 67–81.

7. Кузнецова, А. В. Проблемы информации и энтропии в медиатексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012. 25 с.

8. Павлушкина, Н. В. Журналистский и читательский дискурсы как результат медиатворчества // Медиатекст как предмет исследования. СПб., 2012. С. 32–36.

9. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. М., 1975. 607 с.

10. Рождественский, Ю. В. Сферы риторической эффективности // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. С. 36–37.

11. Русский репортер : еженед. журнал. 2013.

12. Стернин, И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XI в.: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 91–108.

13. Трошина, Н. Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990. С. 62–69.

14. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009. 296 с.

15. Явдолюк, Н. В. Информационный шум // Советник. 2011. № 6. С. 1.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 11–14.

О. А. Березина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ БЕЗЛИЧНОСТИ

Предпринимается попытка обосновать семантический инвариант безличности, которым является наблюдаемое событие, в дополнение к традиционным исследованиям категориальной семантики безличности, которые отталкиваются главным образом от субъектных характеристик либо предикатных признаков безличного предложения. При подобных подходах возникает некий «перекос» в сторону одного из фокусов предикативного ядра предложения, что приводит к игнорированию семантики структуры в целом.

Ключевые слова: *категориальная семантика; инвариант; безличность; событие; индекс; процесс; состояние*.

Взглядов на инвариантную семантику безличности существует огромное множество. Лингвисты отмечают такие определяющие семантические параметры безличных предложений: деятельность без деятел, или деятельность, оторванная от своего деятеля (А. М. Пешковский), то есть устраненность из смысла высказывания представления об активно действующем субъекте (И. В. Недялков, М. В. Сомова, О. Н. Крот, В. М. Павлов, А. М. Ломов); «чистый» процесс или «чистое» состояние, абстрагированное от условий своей реализации, но не от среды их проявления (Ю. А. Пупынин); объективизация процесса (С. А. Иванов); «глобальное событие» (С. Д. Кацнельсон); непроизвольность действия или состояния, независимость его от воли субъекта (Г. А. Золотова, И. Ю. Свинцова, А. В. Петров, А. В. Супрун, М. В. Сомова, В. В. Бабайцева, Н. С. Валгина) и так далее.

Обратимся к трактовкам категориальной семантики безличных структур. Сразу же привлекает внимание тот факт, что в категориальном плане трактовки расходятся: *деятельность (действие), процесс, состояние, событие*. Также интересны определения к этим общекатегориальным понятиям: *непроизвольный, стихийный, независимый, глобальный, объективированный, «чистый»* – все указывают, по сути, на отвлечение от активной, действенной

воли субъекта, на неучастие агенса в происходящем. К тому же, *деятельность (действие), процесс, состояние* – это категориальные глагольные значения, в то время как *событие* – это понятие более высокого уровня абстракции, которое может быть репрезентировано на уровне категориальной семантики глагола любым из ее вариантов, а также может быть объективировано номинализацией глагола в любом из категориальных значений.

Вернемся к различным толкованиям общей категориальной семантики безличности. Итак, в каноническом определении А. М. Пешковского «деятельность без деятеля, либо оторванная от своего деятеля» определяющим конституентом дефиниции является понятие *деятельность* (*действие*). Общее определение понятия *деятельность* в психологии звучит следующим образом: активное взаимодействие живого существа с окружающим миром, в ходе которого оно целенаправленно воздействует на объекты и за счет этого удовлетворяет свои потребности. Среди компонентов деятельности выделяют мотивы, побуждающие субъект к деятельности; цели как прогнозируемые результаты этой деятельности; операциональные средства, с помощью которых деятельность реализуется[1]. Таким образом, имманентными составляющими понятия *деятельность* являются субъект, объект, мотивы, цели, средства. Соответственно, деятельность ни в коем случае не может происходить без деятеля, обладать свойством инволютивности, непроизвольности или стихийности. Следовательно, применить данное понятие в описании семантики безличных структур не представляется возможным.

В некоторых определениях безличной семантики находим общий категориальный признак *процесс*. Обратимся к трактовке этого понятия и к его общим признакам. Несмотря на кажущееся многообразие значений термина *процесс*, все они происходят от латинского *processus*, означающего продвижение вперед, и от основной коннотации – ряд шагов или продвижение к некоторой цели. В философии *ПРОЦЕСС* – это «последовательность состояний естественных и искусственных систем, связность стадий их изменения и развития, течение человеческой совокупной деятельности, порождающее различные – ожидаемые и непредсказуемые результаты. Понятие *процесс* акцентирует момент направленности в изменении объектов и момент временности их бытия. В описаниях человеческой деятельности понятие «процесс» подчеркивает подчиненность пространственной распределенности или организованности человеческой совокупной деятельности ее временному развертыванию, ее ориентированности на достижение целей и результатов. В плане общих характеристик бытия это понятие конкретизируется через понятия движения, изменения, становления, развития, воспроизводства, вместе с ними служит описаниям бытия как длительности, рассмотрению динамики его форм и их взаимосвязей»[2]. В более общем плане *процесс* определяют двояко: «1. Последовательная смена явлений, состояний, изменений в развитии чего-либо. 2. Совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных результатов»[3]. Таким образом, фундаментальными характеристиками *процесса* можно назвать: последовательность (динамика), и результативность (целенаправленность). Как можно видеть из приведенных определений, активная воля субстанции (системы), вовлеченной в процесс, не является необходимой составляющей последнего, однако некая субстанция (в широком смысле) необходима, ибо процесс как движение/ изменение/ развитие имеет место только при наличии некоего субстанционального субстрата, который и претерпевает данные динамические изменения. Следовательно, мы не можем говорить о «чистом» процессе, оторванном от субстанции, однако процесс может быть инволютивным, иметь неагенсивный характер, и в этом смысле понятие *процесс* может характеризовать категориальную семантику глагола, но не определяет сущности безличности.

Наряду с понятием *процесс* мы также видим определение семантики безличности через понятие *состояние*. В философии «*СОСТОЯНИЕ* системы – существующее положение вещей и отношений между ними; понятие достаточно интересное, так как близко к первичным, то есть его трудно выразить через другие более простые понятия; в теории познания в качестве моделей рассматриваются как возможные, так и невозможные состояния вещей (систем), что является ее методом; в реальности бывают только реализованные состояния, то есть те состояния, которые уже существуют»[4].

Как мы видим, для определения *состояния* ключевое значение имеют понятия свойства (сущность) и отношение, которые также имманентно предполагают наличие некоторой суб-

станции – носителя свойств или участников отношения. Таким образом, «чистое» состояние так же, как и «чистый» процесс, представляется невозможным. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет не об одноименных категориальных глагольных значениях – они являются функциональными характеристиками непосредственно глагольной семантики – речь идет об общей инвариантной безличной семантике, которая представляет собой актуализацию ментальной репрезентации образов окружающей действительности в плане значений языковых единиц.

Понятие *СОБЫТИЕ*, также привлекаемое в дефинициях безличной семантики, находится, как уже было сказано, на более высоком уровне абстракции – в сравнении с понятиями *деятельность, процесс, состояние*. Толкования этого термина многочисленны; общее определение приводится такое: «Случай, явление, часть действительности, что-то, что происходит, что имеет начало и конец и может быть определено в терминах изменения»[1]. Данное определение отражает событийность повседневного опыта. В частнонаучных парадигмах также (в терминологизированном виде) используется понятие *событие*, однако в определении термина на первый план выдвигаются отдельные конституенты его общей семантики.

Так, в физике под *событием* понимают пространственно-временной контакт двух объектов – носителей двух соразмерных свойств одной природы. Событие познается в величине и размерности при помощи единой для обоих объектов ***системы познания (отсчета)***, с едиными началами отсчета и эталонами координаты, времени и общепринятым для этих объектов эталоном взаимодействующего свойства[5]. Здесь на первый план выходят пространственно-временные параметры. Толкование термина *событие* в юриспруденции примечательно тем, что в нем очень четко определено место субъекта в событии: «явление, не зависящее от воли человека (стихийное бедствие, истечение сроков, рождение, смерть и так далее), с наступлением которого нормы права связывают наступление юридических последствий (возникновение, изменение и прекращение правоотношений)»[6]. Когда речь идет о неволевом характере *события*, имеется ввиду не причина, вызвавшая его, а процесс воздействия *события* на конкретные отношения[7]. Неагентивный, недеятельный характер субъекта в данном определении налицо.

Как бы ни трактовалось *событие* в частнонаучных парадигмах, для лингвистической семантики наибольшую ценность представляют «наивные» толкования, ибо они отражают «маршруты» человеческой когнитивной деятельности. Например, в словаре В. Даля находим такое определение: «событность *кого с кем*, *чего с чем*, пребывание в месте и в одно время; событность происшествий, совместность, по времени, современность. Событные происшествия, современные, в одно время случившиеся; происшествие, что сбылось, см. сбывать. *Это событчик мой, бывший где-либо со мною вместе, в одно время, сосвидетель*». Как это ни парадоксально, некоторые философские концепции толкуют *событие* аналогичным образом: «Событие – сосуществование; по Хайдеггеру, бытие совместно с другими; поскольку все существует в мире (Бытие-в-мире), мир – всегда тот мир, который я разделяю с другими. Мир существования есть со-мир»[8]. Также в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера *событие* трактуется как экзистенциал: «Событие уже есть (*il y a, es gibt*). Событие – длительность, “чистое явление, не соотносимое ни с каким деятелем”, то, что М. Хайдеггер пытается определить как событие, можно отнести к длительности вне времени и пространства, длительности, в которой бытие становится тем, что есть. Событие предшествует, предваряет, открывает возможности бытия для всего того, что может произойти, случиться, стать. Событие (Ereignis) «особляет» все, что приобретает бытийственное значение, дарует всему являющемуся его собственную сущность, неповторимую и единственную: явление событийно в том смысле, в каком оно принадлежит самому себе»[9].

Таким образом, имманентными признаками события являются: пространственно-временной контакт (совместное бытие, или со-бытие), независимость от воли субъекта (отсутствие активного каузатора). Данные характеристики, как можно видеть в многочисленных определениях, также выявляются в семантике безличности. Необходимо заметить, что событийность как категориальный признак безличной семантики отмечалась лингвистами (ср. «глобальное событие» у С. Д. Кацнельсона, недискретное событие у М. В. Захаровой, событие как безактантный вариант предикационной структуры у И. П. Сусова), однако не получила исчерпывающего толкования по причине того, что в данных исследованиях не ставилось задачей

изучение безличности как языкового явления.

Таким образом, все вышеперечисленные определения инвариантной семантики безличности можно свести к единому формату – СОБЫТИЙНОСТИ. Однако, в отличие от философии, которая выделяет события наблюдаемые и ненаблюдаемые, в глубинной семантике языковых форм с обязательностью присутствует человек, поскольку язык – неотъемлемая составляющая, а точнее – функция вида homo sapiens. Следовательно, событие в лингвистическом аспекте всегда предполагает человека-наблюдателя, хотя в определенных случаях и абстрактного. Только наблюдаемое событие материализуется в языковых, точнее – речевых – формах.

Как видно из определений понятия *события*, для последнего крайне важными являются также индексы места и времени: событие всегда одновременно периоду наблюдения, а также одно-пространственно местонахождению наблюдателя, из чего можно сделать вывод о том, что описываемое языковыми формами событие происходит в «зоне восприятия» наблюдателя, границей которой является предел зон видимости, слышимости, распространения запахов и так далее («зона восприятия» при вкусовом и тактильном модусах имеет свою специфику, так как не выходит за пространственные границы, очерченные собственно телом перцептора). Поскольку информация, поступающая через органы чувств, для человека является абсолютной истиной (ср. *Не поверю, пока не увижу собственными глазами*), она также может быть представлена как объективная и, соответственно, в большинстве случаев доступная верификации. Видимо, именно это качество послужило основой определения безличности В. И. Классовского, который полагал, что безличные предложения как форма актуализации категории безличности на языковом уровне – это «целое отражение целой системы космологического **объективизма**, то есть воззрений, по которым человек представляет себя то участником в роковых процессах, в нем и вне его совершающихся, то **наблюдателем** их. Мысля и говоря, он выражается здесь посредством нерешительных *мне кажется, слышится, думается, хочется, можно, грустно, весело, любо* и т. п.…»[10]. Как мы видим, все многочисленные признаки безличности, справедливо выделяемые лингвистами и философами, исследовавшими данный феномен в языке, не синтезировались в едином фундаментальном свойстве категориальной семантики безличных структур – семантическом инварианте – который может быть определен как **наблюдаемая событийность**.

Примечания

[1] См.: Кондаков, И. М. Психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://psychology.academic.ru/554. 2000.

[2] См.: Кемеров, В. Е. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/protzess/280557.

[3] См.: Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/sotziologicheskiij-slovar/protzess/43776.

[4] См.: Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/sostojanie/269745.

[5] См.: Брылев, Н. Философия относительности или глобальные зависимости естествознания [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbrilev.ru/chto_est_inertia.htm.

[6] См.: Экономический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/jekonomicheskiij-slovar/sobjytie/288630.

[7] См.: Юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/juridicheskiij-slovar/sobjytie/379576.

[8] См.: Heidegger, M. Sein und Zeit [Электронный ресурс]. URL: http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/sobjytie/269915.

[9] См.: Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1112.

[10] См.: Классовский, В. И. Логико-грамматический вопрос о подлежащем // Нерешенные вопросы в грамматике. СПб. ; М., 1870. С. 1–44.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 15–17.

Г. Р. Власян

ПРОНИКНОВЕНИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫК ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ

Рассматривается явление экспансии ненормативной лексики в язык повседневного общения как одно из последствий смены коммуникативной парадигмы в обществе.

Ключевые слова: *ненормативная лексика, этнокультурная специфика, разговорность, языковая норма, перераспределение границ между пластами лексики*.

В последние годы вследствие известных культурно-исторических, политических, экономических и других причин наблюдается широкая экспансия ненормативной лексики в язык повседневного общения, которая представляет серьезную опасность для стабильного литературного языка, так как расшатывает сложившуюся систему литературной нормы.

Под литературной нормой принято понимать закрепленные в общественно-языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств. Норма – основной признак литературного языка как исторически сложившейся формы национального языка, обладающей богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей.

Обязательными свойствами литературной нормы признавались ее устойчивость, стабильность и традиционность.

Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка. Норма консервативна и направлена на сохранение языковых средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное сообщество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка[1].

В настоящее время происходит трансформация представлений о норме, изменение системы функциональных стилей. Современные исследователи пишут о демократизации литературной нормы, сближении ее с разговорной просторечной стихией и профессиональной речью, снятии стилистических ограничений.

Значительно увеличилась в сознании людей степень публично допустимого в разговорной речи, используются слова и выражения, ранее никогда публично не произносившиеся, вплоть до грубой и нецензурной лексики. Общее огрубление речи, широкое распространение мата в разных социальных группах населения, расширение сферы функционирования бранной лексики является тревожным сигналом переоценки духовно-нравственных ценностей.

Использование ненормативной лексики обусловлено теми или иными причинами. К ним могут относиться эмоциональное состояние, социальный статус, желание выделиться, а для некоторых людей бранные слова являются неотъемлемой частью лексикона.

Ненормативная лексика, являясь одним из способов выражения речевой агрессии, в последнее время расширяет сферу функционирования и всё чаще выступает как средство оптимизации межличностного взаимодействия в бесконфликтном общении. Сквернословие уже не воспринимается однозначно как негативное коммуникативное явление и в зависимости от контекста даже может быть использовано как одна из стратегий позитивной вежливости.

По мнению Т. В. Лариной, используя сквернословие, коммуниканты преследуют ту же цель, что и при использовании жаргона и диалекта – приблизить собеседника, минимизировать дистанцию, продемонстрировать полное равенство. Так же как диалект, жаргон и сленг, они являются маркером внутригрупповой принадлежности и средством устранения интерперсональной границы[2].

Подобная ситуация наблюдается во многих странах, но в каждой стране она имеет свои особенности. Как известно, сквернословие

имеет свою этнокультурную специфику, которая проявляется при сопоставительном анализе употребляемых бранных слов в различных культурах[3]. Что оскорбительно в одной культуре и влечет резкую реакцию оппонента, вплоть до кровопролития или судебного преследования, может считаться вполне допустимым в другой. Представители различных лингвокультур имеют разную степень толерантности к использованию обсценной лексики и по-разному к ней относятся.

Необходимо отметить, что сфера употребления ненормативной лексики в английской коммуникации, где она воспринимается как допустимая, шире, чем в русской. Многие, так называемые 'swear words' практически утратили свое семантическое значение и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

Использование ненормативной лексики в современной английской коммуникации вполне допустимо в дружеском общении и порой не зависит от уровня образования, социального положения, возраста или пола. Такие слова, как *hell*, *bloody hell, bastard, shit* часто употребляются в дружеской обстановке, и даже самое сильное в английском лексиконе слово *fuck,* как и все его производные, не являются более столь шокирующими, как это было еще недавно. Все эти слова можно услышать как с экранов телевизоров, так и в разговорах интеллигентных людей. Это так называемый «дружеский мат», который, как отмечает В. И. Жельвис, при соблюдении соответствующих условий места и времени не является нарушением языковой нормы[4].

'Skinner, what the fuck are you playing at?'

'What in fuck's name do you want, Sam?' [BNC]

Употребляя ненормативную лексику в дружеском контексте, коммуниканты стремятся приблизить собеседника, минимизировать дистанцию, продемонстрировать полное равенство. Эти слова являются маркером внутригрупповой принадлежности, средством устранения межличностной границы и, таким образом, создают эффект «принадлежности к кругу своих».

По мнению И. А. Стернина, сквернословие является важным средством создания экспрессивности, что важно для английского языка, в котором практически отсутствуют суффиксальные выразительные средства. «Складывается впечатление, что с их помощью коммуниканты в какой-то степени пытаются компенсировать недостаток этих средств в английском языке»[5].

Следует отметить, что данная тенденция характерна для последних десятилетий.

С. Джонсон, автор книги "English as a Second F*cking Language", заявляет, что в современном английском языке ругательства составляют неотъемлемую часть эффективной коммуникации[6].

Как уже было отмечено, отношение к сквернословию у представителей англосаксонского мира иное, чем у русских. Дело здесь, прежде всего, в том, что английские 'swear words' практически утратили свое первоначальное значение и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, что зафиксировано в английских словарях. Так, например, слово *fucking* переводится как *проклятый, чёртов, хренов* (*переводится словами разной степени экспрессии в зависимости от контекста; использовать как переводные эквиваленты нецензурные слова в общем случае неправильно – степень экспрессии английского fucking заметно ниже*)

Fucking shit! – Дерьмо собачье!

Fucking bastard! – Чёртов ублюдок!

This is none of your fucking business. – Не твоё собачье дело [ABBYY Lingvo, URL].

Наблюдения показывают, что десемантизация данных слов в современной коммуникации достигла еще большей степени, чем это зафиксировано в словарях. Во многих случаях употребления отмеченные слова выражают не только отрицательные эмоции, как отмечают словари, но и положительные.

'So last night was reasonably busy was it?'

'Oh! Fucking good night! A great atmosphere as well.' [BNC]

В русском языке, который, как известно, обладает богатым словарем сквернословия, подобные слова в основном сохранили свое инвективное значение и имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Они воспринимаются как непристойные и недопустимы в вежливом общении, тем более, в присутствии женщин и детей.

Явления, наблюдаемые в последнее время, к сожалению, свидетельствуют о том, что в русской коммуникации все заметнее те же процессы, которые мы наблюдаем в английской. Обсценная лексика все чаще встречается в разных сферах общения, в том числе в речи образованных людей. Л. П. Крысин отмечает ее распространенность в актерской, писатель-

ской, журналистской среде[7]. И если раньше она чаще использовалась мужчинами, то теперь роль гендерного фактора снижается.

Примечания

[1] Крысин, Л. П. Языковая норма: жесткость vs толерантность // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. М., 2003. С. 57.
[2] Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. С. 512.
[3] Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
[4] Жельвис, В. И. Инвектива: объем и дефиниция // Языковое сознание: устоявшееся и спорное : материалы XIV Междунар. симпозиума по психолигвистике и теории коммуникации. М., 2003. С. 90.
[5] Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. Воронеж, 2003. С. 73.
[6] Johnson, S. English as a Second F*cking Language: How to Swear Effectively, Explained in Detail with Numerous Examples Taken From Everyday Life. St. Martin's Press, 1996.
[7] Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 263.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 17–20.

Н. Р. Власян

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ИМПЛИКАТУР

Рассматриваются некоторые аспекты прагматики, такие как теория речевых актов, Принцип Кооперации П. Грайса и его максимы, а также проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных импликатур.

Ключевые слова: *прагматика, конвенциональная импликатура, коммуникативная (конверсационная) импликатура, Принцип Кооперации П. Грайса*.

Слово «прагматика», родственное слову «практика», происходит от греческого pragma «дело». Сам термин «прагматика» был введен одним из основателей семиотики Ч. Моррисом. Семиотика традиционно подразделяется на три отрасли: на семантику – учение об отношении знаков к действительности, синтактику – учение об отношениях между знаками, и прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется языковыми системами[1].

Отправной точкой для любого анализа в рамках прагматики служит мысль о диалогичности любого речевого произведения и невозможности существования монолога в чистом виде. Диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. Даже в тех случаях, когда человек ведет немой внутренний разговор, у него есть собеседник.

Главным условием успешного речевого общения является умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел (намерение, интенцию) говорящего. Попыткой обобщить условия успешного коммуникативного взаимодействия является теория речевых актов (далее – ТРА). Объектом исследований в ТРА является речевой акт (далее – РА). РА в широком понимании – это акт целенаправленного использования языка, погруженного в определенный контекст, который имеет своего агента, адресата и так далее[2].

Для того чтобы цели и задачи диалога были успешно выполнены, чтобы разговор не оборвался и не пошел по незапланированному пути, участники должны следовать правилу коммуникативного сотрудничества (Принци-

пу Кооперации Г. П. Грайса) и их речь должна быть определенным образом скоординирована.

В своей работе Logic and conversation (Логика и речевое общение) Г. П. Грайс впервые сформулировал Принцип Кооперации (Cooperative Principle), который состоит из четырех постулатов, или конверсационных максим[3]. Ниже приведены данные постулаты:

Максима качества (quality):

1. Не говори того, что считаешь ложным.

2. Не говори того, для чего нет достаточных оснований.

Максима количества (quantity):

1. Говори настолько информативно, насколько это требуется (для выполнения текущих целей диалога).

2. Не говори больше, чем требуется.

Максима релевантности (relevance):

1. Будь релевантным.

2. Не отклоняйся от темы, говори по существу.

Максима манеры (manner):

1. Будь последовательным. Избегай неясности.

2. Избегай двусмысленности.

3. Будь краток (избегай излишнего многословия).

4. Излагай свои мысли четко (будь организован).

П. Грайс отмечает, что первые три категории касаются того, что говорится, а четвертая – того, как говорится.

Максимы, являющиеся скорее рекомендациями, нежели правилами, могут быть нарушены, в отличие, например, от грамматических правил, нарушение которых приводит к неверно или плохо выраженному высказыванию.

Совершение речевых актов производится при наличии ряда условий, связывающих говорящего (Г) и слушающего (С). Даже в обычных ситуациях Г стремится передать С в совершаемом РА свое иллокутивное намерение, чтобы побудить С опознать намерение Г, опираясь на знание правил производства высказываний. В нормальной обстановке при соблюдении участниками общения Принципа Кооперации и других прагматических принципов и постулатов в случае буквального, прямого речевого акта слушающему нетрудно опознать намерение говорящего.

Однако существует немало ситуаций, когда говорящий в речевом акте передает не только прямое значение, но и дополнительно нечто иное. В таком случае имплицитное значение предложения будет отличаться от прямого значения. Говорящий может иметь в виду какую-то иную цель. Значение сказанного тогда отличается от значения предложения. Прагматическое значение шире семантического значения; первое включает второе, приглушает или аннигилирует второе. Так происходит при намеках, выпадах, иронии, метафоре и т. п.[4]

Г. П. Грайс рассматривает разницу между значением слова, дословным значением высказывания и непосредственным значением – тем, которое вкладывает говорящий в высказывание. Непосредственное значение, как уже отмечалось выше, нередко выходит за пределы пословного значения. В теории прагматики П. Грайса информация, передаваемая в речевом акте, делится на две части: «что сказано» («what is said») и «что имелось в виду» («what is meant»), именно в этой оппозиции находится импликатура (implicature). Применяя понятие «импликатуры», можно восполнить часть различий между более широким, повседневным понятием «импликации» (implication) и более узким понятием философской семантики «логического следствия» («entailment»)[3].

Имплицитные сведения не являются компонентами собственно смысла выделенного предложения, хотя они и входят в содержание высказывания. Эти компоненты возникают на базе Принципа Кооперации, состоящего в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания.

Имплицитность как лингвистическое явление «принадлежит коммуникативному уровню и обнаруживает себя в скрытом выражении семантики коммуникативных единиц, тесно взаимодействующих с эксплицитно выраженным содержанием»[5].

Импликатуры возникают, согласно П. Грайсу, на основе двух механизмов: первый, по которому импликатуры называют стандартными (standard maxims), требует предположения, что говорящий прилагает все усилия, чтобы следовать Принципу Кооперации, даже если результат может не быть лучшим с точки зрения слушающего. Второй механизм имплицирует преднамеренное пренебрежение максимами (flouting of maxims), которое предназначено, чтобы быть воспринятым слушающим как умышленное, но в то же самое время предполагающее искреннее намерение, то есть без отказа от кооперативного принципа.

Г. П. Грайс выделяет два вида импликатур – конвенциональные (conventional implicature) и коммуникативные, или конверсационные (conversational implicature)[3]. Конвенциональные импликатуры тесно связаны с лингвистическим содержанием высказывания, то есть выводимы из значения, тогда как коммуникативные импликатуры выводятся из ряда общих условий, определяющих соответствующее речевое общение, то есть не зависят от значения слов. Различие конвенциональных и коммуникативных импликатур демонстрируют следующие примеры:

1. Энн отлично водит, ***хотя*** *она девушка.*

(конвенциональная импликатура)

2. Мне предложили белое сукно, ***но*** *я выбрал красное.*

(конвенциональная импликатура)

3. Не могли бы Вы открыть дверь?

(коммуникативная импликатура)

4. – Вы не видели Андрея Викторовича?

– Он ушел пару минут назад.

(коммуникативная импликатура)

В первом и втором примерах значение импликатуры определяется наличием союзов *но* и *хотя*, сигнализирующих о том, что соединяемые в предложении пропозиции как-то противопоставлены. Из этого может быть выведен тот факт, что данные импликатуры являются конвенциональными.

Напротив, в третьем и четвертом примерах слушающий имеет дело с коммуникативными импликатурами, значение которых не выводимо из семантики слов, составляющих предложение, оно «порождается рядом более общих принципов, которые регулируют правильное коммуникативное поведение»[6]. Так, в третьем примере говорящий интересуется вовсе не способностью адресата открыть дверь, а лишь выражает просьбу совершить это действие в виде вопроса. Что касается диалога (пример 4), то мы можем полагать, что говорящего, вероятнее всего, интересует местоположение Андрея Викторовича, а не информация о том, видел ли его адресат.

К числу логических свойств конверсационных импликатур П. Грайс относит: их аннулируемость, выводимость, неотделимость. Аннулируемость означает, что наличие данной импликатуры зависит от контекста, и что в некоторых других контекстах она может «погашаться» без возникновения противоречия. Выводимость, или вычислимость, импликатуры имеет в высшей степени контекстуально обусловленный характер. Импликатуры выводятся дедуктивно шаг за шагом и актуально вычисляются в контексте высказывания. И наконец, импликатура неотделима, если она неразрывно связана со значением высказывания и не порождается просто его формой.

Коммуникативные, или конверсационные, импликатуры связаны с лингвистическим содержанием высказывания только косвенным образом. К ним относятся метафорическая интерпретация, косвенные речевые акты, анафорическая референция, утверждение тавтологий и противоречий.

Коммуникативная импликатура должна быть выводимой, потому что если наличие импликатуры постигается интуитивно, но не может быть логически выведено, то такая импликатура (если она вообще есть) будет считаться конвенциональной, а не коммуникативной. При выводе определенной коммуникативной импликатуры слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации, и что они оба знают или предполагают, что это так[3].

Контекст, или ситуация общения, трактуется теорией речевых актов, прежде всего, как набор подготовительных условий для успешного выполнения и распознавания того или иного РА.

Для дешифровки импликатур (в частности, конверсационных) необходимо знание культурного контекста – экстралингвистический компонент, общие (для коммуникантов) способы передачи и кодирования информации – возможность адекватного декодирования передаваемого сообщения[7].

Любое высказывание так или иначе интерпретируется коммуникантом, причем конечный смысл сказанного в немалой степени зависит именно от этой интерпретации. Готовность адресата сотрудничать со своим собеседником, намерение следовать Принципу Кооперации П. Грайса, благожелательность к говорящему существенно влияют на правильность толкования слов и намерений говорящего.

Примечания

[1] Morris, Ch. W. Writings on the General Theory of Signs. The Hague / Berlin, 1971. P. 218–219.
[2] Власян, Г. Р. Прагматический подход к изучению диалогической речи // Вопр. когнитив. лингвистики. Тамбов, 2010. № 2.
[3] Грайс, П. Логика и речевое общение // Новое в зарубеж. лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
[4] Кожухова, И. В. Интеррогативные речевые акты: реализация коммуникативной неимпозитивности (на материале английского и русского языков). Челябинск, 2012. С. 37.
[5] Нефедова, Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект импликативной коммуникации. Челябинск, 2001. С. 19.
[6] Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: введение. М., 2003. С. 289.
[7] Кожухова, И. В. Интеррогативные речевые акты...

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 20–23.

А. В. Гашков

ПОВЫШЕНИЕ ТОЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ НЕИЗВЕСТНЫХ СЛОВ МЕТОДОМ АНАЛОГИЙ С ПОМОЩЬЮ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ

Проблема определения морфологических признаков неизвестных слов, то есть таких, которые не содержатся в словаре автоматической системы, пока не имеет удовлетворительного решения. Известные системы определяют морфологические признаки неизвестных слов с точностью менее 30 %, что недостаточно для использования таких систем в полностью автоматическом режиме. Предполагается, что использование метода аналогий в сочетании с нечеткими множествами может улучшить качество анализа. Проведенные эксперименты показали, что точность определения признаков неизвестных слов возросла до 50 %, что автор полагает удовлетворительным результатом.

Ключевые слова: метод *аналогий, морфология, неизвестное слово, нечеткое множество, автоматический анализ текста.*

Определение признаков слов, которые отсутствуют в словаре автоматической системы анализа текста на естественном языке (неизвестные слова) остается одной из проблем, все еще не имеющих удовлетворительного решения. В настоящее время как в России, так и за рубежом на рынке существуют много коммерческих программ и бесплатных модулей, которые, на наш взгляд, успешно справляются именно с задачами морфологического анализа: определяют начальную форму слова, выдают морфологическую информацию о слове. Все известные нам отечественные системы работают на основе словаря основ, большая часть изученных нами программ (Starling, mystem, RuMor, RMUморфологический анализ, Cir_morph, Semantarus Morpho/ Семантарус Морфо и др.) работает на основе классической модели А. А. Зализняка и его грамматического словаря. Программы RuMor, RMUморфологический анализ, Morphology и др. анализируют только известные слова. Неизвестные системе слова анализируют следующие программы: mystem, Starling, RSO Morphology, ThesaurusBrowser и морфологические модули АОТ.

Чтобы оценить существующие программы, мы провели эксперимент. Работа программ расценивалась нами по следующим критериям:

1. Работа с неизвестными словами.

2. Оценка анализа по критерию схожести и полноты.

Отметим, что под схожестью (коэффициент схожести Жаккара) мы понимаем соотношение количества верно определенных словоформ, ложноположительных и ложноотрицательных результатов, а под точностью – соотношение

количества верно определенных словоформ и ложноположительных результатов.

В ходе подготовки к эксперименту выяснилось, что программа Pymorphy работает на основе алгоритмов АОТ, поэтому их результаты полностью совпадают. Кроме того, мы не смогли найти в публичном доступе следующие программы: Cir_morph, Libmorphrus, RCO Morphology, RDMA_IAI, Semantarus Morpho. Поэтому в нашем эксперименте участвовали следующие программы: АОТ (Pymorphy), Mystem и Polymorph/Полиморф.

В качестве экспериментального материала нами были отобраны 50 словоформ, не входящих в словарь А. А. Зализняка, то есть потенциально неизвестные слова: *ухаживанье*, *капитанша*, *увлеченья*, *сожаленье*, *рисованья*, *стрелянием*, *снурке*, *тюрбо*, *почтенье*, *ухаживаньем*, *автотрофы*, *актуализма*, *Антарктиде*, *аборигенки*, *аватар*, *алкаши*, *анальгетики*, *андроид*, *аэроглиссера*, *аэрофотоснимок*, *бабульки*, *бандюг*, *барыге*, *берегинь*, *биоэнергетика*, *близняшками*, *бутсах*, *видеодатчик*, *видеокассетами*, *выгородка*, *выгородки*, *выживание*, *выщербинами*, *гидрокостюм*, *грузовоз*, *девятиэтажке*, *диаспор*, *дизайнера*, *дизайнеров*, *дубликаторов*, *заклятьях*, *засоней*, *зауряды*, *золотинка*, *именья*, *кадавр*, *каталка*, *каталке*, *котопес*, *котопса*. Слова отбирались следующим методом: предлагалось случайное слово, которое затем проверялось программой по словарю метода аналогий. Если слово отсутствовало в словаре, то оно добавлялось в тестовый набор. Для определения точности анализа все словоформы анализировались всеми программами, а схожесть и полнота анализа оценивались человеком. Затем для каждого модуля вычислялись схожесть и полнота для анализа неизвестных слов, отраженная в таблице:

Таблица 1

Схожесть и полнота автоматического морфологического анализа неизвестных слов тремя анализаторами

Модуль	Схожесть, %	Полнота, %
АОТ	19,87	60,00
Mystem	26,69	69,23
Полиморф	18,87	66,37

Ранее нами были получены данные о том, что метод аналогий является более эффективным, чем рассмотренные выше [2]. Метод аналогий базируется на следующем наблюдении: если в обратном словаре словоформ приписать каждой словоформе ее грамматические признаки (например, признаки части речи, типа словоизменения, рода, числа, падежа, лица и др.), то обнаружится, что многие участки словаря (иногда довольно значительного размера) имеют совершенно одинаковые наборы признаков [1. С. 44]. Поэтому можно предположить, что если для неизвестного слова найти его место в обратном словаре, то его грамматические признаки будут с высокой вероятностью совпадать с признаками слов, находящихся рядом. Специальный словарь, необходимый для работы алгоритма, основанного на методе аналогий, подготавливается следующим образом.

1. Составляется словарь словоформ.

Каждой словоформе приписываются грамматические признаки.

Словарь преобразуется в обратный.

Из словаря исключаются записи о всех идущих подряд словоформах, имеющих одинаковые грамматические признаки, кроме первой и последней.

2. У оставшихся словоформ исключаются начальные совпадающие части, не оказывающие влияния на результаты анализа [1. С. 44–45].

Фактически после выполнения последнего шага мы получаем словарь окончаний, в котором, в редких случаях, могут появляться целые слова.

Алгоритм анализа, по Г. Г. Белоногову, следующий.

1. Проверяется, что слово не входит в дополнительный словарь служебных слов (если входит, то морфологическая информация извлекается из этого словаря).

Ищется место слова в сокращенном обратном словаре, слову назначается морфологическая информация той позиции в словаре, которая наиболее полно совпадает с конечными буквами слова.

Очевидно, что при таком поиске неизвестные слова анализируются точно так же, как и известные. Г. Г. Белоногов утверждает, что система анализа, построенная на основе метода аналогий, демонстрирует вероятность правильного анализа (включая известные слова) 99 % [1].

Для проверки качества анализа неизвестных слов методом аналогий мы провели эксперимент. Был подготовлен обратный словарь словоформ, основанный на известном словаре А. А. Зализняка, в который были включены

только словоформы самостоятельных частей речи. Затем из произведения А. Ф. Достоевского «Идиот» были выбраны слова, отсутствующие в обратном словаре и отвечающие следующим требованиям: имена нарицательные, состоящие целиком из кириллических символов (то есть без тире, апострофа и т. п.), в количестве одной тысячи. После определения морфологических признаков методом аналогий полученные признаки были проверены экспертом-человеком. Эксперимент показал следующие результаты для метода аналогий на реальном художественном тексте:

Точность распознавания части речи – 71,6 %.

Точность распознавания морфологических признаков – 36,4 %.

Как видим, точность метода недостаточна для того, чтобы использовать его в полностью автоматизированных системах. Тем не менее, по нашим данным, это один из самых точных существующих методов.

Кроме неудовлетворительной для целей автоматического анализа точности, алгоритм имеет следующие недостатки:

– невозможно добавить новые слова в словарь без полной перестройки;

– одиночные слова, имеющие морфологическая признаки, отличающиеся от признаков слов, находящихся рядом, вызывают проблемы с определением признаков новых слов используется медленный дихотомический поиск.

В связи с вышеизложенным существует необходимость совершенствования описанного алгоритма определения морфологических признаков неизвестных слов.

Для повышения точности, а также упрощения дальнейшего использования результатов работы метода аналогий мы используем нечеткие множества. Понятие нечеткое множество («пушистое множество» в буквальном переводе) было введено Л. А. Заде в его работе «Fuzzy Sets» в журнале Information and Control [4. С. 338–353]. Л. А. Заде расширил канторовское понятие множества, допустив, что функция принадлежности элемента множеству может принимать не только значения 0 или 1, но и любое значение из интервала [0, 1].

Нечеткое множество определяется следующим способом. Пусть задано множество e], тогда нечетким подмножеством a множества e называется множество пар {(μi, xi)}, где x o e μi – степень принадлежности элемента xi к множеству a [3. С. 22].

Нечеткие множества позволяют моделировать широкий круг явлений: омонимию, размытость семантического поля и так далее, и сгладить противоречие между естественным языком и его моделью при автоматическом анализе.

Измененный метод работает следующим образом. По заданной графической форме алгоритм ищет в обратном словаре запись, ей соответствующую. Если запись найдена, алгоритм выдает морфологические признаки, ассоциированные с ней, и завершает работу. Если словоформа не найдена в словаре, то алгоритм находит место, в которое должна быть вставлена данная словоформа. Затем алгоритм находит пять ближайших предыдущих и пять последующих записей и сводит информацию о морфологических признаках из найденных десяти записей в одно нечеткое множество. Чем дальше запись от предполагаемого места вставки новой словоформы, тем меньший вклад она вносит в результирующее множество.

Например, пусть нам нужно определить морфологические признаки графемы *липосомы* (человек-эксперт укажет следующие признаки: ед. род., мн. вин. и мн. им. от жен., неод. от липосома). Данная словоформа отсутствует в обратном словаре, поэтому алгоритм помещает ее в обратный словарь таким образом, что соседними записями в обратном словаре окажутся следующие:

сомы; сущ.. муж., им., мн., одуш.; сущ., жен., им., мн., неодуш.; сущ., жен., род., ед., неод.; сущ., жен., вин., мн., неодуш.

весомы; прил., кратк., полож., мн.

невесомы; прил., кратк., полож., мн.

идиосомы; сущ., жен., им., мн., неод; сущ., жен., род., ед., неод.; сущ., жен., вин., мн., неодуш.

хромосомы; сущ., жен., им., мн., неод; сущ., жен., род., ед., неод.; сущ., жен., вин., мн., неодуш.

[предполагаемое место вставки новой словоформы]

АТОМЫ; СУЩ., МУЖ., ИМ., МН., НЕОД.; СУЩ., МУЖ., ВИН., МН., НЕОД.;

гематомы; сущ., жен., им., мн., неод; сущ., жен., род., ед., неод.; сущ., жен., вин., мн., неодуш.

анатомы; сущ., муж., им., мн., од.

патологоанатомы; сущ., муж., им., мн., од.

тератомы; сущ., жен., им., мн., неод.; сущ., жен., род., ед., неод.; сущ., жен., вин., мн., неод.

В результате объединения информации из всех записей мы получаем следующее нечет-

кое множество, отсортированное по функции принадлежности:

{сущ., жен., род., ед., неод. / 0,93,
сущ., жен., им., мн., неод. / 0,93,
сущ., жен., вин., мн., неод. / 0,93,
сущ., муж., им., мн., од. / 0,73,
прил., кратк., полож., мн. / 0,61,
сущ., муж., им., мн., неод. / 0,50,
сущ., муж., вин., мн., неод. / 0,50}

Как можно видеть, правильные комбинации граммем получили наибольший вес, несмотря на то, что в рассматриваемый участок словаря попали не только существительные мужского рода, но и краткие прилагательные.

Проверка качества анализа неизвестных слов предлагаемым алгоритмом была произведена на тексте Н. В. Гоголя «Мертвые души». Проверка проводилась экспертом-человеком путем случайной выборки двухсот словоупотреблений, не входящих в обратный словарь словоформ. в результате предпринятых изменений схожесть определения Морфологических признаков неизвестных слов возросла с 36 % до 52 %, что можно признать удовлетворительным результатом. Кроме того, выбранный метод записи информации о неизвестном слове позволяет в дальнейшем анализе учесть новую информацию о слове – например, контекст.

Таким образом, метод аналогий является одним из самых точных методов определения морфологических признаков неизвестных слов и имеет потенциал для улучшения, что показано в данной работе.

Список литературы

1. Белоногов, Г. Г. Компьютерная лингвистика и перспективные информационные технологии. М., 2004. 248 с.

2. Гашков, А. В. Оценка эффективности метода аналогий при автоматическом определении морфологических свойств неизвестных слов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 7. Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 27–31.

3. Кофман, А. Введение в теорию нечетких множеств. М., 1982. 432 с.

4. Zadeh, L. A. Fuzzy sets // Information and control. 1965. Vol. 8, n. 3. P. 338-353.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 23–26.

Л. В. Гушкова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ *ЧТО ЗА* В ТЕКСТАХ Н. В. ГОГОЛЯ

Рассматривается эмоциональная частица **что за** и ее значение в произведениях Н. В. Гоголя. Наблюдение и анализ языкового материала позволяет говорить о частице **что за** как о средстве эмоционально-оценочной интенсификации повествования. Эмоциональность высказывания усиливается благодаря употреблению дополнительных средств акцентирования: интенсива, междометий, восклицательной интонации.

Ключевые слова: *категория экспрессивности, эмоциональность, акцентирование, интенсификация*.

Давая определение частицам, В. В. Виноградов подчеркивал, что это слова, которые «не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов»[1]. Таким образом, на синтаксическом уровне частицы могут служить средством формального выражения эмоциональности и экспрессивности. По словам В. И. Шаховского, «эмотивность служит для выражения чувств человека, его отношения, его оценки (одобрение, неодобрение)»[2]. Экспрессивность высказывания обусловлена интенсивностью проявления признака и эмоционально-оценочным отношением говорящего.

Эмоциональное отношение говорящего в высказывании является проявлением «личной пристрастности человека к миру, имеющей

ярко выраженную прагматическую направленность»[3]. Частица *что за* служит для выражения эмоций говорящего, одновременно выделяя словоформу, к которой относится. Частица реализует эмоциональную оценку высказывания говорящим, рассчитанную на восприятие реципиентом.

Частицу *что за* В. В. Виноградов назвал вопросительно-восклицательной[4]. В «Русской грамматике» 1980 г. *что за* относится к разряду эмоциональных частиц, которые выражают «непосредственные эмоции говорящего»[5]. Таким образом, высказывания с частицей *что за* являются формой выражения эмоциональности в тексте и употребляются с восклицательной или вопросительной интонацией.

Согласно Е. А. Стародумовой, частицы «не могут быть прикреплены к слову, поскольку обозначают не признак, не характеристику, а то или иное отношение выделяемого компонента к содержанию высказывания или более широкого текста»[6]. Репрезентация эмоций говорящего происходит посредством акцентирования словоформы, к которой относится частица: *«Батюшки мои!» – ахнул дед, разглядевши хорошенько:* ***что за чудища****! рожи на роже, как говорится, не видно»*[7]. Герой попадает в окружение чертей. Эмоциональность высказывания создается при помощи экспрессивно окрашенной лексики (*рожи, ахнуть*), междометия *батюшки мои*, восклицательной частицы, благодаря которой высказывание становится риторическим и эмоциональным центром монолога героя.

*«****Что за картина****! ****что за чудная живопись****! – рассуждал он, – вот, кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! боже ты мой, какие краски!»*[8]. Эмоциональность речи кузнеца создается при помощи двух восклицательных предложений с эмоционально-оценочной частицей *что за*. Парцелляция в речи создает эффект градации, которая достигает гиперболического размера в восклицании *боже ты мой, какие краски!*. Междометие и форма интенсива *какие краски* являются эмоциональной вершиной высказывания. Частица *что за* в начале речи героя задает тон восторженного повествования.

Высказывание обладает ярко выраженной мелиоративной окраской. По мнению П. А. Купоросова, названная частица находится на «ближайшей периферии эмотивного эмоционального сематического поля *радость*»[9]. Частица *что за* способна репрезентировать радость говорящего, отражая спектр эмоций от симпатии до восторга:

Что за радость, что за разгулье *падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете!*[10]. Быль рассказана Фомой Григорьевичем, и в зачине ярко проявляются сказовые черты: обращение не к читателю, а к узкому социальному кругу слушателей[11]. Отсюда и экспрессия разговорной речи, темп непринужденного разговора. Эмоциональная частица *что за* относится не только к одному выражению, но и задает тон всему повествованию, которое целиком подчинено идее рассказчика развлечь слушателя.

Способность частицы *что за* репрезентировать радость широко используется Н. В. Гоголем в художественном тексте. Откровенное восхищение героя передается при помощи интенсификации признака, для чего служит частица *что за*. Это можно проследить на примере «Повести о том, как поссорился Иван Иванович и Иваном Никифоровичем»; повествование от лица рассказчика пронизано восхищением талантами Ивана Ивановича:

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните ради бога на них, особенно если он станет с кем нибудь говорить, взгляните с боку: ***что*** *это* ***за объядение****! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь!*[12]. Для создания гиперболического восторга автор использует оценочную лексику (*отличнейшая, бархат, серебро, огонь, объядение*). Помимо частицы *что за*, высшую степень положительной оценки помогает передать восклицательная интонация и форма интенсива *какие смушки*, которую характеризует «указание на оценку, на полноту, предельность»[13]. Интенсификация повествования делает описание бекеши эмоциональным центром описания Ивана Ивановича, что создает сатирический эффект.

*Тут чтец немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья с благоговением сложил руки и только говорил про себя: «****Что́ за бойкое перо!*** *Господи боже! как пишет этот человек!»*[14]. Восторг персонажа передается через «выпячивание» признака, которое происходит в три этапа: эмоциональное восхищение (выражение с частицей *что за)*, выражение восторга (междометие *Господи боже!)* и указа-

ние на высшую степень проявления признака (форма интенсива *как пишет)*.

Положительное эмоциональное отношение посредством возведения признака в высшую степень с помощью частицы *что за* указывает на реализацию эмоциональности и экспрессивности в тексте. Акцентирование словоформы при помощи частицы организует эмоционально-оценочное высказывание в момент наибольшего эмоционального напряжения. Повествователь начинает описание значимого для города события с эмоционального восклицания: ***Что за асамблею*** *дал городничий!*[15]. Выражение восхищения предшествует красочному описанию праздника и демонстрирует отношение к нему жителей города.

В речи Янкеля при помощи частицы *что за* и повтора автор указывает на трусость героя и желание угодить слушателям: *«**Что за народ военный**!» продолжал жид: «ох, вей мир, **что за народ хороший**! Шнуречки, бляшечки... Так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай*!..»[16].

В повествовании частица со значением возведения признака в высшую степень может обладать пейоративной окрашенностью. В художественном тексте эмоционально окрашенные предложения, как и в вышеуказанных примерах, используются автором для указания на эмоциональную доминанту текста.

*«Поклонюсь ему еще, пусть растолкует хорошенько… Однако **что за черт**! ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники, вареники скоромные! **Что** я, в самом деле, **за дурак**, стою тут и греха набираюсь! Назад!»*[17]. Выражение относится к категории эмоциональности, частица *что за* выполняет акцентирующую функцию, и фраза обладает ярко выраженной экспрессией. Акцентирование экспрессивной лексемы увеличивает семантическую и эмоциональную нагрузку выражения. Междометие *что за черт!* несет эмоциональную нагрузку, выражая высшую степень недовольства героя самим собой.

В речи Янкеля негодование обличает корыстное отношение к людям. Негативную оценку выражение приобретает посредством интенсификации экспрессивно окрашенного слова *корыстный*: *Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир! **Что** это **за корыстный народ**!*[18].

Частица *что за* является вопросительно-восклицательной. Средством экспрессивности может быть намеренное прерывание фразы: *Мне странно, Иван Иванович, вы кажется человек известный ученостью, а говорите как недоросль. **Что бы я за дурак** такой...*[19]. Экспрессивность основана на употреблении частицы с многоточием, что указывает на взволнованность и гнев персонажа.

Акцентирование повествования при помощи частицы *что за* происходит в ситуациях, когда герои испытывают сильные эмоциональные потрясения. Исключением может быть пример, в котором «значительное лицо» выражает неудовольствие поведением А. А. Башмачкина. «Значительность» начальника подчеркивается при помощи речевых средств, которые обладают неоправданной экспрессивностью и эмоциональностью: *„Что, что, что?“ сказал значительное лицо: „откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? **что за буйство** такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!“*[20].

Эмоциональный тон повествования герой задает при помощи употребления частицы *что за* и восклицательной интонации. В восклицательном предложении «совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация дает говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения»[21]. Восклицательная интонация усиливает субъективно-оценочную окраску высказывания с частицей, эмоционально выделяя его из контекста: ***Что за директор!*** *чтобы я встал перед ним – никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор*[22].

Частица *что за* может употребляться в риторических выражениях, при этом она выражает «значение нецелесообразности действия, эмоцию неодобрения, осуждения»[23]. На наш взгляд, в частице *что за* в текстах Н. В. Гоголя заключено значение резкого неодобрения, высшей степени неудовольствия:

*Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, **что за жизнь ее была?** Она терпела оскорбления, даже побои*[24]. Эмоциональный тон повествования автор задает при помощи риторического вопроса. Осуждение такого строя жизни, переданное при помощи эмоционально-экспрессивных средств, позволяет сделать акцент на несчастной судьбе казачки.

Что ж за козак *тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине?*[25]. В словах Тараса Бульбы заключено резкое неодобрение; эмоциональная оценка поведения товарищей передана при помощи риторического высказывания с частицей *что за*.

*«**Что** тут **за невидальщина**? десять раз на день, случается, видишь это зелье: какое ж тут диво?»*[26]. Слова принадлежат главному герою. Петро произносит их в тот момент, когда сомневается в указаниях Басаврюка. Сомнение Петро передается автором при помощи интенсификации оценочно-эмоционального слова *невидальщина*. Ситуация становится все более напряженной, и при помощи частицы *что за* герой выражает недоверие, страх, разочарование в мечтах о богатстве. Как и в вышеперечисленных случаях, автор прибегает к акцентированию текста при помощи частицы *что за* в кульминации повести.

Таким образом, частица *что за* в тексте служит формальным средством выражения эмоциональности и экспрессивности. Частица интенсифицирует эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи. Отношение может быть как положительным, так и отрицательным. Особенностью интенсификации значения с помощью частицы *что за* является то, что выражение становится эмоциональным центром повествования. Высказывания с частицей *что за* в повестях Н. В. Гоголя задают эмоционально-оценочный тон повествования и служат для выражения сильных эмоций персонажей. Частица *что за* является звеном в определении эмоциональной и композиционной доминанты в текстах Н. В. Гоголя.

Примечания

[1] Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001. С. 544.

[2] Шаховский, В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. Рязань, 1975. С. 15.

[3] Малинович, Ю. М. Экспрессия и смысл предложения. Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. М., 1989. С. 180.

[4] См.: Виноградов, В. В. Русский язык. … С. 554.

[5] Русская грамматика [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.narod.ru/1689-1705.html#1695.

[6] Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988. С. 4.

[7] Гоголь, Н. В. Пропавшая грамота // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 1. М., 1940. С. 187.

[8] Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 1. С. 235.

[9] Купоросов, П. А. Эмоциональные частицы, выражающие радость, в русском языке // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2008. № 2. С. 60.

[10] Гоголь, Н. В. Пропавшая грамота // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 1. С. 181.

[11] См.: Виноградов, В. В. О теории художественной речи. М., 2005. С. 143.

[12] Гоголь, Н. В. Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 2. М., 1937. С. 223.

[13] Лекант, П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Рус. яз. в шк. 2011. № 7. С. 76.

[14] Гоголь, Н. В. Как поссорился Иван Иванович… С. 248.

[15] Там же. С. 264.

[16] Гоголь, Н. В. Тарас Бульба // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 2. С. 159.

[17] Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 1. С. 151.

[18] Гоголь, Н. В. Тарас Бульба // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 2. С. 157.

[19] Гоголь, Н. В. Как поссорился Иван Иванович… С. 235.

[20] Гоголь, Н. В. Шинель // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 3. С. 167.

[21] Лекант, П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестн. Моск. пед. ун-та. 2012. № 5. С. 47.

[22] Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшего // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 3. С. 209.

[23] Канафьева, А. В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2009. № 2. С. 39.

[24] Гоголь, Н. В. Тарас Бульба // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 2. С. 49.

[25] Там же. С. 124.

[26] Гоголь, Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. … Т. 1. С. 144.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 27–30.

А. А. Елистратов

РЕМОТИВАНТНЫЕ ДЕКОМПОЗИТЫ В АНГЛИЙСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045,
проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире».

Рассматриваются такие словообразовательные процессы в английском молодежном сленге, как декомпозиция и переразложение. Анализ языкового материала, почерпнутого из двух словарей английского сленга, демонстрирует очень небольшое количество лексических единиц, образованных от других слов и выражений. Словообразование ремотивантных сленгизмов строится по четырем моделям: слово – слово, выражение – слово, слово – выражение, выражение – выражение.

Ключевые слова: *английский сленг, сленгизм, молодежь, ремотивантный декомпозит, фонетическая мимикрия, словообразование, мотивировка лексемы.*

Актуальность этой небольшой заметки определяется необходимостью тщательного лингвистического изучения идиома современной англоязычной молодежи. Исследование позволяет выявить некоторые способы словообразования современных молодежных сленгизмов, выявить стоящие за ними мотивы и причины деформации сленговых слов и выражений.

Цель статьи заключается в том, чтобы описать и классифицировать лексические единицы из сленга англоязычной молодежи, образованные посредством ремотивантной декомпозиции.

Достижение этой цели сопровождается решением следующих задач:

– рассмотреть понятие ремотивантной декомпозиции;

– применить данное понятие при сплошной выборке лексического материала из словарей английского сленга;

– классифицировать выбранные сленгизмы по модели их образования;

– описать причины и мотивацию, находящиеся в основе образования отдельных ремотивантных декомпозитов.

Материалом исследования послужили два объемных словаря современного английского сленга[1], из которых ремотивантные декомпозиты извлекались методом сплошной выборки. Так как лексический материал этих словарей представлен в алфавитном порядке, ссылки на исследуемые лексические единицы не приводятся.

Одной из особенностей лексических единиц просторечной (субстандартной, внелитературной) лексики является их структурная отмеченность (маркированность), которая проявляется в несвойственных литературному языку моделях словообразования. Одной из таких нестандартных моделей следует считать ремотивантную декомпозицию (разложение). В основе образования ремотивантных декомпозитов находятся нарушения стандартной структуры слов или словосочетаний как исконных, так и заимствованных. В ходе таких трансформаций структура «разрушенного» слова или словосочетания подвергается демотивации (переосмыслению) с привлечением народной или ложной этимологии с возможным участием преднамеренной этимологической игры[2]. Единицы, подвергшиеся переосмыслению, могут принадлежать как к родному, так и к иностранному языку. При этом переосмысление слова или словосочетания сопровождается разнообразными семантическими процессами: метафоризацией, метонимией, эвфемизацией, дисфемизацией, расширением или сужением значения и пр. Важную роль в этом процессе играет полное или частичное структурное (звуковое) сходство между изначальной лексемой и пришедшим ей на смену субститутом, как правило, широко известным словом или словосочетанием. В результате структурного «разрушения» и переосмысления образованные лексические единицы приобретают особую внелитературную, в нашем случае – сленговую (жаргонную), отмеченность.

В результате работы с указанными словарями было выявлено около сорока ремотивантных декомпозитов. Изучение их структуры и этимологии показало, что ремотивантная де-

композиция в английском молодежном сленге происходит по следующим моделям:

1. *Субституция «слово → слово»*, при которой осуществляется цельнолексемная замена переосмысляемого слова с помощью паронимического смещения созвучных самостоятельных слов: *fig* (*англ*. «инжир; шиш; женские половые органы»)[3] [< *англ*. fag «голубой; гомосек»] «женственный мужчина». В данном случае *fig* выступает эвфемизмом слова *fag*.

Примером декомпозита-дисфемизма является восклицание *excrement!* «экскременты», образованное от слова *excellent* «отличный» по причине сходства начальных звуков обеих лексических единиц и их абсолютной семантической противопоставленности, которая придает декомпозиту шутливый оттенок.

В рамки этой модели также попадают следующие примеры ремотивантных декомпозитов:

george (*англ*. «имя Джордж») [< *англ*. gorgeous «великолепный»] «отличный, первоклассный, прекрасный». Судя по всему, за созданием декомпозита стоит всего лишь звуковое сходство обоих слов;

mine (*англ*. «мина; шахта») [< *англ*. minus «минус»] «минус, сопровождающий оценку». Здесь возможна коннотация опасности (мины), угрозы провала (в шахту);

roofer (*англ*. «кровельщик») [< *англ*. Rohypnol «разновидность наркотика»]. Вполне возможна ассоциация с разговорным выражением «сорвать крышу; снести крышу», аналоги которого существуют и в английском языке (*blow one's roof; keyed up to the roof*), где *крыша* выступает метафорой головы, умственной деятельности. Кровельщик же крышу чинит, поэтому не исключено, что в такой номинации наркотик ассоциируется с обретением внутреннего спокойствия, ухода от проблем и снятия стресса;

rope (*англ*. «веревка») [< *англ*. Rohypnol «разновидность наркотика]. Веревка может рассматриваться как символ привязанности или даже зависимости от наркотиков;

hector! (*англ*. «задира, хулиган; грозить, запугивать, грубить») [< *англ*. heck «ад»] «ад». В данном случае присутствует двойная эвфемизация, так как сленгизм *heck* (в том числе в таких значениях, как «подонок» и «чепуха») сам служит эвфемизмом слова *hell* «ад». Тем не менее, слово *hector* сохраняет определенную отрицательную коннотацию в литературном английском, которая, по всей вероятности, и послужила мотивом для его использования в молодежном сленге. Аналогичный случай вторичного словообразования декомпозита наблюдается в лексеме *hawkins*, которая в англосаксонской культуре обозначает фамилию *Хокинс*. Слово *hawkins* в значении «холодная погода» образовалось от сленгизма *hawk* (букв. ястреб) «холодный ночной ветер»;

jams (*англ*. «длинные трусы для серфинга; пижама») [< *англ*. pajamas «пижама»] «штаны, брюки». Слово образовано посредством метафорического переноса через сравнение штанов с пижамой или длинными шортами.

Ремотивантные декомпозиты этой модели также создаются на основе иноязычного языкового материала. Ср.: *charge* (*англ*. «заряд, заправка») [< *хинди*. charas «конопля»] «гашиш, марихуана». Значение сленгизма подкрепляется значением слова *charge*, которое сближает действие наркотика с разрядом электричества или заправкой энергии;

chateau'd «пьяный». Сленгизм образован путем контаминации английской лексемы *shattered* «разбитый вдребезги, разрушенный» и французского слова *chateau* «дворец», которое подразумевает дорогостоящие вина, хранящиеся в подвалах дворцов и ставшие источником опьянения;

(le) chat «лесть или речь соблазнителя». Основой создания этого сленгизма британских студентов стало слово *chat* «разговор, болтовня» и глагол *to chat up* «флиртовать, убалтывать», которые формально совпадают с французским словом *(le) chat* «кот». По всей вероятности, выбор кота в качестве символа соблазнения обусловлен сленговой табуированной семантикой глагола *cat* (*кот*): «искать половой связи с женщиной или ухаживать за женщиной, приставать к ней с целью совокупления».

К разновидности ремотивантных декомпозитов, хотя и с некоторыми сомнениями, мы относим усечение в тех случаях, когда усеченное слово формально совпадает с другим словом и иногда содержит какие-то общие или близкие семы. Ср.: *fit* (*англ*. приладка, подгонка одежды) [< *англ*. outfit «экипировка, костюм»] «предмет одежды»; *the pits* (*англ*. «ямы) [< *англ*. armpits «подмышки»] «самое дно; глубина; надир; худшее»; *rents* (*англ*. многоквартирные доходные дома) [< *англ*. parents «родители»] «родители»; *rooms* (*англ*. комнаты) [< *англ*. roommate «сосед по комнате»] «сосед по комнате»;

2. *Субституция «словосочетание → слово»*, при которой изначальное словосочетание меняет свою структуру и, переразлагаясь, пре-

вращается в цельное слово: *props* (*англ*. имущество; подпорки) [< *англ*. proper respect «должное уважение; доверие»] «должное уважение»;

Audi! (*англ*. Ауди, марка автомобиля) [< *англ*. I'm out of here «я ухожу отсюда»] «до свиданья; пока». Употребляя это выражение, молодые люди как бы обыгрывают отъезд на дорогом немецком автомобиле марки «Ауди».

fiji (*англ*. Фиджи, фиджиец) [< *англ*. Phi Delta Gamma college fraternity] «член университетского общества «Фи – Дельта – Гамма». В основу создания декомпозита легла аббревиация названия общества по начальным звукам с последующей шутливой дезаббревиацией.

Следующим случаем аббревиации, обретшей мотивированность, является слово *cream* (*англ*. крем, сливки), которое происходит от инициальной аббревиатуры выражения *Cash Rules Everything Around Me* «вокруг меня всем правят деньги» и обозначает деньги.

Joe (*англ*. Джо) [< *англ*. Nava-Joe < *исп*. Navajo «навахо»] «индеец племени навахо». Перед нами случай двойной отмеченности сленгизма, поскольку слово *Joe* отталкивается от сленгового словосочетания *Nava-Joe*, происходящего от онима *Navajo*. В англоязычных странах слово Joe обозначает обыкновенного, среднего мужчину, особенно в сочетании *average Joe* «простой, обычный человек», что явилось мотивацией создания сленгизма через сужение значения.

Декомпозит *cell* (*англ*. клетка) образован путем усечения английского словосочетания *cell phone* «сотовый телефон» и сохраняет то же значение. Мотивировка этого слова неясна, и, возможно, отсутствует вовсе, являя собой случай простой речевой экономии. Речевая экономия наблюдается и в примере декомпозита *bennies* (*англ*. Бенни; таблетка амфетамина), производного от словосочетания *beneficial rays* «полезные лучи» со значением «лучи солнца». Однако в этом случае возможна мотивировка номинации, исходящая от приравнивания солнечного света к амфетаминам по параметру «энергичность; возбуждение».

3. *Субституция «слово → словосочетание»*, при которой происходит разложение переосмысляемого слова на части, каждая из которых паронимически смещается с самостоятельным словом, в результате чего получается словосочетание: *geni-ass* [< *англ*. genius «гений»] «умный и усердный студент». Декомпозит состоит из двух слов: слова *geni* «вид» и слова *ass* «зад». Если первая часть декомпозита не имеет, как кажется, мотивировки, то вторая часть может как выражать отрицательное отношение к подобным студентам, так и намекать на постоянное положение их тела во время учебы. Совмещение обоих значений в слове и их очевидная производность от слова *genius* придают словосочетанию *geni-ass* ярко выраженную инвективность.

Еще одним примером этой модели служит сленговое словосочетание *Mayor Hunna* «мэр Ханна», созданное на основе слова marijuana «марихуана» и имеющее, скорее всего, сугубо фонетическую мотивировку

4. *Субституция «словосочетание →словосочетание»*, в результате которой замещению может подвергаться как все словосочетание с изменением границ слов или те части словосочетания, которые воспринимаются как отдельные слова: *furry muff!* (*англ*. меховая муфта; женские половые органы, покрытые большим количеством волос) [< *англ*. fair enough «достаточно справедливо»] «достаточно справедливо»; *toot sweet* (*англ. дословно* – милый звук рога; милая гулянка) [< *фр*. tout de suite «немедленно, тотчас»] «немедленно». Оба декомпозита мотивированы фонетически (хотя в первом случае и усматривается дисфемизм) и представляют собой шутливую игру слов, основанную на звуковом сходстве исходных и производных словосочетаний.

Таковы основные четыре модели образования ремотивантных декомпозитов в английском молодежном сленге. Мотивами и причинами их создания явились игра слов, основанная на относительном фонетическом сходстве первичных лексических единиц и их дериватов, дисфемизация, выражающая стремление произвести эффект, шокировать, эвфемизация, метафоричность, сужение значения, речевая экономия, выраженная в аббревиациях и усечениях. Среди изученных слов и выражений есть несколько примеров вторичной маркированности сленгизмов, обусловленной ремотивантной декомпозицией изначально сленговых слов. Ремотивантному разложению подвергаются по большей части исконные слова и выражения, хотя присутствует ремотивация и иностранных заимствований.

Перспективы работы по изучению ремотивантных декомпозитов во внелитературных формах существования языка видятся в их контрастивном анализе с использованием материалов из сленговых и жаргонных словарей на русском, английском и прочих языках.

Примечания

[1] The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. Edited by Tom Dalzell. New York & London, 2009; *ThorneT.* Dictionary of Contemporary Slang. London, 2007.
[2] Коровушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа) : монография. Череповец, 2008. С. 141–142.
[3] Здесь и далее приводятся наиболее вероятные, на наш взгляд, значения лексической единицы, послужившие основой для создания ремотивантного декомпозита. Мы также отталкиваемся от этимологии сленгизма, предлагаемой авторами и редакторами словарей.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 30–34.

И. В. Кожухова

САМОУПРЕКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФОРМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Описываются ситуации употребления и основные коммуникативно-прагматические характеристики самоупреков. Упрек, являясь ликоугрожающим речевым актом, носит имплицитный характер. На материале современной англоязычной художественной литературы показаны основные структурные закономерности рассматриваемого речевого акта.

Ключевые слова: *коммуникативное поведение, ликоугрожающий речевой акт, самоупрек, упрек.*

Человеческое общение характеризуется не только речевыми действиями, которые способствуют развитию межличностных отношений. Некоторые речевые акты выражают специфику определенного поведения, а именно, конфликтного. К подобным речевым актам относятся акты угрозы, обвинения, а также акт упрека.

Упрек – речевой акт, используемый для выражения неодобрения, недовольства. Однако, исходя из особенностей двух лингвокультур (русской и английской), следует отметить, что выражение упрека в русском языке, ввиду характерной для русскоязычного коммуникативного поведения меньшей социальной дистанции, интерпретируется как обвинение, сопровождаемое категоричностью и вторжением в личное пространство собеседника [4. С. 171]. Для английской лингвокультуры свойственно, напротив, акцентирование на говорящем: выражение недовольства является его эмоциональным состоянием [6. С. 33]. При этом коммуниканты не нарушают границ личного пространства друг друга.

Являясь неотъемлемой частью речевого общения, упрек привлекает внимание таких исследователей, как А. Вежбицкая, М. Я. Гловинская, Н. А. Каразия, В. И. Карасик, Р. В. Шиленко и др.

Иллокутивной целью упрека является передача отрицательной оценки поведения и поступков собеседника, а перлокутивной – воздействие на эмоциональную сферу собеседника, стимулирование чувства вины, а также стремление изменить его поведение.

Упрек, наряду с такими речевыми актами, как похвала, порицание, осуждение и так далее, относится к оценочным речевым актам. Логическая структура оценки в акте упрека включает в себя следующие элементы: субъект оценки (лицо, приписывающее ценность) – предмет оценки (лицо, которому приписывается ценность) – основание оценки – содержание оценки [3. С. 83].

Прагматические факторы имеют первостепенную важность при выборе способов выражения упрека как в русском, так и в английском языке. На выбор форм оказывают влияние:

1) социальный статус, пол, возраст, уровень образования, дистанция между участниками общения, то есть статусно-ролевая позиция коммуникантов. Наиболее разнообразные

способы выражения упрека характерны для ситуаций с симметричными отношениями (выяснение отношений в семье, между близкими людьми), где выражение упрека осуществляется прямолинейно, без учета принципа вежливости. Исследования Т. А. Давыдовой показывают, что упрек в ситуации с асимметричными отношениями характеризуется «категоричностью и часто сопровождается объяснением причин, вызвавших такую форму речевого поведения, которая компенсирует ущерб, наносимый репутации упрекаемого» [2. С. 27];

2) степень раздраженности, уровень тактичности;

3) реципиент упрека.

Для выражения упрека в английском языке могут использоваться модальные глаголы и слова, выступающие в качестве совета. Совет в данном случае является буквальной иллокуцией, а критика – косвенной. В таких высказываниях эксплицируется действие, которое было бы желательно, но не было совершено, и имплицируется нежелательное действие, которое имело место быть: *«You might wait for an invitation», I retorted frigidly* [5. С. 137]. Утверждение, содержащее оценку и совет – типичное сочетание иллокуций, использующееся для осуществления косвенной иллокуции упрека.

Упрекать в английском языке можно и с помощью утверждений, в состав которых входит глагол в условном наклонении. Ввиду высокой частотности использования такие высказывания стали конвенциональными для выражения иллокуции упрека: *«If every person was like me, the world would be better».*

Негативная оценка действий часто осуществляется с помощью сравнительных конструкций. В данном случае негативная характеристика одного объекта или действия переносится на другой: *«Yes, I daresay he's no more of a scoundrel than any of the rest of them»* [5. С. 136].

Как правило, упрек в любом языке может быть выражен не только при помощи вербальных средств. При реализации коммуникативной интенции упрека такие невербальные компоненты, как взгляды, жесты, интонация, манера поведения, молчание могут также передавать неодобрение и отрицательную оценку говорящего.

Так или иначе, упрек наносит ущерб позитивному лицу упрекаемого, однако возникший конфликт может быть решен благодаря использованию речевого акта извинения. Ответная реакция со стороны упрекаемого (возмущение, отпор, указание на необоснованность упрека и др.) вызвана стремлением упрекаемого сохранить свое позитивное лицо и способствует ухудшению межличностных отношений, провоцируя развитие конфликтной ситуации: ссоры, ругань, обвинения, оскорбления и т. п.

Итак, речевой акт упрека «представляет собой единичное высказывание (либо последовательность высказываний), направленных на достижение указанной цели, а также динамическое речевое образование (прагматический акт), взятое в контексте ситуации с учетом действий, послуживших причиной упрека, и ответной реакции партнера» [1. С. 77]. Для экспликации речевого акта упрека используются жесты, логическое ударение и интонация, сравнительные конструкции, сослагательное наклонение, модальные глаголы. Упрек относится к числу ликоугрожающих речевых актов, то есть содержит потенциальную опасность возникновения и развития конфликта между коммуникантами, поэтому важным представляется продолжение изучения факторов, способствующих развитию конфликта. Изучение таких факторов позволит партнерам по коммуникации более эффективно осуществлять свое речевое намерение.

Функциональная группа самоупреков представлена речевыми актами упреков, адресантом и адресатом которых является один и тот же человек. Данная функциональная группа не характеризуется высокой употребительностью. Иллокутивной целью такого упрека является выражение говорящим неудовлетворения совершенными поступками или собственным поведением, признание вины и неправильности действий. Говорящий может прямо указывать на свою ошибку, нанося тем самым ущерб своему позитивному лицу. Уровень имплицитности самоупрека зависит от субъективной оценки говорящего степени ущерба, нанесенного как окружающим людям, так и самому себе. Так, терзаемый укорами совести и одержимый стремлением наказать себя, говорящий хочет в полной мере выразить свои переживания либо негативные эмоции для чего он прибегает к эксплицитной форме упрека (28,5 % случаев), при этом зачастую им используется экспрессивно-оценочная лексика, которая, в свою очередь, сводит сферу употребления данных упреков к ситуациям неформального общения. Однако в 72,5 % случаев самоупрек представлен в имплицитной форме, что позволяет говорящему звучать менее категорично по отношению к са-

мому себе и сохранить свое собственное лицо в процессе коммуникации с другими людьми.

*Eva: You know, I'd forgotten that's where that title came from._ **Shame on me!** (Miller S. Lost in the Forest, p. 239)*	*Ева: Знаешь, а я совсем забыла, откуда взялось это название. **Какой стыд!***

В ходе беседы о литературных произведения, хозяйка книжного магазина, Ева, не может вспомнить историю о выборе названия для одной из книг. Упрек в данном примере представлен в косвенной форме. Собственные личностные качества огорчают упрекающего, и с целью нормализовать свое эмоциональное состояние говорящий упрекает сам себя, таким образом в какой-то степени наказывая себя за забывчивость.

Лингвистической реализации акта самоупрека характерно использование повествовательной формы предложения, что было отмечено в 100 %, тем не менее, представляется немаловажным отметить, что данный результат не должен быть расценен как неоспоримый факт. Можно сделать предположение о том, что самоупрек может также представлять собой риторический вопрос (упрекающий раскаивается за свои поступки и спрашивает себя, почему то или иное действие было совершено/ не совершено), а также побудительное предложение (например, упрекающий заставляет себя поступать вопреки собственной воле, но в соответствии с нормативными предписаниями).

Подлежащее в структуре самоупрека зачастую выражает направленность упрека на самого адресанта. Данная направленность может быть ярко выражена и реализована посредством личного местоимения *I*, либо, в более редких случаях, говорящим используются другие способы оформления подлежащего. Данное исследование охватывает лишь некоторые аспекты речевого акта самоупрека и основывается на ограниченном количестве анализируемого материала, поэтому мы структурировали способы оформления подлежащего в две группы: группа с подлежащим, выраженным личным местоимением *I*, и группа с остальными формами подлежащего. Так, исходя из особенностей подлежащего, вышеупомянутый пример можно отнести к первой группе, а ситуацию следующего примера – ко второй группе:

*Jeff: Disappearing like this—I don't know what he'll do. **The relationship between a client and his therapist… sometimes it's the only relationship they trust! You break that trust and** — (Case J. The Syndrome, p. 249)*	*Джефф: Вот так просто взять и пропасть, я даже не знаю, что он будет делать. **Отношения между клиентом и психотерапевтом... порой это единственные отношения, которым доверяют пациенты! Разрушишь доверие, и…***

Психотерапевт Джефф переживает о том, что без предупреждения пропустил сеанс с одним из своих пациентов. Упрек реализуется имплицитно. Несмотря на то, что в его структуре не используется личное местоимение *I*, адресатом упрека может являться лишь один человек – сам адресант. Джефф чувствует себя виноватым за то, что нарушил принципы профессиональной этики и, будто сравнивая свое должное поведение с текущими действиями, он обвиняет самого себя в некомпетентности и бестактности.

Результатом исследования особенностей оформления *сказуемого* при выражении самоупрека является определение двух временных групп глагола-сказуемого: группы настоящего времени (43 %) и группы прошедшего времени (57 %).

Частотность использования глаголов в данных временах вызвано дестабилизированным, раздраженным эмоциональным состоянием говорящего в момент осуществления речевого акта (то есть в настоящем времени), что является результатом совершенного поступка в прошлом, повторяющегося действия в настоящем либо результатом проявления досаждающей черты характера, что также относится к настоящему времени.

*Sophia: He hit me with the paper weight. He intended to silence me. **Oh, Floyd darling, I've been so stupid. I knew he had killed the girl.** I didn't tell anyone, as I wanted to protect us from the awful publicity. (Chase J. H. Not Safe to Be Free, p. 271)*	*София: Он ударил меня пресс-папье. Хотел, чтобы я никому ничего не рассказывала. **Ах, Флойд, дорогой, я была такой идиоткой. Я знала, что он убил девушку.** Но я никому не говорила, потому что хотела, чтобы эти жуткие журналисты не добрались до нас.*

В данном примере речь идет о сыне Флойда, который убил невинную девушку и сделал свою мачеху Софию причастной к преступлению. Интенция говорящего заключается в самообвинении и самоуничижении. Говорящий в полной мере осознает неодобрение совершенных им поступков со стороны собеседника, он не только осознает это, но и соглашается с безрассудностью своего поведения. Так, адресуя упрек самой себе, София признает свою вину и сохраняет позитивное лицо Флойда, не принуждая его высказывать свое отрицательное мнение. Кроме того, речевой акт упрека в данном примере функционирует в качестве извинения, так как говорящий демонстрирует свое раскаяние относительно прошлого действия, однако при этом упрекающим также выполняется стратегия минимизации ущерба, наносимого своему коммуникативному лицу, так как им приводится оправдание, позволяющее уменьшить ответственность за совершенный поступок.

Экспрессивность и эмоциональность самоупрека зависит от коммуникативной ситуации, а также от субъективной оценки говорящего степени ущерба, наносимого окружающим и самому себе. В случаях, когда интенция говорящего заключается в самоуничижении и суровой критике собственного поведения, говорящим могут быть использованы лексические единицы сниженного регистра, инвективы, оскорбительная лексика и так далее.

Nobu: ***I've come to understand what a fool I am.*** *You laughed earlier at the idea of having the Minister for a danna.* ***But just look at me: a one-armed man with skin like the lizard.*** *(Golden A., Memoirs of a Geisha, p.450)*	*Нобу:* ***Я начал понимать, какой я идиот.*** *Раньше ты смеялась над тем, что министр может стать твоим данной.* ***Но посмотри на меня: однорукий человек с кожей, похожей на кожу ящерицы...***

Нобу открыто критикует себя за то, что, несмотря на свои явные физические недостатки, он рассматривал возможность стать данной для Саюри. Самоупрек реализован с использованием эмоционально-оценочной лексики (*fool, one-armed man, skin like the lizard*), что делает упрек агрессивным и категоричным. Однако упрек Нобу – это не столько самокритика, сколько выражение обиды и отчаяния, вызванного отрицательным отношением общества к его неполноценности. Коммуникативной интенцией данного речевого акта является не только самоупрек, но и стимулирование ответной реакции со стороны собеседника в виде симпатии и понимания.

В заключение еще раз подчеркнем, что самоупрек содержит высокую степень угрозы лицу говорящего, так как он является речевым актом, выражающим критику и неодобрение, адресантом и адресатом которого является один и тот же человек. В процессе общения самоупрек может быть использован: в качестве своего рода самонаказания за иррациональное поведение или действие; в качестве извинения, способствующего скорейшему разрешению конфликтной ситуации; в качестве средства для сохранения позитивного лица собеседника, так как ввиду признания говорящим собственных ошибок собеседнику не приходится озвучивать свое неодобрение; в качестве речевого акта самоуничижения, помогающего добиться сочувствия и понимания со стороны слушающего. В зависимости от коммуникативной ситуации и субъективной оценки серьезности наносимого ущерба, говорящим может быть выбрана имплицитная или эксплицитная форма упрека с использованием или без использования стилистически-окрашенной лексики. Лингвистической реализации самоупрека также свойственна непосредственная направленность на самого говорящего, что достигается при помощи использования личного местоимения *I* в качестве подлежащего. Глагол-сказуемое в структуре самоупрека может выражать настоящее либо прошедшее время, так как выражаемая критика зачастую касается действий либо в прошлом, либо в настоящем.

Список литературы

1. Винантова, И. В. Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса (на материале английского языка) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 77–80.

2. Давыдова, Т. А. Роль упрека в межличностном общении // Междунар. науч.-практ. конф. МК-1-07. Астрахань, 2007. С. 26–28.

3. Ивин, А. А. Логика и теория аргументации : учеб. пособие. М., 2007. 191 с.

4. Прохоров, Ю. Е, Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. М., 2005. 276 с.

5. Пугачева, О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и

средства их экспликации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2008. № 3. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 134–139.

6. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения : науч. изд. / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. Воронеж, 2003. 185 с.

7. Case, J. The Syndrome. N.-Y., 2002. 498 p.

8. Chase, J. H. Not Safe to Be Free. London, 1979. 282 p.

9. Miller, S. Lost in the Forest. N.-Y., 2006. 262 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 34–36.

Ю. Е. Кочнева

ЧИСЛОВАЯ АЛЛЮЗИЯ В ЗАГОЛОВКАХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ УОЛТА ДИСНЕЯ

Рассматриваются числа, встречающиеся в заголовках мультипликационных фильмов компании Дисней, как маркеры аллюзии, имеющие ассоциативные связи. Понимание аллюзивного процесса происходит только в случае наличия определенных фоновых знаний у зрителя. Фоновые знания помогают декодировать зашифрованную информацию и способствуют лучшему восприятию.

Ключевые слова: *аллюзия, ассоциация, мультипликационный фильм, число*.

Как часто во время чтения художественного произведения или просмотра художественного или мультипликационного фильма в процессе внутреннего диалога на память приходят образы героев, политические, литературные, исторические, мифологические и пр. факты. Данный эффект достигается путем грамотного использования автором аллюзии.

Аллюзия (от лат. allusio – шутка, намек) является «стилистической фигурой, намеком посредством сходнозвучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения»[1].

К изучению аллюзии в литературоведении и языкознании обращались еще в XVI в., однако теоретическая база была сформулирована только в XX в.. Согласно Н. М. Разинкиной, аллюзия – это «косвенное указание с помощью слова или словосочетания на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт. Косвенное указание может быть также связано и с событиями повседневной жизни человека»[2].

Аллюзия выступает как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании»[3].

Зачастую именно благодаря аллюзии автору удается выразить идею в краткой форме, так как процесс раскодирования этой информации зависит только от читателя/ зрителя и его ассоциативного мышления. При этом для аллюзии характерно «одномоментное побуждение к ассоциации с каким-либо компонентом первоисточника»[4] и не всегда аллюзивная ссылка может иметь указание на автора, произведение или его отрывок. Она, скорее, имеет дело с фрагментами, ассоциациями, связанными с именами собственными, географическими названиями, репликами, то есть с так называемыми вкраплениями «чужого в свое».

Особую роль в ряде маркеров аллюзии занимают числа. Число является неким «кодом», определяющим жизнь человека и культуру целых народов. Именно с числами связаны исторические даты и события, религиозные обряды, различные торжественные церемонии и так далее. Благодаря числам люди учились воспринимать окружающий мир и, соответственно, свое место в нем. Таким образом, числа обладают функциональной и семантической значимостью.

Значимость и поликодовость чисел можно проследить не только в литературных произведениях, но и в художественных и мультипликационных фильмах.

Настоящая статья посвящена семантике чисел, которые встречаются в названиях мультипликационных фильмов Уолта Диснея. Всего компания выпустила три таких мультфильма, а именно: «Белоснежка и семь гномов», «101 далматинец», «Фантазия 2000». Еще один мультфильм «Шестерка героев» выйдет в мировой прокат 7 ноября 2014 г.

«Белоснежка и семь гномов». Красавица принцесса Белоснежка живет со своей злой мачехой, которая в один день окончательно понимает, что не может мириться с красотой своей падчерицы, и просит егеря отвести девушку в лес и убить ее. Однако добрый егерь смиловался над Белоснежкой и отпустил ее. Скитаясь в одиночестве в глухом лесу, Белоснежка случайно находит дом, в котором живут семь гномов. Они с радостью предлагают свое гостеприимство. Однако, узнав, что ее падчерица жива, злая мачеха, одевшись как нищенка, приходит к Белоснежке и угощает ее отравленным яблоком. Съев яблоко, Белоснежка падает без чувств. Безутешные гномы делают для девушки хрустальный гроб и относят его в пещеру. Прекрасный принц находит пещеру и воскрешает Белоснежку своим поцелуем.

Еще с древних времен считается, что число 7 обладает некой магической силой. Обратившись к Библии, мы вспоминаем, что Господь создал землю за семь дней, вспоминаем про семь смертных грехов и семь таинств. В древнем мире люди полагали, что вокруг земли вращаются семь планет, каждая из которых подвластна богам (всего семь богов). Много примеров можно найти и в античности. Не стоит забывать и про семь дней недели, семь нот, семь цветов радуги и признанные на сегодняшний день семь чудес света.

Согласно астрологии, семерка является «совершенным» числом. Считается, что это число приносит удачу. Люди, в дате рождения которых есть число семь, обладают аналитическим мышлением, у них развита интуиция, им присуще живое воображение.

Становится очевидным, что не случайно Белоснежка встречает на своем пути именно семь гномов. Они призваны принести успокоение и гармонию. Благодаря вере в чудо, изобретательности, проницательности и своей интуиции (именно эти черты свойственны семерке), гномы не хоронят Белоснежку, а лишь относят хрустальный гроб в пещеру, где ее позже и находит принц. Число семь здесь также говорит об успехе в любом предприятии. Именно благодаря этой судьбоносной встрече Белоснежка находит друзей и любовь.

«101 далматинец». Роджер и Анита – семейная пара из Лондона, в доме которых царят гармония и любовь. У пары есть 2 любимые собаки Понго и Пердита породы далматинец, которые дают потомство из 15 очаровательных щенков. Злодейка Круэла де Вил, мечтающая о шубе из меха собак именно этой породы, узнав о таком многочисленном пополнении, наведывается в гости к Роджеру и Аните. Однако Круэла терпит фиаско, так как молодые отказываются отдавать ей щенков. Круэла не сдается и приказывает своим помощникам похитить щенят, что они и делают. Не надеясь на помощь полиции, Роджер и Анита решают самостоятельно найти щенят. Понго и Пердита бросают клич среди дворовых собак с призывом присоединиться к ним. Совместно им удается освободить не только щенков Понго и Пердиты, но и других щенков породы далматинец (всего 99). Осознав причину, по которой щенки были похищены, полиция все-таки пребывает в особняк Круэлы и арестовывает ее. Счастливые Роджер и Анита оставляют всех 101 далматинцев у себя.

В соответствии с нумерологией, зеркальное число 101 означает сознание, и даже осознание, понимание прошлого и будущего. 101 «смотрит» только вперед, учитывая, однако, прошлый опыт. 101 отвечает за наши мысли и желания.

Именно благодаря своему утонченному восприятию и интуиции Роджер, Анита и их четвероногие питомцы не теряют надежду в лучшее и исправление ошибок прошлого. Зеркальность числа олицетворяет справедливость, истину; то, что все возвращается на круги своя и каждый получает по своим заслугам. Так, Круэла, само олицетворение зла, в конечном счете терпит полное поражение.

Несколько иное значение мы получаем, если будем дробить 101 на две составляющие: сто и один. Число 100 издревле считалось олицетворением духа, душевности. Это богатый опыт, накопленный многими поколениями, это история. В конкретном случае это история одной семьи с ее опытом, жизненными позициями, надеждами и стремлениями. Единица, в свою очередь, является полной противополож-

ностью размеренности. Это энергия, взрыв. Единица вносит элемент игры и живость в спокойное существование сотни. Так, появление 101 далматинца ведет к изменению образа жизни семьи Роджера и Аниты, добавляя приятные хлопоты.

Еще одним доказательством в пользу того, что выбор именно 101 далматинца был не случаен, служит тот факт, что в некоторых древних религиях 101 является числом плодородия.

«Фантазия 2000». Мультфильм об ассоциациях, которые возникают у человека при прослушивании шедевров классической музыки.

Возможно, выбор числа 2000 был связан со страхом людей, потому что они не знали, чем им грозит начало нового тысячелетия, какие перемены оно сулит, и, самое важное, будет ли дальше жизнь. Поэтому режиссеры сняли мультфильм, который бы изобразил историю человечества, зарождение новой жизни и упадок, проливая свет на некоторые тайны мироздания.

Но этот выбор мог быть и не случайным, а основанным на семантике числа 2000, что означает отражение нашей действительности, восприятие мира, самого себя, своей души. Воспринимая разные образы, мы реагируем на них и соответственно эмоционируем. «Когда вам встречается число 2000, вы, осознавая, поймете, что от вас хочет этот мир. Он желает, чтобы вы проросли в этот мир и ваше возрождение в этом мире будет обосновано как искупление кармы»[5]. Именно такой эффект достигается благодаря отличной режиссерской постановке, когда один образ, одна история, один исторический цикл, сопровождаемый классической музыкой, сменяет другой. Даже если восприятие мира не меняется, мультфильм в любом случае показывает иное видение и заставляет задуматься о смысле бытия. «Число 2000, открытие нового типа сознания, когда прекращается суета и между вашим сознанием и миром появляется непроницаемая поверхность, через которую невозможны физические воздействия. Теперь вы вырабатываете в себе силу воли сопричастности к происходящему. Вы должны перейти от восприятия отражения мира в своем сознании к восприятию того, что мир может быть изменен одним вашим напряжением мысли»[5].

«Шестерка героев». О мультипликационном фильме, который выйдет в прокат в конце 2014 г., известно мало. Он о том, что правительство Японии в ходе противоборства с другими странами набирает свою команду героев, обладающих сверхчеловеческими способностями.

Число 6 носит символический характер: шестерка бескорыстна, честна, справедлива, у нее развито чувство долга и она умеет разрешать конфликты. Обращаясь к религиозным мотивам, а именно к тому, что Бог создал человека на шестой день, становится очевидным, почему появление именно шести героев оказало большое влияние на мир.

Таким образом, аллюзивный микротекст может присутствовать не только в самом мультипликационном фильме, но и в его заголовке. Однако понимание аллюзивного процесса происходит только в случае наличия определенных фоновых знаний у зрителя. Фоновые знания помогают декодировать зашифрованную информацию и способствуют лучшему восприятию. Помимо упоминания конкретных имен, дат, исторических событий, аллюзивные микротексты могут содержать числовые символы, для расшифровки которых необходимы основы нумерологии. При правильном толковании цифрового обозначения глубинный смысл мультипликационного фильма становится более очевидным.

Примечания

[1] Советский энциклопедический словарь : энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 4 изд-е. М., 1989. С. 40.

[2] Разинкина, Н. М. Функциональная стилистика. М., 1986. С. 7.

[3] Петроченко, Л. А. К вопросу об ассоциативных основах метафоры // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков : сб. ст. междунар. конф. «XXIV Дульзоновские чтения» (Томск, 22–26 июня 2005 г.). / отв. ред. О. А. Осипова. Томск: Ветер, 2005. С. 192.

[4] Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 153.

[5] Ширяев, П. Г. Значение числа 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://shiryaevpavel.ru/znachenie-chisla-2000.html/.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 37–40.

М. Леонова

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ ИМЕН В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Анализируются взаимосвязь и структуральная функция имен в романе Белого «Петербург» как основа для интерпретации всего произведения. Семантический и фонетический анализ имени протагониста является необходимым условием для интерпретации роли имени в структуре романа и его концепции.

Ключевые слова: *анализ имени, функция в структуре, семантическое и этимологическое значение, связь имен*.

При анализе функции имени в романе Белого «Петербург» интересует нас наряду с семантическим и этимологическим значением имени в качестве характеристики отдельных протагонистов[1] прежде всего соотношение имен в романе и их структуральная функция как основа концепции образа. Распространенное в Ономастике рассмотрение имени как «говорящего», то есть как характеристики протагониста, дает возможность только условного заключения о функциональной роли имени. Так, этимология имени Аполлон позволяет сделать заключение о приверженности Аполлона Аполлоновича к порядку[2]. При всей справедливости подобного заключения, которое базируется на анализе повторения имени Аполлон, информация, получаемая вследствие подобной интерпретации, не предлагает новых точек рассмотрения образа главного героя, а лишь подтверждает собой узнанное читателем из повествования. При подобном рассмотрении имени его функция ограничивается дублированием темы. Конфликт, лежащий в основе образа главного протагониста, его интенции и противоречия остаются за границами рассмотрения. Для определения роли имени в структуре произведения и концепции образа является необходимым анализ имен протагонистов в их взаимосвязи. Подобная взаимосвязь обнаруживает себя на двух уровнях текста: на семантическом уровне и на фонетическом. При рассмотрении имени на семантическом уровне речь идет в первую очередь не о семантическом значении каждого отдельно взятого имени, а о семантических полях, связанных с ним.

Протагонистов в романе «Петербург» можно разделить на две большие группы[3]: получившие имя по наследству и взявшие себе имя сами, причем граница между обеими группами не является строгой. Это становится очевидным уже при анализе имени главного героя *Аполлона Аполлоновича Аблеухова*. Несмотря на то, что протагонист получил его имя при рождении, его фамилия представляет собой совокупность имени, полученного одним из его предков при крещении Ухов, с именем последнего Аблай. На параллель между именем хана Аблая и именем главного героя указывает в своей статье Долгополов[4]. Таким образом, фамилия Аблеухов принадлежит к обеим названным группам. На уровне семантического и этимологического значений амбивалентность имени обнаруживается в противопоставлении порядка, отраженного в имени и отчестве главного героя Аполлон Аполлонович, и фамилии и связанного с ней семантического поля «хаос». Это противопоставление находим мы также в самой фамилии протагониста, первая часть которой происходит от татарского Аблай и влечет за собой понятие всеразрушающего хаоса, по Владимиру Соловьеву[5]. Другая же часть – Ухов – происходит от слова *ухо*, что связывается на уровне сюжета стремлением главного героя к осведомленности относительно всего происходящего и абсолютным контролем над ситуацией. Реализацию последнего мы находим в описании необыкновенно больших ушей Аблеухова.

Раздвоение образа протагониста, обнаруженное в семантике имени, подтверждается на синтаксическом уровне посредством удвоения имени Аполлон, а на фонетическом – путем удвоения звука «л». Заглавная буква имени, отчества и фамилии протагониста «А» приводит к мысли о троичной реализации одного и того же значения и, следовательно, о единстве личности главного героя, воплощенного в его имени. Однако, учитывая, с одной стороны, два различных семантических значения, воплощенный в имени и фамилии протагониста и удвоение имени протагониста, стоящего в оппозиции к его фамилии – с другой, напрашивается

вывод о расщеплении личности протагониста, а не ее единстве. Причем расщепление происходит не на три части, как этого можно было бы ожидать из троичного повторения «А», а лишь на две. В рамках графического написания имени это раздвоение передается повторением буквы «л», символистическое значение которой определяется контекстуальной связью с семантическим полем «порядок»[6].

Удвоение имени как на семантическом, так и на фонетическом уровне наблюдается практически у всех протагонистов романа «Петербург», что маркирует раздвоение личности каждого из них. Различная реализация этого принципа позволяет рассматривать означенных протагонистов как части одного целого, представляющие в свою очередь аналогию к этому целому, то есть как части фрактальной структуры[7]. В группе протагонистов, получивших свое имя при рождении, наблюдаются две важные переклички с главным героем романа: Николай Аполлонович Аблеухов и Сергей Сергеевич Лихутин.

Николай Аполлонович Аблеухов получил имя от своего отца, а вместе с тем и раздвоение, содержащееся в этом имени. К нему добавляется собственное раздвоение личности протагониста, которое становится очевидным при фонетическом сравнении его имен. Наряду с удвоением звука «л» в отчестве протагониста из трех повторений буквы «А», символизирующих единство, образуется две заглавные буквы «А» и «Н». Раздвоение, содержащееся в главном герое, не передается просто от него к сыну, а модифицируется. В новом поколении наряду с традицией старого поколения образуется что-то новое. И это новое не является результатом традиции, но преодолевает ее, что подкрепляется этимологическим значение имени Николай – победитель. Преодоление же это не означает победы нового над старым, а вечную борьбу между старым и новым как состояние, что и отражается на уровне протагониста в его конфликте с самим собой. Борьба находит свое воплощение в звуке «и», который мы находим наряду с именем Николай в именах таких протагонистов, как Дудкин, Липпанченко и Лихутин.

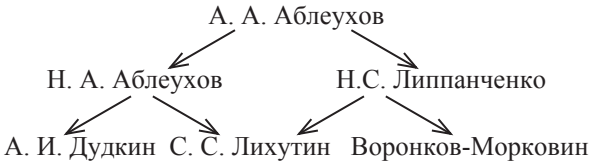
Сегей Сереевич Лихутин через удвоение своего имени образует перекличку с главным героем романа Аполлоном Аполлоновичем. При этом эта перекличка определяет конфликт, лежащий в основе образа протагониста, как конфликт между тем, кем протагонист хотел бы быть, и тем, кем он является на самом деле. Имя Сергей связывается в народе с цветом *серый*, который мы находим в романе неоднократно в описании главного героя. Таким образом, вышеуказанная перекличка сводится к общему знаменателю «порядок», а оба протагониста к их приверженности к порядку как одной из основополагающих черт их характеров. Если у Аполлона Аполлоновича эта черта приобретает скорее внешние формы, то Сергея Сергеевича она побуждает к активным действиям в виде попытки самоубийства. Предопределенность подобной реакции протагониста на разрушение установленного порядка его жизни – его подозрения супруги в неверности и как следствие впутывание его в скандал как вид беспорядка – объясняется его фамилией Лихутин и ее семантическим значением как производной от слова *лихо* – беда, рок. Рок предопределяет как попытку самоубийства, так и его неудачу. На фонетическом уровне перекличка между Лихутиным и Дудкиным объясняет реакцию первого на бомбу, которую невозможно объяснить ни характером протагониста, ни его предшествующими действиями. Таким образом, фамилия Лихутин содержит в себе как элемент предопределенности как выражения порядка, так и борьбу с ним, то есть отражает внутренний конфликт протагониста.

Имя *Александр Иванович Дудкин* представляет собой на фонетическом уровне результат расщепления имени Николая Аполлоновича Аблеухова. Из двух заглавных букв «А» остается лишь одна в имени Александр, и буква «и», связываемая с борьбой становится заглавной. Подобное расщепление позволяет поставить Александра Ивановича в один ряд с Аполлоном Аполлоновичем и Николаем Аполлоновичем, представляющим собой цепочку расщепления имен и являющийся результатом синтеза из единства, символизируемого звуком «а» и борьбы, связываемой со звуком «и». Если в случае Николая Аполлоновича борьба носит аналогично протесту Лихутина скорее «частный» характер, для Александра Ивановича она становится целью и смыслом всей его жизни. «Рука-воля» называют его в своей статье Мэйгир и Мэлмстэд[8]. Подтверждение подобного тезиса на фонетическом уровне звуком «и» ставит протагониста в один контекст с «высоким» и сакральным, что подткрепляется с одной стороны самим Дудкиным и его рассуждениями об отличии звуков «и» и «ы»: «В звуке «ы» слышится что-то тупое и склиз-

кое…Или я ошибаюсь?.. […] Все слова на еры тривиальны до безобразия: не то «и»; «и-и-и» – небосвод, мысль, кристалл…»[9], а с другой стороны, этимологическим значением имени Иван – благодать господня[10]. Таким образом, борьба Дудкина приобретает характер священной битвы, который в свою очередь разрушается повторением звука «д» в его фамилии Дудкин. Происходя семантически от слова дудка – духовой инструмент, полый внутри, фамилия протагониста опровергает возможность подобной «святой» борьбы. Мечта о чистой революции Дудкина оказывается иллюзией. Борьба, подкрепляемая этимологическим значением имени Александр – защитник, становясь через звук «и» на уровне идеи священной, сталкивается с насилием и приводит протагониста к закономерному результату шизоидного расщепления личности – безумию.

Признание насилия как единственного средства борьбы ставит Дудкина в один ряд с такими провокаторами, как Липпанченко и Воронков-Морковин. Оба протагониста принадлежат вместе с самим Дудкиным ко второй группе протагонистов с вымышленными именами. Благодаря идентичности имени *Николай Степанович Липпанченко* образует наряду с перекличкой с Дудкиным также перекличку с Николаем Аполлоновичем. Подобно последнему, Липпанченко настроен на борьбу и, подобно последнему, терпит в ней поражение. Если у Николая Аполлоновича борьба носит прежде всего умозрительный характер, у Липпанченко она выливается в хаотический, «грязный» и беспринципный терроризм. На фонетическом уровне это находит свое отражение в звуках «л», «п», и «и» и прежде всего в их удвоении. Удвоению звука «л» в отчестве Николая Аполлоновича соответствует удвоение звука «п» в фамилии Липпанченко, который в романе сопоставляется с фантомом Пепп Петрович Пепп, преследующим Николая Аполлоновича и связываемым с семантическим полем «хаос». Хаотический элемент подтверждается семантическим значением фамилии Липпанченко, происходящей от слова *липкий* – не имеющий структуры.

Перекличку к Липпанченко и Пеппу образует *Воронков-Морковин*, использующий по необходимости одно из предложенных имен. Первое имя, являясь подложным, представляет собой единственное, под которым протагонист живет. Второе же имя называется протагонистом как правильное, но тут же им же опровергается: «Моя фамилия Воронков, тогда как я есть Морковин»[11]. Путаница в именах, сознательно поддерживаемая протагонистом, отражает его роль в романе как провокатора. У него нет настоящих имен, а лишь два ложных: «так он был на балу? Да, он был… Разговаривал с батюшкой… Именно: упоминал и о вас… После встретился в переулке. Увел в ресторанчик. Назвался? Морковиным…»[12] Воронков-Морковин представляет собой тот сухой остаток, остающийся при расщеплении Липпанченко и позволяющий закончить схему расщепления главного героя на уровне всей структуры текста.



Примечания

[1] См.: Hengst, K. Eigennamen als Strukturelemente in literarischen Text / K. Hengst, I. Sobanski // English in the Modern World. Festschrift for Hartmut Breitkreuz on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Frankfurt/M., 2000. P. 84–101.

[2] См.: Maguire, R. A. Petersburg / R. A. Maguire, J. E. Malmstad // Andrey Bely. Spirit of Symbolism. Ithaca, 1987. P. 110.

[3] Вишня Ристер исходит в своей работе из отношения между обозначающим и обозначаемым и определяет три группы имен. К первой относятся имена, являющиеся обозначающим для одного обозначаемого, ко второй – имена, имеющие несколько обозначающих для одного обозначаемого, и к третьей – имена, обозначающие несколько обозначаемых. Rister, V. Имя персонажа у А. Белого // Russian Literature, 1987, XXI. С. 99–114.

[4] Долгополов, Л. К. Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 353.

[5] См.: Соловьев, Вл. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 736–742.

[6] Подробнее к значению определенных букв см.: Белый, А. Вершины // Петербург. М., 1981. С. 501–502.

[7] Подробнее к фрактальной структуре см.: Леонова, М. Фрактальная структура литературного текста на примере романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» // Научни трудове. 2010. № 1. С. 297–308.

[8] Maguire, R. A. Petersburg... P. 112.

[9] Белый, А. Петербург. СПб., 2004. С. 41.
[10] Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова. М., 1995. С. 180.
[11] Белый, А. Петербург... С. 173.
[12] Белый, А. Петербург... С. 236.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 40–47.

Mark Turner

LANGUAGE, GESTURE, BODILY STANCE: GRAMMAR AS A MULTIMODAL SYSTEM

Television news represents a uniquely available dataset of common communicative practices, with the additional attraction that it has been deliberately crafted by professional teams to grab attention, convey complex meanings in a rapid and compressed format, and persuade by implication. The way in which television succeeds in tapping into ancient interpretive structures in our cognitive system makes its detailed examination particularly revealing.

Keywords: *blend, cognitive linguistics, communication, data.*

Nearly all scenes involving human beings include communication in multiple modalities. Facial expressions, eyes, hand gestures, bodily stance, and voice are combined with the perceived affordances of the surroundings into an integrated and partially shared experience, including touch and audiovisual signs that are often not verbal or, anyway, not strictly verbal. There are 7 billion human beings on earth now, and they have been communicating in this fashion for at least 50,000 years. The result is a vast amount of potential data, comparable in complexity to the information available to astrophysicists, zoologists, and geneticists. Yet the datasets linguists rely on for deciphering the hidden orders of human communication remain almost entirely textual. The relatively few and small corpora we have of multimodal communication often come from specialized circumstances, such as interviews conducted by experimenters in whiteroom lab settings. How can we broaden the foundations of our study of human communication?

Methodologically, we need to check our hypotheses against data. In the face of small, biased, and narrow archives of data, language scientists have often relied on personal introspection to choose between hypotheses. Yet, it is well-recognized by now in cognitive linguistics that although personal intuition can be a source of hypotheses, it has weaknesses as a test of hypotheses. For example, as Dąbrowska [3] shows, judgments made by linguists diverge from those made by the general population. She concludes that "syntacticians should not rely on their own intuitions when testing their theories."

For all these reasons – the sparseness and the biases of the data, the relative lack of systematicity, the relative lack of multimodality, the unreliability of introspective data – there has been a push in linguistics to develop corpora and methods for investigating cognitive linguistic questions through big datasets, some of them multimodal.

The Distributed Little Red Hen Lab, or "Red Hen," is a research program dedicated to this goal. Red Hen is a global enterprise designed to create a massive systematic corpus of ecologically valid multimodal data, along with new tools and practices to analyze this data. Red Hen records audiovisual news broadcasts systematically, and supplements the resulting dataset with other audiovisual records. This is made possible by section 108 of the U.S. Copyright Act, which authorizes libraries and archives to record and loan audiovisual news programs.

The Data

Red Hen's core dataset consists of the NewsScape Library of International Television News, housed and maintained securely at the library of the University of California, Los Angeles. Other datasets are in development. NewsScape consists of roughly 200,000 hours of broadcast network news, in a variety of languages. These data reveal the quick cultural creativity and extraordinary

cultural variation of network news. They include roughly a billion words of timestamped closed-captioned texts, and roughly a billion words of transcripts. Red Hen ingests another hundred hours or so of global network news daily. We have begun to capture several Scandinavian channels and two channels from Spain, and we are currently working on expansion to other languages.

Red Hen has developed code for putting transcripts, where they exist, into time-stamped registration with the closed-caption text and aligning both with the audiovisual stream. Red Hen is also extracting on-screen text with optical character recognition and exploring ways to deploy speech-to-text transcription for broadcasts that lack closed-captions. Funded by a four-year National Science Foundation grant, Red Hen employs graduate students in Statistics, Computer Science, Information Studies, Communication Studies, and Political Science at UCLA and the University of Illinois Urbana-Champaign (UIUC) to develop techniques for automatic story segmentation, topic hierarchies, named entity recognition, speaker identification, and geospatial tagging. Computer vision students work on person detection, face recognition, and the characterization of visual features in facial expressions, clothing, and pose. Landscapes, buildings, vehicles, objects, and symbols are also being tagged, to permit richer description of the affordances of the environment and their systematic use in visual communication. Scholars of audio analysis examine the collection for strong emotions, vocal characteristics, and patterns of music use. Information scholars are developing new and interactive forms of data visualization. Broadcast news presents a series of hard problems to multiple disciplines, calling for transdisciplinary collaboration.

Red Hen data are highly multimodal, including speech, on-screen text, gesture (broadly defined), bodily stance, music, sound effects, graphics, and a range of other audiovisual expressions. Red Hen data are legendarily ecologically valid: human beings find TV news immersive throughout their lifespan, in all developed cultures and in all of the most-commonly studied languages. The data are broadcast daily to billions of people worldwide – for an impression, see the supporting website, which presents pictures of people in various environments attending to the news.

While the experience of watching the news is now ubiquitous, as a mode of human communication it remains a cultural novelty. The technologies and practices of multimodal news communication have undergone rapid developments over the past century – a blink of an eye compared to the history of language. They represent significant cognitive innovations: at no previous point in human history have people had the ability to assemble representations of events that to a high degree reproduce the human experience of vision and hearing. The technologically mediated communicative practices of television news present an opportunity and a challenge to our understanding of the human communicative system, inviting us to extend our study of linguistic phenomena into new multimodal forms of expression.

What do we think is happening when we watch the news? How do we make sense of the scene? Human beings have a rich experiential understanding of scenes of face-to-face "communicative joint attention." Joint attention is a human-scale scene in which some people are attending to something and know they are all attending to something and know also that they are engaged with each other in attending to it [18 ; 17]. In "communicative joint attention," people are not only jointly attending but also communicating with each other about the focus of their attention, even if the communication is very sparse, consisting perhaps of only pointing. We use the term «classic joint attention» to refer to perhaps the most fundamental scene of communicative joint attention, in which two or a few people in face-to-face presence are not only attending to something that is directly perceptible but are moreover communicating about it in a sustained way (Thomas & Turner 2011, Part 3.). The multimodal patterns of managing classic joint attention have been closely studied in the tradition of Erving Goffman [9], notably in e.g. [14].

Watching the news is not a scene of classic joint attention, but it tacitly builds upon that understanding. The many mental spaces needed to make sense of a scene of watching network news include classic joint attention, the broadcast viewer, everyone in the viewer's environment involved in jointly watching the broadcast, everyone outside the viewer's environment involved in watching the broadcast, the staff involved in crafting the communication, the crews that handle the technology, the technology itself, the items that are the focus of the news and to which our attention is directed, and so on and on and on. This diffuse mental network would be intractable to the viewer except that we can blend its many connected mental spaces into an anchoring scene of blended joint attention, much of whose structure is provided by the all-important input space of classic joint attention. In

the blend, we are in a scene of human-scale classic joint attention. Some of the management and communication techniques available in classic joint attention project down easily to the blend, some do not, and the blend develops emergent techniques of its own, which it is our purpose to study.

We are not deluded by this blend; contrary to the claims of Reeves & Nass (1996), it is not simply the case that we equate the media with reality. The blend integrates conceptual structure from multiple sources into a seamless and mentally manageable whole. We know, for example, that, in the full mental network, the anchor who addresses us as "you" or who says "I will show you that in a minute" and who is looking at "us" does not actually know us or see us. In the vast mental network surrounding and anchored by the human-scale scene of blended joint attention, we know that there are hundreds of agents, and people we do not see, and technological manipulation, and so on. Our attention, however, is typically focused on the meanings made available through high levels of compression achieved inside the blend. Inside the blend, we are in a congenial scene structured by the concept of classic joint attention. Accordingly, many of the linguistic constructions and words and gestures developed for classic joint attention can be projected to the blend and used directly of the blend. We do not need to invent entirely new language or gestures in order to run and understand this scene of news broadcasts. To be sure, as we will see, new or extended communicative constructions can also emerge in this blend, but they are based on constructions we already know for our normal scenes of classic joint attention.

One of the basic research missions of Red Hen is to analyze such multimodal constructions.

What is a Construction?

Construction grammarians use the term "construction" in a range of ways, but in all of them, a construction is a mental packet, consisting of a form-meaning pairing that speakers of a language know. Goldberg writes:

A construction is defined to be a pairing of form with meaning/use such that some aspect of the form or some aspect of the meaning/use is not strictly predictable from the component parts or from other constructions already established to exist in the language. On this view, phrasal patterns, including the constructions of traditional grammarians, such as relative clauses, questions, locative inversion, etc. are given theoretical status. Morphemes are also constructions, according to the definition, since their form is not predictable from their meaning or use. Given this, it follows that the lexicon is not neatly delimited from the rest of grammar, although phrasal constructions differ from lexical items in their internal complexity. Both phrasal patterns and lexical items are stored in an extended 'constructicon' [10].

A construction might include various related elements for which traditional linguistics has various names – phonology, internal syntax, external syntax, semantics, pragmatics, and so on. Constructions can be more or less "lexically filled." For example, the "Way" construction [12] and the "What's X doing Y?" construction [13] require that the lexical item "way" and the lexical items "what" and "doing" fill the right spots in instances of the constructions. Examples of the "Way" construction include "she found her way to the market" and "he lied his way to the top." Examples of the "What's X doing Y?" construction include "What are you doing talking to me?" and "What's this coffee cup doing on my coffee table?"

The basic vocabulary we need to talk about research into multimodal constructions comes from the notion that to know a language is to know a relational network of constructions and how they can be blended to create forms that when expressed count for (many) other speakers of the language as belonging to the language. They count as expressions in the language because those other speakers are able to find in their own relational network of constructions some established constructions that blend to produce just those forms. By "constructicon," we will mean this knowledge of constructions and how to blend them. Broadly, knowing a language is knowing such a relational network of constructions and how its constructions can be blended to produce forms that can be expressed. Accordingly, the two-year-old and the eighty-year-old from different geographical areas can both be thought to "know" a single language even though what they know might be considerably different. We modify our knowledge of constructions and the way they blend as we develop.

Crucially, the constructicon is multimodal. We can sum up our project as the investigation through the powers of Red Hen of multimodal constructions and how they blend. In exploring the ways in which the idea of a construction in linguistics extends and generalizes to technologically mediated forms of multimodal communication, as they have been extended to interpersonal forms of multimodal communication, we remain open to the possibility of radical discontinuities and unprecedented innovations. Our point of departure

is that network news relies heavily on a carefully orchestrated system of generating blended joint attention, creatively building on a series of constructions we recognize from the analysis of linguistic communication.

Audiovisual Correlates of Linguistic Constructions

Cognitive linguists routinely study basic mental operations and phenomena that are not exclusive to language but that are deployed in language and leave their mark on its structure: mental space phenomena, conceptual integration, categorization, image-schematic structuring and transformation, fictive motion, force dynamics, viewpoint phenomena, scanning... Since the news deploys other modalities than speech and text, it is an obvious project to look for the ways in which these basic mental operations and phenomena are deployed in those other modalities.

Many words in many languages prompt us to build conceptual integration networks containing relations of counterfactuality, such as "safe", "accident", "dent", "mistake", "Good thing…", "Too bad…", and so on. The news presents counterfactuality so routinely that it is surprising that the stereotype of the news is that it presents "what's happening." The news has standard routines for audiovisual prompting of the counterfactual. One of the most straightforward of these standard routines is to show a visual prompt for the actual counterfactual scene. For example, a young woman who stars as a student in a based-on-a-true-story film about a high-school teacher who was fabulously successful in teaching mathematics to inner-city poor youth reports, "I thought if only I had come to this school, if only I had him for a teacher, I would have learned math", and the TV news immediately shows a picture of a young woman dressed as a student standing with the legendary teacher, so we can map the speaker onto the student. (See the supporting website.) A woman at the beauty parlor says "If only I had some shoes", and the TV news immediately shows a vast array of shoes. (See the supporting website.) It is easy for us to imagine the counterfactual, but not to perceive it. Television is using its standard technique in these cases of moving an operation that is normal to human imagination into actual human perception. The bizarre perceptual phenomenon does not seem bizarre to us at all because it is a familiar imaginative phenomenon.

Such data, in which the news visually presents a representation of the counterfactual scene or counterfactual elements needed for constructing the blend, are vast and often subtle and nuanced, falling into a variety of types. Consider the word "detour", which prompts us to construct one space with one path A on which something travels and another space with another path B on which the same thing travels. When we blend these so as to take both paths but travel on A, then the counterfactual relationship between travel on A and travel on B is compressed to absence of travel on B. Language for expressing this blend includes "direct", "quick», and so on. If we blend the same inputs so as to take both paths but travel on B, then the counterfactual relationship between travel on A and travel on B is compressed to absence of travel on A. Language for expressing this blend includes "detour", "delay", and so on. Red Hen offers a specific case in which police traveling to an island took path B by inflatable boat, and during the period of the travel, scores of young people were murdered on an island not far from Oslo, Norway. In this presentation, the "detour" causes a "delay", used as an invitation to the audience to construct a network with a counterfactual connection between the two journeys. Without explicitly accusing the police, the news is designed to lead its viewers to contemplate the alternative scenario and to compare the two outcomes. The delta of this operation is additional deaths: taking the "shortest route" would accordingly have "saved lives." All during the linguistic presentation, the news is showing a satellite image of the geographical area, with the diagrammatic trace of the possible and the actual travel by the police. The dynamic travel that in fact did not happen is shown first, followed by the route actually taken (see the supporting web site). The words "Dette er den korteste veien til Utøya" 'this is the shortest route to Utøya' and "politiet valgte å kjøre denne omveien" 'the police chose to take this detour' are accordingly paired with visual presentations for the blend that prompt for the activation of the different input spaces, the counterfactual relationship between them, and the compression to features like absence, detour, delay, and so on.

This depiction of the counterfactual exemplifies how the news uses the multimodality of the presentation to prompt for the understanding that we linguists usually analyze by inspecting the linguistic phenomena only. Red Hen would seem to be a natural dataset for such investigations. Presumably, for example, one could investigate gestural prompts for the construction of counterfactuality and blending to produce emergent structure.

Let us consider a specific grammatical construction for which there was originally an im-

plicit hypothesis about its natural alignment with multimodal presentation. Nikiforidou [15 ; 16] analyzes the role of blending in a construction she calls "Past tense + proximal deictic», with emphasis on the cases where the proximal deictic is "now." This well-known construction is also broadly analyzed in [5. Ch. 7 ; 5]. The preferred patterns are "was/were + now", as in "It was now possible…" and, for a non-copula verb, "now + past tense", as in "He now saw that…" Nikiforidou provides "a detailed blueprint of the blending mappings cued by the [past + proximal deictic] pattern" [15. P. 177]. Essentially, the pattern calls for a blend of viewpoints, in which our overall understanding is stage-managed from the point of view of a narrator but some self or consciousness located in a previous time is contextually available and prominent, and the events experienced in that previous time are to be construed "from the point of view of that consciousness, as that character's thoughts, speech or perceptions" [16. P. 266]. The blended viewpoint takes on elements of different perspectives and compresses a time relation. The mental space of the narrator's condition is still the mental space from which the narrated space is accessed and built up, but the experiential perspective comes from inside the narrated events. There is considerable emergent structure in the blend. In the blend, it is possible to have not only knowledge that is available only at a distance but also to have the experience, perception, and realization available only up close.

In a study of the British National Corpus, Nikiforidou shows that this is a highly productive construction, even outside of literary genres.

Presciently, Nikiforidou writes that the grammatical pattern has the "effect of zooming in on the events" [15. P. 180]. Let us consider "zooming in." A human being can shift focus and attention and can locomote or lean forward or back in order to change the angle that objects subtend in the visual field, but, absent assisting technology, a human being cannot zoom in on or zoom out from an actual percept – that is, a human being cannot, without changing the location of the head, change the angle that objects subtend in the visual field. Yet, it is easy to "zoom" in visual imagination, as anyone can demonstrate. In your mind's eye, picture some landmark near where you live – a familiar building, a bridge, a body of water, for example – or picture a person. Now, in visual imagination, zoom in. Now zoom out. Zooming seems to be a very common and easy manipulation in imagination. Perhaps imagination works this way because we do have the actual experience of an image in the visual field getting "larger" as we move toward it or "smaller" as we move away from it, and we can of course do time-scaling in imagination because of blending, so zooming in imagination is available as a product of blending over experience, but not projecting to the blend the movement of the viewer. Does the news adopt this mental functionality of the zooming imagination by using a photographic visual-field analogue of mental zooming? That is, does it move an operation from imagination into perception? Yes. For screens that result from camerawork, we have available a mental blend in which our eye is fused with the camera lens or with the through-the-lens viewfinder. Now, when the camera zooms – which it can do because it has a lens array that our eyes do not have – our vision, in the blend for the news, zooms. So the next question is: When we are in a news scene of narration and the narrator uses the past + now construction, does the camera zoom in on the self or consciousness that had the experiences?

Yes. Or rather, that is what we often find in Red Hen. There is a hitch in providing this past + now visual zoom, because the narrator speaks at one time about a consciousness at a previous time. That is a mismatch. The consciousness and its experiences are not available in the narrator's immediate environment, or indeed in any of the mental spaces we have for considering the production and broadcast of the narration. How do we deal with the mismatch? The news production team must provide some suitable prompt for that consciousness in the past, but it isn't with them. There are several ways to resolve the mismatch. The three most common appear to be (1) have the person who is coreferential with the consciousness we are narrating re-enact the events, with the appropriate setting and staging and so on, and film that scene; (2) find archival still photos of that person at the time and present them, perhaps, e.g., with a Kens Burns effect, as the narrator uses the past + now construction; (3) find historical film footage containing the person and run that footage as the narrator uses the past + now construction. One can, of course, do all three. For all three of these expedients, one can zoom in on the images. Of course, narrators on the news usually just narrate, without using this extra production, but such zooming production is easy to find in Red Hen. Nikiforidou did not explicitly predict these data, but implicitly she did, and the data support her intuition of what is going on mentally.

Here are two examples (see the supporting website for the clips). In the first, the narrator is

telling the story of Kim, who as an adult had to deal with her mother's continuing to invest in what Kim came to understand was a fraudulent business scam. While the narrator uses phrases like "Kim now saw..." and "Kim now wondered...", we see scenes of what must be a more recent Kim balancing a checkbook, shaking her head, doing sums, comparing documents, and so on. Kim is re-enacting her consciousness and behavior from the past. The production team uses camera zoom and jump cut to get closer to the image of Kim's re-enactment of her scenes of realization as the narrator uses the past + now construction.

Nikiforidou writes of the linguistic construction.

In blending terms, ... resolution of (apparent) conflict is often achieved through the mechanism of compression, whereby elements that are conceptually separate in the input spaces are construed as one in the blended space. The construction at hand, I suggest, cues a particular kind of compression, namely compression of a time relation. The dynamic, continuously updated character of such blending networks renders them particularly suitable for representing meaning in a narrative, where formal clues may often give conflicting instructions even within the same sentence (as is the case with FIS [Free Indirect Speech]) [15. P. 179].

We see in the news the audiovisual analogue of this blending prompt: in the news, we have input spaces in which the narrator and the production team have a viewpoint on the past and on the orchestration and arrangement of all the mental spaces involved in the network of the narrative, and we have a particular input space that has Kim and her experiences, and we are prompted to create a blended space that has projections from both the orchestrating viewpoints and Kim's viewpoint, creating there a great compression not only of viewpoint but also of time.

One of the most interesting and common uses of past + now occurs when the narrator and the narrated consciousness are coreferential. We find many such examples in Red Hen, such as a documentary on the Pentagon Papers, in which Daniel Ellsberg, who leaked the Pentagon Papers, is narrating in advanced age his exploits in the period 1967–1971. (See the supporting website.) As he narrates, we see historical footage of several presidents discussing the Vietnam conflict publicly, along with historical footage of the war. But we also see, in montage, close-ups and zooms of Ellsberg at the time. Perhaps these scenes are acted, using an actor to play the young Ellsberg – the audience is not told. In montage, as the historical footage runs, we are treated to close-ups of fingers – which we are to take as belonging to Ellsberg – running over the typed words of P. of the Pentagon Papers. We see "Ellsberg" opening volumes, closing them, shifting them, inspecting the documents, all in great close-up, and using various zooming techniques. Ellsberg the narrator is using the past + now construction: "I now saw that [President Lyndon] Johnson was continuing a pattern of presidential lying." We construct a viewpoint blend in which the viewpoint of the orchestration of the entire narrative is projected from the mental space with Ellsberg the narrator but the viewpoint on the experience of realizing what was happening is projected from the space of Ellsberg as he reads the Pentagon Papers for the first time. There is extraordinary emergent structure in this blend, including Ellsberg's ability to speak for his young self in a way that probably would not have been available to him at the time, and of course and enduring, manufactured, compressed character for "Ellsberg" the man: young Ellsberg and old Ellsberg are of course extremely different things, but the analogies between them, including analogies of viewpoint, can be compressed to a characterological unity in the blend.

Just in passing, we acknowledge that it is possible to deploy not only reinforcing or supplementary linguistic and audiovisual constructions but also conflicting constructions. This is a standard technique of humor and various forms of entertainment. It is also a technique of news broadcasts whose brand is based in an explicit and reliable political or ideological stamp. These shows routinely ridicule the opposition by providing footage of the opposition with accompanying audiovisual constructions designed to make them look stupid.

Novel Broadcast Constructions

Since new constructions arise by blending existing constructions and conceptual arrays, there is really never any construction that is truly "novel." Human cognition and expression is highly conservative, although what we focus on is often the emergent structure. Accordingly, when we discuss "novel broadcast constructions», we do not mean to indicate that they are not based on antecedent constructions. On the contrary, everything new human beings contrive is deeply based in established input spaces. Otherwise, it would be not novel but rather unintelligible.

The power of broadcast news to use so many modalities simultaneously, not as a combination but rather as a system that different disciplines have tried to approach as a linear sum, produces

a wealth of partly-novel broadcast constructions. Consider, for example, the extraordinary work of news broadcasts to talk about the future, as in weather forecasts. What is required in this case is amazing compressions over not only time, space, causation, and agency, but also possibility. Some of the audiovisual prompts for these compressions are spectacular but look utterly natural. For example, in weather reports about impending meteorological reports such as hurricanes, one can find the usual linguistic expressions, such as "likely", "perhaps", "threat", and so on, both in the speech of the weather forecaster and in the on-screen text. Graphics often accompany these verbal reports, and the graphics can be extremely sophisticated while striking viewers as entirely ordinary. It is common, for example, to display, using compression of time and space, the future of a hurricane. One sees representations on a map that we are to take as prompting for a conception of the path of the hurricane, and also the hurricane's size, but there is more: As the path moves into the future, there is an expanding width to the cone of incidence for the hurricane, not because the radius of the hurricane itself is expanding, but because our ignorance of the probable location of the hurricane is increasing. The conical graph on the map compresses not only time and space but also epistemic stance. We seem to have here a visual correlate of an evidential marker. (See website for an example).

Conclusion

The multimodal dimensions of human communication present a rich field of discovery and insight that extends existing linguistic theories into other modalities, providing new opportunities for systematically testing and validating intuitions. The different modalities of a communicative act are not simply redundant, but provide new aspects of meaning that a multimodal analysis can uncover. Nor is the construction of meaning across modalities mechanically additive; rather, meanings emerge as crossmodal blends that rapidly synthesize selected features of the information into new wholes. To understand human communication, we must develop a new facility for understanding the grammar of multimodal meaning construction.

The Red Hen project aims to integrate a multimodal data collection of global television news with data enhancement, multimodal data mining, and cognitive analysis of multimodal communicative practices. Television news represents a uniquely available dataset of common communicative practices, with the additional attraction that it has been deliberately crafted by professional teams to grab attention, convey complex meanings in a rapid and compressed format, and persuade by implication. The way in which television succeeds in tapping into ancient interpretive structures in our cognitive system makes its detailed examination particularly revealing.

References

1. Cohen, Gerald. 1987. Syntactic Blends in English Parole. Frankfurt, Bern, New York: Peter Lang.

2. Coulson, Seana. 2013. "Cognitive neuroscience of creative language." This volume.

3. Dąbrowska, Ewa. 2010. "Naive v. expert intuitions: an empirical study of acceptability judgments», The Linguistic Review 27 (2010), DOI 10.1515/tlir.2010.001

4. Dancygier, Barbara. 2012. The Language of Stories: A Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Dancygier, Barbara & Eve Sweetser, editors. 2012. Viewpoint in Language: A Multimodal Perspective. Cambridge UK: Cambridge University Press.

6. Fauconnier, Gilles & Mark Turner. 2002. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books.

7. Fillmore, C. J. 2006. Articulating Lexicon and Constructicon. Presentation at the Fourth International Conference on Construction Grammar, Tokyo, Japan.

8. Fillmore, Charles J., Russell R. Lee-Goldman, Russell Rhodes. 2011. "The FrameNet Constructicon." In Boas, H.C. and Sag, I.A. (eds.) Sign-based Construction Grammar. Stanford: CSLI Publications.

9. Goffman, Erving. 1967. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. Chicago: Aldine

10. Goldberg, Adele. 1996. "Construction Grammar." In Brown, E.K & J. E. Miller, editors, Concise Encyclopedia of Syntactic Theories. N.-Y.: Pergamon.

11. Hofstadter, Douglas & David J. Moser. 1989. "To Err is Human; To Study Error-making is Cognitive Science." Michigan Quarterly Review, Volume 28, number 2, P. 185–215.

12. Israel, Michael. 1996. "The Way Constructions Grow." In Goldberg, Adele, editor, Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford: CSLI. P. 217–230.

13. Kay, Paul & Charles Fillmore. 1999. "Grammatical Constructions and Linguistic Gen-

eralizations: The What's X Doing Y? Construction." Language, Vol. 75, №. 1., P. 1–33.

14. Kendon, Adam. 1990. Conducting Interaction: Patterns of behavior in focused interactions. Cambridge: Cambridge University Press.

15. Nikiforidou, Kiki. 2012. "The constructional underpinnings of viewpoint blends: The Past + now in language and literature." In: B. Dancygier & E. Sweetser (eds.), Viewpoint and Perspective in Language and Gesture. Cambridge: Cambridge University Press. P. 177–197

16. Nikiforidou, Kiki. 2010. "Viewpoint and construction grammar: The case of past + now." Language and Literature 19(2) 265–284.

17. Tobin, Vera. 2008. "Literary Joint Attention: Social Cognition and the Puzzles of Modernism." (unpublished dissertation).

18. Tomasello, M. 1995. "Joint Attention as Social Cognition." In Moore, C. and Dunham, P. (Eds.) Joint Attention: Its Origins and Role in Development. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

19. Turner, Mark. 1991. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

20. Turner, Mark. 1998. "Figure." In Cristina Cacciari, Ray Gibbs, Jr., Albert Katz, and Mark Turner, Figurative Language and Thought. N.-Y.: Oxford University Press, 1998.

21. Turner, Mark. 1987. Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism. Chicago: University of Chicago Press.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 47–50.

Г. Г. Москальчук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕКСТА

Рассматриваются пути синтеза различных текстов в макроструктуры на основе пространственных параметров. Намечены некоторые направления межуровневого описания языка, исходя из текста как единицы высшего уровня сложности. Представлена архитектоника системы «Текст ↔ среда» на базе категорий симметрия/ асимметрия, типология текстов, построенная от их аттракторов. Рассматриваются нерешенные и актуальные вопросы теории формообразования (морфогенеза) текстовых структур.

Ключевые слова: *текст, морфогенез текстовых структур, форма текста, аттрактор, среда, структура, симметрия, асимметрия, синтез, фрактальность.*

В уровневой модели описания языка сложилась непростая терминологическая ситуация: единицы и единства каждого уровня описываются слабо пересекающейся терминологией, а переходы между выделяемыми уровнями изучаются лишь эпизодически. Тем не менее, коммуникативная, деривационная и просодическая природа языка нацеливает лингвистов на некоторое единообразие в описании, как единиц, так и единств языка не только в статике, но и в динамике, а также должным образом изучать процессы синтеза, осуществляющиеся в единицах на стыке различных уровней организации. Поскольку текст и дискурсы разного рода являются реальными полями информационно-семиотического и коммуникативно-информационного взаимодействия языков, личностей, сообществ, культур, то именно этот уровень определяет характер многих процессов, протекающих в структурах иных порядков организации.

Только текст может полагаться важнейшей единицей человеческого общения, концентрирования и хранения значимой информации. Поэтому синтез результатов разнообразных направлений изучения текста, обширных массивов сведений, накопленных на этом пути, качественно-количественных данных о текстах на различных языках, может быть осуществлен на основе инвариантных представлений о структурной организации текста как базовой единицы языка.

Текст обладает собственной геометрией квазипространства, распределенного в физиче-

ском пространстве-времени, представленном в виде последовательности его отдельных позиций. Измерителем внутритекстового пространства-времени является позиция как репрезентант протяженности единиц языка и иных семиотических структур, включенных в текст.

Морфогенез, или формообразование текстовых структур, определяется пространственно-временной природой текста как информационного пакета, языковой единицы высшего уровня [4 ; 6 ; 7]. Полагаю, что единую межуровневую грамматику текста (дискурса) необходимо строить, исходя из интересов высшего информационно-структурного уровня языка и речи, а основными единицами здесь выступают текст как целое и дискурс с его коммуникативно-ситуативным окружением. Разумеется, не снимаются вопросы о способах объединения текстов в гипертексты, о родственных генетических связях вторичных текстов, о дискурсивном существовании текстов и т. п.

Путей описания языковых структур, их объединений и взаимопереходов может быть немало. Поэтому предлагаемая система описания структур и их деривационного бытия может осуществляться на основе метроритмической матрицы текста как конструкта, который позиционно детерминирован и пространственно инвариантен ко всем иным изменениям, то есть толерантен к особенностям языков, стилей, авторству, устной и письменной репрезентации и т. п. [6].

Синтез внутритекстовых структур во многом определяется пропорционально-временным и пространственным характером формы текста, понимаемого как один из объектов природы, где саморазрастание самоподобных структур (фрактальность) в пространственно-временном континууме является одним из распространенных способов морфогенеза [1. С. 14–76 ; 6]. Форма текста имеет также ряд особенностей, ограничивающих свободную пространственно-временную реализацию фрактальных структур. При этом, естественным образом, возникают некоторые искажения свободного разрастания структур, возникает достаточно широкое, но ограниченное разнообразие вариаций формы [6. С. 281–294]. Индивидуальность формы создается комплексом причин и обстоятельств, иногда случайных и слабо предсказуемых.

Языковые структуры, возникающие в естественных текстах, для человека содержательны. Формы текста (их выявлено 243) повторяются в речевой деятельности, но с различной вероятностью, что, вероятно, обусловлено их различием в способности хранить и передавать информацию. Деятельность же человека в сфере формообразования текста осуществляется неосознаваемо, не находится в светлом поле его сознания. Она до некоторой степени столь же «автоматизирована», как и использование других единиц языка, но подчиняется как структура и система высшего порядка известным природным алгоритмам: биоритмы головного мозга, повторяемость, симметрия, асимметрия, пропорции (в том числе золотого сечения), числа ряда Фибоначчи и др. Скрытые алгоритмы природы, проявляющиеся в языке, выявляются в процессе анализа естественно созданных человеком текстов [6].

Прежде всего, в тексте как цельном и отдельном информационном пакете отчетливо выделяются его левая и правая границы, то есть сопряжения некоторого предтекста с абсолютным началом текста и, соответственно, сопряжение текста с его абсолютным концом и затекста. Граница является важным местом контакта и/или взаимодействия двух структур, встраивающихся в новую макросистему, например, текст и дискурс, текст и концептуальная система индивида и др.

Текст, как и и его среда, могут быть гомогенными и гетерогенными, могут репрезентировать различные семиотические системы. Поэтому возникает вопрос о контурах этой макросистемы, о способах взаимодействия и/или взаимовлияния среды и текста, что может описываться с помощью понятий симметрия и асимметрия. Архитектоника системы «Текст ↔ среда» выстраивается с учетом ряда ограничителей комбинаторики составляющих подсистем. Теоретически возможны 4 случая:

1. Симметрия текста в сочетании с симметрией среды приводит к неопределенности локализации аттрактора системы, к неразличимости текста в среде (привычное, стандартное, традиционное и т. п.).

2. Симметрия текста в сочетании с асимметрией среды локализует аттрактор вне текста (в ситуации, в концептуальной системе субъекта и т.п.). Следствием является различимость среды, а текст воспринимается как нечто стандартное, традиционное в необычном окружении.

3. Асимметрии текста в сочетании с асимметрией среды соответствует различимость дисгармоничного ансамбля «Текст ↔ среда»,

при этом неопределенность параметров наблюдается как вне текста, так и в самом тексте.

4. Асимметрия текста в сочетании с симметрией среды является наиболее предпочтительным и оптимальным вариантом осуществления речевой деятельности. Данная композиция обладает следующими свойствами:

а) аттрактор локализуется в тексте, что делает сам текст и его аттрактор как носитель доминантного смысла, доступным для наблюдения (восприятия);

б) различимость текста в среде открывает возможность гармонизации деятельности через текст как посредник, что может применяться в разнообразных сферах (НЛП, эстетическое, суггестивное и педагогическое воздействие, терапия, реклама, пропаганда, перевод и т. п.).

Поскольку в тексте выделяется аттрактор как сосредоточенная структурно-динамическая локализация его доминантных структур и смыслов, как область, изоморфная целому, и одновременно компромисс интересов формы и отдельных внутритекстовых структур, то необходимо рассмотреть композиции текста и среды с учетом позиций аттрактора. Аттрактор является фрактальной ячейкой формы и смыслов текста, что разрешает новые способы интерпретации текста в теоретическом и прикладном аспектах [1. С. 14–76]. Иными словами, теория аттракторов и есть теория текстов.

Теория систем в варианте Ю. А. Урманцева предлагает удобный для лингвиста инструментарий описания различных структур и их композиций в системах разного рода [8. С. 65–86]. Ограничение разнообразия формы в реализованных, а, следовательно, коммуникативно успешных текстах, должно изучаться в соотнесении с теоретически возможной комбинаторикой макроструктур, в которые интегрируется текст в процессе селекции вариантов его структур и их вероятных комбинаций, с реальным разнообразием, в том числе, структур самих аттракторов [1. С. 50–56]. Типология текстов, спонтанно организующихся относительно его аттракторов, теоретически строится следующим образом (далее использованы условные обозначения: 1 – вход в аттрактор, 2 – аттрактор, 3 – выход из аттрактора; < > – указание на принадлежность компонента среде (предтекст/затекст); [ ] – компонент принадлежит тексту, находится в его границах; { } – границы системы «предтекст – текст – затекст»):

1 тип: {[1 2 3]} – центростремительная модель с входом и выходом;

2 тип: {<1> [2] <3>} – стабильная модель с входом и выходом;

3 тип: {<1> [2 3]} – началостремительная модель без входа, но с выходом;

4 тип: {[1 2] <3>} – концестремительная модель с входом, но без выхода;

5 тип: {<1> <2> <3>} – аттрактор в предтексте, модель без входа, но с выходом;

6 тип: {[1] <2> <3>} – аттрактор в затексте, модель с входом, но без выхода.

Таким образом, в моделях 1–4 типов аттрактор располагается в тексте, а в моделях 5 и 6 типа аттрактор располагается в среде, а не в тексте. Центральным объектом теории морфогенеза текстовых структур является форма текста, именно его метроритмическая матрица концентрирует и отражает физические параметры речемыслительной деятельности человека, эволюционно сложившиеся и адаптированные к психофизиологическим особенностям человеческого способа восприятия информации, ее закрепления в языковых знаках, хранения и оперирования информацией. Поэтому параметры формы текста, извлеченные из уже достаточно обширных и разнообразных полнотекстовых выборок, вполне репрезентативны и инвариантные модели структурной организации текста эвристичны, экспериментально проверены [6. С. 9–10, 224–233 ; 4].

Матричный способ синтеза внутритекстовых структур в целостное целеустремленное единство – текст – является, вероятно, основным способом формообразования единиц языка. Так, иерархичность структур и их элементов, а также пропорциональность, обусловленная рядом Фибоначчи, прослеживаются, начиная со структур слога, композиции морфем в слове, в структуре словосочетания и предложения, а затем в структуре текста как целостности высшего порядка. В процессе синтеза единицы и единства более низких уровней подстраиваются под интересы и цели высшего уровня функциональной системы [2].

Вопрос о морфогенезе текстовых структур нуждается в углубленной теоретико-экспериментальной проработке на больших полнотекстовых массивах. В качестве актуальных можно назвать следующие проблемы. Прежде всего необходимо создать алфавит элементарных и производных от них текстовых структур, как некий перечень разрешенных системой и асистемных элементов текста с качественно-количественными указаниями на их употребительность и/или потенциальную реализованность

в текстах на том или ином языке, что отчасти осуществлено в исследовании И. Ю. Моисеевой [3].

Важными представляются вопросы о деривационных переходах одних структур в другие в порядке их следования в пространстве-времени текста, какими факторами они определяются и/ или запрещаются. Возможно также построение внутрисистемных отношений в кругу различных форм текста, например, выявление функциональной синонимии и омонимии форм текста, определение возможной взаимозаменяемости отдельных форм или их уникальности. Позиционная детерминация употребительности/ неупотребительности текстовых структур позволяет выяснить и отчасти сузить сферы употребительности отдельных структур и их распространенных композиций как заполнителей определенных позиций текста [4 ; 6 ; 7].

Актуальным представляется моделирование текстовых структур, прогностика их поведения в тексте и/ или дискурсе с использованием компьютерных технологий. Проблема экспериментальной проверки отдельных положений теории формообразования текста и бытия его структур смыкается с вопросами правдоподобного в современных лингвистических представлениях, поэтому важной становится экспериментальная и модельная верификация результатов, в том числе их воплощение в работающие компьютерные программы для исследования текста. Применение компьютерных технологий позволяет в достаточно обозримые сроки изучать несколько тысяч текстов в самых разнообразных направлениях, формулировать скрытые стратегии деятельности человека с целыми текстами, выйти на инвариантные теоретические обобщения о деятельности с текстами в определенных сферах, таких, например, как перевод [5]. Для реализации данной исследовательской программы необходимо создание формализовнных баз данных о разнообразных текстах.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структура, смыслы, генезис: монография / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. М., 2013. 217 с.

2. Кадомцев, Б. Б. Динамика и информация // Успехи физ. наук. М., 1994: http://dargo.ru/publ/47-1-0-379.

3. Моисеева, И. Ю. Синергетическая модель текстообразования : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2007.

4. Москальчук, Г. Г. Позиционный подход к изучению текста // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 29 (320). Филология. Искусствоведение. Вып. 83. С. 101–106.

5. Москальчук, Г. Г. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия / Г. Г. Москальчук, Я. А. Бузаева // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Филология. 2013. № 3 (24). С. 199–207.

6. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2010. 296 с.

7. Москальчук, Г. Г. Текст как информационный пакет / Г. Г. Москальчук, Н. А. Манаков // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2004. № 9. С. 77–80.

8. Урманцев, Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии (философские и естественнонаучные аспекты). М., 1974. 229 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 50–54.

Н. Е. Мусинова

ПОСТАКМЕИЗМ И ТВОРЧЕСТВО Н. ЗАБОЛОЦКОГО, Б. ПАСТЕРНАКА, И. БРОДСКОГО

Рассматривается актуальная для акмеизма как художественного направления и Серебряного века в целом проблема целостной художественной формы. Актуализируется значение акмеизма для литературы и его влияние на творчество русских поэтов, в частности, на поэзию Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, И. Бродского.

Ключевые слова: *Серебряный век, художественный процесс, художественная форма, акмеизм, постакмеизм, Н. Заболоцкий, Б. Пастернак, И. Бродский*.

Серебряный век в русской культуре стал источником пассионарности для многих выдающихся поэтов, художников, музыкантов. Поэтика и эстетический ориентир акмеистов – Н. Гумилёва, О. Мандельштама, А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута – на целостность художественной формы, на первозданный «логосный» смысл слов, на «поэтическую органику», привлекали не только студийцев Цеха поэтов. О. Лекманов отмечает среди последователей акмеизма Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, И. Бродского и некоторых других известных поэтов [14. С. 139].

Многим поэтическим произведениям Николая Заболоцкого была присуща, по мнению И. Бродского, «дюреровская техника» (особенно – в поэме «Торжество Земледелия», в стихотворениях «Железный Август в длинных сапогах» и «Некрасивая девочка») [5. С. 153]. Этой «дюреровской технике» Заболоцкий, по мысли Бродского, учился именно у акмеистов. Более того, вслед за школой акмеизма и Цехом поэтов, Заболоцкий вместе с другими литераторами организовал новую литературно-театральную группу ОБЭРИУ, просуществовавшую в Ленинграде с 1927-го до начала 1930-х гг. Надо сказать, что ОБЭРИУ стала последней оригинальной русской поэтической школой Серебряного века наряду с символизмом, акмеизмом и футуризмом. В работе над поэтическим словом обэриуты превзошли своих учителей, при этом они в своем поэтическом творчестве «играли» не только с фонетической основой слова, но и со смысловым его содержанием. Именно Заболоцкий предложил формулы новой поэтической эстетики: «очищать предмет от мусора истлевших культур» и «смотреть на предмет голыми глазами» [9. С. 78]. Эти лозунги в свете поэтики акмеизма кажутся весьма знакомыми. Следует отметить, что Заболоцкий в поэтических приемах так же, как акмеисты, ориентировался на живопись (Гумилёв особой «пластичности образов» учился у П. Гогена и Н. Рериха). Это подтверждает Т. Бек: «Чрезвычайное влияние на раннюю лирику Заболоцкого оказали работы художников Татлина и, в особенности, Филонова с их вниманием к магии конкретных вещей, с “постановкой на сделанность”» [2. С. 11]. У Заболоцкого есть стихотворение «Портрет» (1953), в котором он демонстрирует свою эстетическую устремленность к искусству живописи, стараясь раскрыть «секрет пластических изображений»: «Любите живопись, поэты!» [10. С. 254–255].

Заболоцкий в своем творчестве ориентировался на понимание единства органической жизни. Его любовь к натуралистическим образам: бабочкам, жукам, птицам, коням, коровам роднит его с творчеством М. Зенкевича и В. Нарбута. При анализе поэзии Зенкевича («Дикая порфира») и Нарбута («Аллилуйя») наблюдаем те же «органические» особенности художественной формы стиха, что и у Заболоцкого. Заболоцкий, как и акмеисты, ощущал органическое единство бытия и обладал особым даром сопричастности целостности мира. В стихотворении «Вчера, о смерти размышляя» (1936) он так пишет об этом: «Все, все услышал я – и трав вечерних пенье, // И речь воды, и камня мертвый крик… // И все существованья, все народы // Нетленное хранили бытие» [10. С. 192]. В стихотворении «Метаморфозы» (1937) его поэтическое видение еще более приближено к постулатам акмеистской «органической поэтики»: «Звено в звено и форма в форму. Мир // Во всей его живой архитектуре – // Орган поющий, море труб, клавир, // Не умирающий ни в радости, ни в буре» [10. С. 201–202]. У Заболоцкого так же, как и у акмеистов, было особое отношение к слову как к «знаку вещи»: «Слова вылетали в мир, становясь предметами», – говорит он в стихотворении «Искусство» (1930) [10. С. 89]. А в стихотворении «Читая стихи» (1948) он по истине «верует в животворящий», «полный разума русский язык» [10. С. 239]. В стихотворении «Светляки» (1949) поэт искренне считает, что именно слова обладают уникальным свойством «сливать целый мир в единственном дыханье» [10. С. 246]. Поэтому только поэты – обладатели слова – способны воссоздать бытийную целостность мира творческим усилием.

Борис Пастернак сформировался как творческая личность под влиянием традиций и символизма, и акмеизма, что не раз подтверждает сам Пастернак, причем акмеистического влияния, по его мнению, было больше, а от символизма он зачастую и вовсе открещивался. О. Клинг свидетельствует: «Пастернак отрицал свою связь с Белым и в вопросе о “музыке слова” применительно к стихотворчеству» [12. С. 25–59]. К. Локс, отмечая влияние на Пастернака символизма (особенно В. Брюсова), полагал, что «при всей близости тем и словесного совпадения» стихи двух этих поэтов очень разные [15. С. 34]. У Пастернака «мастерство восполняется творческим напря-

жением», а не символистскими метафорами и аллитерациями. Есть разница и в масштабе: у Брюсова в стихах присутствует какое-то абстрактное пространство, а у Пастернака – конкретный масштаб (уголок земли), например, «масштаб одного вечера» с «конкретными приметами весны», зримо осязаемыми. «У Пастернака “жизнь символична, потому что она значительна”. У символистов наоборот: жизнь значительна, потому что она символична», – поясняет К. Г. Исупов [11. С. 121]. Поэтому есть смысл говорить об особом влиянии на творчество Пастернака, скорее, О. Мандельштама, чем В. Брюсова [12. С. 25–59].

«В основе эстетики Пастернака лежит вера в онтологические возможности слова <…> Слово, по Пастернаку, должно совпасть своими смысловыми контурами с эйдосом» [11. С. 121]. В этом проявляется прямая взаимосвязь творчества Пастернака с поэтикой акмеизма. При этом поэтику Пастернака тоже можно назвать органической. «Какое-то растительное мышление сидело во мне», – признается Б. Пастернак [16. С. 54]. Это подтверждает К. Г. Исупов: «Непредсказуемость пастернаковских метафор – в их онтологической инверсии. На мир людей Пастернак может «смотреть» глазами предметов, растений, минералов, животных, изнутри дремлющего в них «эйдоса», которому не хватает только слова, чтобы мир мог запечатлеть себя впервые проговоренным образом. Слово рождается как окликание естества в смысловом пространстве самого естества» [11. С. 120]. Пастернак устанавливает общий недостаток символистов (и футуристов тоже) в их пренебрежении к слову и в неоправданности самой условности поэтической формы. В этой связи появляется недовольство Пастернака и собственными стихами. В письме М. Цветаевой от 7 июня 1926 г. главный свой недочет поэт видит в «непозволительном обращении со словом». В письме М. Цветаевой от 24 сентября 1928 г. Пастернак объясняет логику переделки двух ранних книг: «С ужасом вижу, что там, кроме голого и часто оголенного до бессмыслицы движенья темы, – ничего нет» [18]. В этом отношении свое творчество Пастернак часто сравнивает с творчеством О. Мандельштама.

Пастернак постепенно начинает разделять идею «преодоления символизма» акмеизмом. Он выстраивает даже свою «акмеистическую» биографию. «В ней господствует, – пишет он в книге «Поверх барьеров», – добрый акмеистический лад». По словам О. Клинга [12. С. 25–9], из своих ранних стихов Пастернак признает только два стихотворения, первое – «Февраль. Достать чернил и плакать!» (1912) [17. С. 22], а второе – «На пароходе» (1916) [17. С. 40], так как они являются образцами целостной художественной формы, в которых «нужные слова» стоят «в нужном порядке» и выражают точно, без символистской расплывчатости содержание. «Осуждая всякую манерность, он тяготел к классической форме. Стих его как бы очистился, обрел чеканную ясность», – подтверждает Н. Банников [1. С. 17].

Следует отметить и влияние традиций акмеизма на творчество Иосифа Бродского. Сам Иосиф Александрович не раз говорил о тех поэтах, чье творчество на него повлияло. В своей Нобелевской лекции (1987) он заявил, что на формирование его творчества повлияли «Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистан Оден», добавив, что «не будь их, как человек и как писатель я бы стоил немногого» [3. С. 240–241]. Отмечаем, что среди пятерых – двое акмеистов: Мандельштам и Ахматова (которую он так же, как и В. Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм» (1916), считает единственным подлинным акмеистом). Творчество Гумилёва Бродскому особо не нравилось, однако это не мешало ему быть под его активным влиянием. Свои поэтические пристрастия Бродский подтверждал в диалоге с Соломоном Волковым, где сузил круг своих учителей до четырех: «Мандельштам, Цветаева, Пастернак и Ахматова» [5. С. 153]. Отмечаем, что в «большую четверку» попадает еще и Пастернак, сформировавшийся, о чем сказано ранее, под влиянием акмеизма. Далее в разговоре с Волковым Бродский не раз останавливается на анализе творчества Мандельштама, «одного из наставников» [6. С. 10], давая ему очень высокую оценку, особенно стихотворению «Грифельная ода». Творчество Ахматовой Бродский также высоко оценивает: «Ахматова поэт очень емкий, иероглифический, если угодно. Она все в одну строчку запихивает. Она – поэт малых форм… А ведь суть изящной словесности – это и есть короткое стихотворение… Будучи поэтом этих малых форм, этих якобы фрагментов, она является автором законченных произведений – ведь в любой из них (якобы фрагмент) втиснуто содержание ничуть не меньшее, чем в роман… Потому что главная феня Ахматовой – это афористичность. Она поэт в высшей

степени афористический. При этом все, что Ахматова пишет, – изобразительно и музыкально» [5. С. 153].

Большинству стихов Пастернака Бродский тоже дает хорошую характеристику, особенно стихам из романа «Доктор Живаго»: «Вообще-то мне стихи Пастернака из романа очень сильно нравятся. Замечательные стихи, особенно "Рождественская звезда". Я о них часто вспоминаю» [5. С. 154]. То есть творчество акмеистов Бродский высоко оценивает, тогда как многих символистов, в частности, А. Блока, не любит: «Блока, к примеру, я не люблю... за дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый. Человек, способный написать: "Я ломаю слоистые скалы // В час отлива на илистом дне... ". Ну, дальше ехать некуда! Или еще: "Под насыпью, во рву некошеном, // Лежит и смотрит, как живая, // В цветном платке, на косы брошенном, // Красивая и молодая". Ну что тут вообще можно сказать!» [5. С. 154].

Еще одно наблюдение: Бродский очень хорошо знал историю поэтического мастерства и придавал технике стихосложения так же, как акмеисты, большое значение. Например, он высоко оценивает техническую сторону творчества английского поэта Одена. «У Одена вы найдете и сафическую строфу, и анакреонтический стих, и силлабику (совершенно феноменальную – как в "Море и зеркале" или в "Хвале известняку"), и секстины, и вилланели, и рондо, и горацианскую оду. Формально – Оден просто результат того, что мы считаем нашей цивилизацией. По сути же он – последнее усилие ее одушевить», – признается поэт [5. С. 155]. Бродский положительно отзывается о творчестве Анри де Ренье: «Я прочел несколько романов Анри де Ренье. Думаю, что если я научился у кого-нибудь конструкции стихотворения, то это был именно де Ренье. Хотя он и прозаик. По части конструкции главный учитель для меня – это де Ренье… Самое потрясающее в том, как все это сделано, как эти составные части организованы. В художественном произведении это самый главный элемент – что за чем следует. Не что именно говорится, а что за чем следует. Возникает кумулятивный эффект, и становится важным, что говорится. Это замечательный писатель, о котором никто ни сном ни духом не ведает – даже во Франции» [5. С. 155]. В этом Бродский заблуждается, поскольку Н. Гумилёв как раз очень хорошо знал творчество этого автора и приводил его в пример в вопросах художественной формы своим ученикам в Цехе поэтов. Михаил Крепс в этой связи пишет: «Бродский является новатором стиха не только в тематике, но и в ритме, в рифмах, в метафорах, в эпитетах, в отказе от стилистически дифференцированного языка поэзии в отличие от языка прозы, и все это новаторство подается в крепкой спайке с содержанием, так что как раз у Бродского содержание и форма становятся равными самому себе, то есть той неотъемлемой структурой, которую мы прежде ставили в кавычки» [13]. Именно Бродский в своем творчестве, будучи активным новатором художественной формы, по мнению Крепса, достиг заветного идеала акмеистов: «равновесия формы и содержания».

Если говорить о некоторых непосредственных лексических и образных влияниях акмеистов на Бродского, то можно привести несколько примеров. В стихотворении Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1919) лицо лирического героя сравнивается с выменем: «В красной рубашке, с лицом как вымя, // Голову срезал палач и мне» [8. С. 352]. Подобное же сравнение находим у Бродского: «И тут Наместник, чье лицо подобно // гноящемуся вымени, смеется» [13]. Необходимо отметить, что Бродский, подобно акмеистам, экспериментировал в вопросах рифмы, в частности, в употреблении составной рифмы (союзы, предлоги, частицы). Приведем строки из его стихотворения 1972 года: «Даже кукушки в ночи звучание // трогает мало – пусть жизнь оболгана // или оправдана им надолго, но // старение есть отрастание органа // слуха, рассчитанного на молчание» [13]. Или: «Пот катится по лицу. // Фонари в конце улицы, точно пуговицы у // расстегнутой на груди рубашки» («Колыбельная Трескового Мыса»; 1975) [4].

Мы привели лишь некоторые примеры, подтверждающие влияние акмеизма на творчество Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, И. Бродского, но есть и другие авторы (особенно эмигранты), находившиеся под влиянием этого художественного направления. Известный американский литератор Андрей Грицман отмечает: «Предтечей творческого развития литературы «перемещенных лиц» (эмигрантов) является именно акмеизм, кратковременный как литературное движение, но сыгравший огромную роль как идея слияния русской культуры с мировой, а именно – с западно-христианской» [7]. Неслучайно О. Мандельштам дал определение акмеизму как «тоске по мировой культуре»,

поэтому «постакмеизм» как художественное явление актуален и является средством поэтической коммуникации в межкультурном пространстве.

Список литературы

1. Банников, Н. О Борисе Пастернаке // Пастернак, Б. Л. Стихотворения / сост. и предисл. Н. Банникова. М., 1990. С. 5–20

2. Бек, Т. Бессмертье перспективы // Заболоцкий, Н. Не позволяй душе лениться : стихотворения и поэмы. М., 2008. С. 7–32

3. Бродский, И. А. Нобелевская лекция // Бродский, И. Поклониться тени : эссе. СПб., 2006. С. 240–241.

4. Бродский, И. А. Часть речи. Стихотворения. СПб., 2007. 144 с.

5. Волков, Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским / вступ. ст. Я. Гордина. М., 1998. 328 с.

6. Гордин, Я. Трагедия … событие биографическое // Бродский, И. Поклонение тени : эссе. СПб., 2006. С. 5–11.

7. Грицман, А. Постакмеизм. Русский поэт в диаспоре [Электронный ресурс] // Пролог : интернет-журнал молодых писателей России. 2008. № 192-pn (14 апреля). URL: www.ijp.ru.

8. Гумилёв, Н. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. Н. Н. Скатова. М., 1989. 461 с.

9. Заболоцкий, Никита. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. 588 с.

10. Заболоцкий, Н. Не позволяй душе лениться : стихотворения и поэмы. М., 2008. 384 с.

11. Исупов, К.Г. «Доктор Живаго» как риторическая эпопея (Об эстетической философии истории Б.Л. Пастернака) // Исупов, К. Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992. С. 118–126

12. Клинг, О. Борис Пастернак и символизм // Вопр. лит. 2002. № 2. С. 25–59

13. Крепс, М. О поэзии Иосифа Бродского. СПб., 2007. 200 с.

14. Лекманов, О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. 704 с.

15. Локс, К. Г. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее: исторический альманах. М. ; СПб., 1993.

16. Пастернак, Б. Охранная грамота. Л., 1933

17. Пастернак, Б. Л. Стихотворения / сост. и предисл. Н. Банникова. М., 1990. 222 с.

18. Письма Цветаевой М. Пастернаку Б. (от 7 июня 1926 г., от 24 сентября 1928 г.) // Дыхание лирики: переписка М. Цветаевой, Б. Пастернака, Р. М. Рильке. Антология. М., 2000 304 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 54–63.

Е. М. Образцова

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОГО СИНТАКСИСА

Статья посвящена проблеме делимитации текста. Сопоставление квалификативных параметров текста в его композиционно-речевой форме (КРФ) *описание* и структурно-семантических характеристик (в частности, взаимного расположения определений и однородных предикативов) является основанием для признания простого предложения минимальной моделью текста КРФ *описание*. Выявленная корреляция обосновывается метолодогически со ссылкой на данные когнитивистики, психологии, психолингвистики.

Ключевые слова: *текст, композиционно-речевая форма текста, описание, простое предложение, порядок слов, когниция, восприятие.*

Методологическая проблема определения соотношения между предложением и текстом в современном языкознании остается дискуссионной. В частности, являются актуальными и требуют своего решения вопросы делимитации границ минимального текста, дальнейшее сокращение которых привело бы к исчезновению текста как такового, задача выявления

степени и форм взаимосвязи между коммуникативным типом (композиционно-речевыми формами) текста, с одной стороны, и формой и семантикой составляющих его предложений – с другой. Актуальным и оправданным с точки зрения современного языкознания станет комплексный подход к исследованию взаимоотношений предложения и текста (в виде композиционно-речевой формы) в рамках системно-структурной и антропологической парадигм.

Целью настоящей статьи является на примере коммуникативно-речевой формы (далее – КРФ) *описание* показать, что минимальным текстом-моделью по ряду своих сущностных семантико-структурных характеристик является даже не сложное, а простое предложение-примитив (базовое, предложение-модель, kernel sentence) и что такая корреляция обусловлена когнитивно.

Для этого сопоставим признанные в лингвистической теории определения и квалификативные характеристики текста и его минимальной модели – коммуникативно-речевой формы (в частности, *описание*) – со структурно-семантическими характеристиками простого предложения некоторых базовых моделей; затем выявим связь между речевой формой (количество и линейная организация элементов предложения), выражаемым данной формой содержанием (с одной стороны) и алгоритмом процесса восприятия и понимания окружающего мира сознанием коммуниканта (с другой).

1. **Квалификативные характеристики текста и предложения**. Об отсутствии «четких параметров текста, конкретного количества его категорий»[1], о том, что «сущность понятия текст остается и сегодня наукой невыясненной», несмотря на то, что по проблемам текста «только в независимой Украине уже создано почти 1000 научных трудов»[2], говорилось неоднократно. Более того, постулируется принципиальная невозможность решения данной проблемы и доказывается наличие ряда объективных причин такой неразрешимости (например, см.[3]). Одновременно признается, что «текст как объект филологического анализа, с одной стороны, не нуждается в едином общепризнанном определении, но с другой стороны, – требует четкого описания своих характеристик и особого осмысления»[4].

Среди основных признаков текста называют целостность, связность, наличие определенной структуры, семантической организованности, «иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей (например, анафорических и личных местоимений)»[5]. Традиционно текст определяют как самоорганизующуюся систему[6], то есть «сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство»[7] или «речевое выражение, способное исполнять знаковую и коммуникативную функции»[8], «созданное автором с целью дальнейшего влияния на... коммуникантов»[9] и характеризующееся целостностью, иерархической связностью единиц. Это «такой набор слов и грамматических категорий, в котором наличествует логично оформленная мысль о нашем окружении, мире», «словесно воплощенная мысль об окружающем мире»[10].

С одной стороны, текст рассматривается как одна из единиц языка: «синтаксическая единица, имеющая четкие границы, собственную внутреннюю структуру, представляющая собой моделируемую единицу языка»[11]. С другой стороны, не считая текст самостоятельной единицей языка, поскольку это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц», с целью обеспечения его объективного анализа ищут некую единицу в качестве образца текста. При этом определяющими для вычленения фрагмента речи в качестве минимального текста с учетом того, что семантика текста, как его внутренняя, смысловая характеристика «не имеет еще достаточно четкой очерченности»[12], выбираются именно структурные характеристики – целостность и связность.

Границы текста определяются размыто: от упорядоченного множества или последовательности предложений, ряда сверхфразовых единств[13], до последовательности знаковых единиц, простейшего диалогического единства вопросно-ответной формы[14] и даже предложения, которое и признается «минимальной моделью текста», при этом процесс порождения сложного предложения рассматривается как «аналог процесса порождения текста»[15]. Более того, сложноподчиненные предложения рассматривают как «своего рода различительные признаки текстов-рассуждений, а сложносочиненные (обратимые и необратимые) – соответственно описаний и повествований» и делают вывод о том, что «связи синтаксических структур и текстов значительно многообразнее и сложнее»[16]. Практические же исследования текстов показывают, что границы КРФ «по-

вествование» и «описание» в 90 % случаев соответствующих выборок для романа, рассказа и эссе совпадают с абзацем или включением, равным одному простому предложению[17].

В пользу признания простого предложения минимальной моделью текста свидетельствует и то, что именно для предложения характерны целостность, связность, наличие определенной структуры, семантической организованности, иерархичности взаимосвязанных элементов, «относительная смысловая законченность и автономность, которую эта единица *сохраняет и будучи извлеченной из текста*»[18] (подчеркнуто мною – О. Е.). То есть сопоставление определений текста и общепризнанных характеристик предложения служит основанием для вывода, что простое предложение удовлетворяет всем квалификативным требованиям минимального текста и может быть признано таковым.

2. **Квалификативные характеристики композиционно-речевых форм текста, в частности, КРФ «описание»**. Поскольку пространственно-временная организация текста в конкретном речевом произведении «реализуется в виде системы композиционных единиц – речевых форм» (КРФ), именно КРФ как «текстовые единства, представляющие собой формы коммуникации, нацеленные на восприятие читателем определенной информации и опирающиеся на такие основные формы мысли, как суждение, (оценочное) понятие, вопрос, умозаключение»[19] избраны в качестве единицы текста.

Композиционные формы считаются некими абстрактными структурами, потенциально существующими в языке, реализуемыми на уровне письменного дискурса в виде композиционно-речевых форм[20]. Принято полагать, что КРФ – это «элементы коммуникативно-речевой структуры речи, в которых использование конкретных языковых средств строго обусловлено их коммуникативной значимостью, согласующейся с конечными возможностями единицы речи»[21] и что это «совокупность формально фиксируемых условий, достаточно однозначно расшифровывающих семантику текста»[22]. Рассматривают КРФ и как «схемы повторяющихся структурных признаков, отвлеченные от конкретных проявлений речи, являющиеся однородными формами словесной композиции» и «отражающие структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов между собой»[23].

В теоретической литературе признаются три разновидности КРФ – описание, повествование и рассуждение. Определим квалификативные характеристики избранного нами типа КРФ, затем рассмотрим структурно-семантические параметры соответствующих предложений и изложим некоторые результаты собственного психолингвистического эксперимента.

Квалификативными характеристиками КРФ *описание* считаются следующие. Главная функция этого типа КРФ – «используя так называемый эффект кинообъектива, дать подробное описание событий или действующих лиц»[24], что включает перечисление статических свойств и характеристик, которые помогают создать целостное законченное представление о предметах и явлениях[25]. В журналистике различают описание репортажное (динамичное, хронологическое) и «реконструктивное» «статичное», что, по сути, соответствует КРФ *повествование*[26].

Основными отличительными особенностями КРФ *описание* называют преимущественное построение предложений в коммуникативной последовательности «тема-рема (известное – новое)», единый временной план описания, преимущественно именной характер используемой лексики (значительное число имен существительнных, прилагательных, причастий) – все эти средства языка служат для характеризации объекта описания в плане его статических свойств[27].

В ходе проведенного исследования[28] нами выявлена определенная закономерная зависимость между принадлежностью высказывания к той или иной структурно-синтаксической модели, референтной семантикой данных предложений и актуализируемыми ними семантико-ролевыми структурами, с одной стороны; а с другой стороны – возможностью коррелировать каждую из таких групп по совокупности проявленных характеристик с определенной композиционно-речевой формой текста.

Так, выявленные и систематизированные нами структурные и семантические параметры простых предложений, построенных по базовой модели **S + [VCs]p**[29], глубина их содержания позволяют признать такие простые предложения минимальными по протяженности текстами в композиционно-речевой форме *описание* в разновидностях *описание-атрибуция* и *описание-идентификация*.

Характерной чертой простых предложений, построенных по модели S + [VCs]p, как показало исследование, является преимущественное использование именных частей речи (суще-

ствительного, местоимения, прилагательного, причастия). Подлежащее в предложениях данного типа выражено именем существительным (57,6 %) либо местоимением (42,3 %), только в выборке английского языка зарегистрированы 5 случаев использования других частей речи в функции подлежащего (0,01 %); предикатив также выражен именными частями речи – существительным (45,9 %), прилагательным (46,9 %), на другие формы приходится лишь 7,2 %. То есть по частеречному статусу лексики, использованной предложениях, предложения данного типа соответствуют одной из названных квалификативных характеристик КРФ *описание*. Форма глагола, выступающего в роли сказуемого или его части, также подчеркивает статичность и синхронность, неизменность состояния описываемого субстантивного компоненнта – подлежащего. Такой вывод делаем на основании того, что в предложениях данной модели сказуемое – составное именное; в подавляющем большинстве случаев в качестве глагола-связки при таком сказуемом выступает глагол «быть» (англ. – 93 %, русск. – 77 %; укр. – 63 %), употребленный в смысле «существовать». Важно, что, независимо от «привязки» предложения-описания к конкретному или неопределенному моменту или периоду художественного времени произведения, связочный глагол представляет существование субстантивного компонента процесса как неизменное (неизменяющееся) состояние. Таким образом, подтверждается еще одна характеристика КРФ *описание* – статичность.

Исследование выявило, что предложения данной модели референтно соотносимы с процессами-состояниями, специфику же процесса определяет способ выражения предикатива. Мы обнаружили, что употребленное в этой функции имя прилагательное называет одно из свойств, присущих субстантивному компоненту процесса в определенный период времени. Очень часто такая характеристика может оказаться не постоянной, но временной, преходящей, например: *Мать была очень* ***весела*** *в этот вечер* (В. Каверин); *Все они были* ***засекречены***. *Окна были* ***раскрыты*** (Д. Гранин). *His face was* ***mauve*** (Grace J.). (Его лицо стало лиловым – у персонажа начался приступ астмы). В таком случае денотированный процесс определяется нами как процесс-характеризация (атрибуция), поскольку свойство, названное предикативом, атрибутируется субстанции-подлежащему. Если же в функции предикатива употреблено имя существительное, тип процесса определяем как процесс-идентификация, поскольку именем существительным субстантивный компонент процесса относится к классу ему подобных, аналогичных субъектов/ объектов – идентифицируется. *He was not* ***Dali****, yet* (Grace J.). ***Повковником*** *Лубенського повку є Дмитро Зеленський* (П. Капельгородський). *Самый путь из города на Черноморскую улицу был свого рода* ***лекарством*** *от невзгод* (К. Паустовский). *Кузьмин рабо тал там* ***начальником*** *участка* (Д. Гранин). Очевидно, что по своему содержанию, исследуемые предложения (как и соответствует КРФ «описание») дают некую характеристику наблюдаемому субъекту/ объекту. Коммуникативно-прагматические компоненты содержания, актуального членения предложений данного типа также выявляют тема-рематическую организацию, как этого и требует КРФ «описание». Таким образом, по структурно-семантическим и коммуникативным характеристикам простые предложения модели S + [VCs]p полностью удовлетворяют дефиниционным требованиям КРФ *описание*.

Еще очевиднее корреляция КРФ *описание* – простое предложение проявляется в распространенных предложениях, в частности, с однородными предикативами и цепочками определений. Обратим внимание на последовательность таких однородных элементов: объективным или субъективным является выбор говорящего той или иной характеристики объекта в линейной презентации наименований данных свойств в структуре предложения. При этом параметр объективности/ субъективности понимаем как зависимость/ независимость выбора последовательности восприятия и идентификации от закономерностей когнитивных процессов или субъективной воли говорящего, проявляемой, в частности, и в оценке наблюдаемого/ номинируемого свойства.

Рассмотрим несколько примеров с однородными предикативами, в которых графически выделим соответственно *подлежащее*, ***субъектный восполнитель (комплемент), то есть предикатив***, **лично-глагольный конституент сказуемого** (в предложениях данной модели это **глагол-связка**).

(1) The Delhi Suite was the centerpiece of Lady Oxenford's famous collection of antique jewelry. Made of rubies and diamonds in gold settings, it consisted of a necklace with matching earrings and a bracelet. *The rubies* **were** ***Bermese, the most***

precious kind, and absolutely huge. (Комплект Дели Свит был главной изюминкой известной коллекции старинных ювелирных украшений Леди Оксенфорд. Комплект включал ожерелье, серьги и браслет, изготовленные из рубинов и алмазов в обрамлении из золота. *Рубины* **были** из ***Бирмы, самого дорогого качества и чрезвычайной величины***).

В данном примере (и ряде аналогичных ему) цепочка однородных предикативов отражает такую последовательность характеристик наблюдаемого коммуникантом объекта: страна происхождения драгоценных камней; качество, обеспечивающее их соответственную ценность; размер, определяющий дороговизну и ценность камней. Выбор данных характеристик и последовательность их называния в предложении, очевидно, основаны на компетенции говорящего – его знаниях о предмете речи (драгоценности), традиционно принятой иерархии критериев оценки данного предмета. Считаем, что проанализированная последовательность предикативов является объективно-субъективной. Обратим внимание также на то, первый предикатив представляет собой идентификацию-локализацию объекта описания.

(2) *И семга* тут **была *толстая, сочно-розовая, с лимонными дольками*** (Д. Гранин). Ряд однородных предикативов называет последовательно форму, цвет, дополнительное случайное свойство.

(3) *Он* **приходил *грузный, коренастый, усатый, в маленькой суконной шапочке, в брезентовых штанах*** (В. Каверин).

И в этом примере последовательно называются характеристики объекта наблюдения-описания – человека: форма (величина, вес, фигура объекта наблюдения); бросающаяся в глаза постоянная и потому значимая черта части данной формы, внешние (достаточно случайные) признаки формы – одежда. В данном случае отражено не только зрительное, но и слуховое восприятие: *грузный* (*тяжеловесный, неповоротливый, толстый* [dic.academic.ru › Толковый словарь Ушакова]) означает комплекс звуков и зрительно воспринимаемых характеристик движения.

(4) *Это* **был *маленький домик, когда-то пошатнувшийся и с тех пор стоявший в наклонном положении*** (К. Паустовский). Предикативы последовательно характеризуют форму (размер) и специфическую черту формы (расположение в пространстве) объекта наблюдения-описания, включает и субъективную оценку причины такого расположения (элемент теоретического рассуждения, интерпретации воспринятых свойств объекта описания).

(4) *Груші* справді **висіли** на гілках ***здоровезні, шкарубкі, як у дядьковій хаті доменницькі його рукавиці*** (О. Гончар). И снова предикативы характеризуют объект наблюдения-описания в последовательности: форма (величина), характеристика поверхности, сравнение свойств объекта с другим, привычным объектом (элемент теоретического осмысления, рассуждения-сравнения).

(5) Просте, коротеньке *слово* **пролунало, *як постріл, як сигнал*** перестороги (П. Капельгородський). Предикативы в отношении аппозиции друг к другу отражают последовательность слухового восприятия (*как выстрел*) и интерпретацию услышанного (результат теоретического осмысления и его вывод как выбор стратегии дальнейшего поведения: – нужно быть осторожнее).

Обобщая анализ примеров (2) – (5), отметим, что во всех случаях очевидна последовательность описания по алгоритму: идентификация формы, ее наиболее ярких, значимых свойств (внешних проявлений), другие (случайные) характеристики объекта; а также элементы осмысливания (теоретическая интерпретация) увиденного/ услышанного, теоретический вывод из такой интерпретации, который направлен на последующее поведение наблюдателя.

Анализ предложений, смоделированных как S + [VCs]p и других структурно-синтаксических моделей с однородными и неоднородными определениями выявил несколько тенденций последовательного расположения определений относительно друг друга и определяемого элемента. Перечислим и проиллюстрируем выявленные тенденции.

1) Атрибутивные модификаторы, называющие характеристики компонентов процесса, как и другие элементы, тяготеют к контактности в соответствии с принципом логической связанности элементов, соотносимых с компонентами процесса. Например: (6) The *old man's* **eyes** wandered away into the shadows '**Глаза** *старика* (букв: *старого* **мужчины**) посмотрели вдаль куда-то в тень (деревьев)' (Follett K.). Если определения взаимосвязаны отношением аппозиции, то всю цепочку данных и примыкающих к ним определений можно представить в виде последовательности аппозитивных пар, каждая из которых соотносима с предложением модели S + [VCs]p. Например: (7) Зачіплянку

на цьому засіданні представляв її *висуванець* ***Лобода Володимир Ізотович,*** **син** славетного колись на весь край *обер-майстра* ***Ізота Лободи, заслуженого металурга республіки*** (О. Гончар), где логически связанными парами выступают: *представляти – висувати (кого)* → *висуванець*; *висуванець – Лобода*; *Лобода – Володимир Ізотович; Лобода Володимир Ізотович – Лобода Ізот (син – батько); Лобода Ізот – обер-майстер; обер-майстер Лобода Ізот – металург – заслужений металург республіки*.

Кроме контактности элементов, соотносимых с логически связанными между собой теми или иными компонентами процесса или их характеристиками, наблюдаем такую последовательность в аранжировке определений: локализация объекта наблюдения-описания, его форма (размер и фигура), относительно постоянная характеристика, дополнительная непостоянная характеристика: (8) На длинных блюдах лежали ***маленькие, ромбиками нарезанные,*** *бутербродики* ***с черной и красной икрой и желтой розочкой масла*** (Д. Гранин). (9) The scene seemed liturgical with ***her formal white*** *dress,* ***Brady's high-collared waist-coated*** *suit,* the priest's cassock, the officer's uniform, the rapt congregation. 'Все выглядело, как на литургии: **ее строгое белое** *платье*, **Брейди в приталенном костюме с высоким воротом**, ксендз в сутане, офицеры в мундирах, взволнованные и сосредоточенные прихожане' (Carroll J.) – локализация/ принадлежность (***her, Brady's***), форма (фасон) (***formal, high-collared waist-coated***), цвет (***white***); при этом последовательность ***high-collared waist-coated*** свидетельствует и о траектории взгляда от лица вниз по фигуре наблюдаемого/ описываемого человека.

2) В многокомпонентных атрибутивных группах *неоднородные* препозитивные или постпозитивные определения аранжированы в согласии с уже названной последовательностью (локализация, форма, ее особенности, другие характеристики – сначала трактуемые как постоянные, потом – как временные, случайные); *однородные* же, на первый взгяд, в случайной очередности. Но более пристальный анализ выявляет и в этой случайности закономерность: последовательность восприятия внешних характеристик и через их анализ и осознание внутненне присущих свойств, а также их оценка как вывод из осознанных свойств объекта наблюдения-описания. Проиллюстрируем «случайный» вариант последовательности: (10) It seemed a great waste of one's only life-time to be condemned to ***their chattering, vicious, pathetic, hysterically dishonest*** *company*. 'Казалось огромной потерей отпущенного тебе жизнью времени быть обреченным на участие в ***их болтливой, злобной, чересчер напыщенной, истерически нечестной*** *компании'* (Baldwin J.). Последовательность определений соответствует алгоритму: локализация (принадлежность ***their***), внешняя первично воспринимаемая характеристика (***chattering***), осознание характера болтовни (***vicious, pathetic, hysterical***), логический вывод (***dishonest***).

«Случайная» последовательность, как оказывается, не случайна, а единственно возможна для передачи именно того содержания, которое задумал автор, и, главное, также отражает последовательность восприятия, например: (11) They (herbs) lay in green coils upon the table, exceeding ***their tart fresh*** *odours*. 'Они (травы) лежали зелеными кольцами на столе, источая свои кисловато-терпкие свежие ароматы' (Lee L.). Данная последовательность однородных определений «рисует» объективную причинно-следственную закономерность (кисловатый – потому ощущаемый как свежий) и не может быть нарушена: транспозиция определений → ***fresh tart*** приведет к другому смыслу – сильный аромат еще не увядших трав. Аналогично: (12) Теплый южный ветер быстро подсушил землю (К. Паустовский), – объективно сначала физически воспринимается температура и потом (на основании ранее полученных знаний) делается вывод о направлении ветра. (13) Мы с сестрой долго сидели в ***полутемном высоком*** *коридоре* на железной скамейке (В. Каверин) – (из-за темноты высота помещения осознается не сразу). (14) Від ***густого спертого*** *повітря* і без того маленькі лампочки ледве дихали (П. Панч) – восприятие физически ощущаемой плотности воздуха и осознание ее причины.

Таким образом, в предложениях, дающих *описание-характеризацию* компонентов процесса, последовательности взаимного расположения предикативов и определений могут считаться отражением последовательности восприятия свойств наблюдаемого/ описываемого объекта: локализация, форма, особенности формы, другие свойства (воспринимаемые как постоянные, потом те, что воспринимаются как случайные, временные), логический вывод из осознанных внешних и внутренне присущих характеристик объекта, его оценка. Исходя из

того, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены» и «в некотором смысле составляют одно и то же», а также «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру»[30], выявленная устойчивость описанного алгоритма дает основания полагать, что он является объективным и закономерным и зависит не от специфики системы языка или субъективной воли говорящего, а от закономерностей когниции.

3. **Когнитивная основа построения предложения и КРФ текста *описание***

Когницию, вслед за В. З. Демьянковым, понимаем как интуитивное «предпознание», внеположенное рассудку, логике, а поэтому не связанное со словом прямо; как разновидность мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний[31].

Восприятие (в ощущениях, представлениях) как первый этап познания, которе продолжается в мышлении, эмпирическом и теоретическом познаии, обеспечивает действие принципа опережающего отражения действительности – универсального принципа «любого поведения, в том числе и речевого»[32]. Это процесс активного построения и апробирования гипотез о внешнем объекте, о сиюминутном состоянии внешнего мира на основании сведений, накопленных в прошлом, и поступающей чувственной информации; как процесс извлечения из сенсорных данных сведений о не ощущаемых непосредственно характеристиках предметов. Восприятие строится на основе нервных механизмов, реагирующих на определенные простые формы, на движение, на цвет. Самопроизвольный цикл чередования фигур и фона; сочетание движения частей приводит к тому, что эти части воспринимаются как одно «целое» – гештальт. В процессе зрения самое важное – уметь различить, что именно (в тех паттернах, которые свет формирует в его глазах) соответствует объектам, находящимся в поле зрения, а что – пространство между этими объектами. Следующее по важности – опознать эти объекты, руководствуясь характерными для них паттернами. Так, зрение воспринимает нечто гораздо более значительное, чем паттерн, – предметы, существующие во времени и пространстве[33]. Наблюдения за пациентами, которые были слепыми от рождения и которым в результате оперативного вмешательства вернули способность видеть, свидетельствует о том, что через некоторое время после того, как снята повязка с глаз, пациент начинает видеть «некоторый фон», выделять на нем целостные фигуры и наблюдать за ними, если те движутся[34].

В психологии экспериментально доказано, что человек с раннего детства умеет судить о реальной величине предмета, несмотря на то, что на изображении, проецируемом на сетчатку, его размер постоянно меняется. Хотя форма одного того же тела видится наблюдателю разной в каждый новый момент времени и с разных точек наблюдения, в человеческом сознании почти за каждым объектом закреплено представление о его постоянной форме. Форма предмета понимается как размерное соотношение между его сторонами, частями и измерениями. Умение распознавать фигуры даже с частично (до 66 %) закрытой контурной линией выявлено у годовалых (12 месяцев) младенцев[35]. Подобное возможно благодаря особенностям систем восприятия, категоризации и памяти человека. К таковым относят феномен неизменности нашего представления о форме объекта, способности человека «узнавать» объект, идентифицировать его как один и тот же, каким бы боком он ни повернулся к наблюдателю; наше понимание того, что тело имеет цельную, неразрывную природу, так что, даже когда объект частично загорожен от наблюдателя, он все равно продолжается позади предмета, загородившего обзор; понимание *дистанции и глубины*; понимание соответствия между трехмерными динамичными объектами и их двумерными статичными изображениями; понимание самостоятельности объекта, независимости его существования от особенностей нашего восприятия; способность нашей памяти хранить сведения о физических объектах в виде объемных, при желании вращающихся картинок.

Оказывается, также, что цвет имеет меньший вес при категоризации, чем другие внешние признаки объекта: форма, размер, функция, материал. Контуры и границы воспринимаемого изображения играют важную роль при узнавании, обнаружении предмета – ведь именно они выделяют объект из фона. Но, когда образ возник и видится постоянно, у наблюдателя нет больше необходимости интересоваться границами и контурами. Наблюдатель-интерпретатор действует в режиме «кино» и рассматривает предмет, блуждая по изображе-

нию, задерживаясь и фиксируя взгляд только на отдельных элементах изображения – на тех, которые кажутся ему важными или полезными в данный момент. Эти элементы помогают наблюдателю выявить и понять сущность изображения[36]. В первый месяц жизни ребенок воспринимает лишь контур лица человека. На второй месяц он может фиксировать внимание на глазах и губах – наиболее подвижных частях лица. Полное целостное восприятие придет позднее[37]. Аналогичная тенденция – отдавать предпочтение более важному с точки зрения индивидуума – выявлена и в схематических изображениях человека детьми разного возраста и взрослыми. В словесных портретах описание внешности занимает все меньше места по мере взросления автора – внимание в большей степени сосредоточивается на описании черт характера личности[38]. Рассматривание, сопоставление, уподобление отдельных внешних характеристик отдельного объекта или явления – следующий этап восприятия-интерпретации, которое осуществляется не просто пассивным наблюдением, а при помощи чувственно предметной деятельности общественно развитого человека, – утверждают философы[39].Осознанно или неосознанно человек, чувственно воспринимая ограниченный объем информации, выстраивает в сознании всесторонний системный образ, включающий различные свойства «рассматриваемого» объекта и его отношения в единой системе с окружением.

Лингвистические исследования в области сравнительно-исторического и типологического языкознаия показали, что целостные образы формы – топологические типы – различны в языках, но набор признаков формы и их значений общий для всех из проанализированных в их исследовании 57 языков. При этом признак размерности «объемный (трехмерный)» является универсальным, поскольку присутствует абсолютно во всех языках, в грамматике которых хоть как-то отражена форма[40]. То есть понятие о размерности, форме принадлежит к числу универсальных базовых понятий любого языка на основе универсальности механизмов восприятия объектов (их формы и других свойств) сознанием человека.

Лингвисты-когнитивисты в ходе экспериментального исследования визуального восприятия, в частности, серий изображений (разрозненных или сюжетно единых, значимых или бессмысленных) получили данные, которые стали основанием для выводов о параллельной локализованности центров и областей в головном мозге человека, отвечающих за обработку визуальной информации и средства ее вербализации[41].

На тесную связь восприятия и выражения указывают и психологи-аналитики, и психолингвисты. В частности, подчеркивается, что между характером наблюдений и интерпретации действительности и вербальными средствами, используемыми для репрезентации этой действительности в речи, наблюдается определенная корреляция. В соответствии с характером информации, подлежащей вербализации, языковые средства используются в различных модусах (регистрах): изобразительном, репродуктивном, информативном[42]. «Визуализация и вербализация в их взаимосвязях определяют механизм и динамику представлений человека. Изображение (в искусстве или словесное) строится на основе наблюдения и обусловливает правила «считывания» этого изображения»[43]. Вместе с тем, подчеркивают, что целостность бытия проходит сквозь представления художника и превращается в эстетическую модель, которая внешне может иметь формы, подобные тем, что наблюдаем в реальной жизни. Художественные произведения, создаваемые человеком на естественном языке, являются вербализующими репрезентациями вымышленного мира, первоначально возникающими в сознании автора произведения[44]. Читая же текст, мы в своей фантазии воссоздаем мир авторского замысла: «Объектом понимания является не текст, а реальность, открывающаяся за текстом»[45]; «мы понимаем не текст, а мир, стоящий за текстом». Текст является лишь посредником, средством, инструментом, «стеклом, через которое мы видим реальность»[46].

Отсюда следует вывод: текст в своих композиционно-речевых формах, в частности, КРФ *описание* в его минимальной модели, структурированной как простое предложение, для обеспечения правильности «считывания», «видения реальности» неизбежно следует алгоритмам восприятия действительности – локализация фон/ объект, идентификация объекта на основании узнавания его формы, рассматривание особенностей формы объекта, выявление других постоянных и внешних временных характеристик объекта, понимание их сущности, оценка, вывод для выбора стратегии дальнейшего взаимодействия с объектом. Именно такую последовательность мы выявили при

анализе предложений структуры S + [VCs]p и взаимного расположения однородных предикативов, однородных и неоднородных определений в предложениях различных структурно-синтаксических моделей.

Следовательно, в соответствии с выявленной полной корреляцией квалификативных параметров текста и предложения, КРФ *описание* и структурно-семантических характеристик простых предложений модели S + [VCs]p такие предложения можно считать минимальной моделью текста в его композиционной форме *описание*.

Примечания

[1] Долинин, К. А. Интерпретация текста. М., 1985. С. 75.

[2] Науменко, А. М. Філологічний аналіз тексту. (Основи лінгвопоетики) : навчальний посібник. Вінниця, 2005. С. 26.

[3] Матвєєва, Олена. Аналіз дефініцій тексту як об'єкту лінгвістичного дослідження // Науковий вісник Чернівецького університету. 2004. Вип. 213. Германська філологія. С. 31–40.

[4] Певзнер, А. П. Категория пространства как средство выражения подтекстовой информации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 10.

[5] Демьянков, В. З. *Текст* и *дискурс* как термины и как слова обыденного языка [Электронный ресурс] // Язык, культура, общество : пленар. докл. IV Междунар. науч. конф-и 27–30 сентября 2007 г. М., 2007. С. 86–95. URL: http://www.infolex.ru.

[6] Белоусов, К. И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 19 с.

[7] Тураева, З. Я. Лингвистика текста. М., 1986. С. 11 ; Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. М., 1988. 3-е изд. С. 70.

[8] Мусхелишвили, Н. Л. Значение текста как внутренний образ / Н. Л. Мусхелишвили, Ю. А. Шрейдер // Вопр. психологии. 1997. № 3. С. 79.

[9] Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. М., 1989. С. 15.

[10] Науменко, А. М.Філологічний аналіз тексту... С. 31.

[11] Тураева, З. Я. Лингвистика текста. С. 11.

[12] Розанова, Е. А. Композиционно-речевые формы в англоязычной художественной и публицистической прозе : дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1996. С. 14 ; Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 507.

[13] Сидоров, Е. В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1988. С. 38 ; Одинцов, В. В. Стилистика текста. М., 1980. С. 120 ; Реферовская, Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. М., 1983. С. 303 ; Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 18.

[14] Колшанский, Г. В. От предложения к тексту // Сущность, развитие и функции языка / под ред. Г. В. Степанова и др. М., 1987. С. 38, 40, 43.

[15] Левицкий Ю. А. Синтаксическая система языка : учеб. пособие. Пермь, 1983. С. 23.

[16] Прокопчук, А. А. Текст и предложение // Вестн. Харьк. гос. ун-та. 1992. № 372. Взаимоотношения системы языка и речевой деятельности. С. 79.

[17] Розанова, Е. А. Композиционно-речевые формы. С. 110, 126.

[18] Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, А. Н. Воробьева. Киев, 1984. С. 218.

[19] Щибря, О. Ю. Композиционно-речевые формы как составляющие художественного текста: содержание и структура (на материале романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его переводов на русский язык) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. С. 4–9. URL: http://www.dissers.info/disser_25868.html.

[20] Ленкова, Т. А. Текстообразующие стратегии создания письменного дискурса репортажа в современной немецкой прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 5–6.

[21] Розанова, Е. А. Композиционно-речевые формы... С. 73.

[22] Щибря, О. Ю. Композиционно-речевые формы... С. 9–10.

[23] Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка : учебник. М., 1983. 271 с. ; Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1989. 168 с. ; Ларикова, М. Л. Изучение композиционно-речевой формы «описание» в когнитивном аспекте / М. Л. Ларикова, Т. Я. Кузнецова // Межкультурная коммуникация в пространстве всемирного наследия: менеджмент и социокультурное проектирование : материалы науч. конф. 15–16 окт. 2008 г. URL: http://www.acis.vis.ru/8/2/2_3/Laricova.htm.

[24] Дудик, П. С. Стилістика української мови : навчальний посібник. Киев, 2005. С. 290 ; Ленкова, Т. А. Текстообразующие стратегии создания... С. 14

[25] Розанова, Е. А. Композиционно-речевые формы... С. 23.

[26] Ленкова, Т. А. Текстообразующие стратегии создания... С. 11–12.

[27] Ларикова, М. Л. Изучение композиционно-речевой формы...

[28] Образцова, Е. М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия (на материале английского, русского и украинского языков) : монография. Одесса, 2010. 400 с. ; Образцова, О. М. Лінійна організація висловлення в англійській, російській та українській мовах : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Донецьк, 2011. 36 с. ; Образцова, О. М. Лінійна організація висловлення в англійській, російській та українській мовах : монографія. Харків, 2012. 384 с.

[29] В структурных формулах модели предложения приняты следующие буквенные обозначения соответственно: S – подлежащее, [] p – сказуемое, единство которых составляют структуру предикации; сказуемое представляет собой структуру комплементации и состоит из глагола в личной форме и его комплемента; V – лично-глагольный конституент сказуемого – глагол широкой или «неполной» семантики, что требует его восполнения; Cs – предикатив (субъектный комплемент).

[30] Современное состояние лингвистики. А. Е. Кибрик. 24.02.2005. http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kibrik/kibrik-2004-sovr_ling.ppt#256,1.

[31] См.: Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста // Вопр. когнитив. лингвистики. М. ; Тамбов, 2005. № 3. С. 5–10.

[32] Уфимцева, Н. В. Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // Вопр. психолингвистики. 2006. № 4. С. 95 ; Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1983. 840 с. ; Kravchenko, A. Biology of Cognition and Linguistic Analysis // Non-Realist Linguistics to a Realistic Language Science. Frankfurt am Main, 2008. 304 p.

[33] Грегори, Р. Л. Разумный Глаз. М., 1972. С. 15–22, 33–35, 59, 99, 169, 172–173.

[34] Зенден, М. В. Человек родился слепым // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975. С. 347–349.

[35] Susan A. Rose, Jeffery J. Jankovski. (Albert Einstein College of Medicine), Graeme J. Senior (University of Southern Queen island). Infants' Recognition of Contour-deleted Figures // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1997. Vol. 23, № 4. P. 1206–1216 ; David I. Shore, James T. Enns (University of British Columbia). Shape Completion Time Depends on the Size of the occluded Region // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1997. Vol. 23, № 4. P. 980–998.

[36] Ярбус, А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975. С. 361–367.

[37] Величковский, Б. М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М., 1982. С. 219–246.

[38] Бодалев, А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965. С. 78.

[39] Івакін, О. А. Основи епістемології. Теорія і етимологія наукового пізнання. Навчальний посібник для студентів магістерського відділення та аспірантів. Одеса, 2000. С. 8.

[40] Гилярова, К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 21 с.

[41] (Pea)nuts and bolts of visual narrative: Structure and meaning in sequential image comprehension / N. Cohn, M. Paczynski, R. Jackendoff, P. J. Holcomb and G. R. Kuperberg // *Cognitive Psychology.* 2012. № 65. P. 1–38. [Электронный ресурс]. URL: http://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/recent.html ; Language as a source of evidence for theories of spatial representation. 2012. *Perception* 41, P. 1128–1152. [Электронный ресурс]. URL: http://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/recent.html.

[42] Жуйкова, М. В. Роль спостерігача у вербалізації результатів когнітивної діяльності / М. В. Жуйкова. О. А. Свідзинська // Мовознавство. 2000. № 6. С. 56–62.

[43] Ананьев, Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М., 1982. С. 7–31.

[44] Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков [Электронный ресурс] // Вопр. когнитив. лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16. URL: http://www.infolex.ru.

[45] Леонтьев, Д. А. От слова к реальности: возможности языка и онтологический статус сообщения // Вопр. психолингвистики. 2006. № 4. С. 47–54, 51–53.

[46] Леонтьев, А. А. Чтение как понимание // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М., 2001. С. 249–250.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 64–68.

О. Ю. Подъяпольская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАДОКСА ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В РАССКАЗЕ НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. КУНЕРТА «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ»

Исследуемое литературное произведение немецкого писателя Г. Кунерта в форме притчи повествует о трагической судьбе «маленького» человека в тоталитарном обществе. Рассматривается парадокс как основное средство выражения социальной критики, анализируется использование канцелярского стиля, а также других стилистических средств для отражения атмосферы вышеупомянутого режима.

Ключевые слова: *притча, парадокс, гротеск, абсурдность, эффект отчуждения, канцелярский стиль, несобственно-прямая речь, социальная критика*.

Короткий рассказ немецкого писателя Г. Кунерта начинается с описания странного инцидента, происшедшего с главным героем. Однажды утром он обнаруживает на своем обеденном столе официальный документ, предписывающий ему явиться 5 ноября текущего года в 8 часов утра в мужской туалет Центрального вокзала на собственную казнь. Для приведения приговора в исполнение предусмотрена кабинка № 18. В документе сообщается также, что в случае неисполнения требования к приговоренному будут применены штрафные меры. Рекомендуется надеть легкую одежду во избежание осложнений во время процедуры.

Павший духом герой обращается за советом и поддержкой к друзьям, натыкается, однако, лишь на многозначительное недоумение. Когда за гостем закрывается дверь, все вздыхают облегченно и задаются вопросом, стоило ли так рисковать, пуская на порог «ограниченно живого» человека («den begrenzt Lebendigen»), у которого нет будущего[1].

Последнему ничего не остается, как обратиться к адвокату. Тот хоть и советует подать прошение, однако, не рекомендует ослушиваться предписания во избежание репрессий. «Мужской туалет» и «центральный вокзал» – звучит вполне разумно! Возможно, в тексте опечатка: не «Hinrichtnug» («казнь»), а «Einrichtung» («подготовка», «регулировка»)! Исходя из этого, адвокат советует своему «свежеиспеченному клиенту» («dem frisch gebackenen Klienten») подождать и проявить доверие. Доверие – самое главное («Vertrauen ist das wichtigste!»)!

Дома приговоренный к смерти проводит бессонную ночь, наблюдая за мухой на потолке и испытывая «жгучую зависть» («erfüllt vom brennenden Neid») к ее беззаботному жужжанию. В полночь, не в силах больше терпеть, он жмет на дверной звонок соседа, но заметив в глазке отсутствующий взгляд, окончательно капитулирует.

Ровно в 8 часов утра он является на центральный вокзал и, сидя в кабинке № 18, испытывает эйфорию, надеясь на то, что ничего не произойдет, что все это нелепое недоразумение и скоро он вернется домой. Нужно лишь проявить доверие! Спустя четверть часа кабинку открывают двое работников туалета и извлекают из нее «легко одетый труп» («den leichtbekleideten Leichnam»), чтобы отнести его в дальние помещения центрального вокзала, о котором все знают, что к нему не прибывал и от него не отходил ни один поезд, хотя над его крышей часто висит дым «воображаемых» («angeblicher») локомотивов.

Своими жанровыми характеристиками представленный текст напоминает притчу, характеризующуюся обобщающим характером представления ситуации. Данная черта проявляется, например, в обезличивании героев. Так имя главного героя – это неопределенное местоимение «ein Jemand» / «кто-то». Для героя это действительно имя собственное, так как пишется оно с большой буквы с артиклем, что не характерно для написания местоимений в немецком языке. Кроме прочего, для обозначения главного героя автор использует субстантивированные причастия и прилагательные «der solchermaßen Betroffene» / «пострадавший в такой степени», «der begrenzt Lebendige» / «ограниченно живой», «der zur Herrentoilette Beorderte» / «тот, которому приказано явиться в мужской туалет», «der Klingende» / «звонящий в дверь», а также указательное местоиме-

ние «der» / «тот». Не имеют имен и другие герои рассказа: друзья, адвокат, сосед, работники вокзала. Не уточняются ни географическое место (город, страна), ни хронологическое время действия (год). Точно обозначено лишь место казни и время ее исполнения, что нисколько не проясняет ситуацию, а скорее заставляет читателя недоумевать в виду абсурдности происходящего: проведение казни в туалете, на которую к тому же нужно явиться добровольно.

С одной стороны, перед нами достаточно простая ситуация, несложный сюжет, с другой – странное и даже в определенной мере жуткое происшествие, вызывающее у читателя чувство отчуждения и заставляющее его задуматься над смыслом происходящего.

Основной парадокс, на котором строится весь сюжет притчи, можно сформулировать как «БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ», поскольку невинный человек, который не понимает, какое преступление он совершил, приговорен к смертной казни. В данном отношении рассматриваемый текст сближается с произведениями Ф. Кафки (романом «Процесс», например), в которых герои часто оказываются в похожих парадоксальных ситуациях.

В исследуемом тексте много абсурдного. Не ясно, например, как вышеупомянутый документ попал в квартиру приговоренного (на обеденный стол рядом с кружкой: «es liegt auf dem Frühstückstisch neben der Tasse»). Сам вид документа вызывает недоумение: он напечатан на серой истрепанной бумаге («auf dem grauen, lappigen Papier»). Необъяснимо также, почему казнь должна пройти в мужском туалете вокзала, зачем нужна легкая одежда. Умалчивается, что же все таки произошло с приговоренным: сам ли он умер от переизбытка чувств или все же казнь была приведена в исполнение. В таком случае, как проводилась казнь? Таинственным местом предстает центральный вокзал, куда не прибывают поезда, но соблюдаются меры строжайшей гигиены. Поражает также реакция работников туалета, относящихся к своей работе как к рутине: труп в кабинке не вызывает у них никаких эмоций. Абсурдно звучит угроза наказания в случае неподчинения предписанию. Что может быть страшнее, чем смерть? Гротескно выглядит также зависть приговоренного к мухе, его неспособность не подчиниться странному приказу и добровольная явка на собственную казнь.

Герой рассказа не понимает, что происходит, но пытается реагировать рационально на иррациональные вещи. Налицо столь знакомый нам по текстам Ф. Кафки диссонанс между формой и содержанием: абсурдные, ужасные, необъяснимые с точки зрения здравого смысла события представлены в подчеркнуто рациональной, дистанцированной, почти лишенной эмоций форме. Все это, безусловно, заставляет читателя активно размышлять, выдвигая бесконечное число версий происходящего.

Кажущаяся объективность, сухость передачи информации создается за счет использования в языке рассказа черт официально-делового стиля речи. Широко представлен страдательный залог «Für Sie ist Kabine 18 vorgesehen» / «Для Вас предусмотрена кабина 18», «Bei Nichtbefolgung dieser Aufforderung kann auf dem Wege der verwaltungdienstlichen Verordnung eine Bestrafung angeordnet werden.» / «В случае неисполнения требования может быть <…> назначено наказание», «In Wirklichkeit sei „Einrichtung“ gemeint.» / «В действительности имелась в виду “подготовка”».

Используются также безличные конструкции «Es empfiehlt sich leichte Bekleidung» / «Рекомендуется легкая одежда», «Wie es dahin kam, ist ungewiss» / «Как он (документ) сюда попал, не ясно», «Lohnte es denn» / «Стоило ли», «ob es nicht schon zuviel gewesen ist» / «Не было ли лишним», «wo ihm vorgeschlagen wird» / «где ему предлагается» (безличный пассив).

Обезличенность тексту придает неопределенно-личное местоимение «man» (3 л., ед. ч), которому в русском языке нет аналога: «Heimlich atmet man wohl auf» / «В тайне они облегченно вздыхают», «und man fragt sich» / «и они спрашивают себя», «dass man von seinem frisch gebackenen Klienten verlange» / «что от его свежеиспеченного клиента, возможно, требуют», «Man muss Vertrauen haben!» / «Нужно доверять!», «Man weiss ja selber nichts darüber» / «И сам не знаешь об этом ничего …», «Man will ihn nur einrichten, weiter nichts!» / «Его хотят только подготовить, больше ничего!» и пр.

Характерным для официально-делового стиля является также использование клише, номинативного стиля: «Sie haben sich, … einzufinden» / «Вам следует … явиться» (конструкция «haben + zu + Infinitiv»), «Bei Nichtbefolgung dieser Aufforderung» / «в случае неисполнения данного требования», «Für Sie ist … vorgesehen.» / «Для Вас … предусмотрена», «kann auf dem Wege der verwaltungdienstlichen Verordnung eine Bestrafung angeordnet werden» / «путем административного распоряжения мо-

жет быть назначено наказание», «eine Eingabe … machen» / «подать прошение», «den Termin … einzuhalten, um Repressalien auszuweichen» / «придерживаться срока …, чтобы избежать репрессий» и др.

Вполне гармоничными в общем стилевом контексте выглядят и перечисленные выше обозначения главного героя, отражающие формализм канцелярского стиля.

В общем и целом имитация канцелярского стиля позволяет передать атмосферу бюрократического общества, в котором человек обезличен для государства, представляет собой серую массу. Он лишь «кто-то», статистическая единица народонаселения – «ограниченно живой». Зато очень важно следовать инструкциям, приказам и предписаниям даже тогда, когда выглядят они совершенно абсурдно. Неподчинение страшнее смерти!

Герои рассказа – типичные представители подобного общества. Их характеристика создается преимущественно с помощью несобственно-прямой речи, где широко используются структуры, характерные для живой речи: риторические вопросы, восклицательные предложения, неполные конструкции, инверсия.

Несобственно-прямая речь друзей отражает их равнодушие к судьбе героя и страх за собственную жизнь: «Lohnte es denn, wer weiß was alles auf sich zu laden für einen Menschen, von dem in Zukunft so wenig zu erwarten ist?» / «Стоит ли, бог знает, что, накликать на свою голову ради человека, от которого в будущем так мало ожидается?».

Речь адвоката полна напускного оптимизма, однако, и для него герой лишь «новоиспеченный клиент»: «Nichts werde so heiß gegessen, wie gekocht. Hinrichtung? Wahrscheinlich ein Druckfehler. In Wirklichkeit sei „Einrichtung» gemeint. Warum nicht? <…> Abwarten. Und vertrauen! Man muss Vertrauen haben! Vertrauen ist das wichtigste» / «Не так страшен черт, как его малюют. Казнь? Возможно, опечатка. Возможно, на самом деле имелось в виду „подготовка“. Почему нет? <…> Нужно подождать. И проявить доверие! Нужно доверять! Доверие – это самое главное».

Отчаяние героя отражается в его мыслях, также представленных в виде несобственно-прямой речи. Ворочаясь ночью на «промокших от пота простынях» («durchfeuchteten Laken»), он испытывает зависть к мухе: «Erfüllt von brennendem Neid lauscht er dem unbeschwerten Summen einer Fliege. Die lebt! Die hat keine Sorgen! Was weiß die schon vom Zentralbahnhof?! Man weiß ja selber nichts darüber» / «Исполненный жгучей зависти, он прислушивается к беззаботному жужжанию мухи. Эта живет! У этой нет забот! Что она может знать о центральном вокзале? Ты сам-то не знаешь о нем ничего …». В том обществе, где живет герой, даже муха более счастливое и свободное существо, чем человек.

Драматизм описываемым в тексте событиям придает также использование сценического способа повествования, реализуемого с помощью настоящего времени (Präsens). Данный прием сближает текст с репортажем, представляющим события как незавершенные, происходящие на наших глазах и придающий тексту актуальность, динамичность и кажущуюся объективность.

Все описанные выше средства создают картину тоталитарного общества, в котором самым абсурдным и парадоксальным событиям придается вполне разумный вид. Автор рассказа предлагает нам своеобразную метафору подобного общества, где непомерно сильна власть государственной машины над человеком, где государство не считает нужным что-либо объяснить, а лишь требует неукоснительно следовать приказу. Это государство обезличено, не представлено отдельными личностями, а скорее различными актами, документами, предписаниями. Так полученный героем рассказа официальный документ – «der amtliche Druck» – фактически персонифицируется автором: «едва будучи открытым, он нападает на адресата с требованием» и «приказывает» / «Kaum geöffnet, überfällt es den Lesenden mit einer Aufforderung», «befiehlt». Не ясно, кем написан этот документ, по чьему приказу назначена казнь. Возникает впечатление, что всеми событиями управляет всесильный, но не видимый никому кукловод.

Власть подобного государства настолько сильна и опасна, что наводит ужас на граждан, заставляет их предавать друзей, боясь за свою собственную жизнь: «Wenig später taucht der solchermaßen Betroffene verzagt bei seinen Freunden auf. Getränke und Imbiss lehnt er ab, fordert hingegen dringlich Rat, erntet aber nur ernstes und bedeutungsvolles Kopfschütteln. Ein entscheidender Hinweis, ein Hilfsangebot bleibt aus. Heimlich atmet man wohl auf, wenn hinter dem nur noch begrenzt Lebendigen die Tür wieder zufällt, und man fragt sich, ob es nicht schon zuviel gewesen ist, sie ihm überhaupt zu öffnen» / «Не-

много позже упавший духом пострадавший появляется у своих друзей. От напитков и закуски он отказывается, требует, однако, срочного совета, но натыкается лишь на серьезное и многозначительное недоумение. Убедительного объяснения, предложения помощи он не получает. В тайне все облегченно вздыхают, когда за ограниченно живым захлопывается дверь, и они спрашивают себя, стоило ли так рисковать, вообще открывая ее перед ним».

Эта власть разобщает людей, скрывающихся за дверьми своих квартир и не желающих прийти на помощь друг другу: «Mitten in der Nacht läutet er an der Tür des Nachbarn. Durch das Guckloch glotzt ihn ein Auge an, kurzfristig, ausdruckslos, bis der Klingelnde kapituliert und den Finger vom Klingelknopf löst» / «Посреди ночи он звонит в дверь соседа. Через дверной глазок на него пялится глаз, всего мгновение, ничего не выражая, пока звонящий не капитулирует и не убирает палец с кнопки звонка».

Более того, эта власть заставляет человека действовать как безвольный раб, который не может усомниться в разумности действий господина и смиренно является на собственную казнь в страхе перед наказанием, которое, безусловно, не может быть страшнее, чем смерть. Этот человек настолько раболепен, парализован государственной машиной и подчинен ей, что не может сопротивляться и точно действует предписаниям даже тогда, когда почти наверняка уверен, что не совершил ничего преступного. «Pünktlich um acht Uhr morgens betritt er am 5. Nov. den Zentralbahnhof, fröstelnd in einem kurzärmeligen Sporthemd und einer Leinenhose, das leichteste, was er an derartiger Bekleidung besitzt» / «Ровно в 8 часов утра 5 ноября он входит в здание центрального вокзала, ему зябко в спортивной рубашке с коротким рукавом и холщовых штанах, самом легком, что у него есть из одежды».

В данном контексте иронично и даже саркастично звучат слова «Vertrauen» / «доверие» и «vertrauen» / «доверять», столь настойчиво внушаемые герою его адвокатом. Доверие здесь – это, по сути, неспособность героя восстать против государственной машины, его неспособность сопротивляться, синоним его раболепия.

Люди, живущие в тоталитарном обществе, боятся называть многие вещи своими именами, поскольку знают, что находятся под постоянным контролем. Они понимают, что государство в любой момент может проникнуть в их жизнь: так же, как в квартиру приговоренного необъяснимым образом было доставлено странное послание.

Друзья героя сразу же понимают, что оно означает, а главное, как для них опасна связь с «ограниченно живым». Делая хорошую мину при плохой игре, они предлагают ему напитки и закуску, демонстрируя тем самым мнимую заботу о нем.

Запретной темой в обществе является, без сомнения, и центральный вокзал, о таинственности которого все знают: «Eine Viertelstunde später kommen zwei Toilettenmänner herein, öffnen mit einem Nachschlüssel Kabine 18 und ziehen den leichtbekleideten Leichnam heraus, um ihn in die rotziegeligen Tiefen des Zentralbahnhofes zu schaffen, *von dem jeder wusste*, dass ihn weder ein Zug jemals erreicht noch verlassen hatte, obwohl oft über seinem Dach der Rauch angeblicher Lokomotiven hing» / «Спустя 15 минут приходят 2 работника туалета, открывают с помощью отмычки кабинку № 8 и вытаскивают легко одетый труп, чтобы отнести его в дальние помещения центрального вокзала из красного кирпича, *о котором все знают*, что к нему никогда ни прибывали и от него никогда не отходили поезда, хотя часто над его крышей висел дым воображаемых локомотивов».

Все знают, что это опасное, страшное место, ведь именно поэтому друзья и испытывают страх, узнав о документе, полученном их знакомым. Ни у кого не возникает желания высказать это вслух. Однако, словосочетание «многозначительное недоумение», являющееся в данном контексте, по сути, оксюмороном, о многом говорит. Никто из друзей не сомневается, какая судьба ждет «ограниченно живого».

Вокзал в рассказе – яркий символ репрессивной машины. У вдумчивого читателя он вызывает ассоциации с концентрационным лагерем. Это заведение, где казнят людей, где люди исчезают в закоулках, за дверьми. Однако оно замаскировано под вполне мирное заведение. Так и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны газовые камеры представлялись в виде вполне безобидных душевых. Кроме того, героя обнаруживают мертвым через 15 минут – именно то время, которое было необходимо, чтобы человек умер от отравляющего газа.

На вокзале поддерживается идеальная чистота, постоянно моются полы («Der Boden wird gefegt und immerzu mit einer Flüssigkeit besprengt»). Для чего нужна стерильная чистота

на вокзале? Она нужна лишь там, где необходимо уничтожить следы преступлений. Кроме того, такая деталь, как дым над крышей вокзала, заставляет нас вспомнить о печах, в которых сжигались заключенные лагерей.

Имя же главного героя «ein Jemand» может быть намеком на слово «ein Jude» – «еврей». Как известно, в Третьем Рейхе представители этой нации безжалостно уничтожались в фашистских лагерях.

Таким образом, предлагая вниманию читателю картину общества, в котором обычной является парадоксальная ситуация – казнь невинного человека, Г. Кунерт критикует тот социум, в котором жизнь и достоинство человека потеряли всякую ценность. Притча как дидактический жанр, а также парадокс как художественный прием гротескно обнажают черты тоталитарного государства на примере трагедии одного маленького человека.

Примечания

[1] Здесь и далее все цитаты приводятся по: Kunert, G. Zentralbahnhof / Moderne Literatur verstehen. Texte und Anregungen zur Interpretation deutschsprachiger Literatur seit 1945 // Bearbeiter: A. Beuers, S. Schneider. Max Hueber Verlag Lensing GmbH, 1994. S. 101.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 68–72.

А. А. Савченко

ИДИОСТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РАДОСТЬ» В ПРОЗЕ В. В. НАБОКОВА

Рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц, формирующих фразеосемантическое поле «Радость» в прозе В. В. Набокова. Особое внимание уделяется индивидуально-авторским трансформациям фразеологизмов, к числу которых относятся двойная актуализация значений фразеологических единиц, замена одного из компонентов, нарушение привычных синтагматических связей, создание метафор на базе фразеологических единиц.

Ключевые слова: *идиостиль, фразеосемантическое поле, макрополе «Радость», эмотивная фразеологическая единица, эмотивность, индивидуально-авторские трансформации*.

Эмоции как чувства человека, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды переживаний, находят вербальное отражение в языке художественных произведений. Эмоциональность текста репрезентируется всей совокупностью языковых средств, использованных в нем и составляющих его эмотивное поле. В этом смысле эмотивное фразеосемантическое поле является компонентом эмотивного поля данного художественного текста.

В произведениях В. В. Набокова фразеологические единицы (далее – ФЕ), выражающие эмоциональное отношение и состояние, органично вплетены в ткань повествования, реализуя свои текстообразующие функции, вместе с другими языковыми средствами создавая неповторимый стиль автора «Лолиты» и «Других берегов». Фразеологизмы играют большую роль в экспликации авторских интенций благодаря наличию коннотативно-оценочных сем в структуре своего значения. Они в большей степени, чем слова, отражают специфику индивидуально-авторского стиля. Выбор того или иного фразеологизма свидетельствует о предпочтениях автора и его системе жизненных смыслов.

Анализ приемов использования ФЕ позволяет нам внести свой вклад в изучение творчества В. В. Набокова, одного из самых интересных писателей русского зарубежья, которого отличает «феноменальная стилистическая виртуозность», «в смелом сверкании его фраз никакое слово не случайно», «книги его кажутся написанными одним дыханием» [21. С. 93–94].

В настоящей статье мы рассмотрим идиостилевые особенности функционирования эмотивных ФЕ, входящих в состав макрополя «Радость», в произведениях В. В. Набокова.

Спектр ощущений радости достаточно широк. Р. И. Яранцев выделяет среди них восхищение, восторг, радость, счастье [22. С. 21–26]. На наш взгляд, к данному макрополю следует отнести также устойчивые обороты, обозначающие **удовлетворение** «чувство удовольствия, испытываемое тем, чьи стремления, желания, потребности удовлетворены» [16. Т. 4. С. 469], и **удовольствие** «чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний) [16. Т. 4. С. 469]. По данным психологов, «радость выражается улыбкой и смехом, эти проявления легко расшифровываются и почти всегда свидетельствуют об эмоции радости» [2. С. 150]. Это обстоятельство позволяет нам включить в макрополе «Радость» фразеологизмы, характеризующие смех и улыбку. Таким образом, в данном макрополе вычленяются шесть микрополей: «Удовлетворение – удовольствие», «Восхищение», «Восторг», «Радость», «Счастье», «Смех».

Ядро микрополя «Удовольствие» составляют фразеологизмы, находящиеся в привативной оппозиции: *испытывать удовольствие – доставлять удовольствие* [17. Т. 2. С. 578]. Антонимическим фразеологизмом является *портить удовольствие.* Динамику переживания эмоции удовлетворения/ удовольствия передает фразеологизм *отвести душу* «найти для себя утешение» [17. Т. 1 С. 749].

Радость легко распознаваема. К. Г. Ланге, один из крупных специалистов по изучению эмоций, привел описание физиологических и поведенческих характеристик радости. Она сопровождается возбуждением двигательных центров, приводящим к разряду моторного возбуждения (жестикуляция, подпрыгивания, хлопанье в ладоши). Наиболее типичный жест, являющийся внешним выражением удовольствия, удовлетворения, выражается фразеологизмом *потирать руки* [17. Т. 2. С. 92]: «И, с ненавистью посмотрев на столик, где были расставлены фигуры, и на широкоплечего Турати, который **потирал руки** и, как бас перед выступлением, густо прочищал голос, она быстро вышла из кафе» («Защита Лужина») [7. С. 281].

Стоит отметить, что указание на внешние проявления эмоций героев – характерный прием для В. В. Набокова. Наше наблюдение о том, что писатель предпочитает зрительный образ эмоционального состояния героев описанию их внутренних переживаний подтверждается и данными литературоведческого исследования. Так, Г. Хасин пишет, что «персонажи Набокова остаются с нами как простые субстанции Лейбница, уникальные и неразрушимые», им «отказано в доступе к внутренним состояниям друг друга, и они, касаясь лишь поверхностями, движутся по заранее определенным траекториям, обеспечивая необходимое развитие переплетающихся сюжетных линий» [18. С. 40–41].

Динамику переживания передает фразеологизм *воспрянуть духом* «преодолев уныние, обрести хорошее настроение» [17. Т. 1. С. 174]: «Однако мои ученые читатели, может быть, воспрянут духом, когда я объясню им…» («Лолита») [10. С. 352].

Периферию микрополя составляют фразеологизмы *греть сердце* [17. Т. 1. С. 285], *(прийтись) по сердцу* [17. Т. 1. С. 330], где сема удовольствия является узуальной; устойчивое сочетание *привести в ...состояние духа,* где значение оборота полностью определяется смыслом атрибутивного компонента; оборот *чувствовать себя как дома*, реализующий в контексте потенциальную сему «удовольствие»: «Масонские ложи, клубы самоубийц, мессы демонопоклонников и особенно агенты, присланные «оттуда»… для слежки за русским человечком за границей, превращали Берлин для Вайнштока в город чудес, среди которых он **чувствовал себя как дома»** («Соглядатай») [14. С. 317].

К данному микрополю относится междометный фразеологизм *слава Богу*!, выражающий «удовлетворение, удовольствие субъекта в связи с каким-либо событием» [17. Т. 2. С. 358]: «Я достаточно богат, **слава Богу**, чтобы тебя обеспечить, – я себе делаю из этого долг и счастье, – но с твоей стороны было бы безумием не работать» («Подвиг») [12. С. 245].

Как известно, люди разных психосоматических типов переживают радость по-своему. Так, люди несчастные или оказавшиеся в сложной ситуации, ощущают чувство облегчения как передышку от тревог и волнений. Это состояние отражают фразеологизмы, включенные в градуальную оппозицию: *гора с плеч – легко (ясно, спокойно, уютно, светло, хорошо) на душе/ сердце – с легким сердцем*: «Арестант номер девятый гулять не любил, однако, <…> выходил ежедневно, соображая, <…> что в это время камера обыскивается, следовательно, отказ от прогулки внушил бы администрации подозрение, что он у себя что-то прячет; когда же убедился, что это не так <…>, то с **легким сердцем** засел за писание» «Дар» [5. С. 199].

Радость как чувство психологического комфорта и благополучия объединяет в своем микрополе несколько устойчивых оборотов. Его ядро составляют номинации *делить радость* [17. Т. 1. С. 318], *душа/ сердце радуется (поет, кипит, гремит и переливается), глаза радуются*: «Будила нас по случаю праздника сама мать и, деля радость не только с детьми, но и с памятью собственного детства, наслаждалась нашими восторгами» («Другие берега») [6. С. 376].

Периферия микрополя представлена единицами, характеризующимися диффузностью семантики, которые в зависимости от контекста конкретизируют обозначаемую эмоцию: *сердце сжимается, разрывается* (*от радости, горя, тревоги*) *и вне себя, сам не свой* (*от радости, печали, страха*). Как правило, автор поддерживает с помощью микроконтекста нужное для него значение эмотивного фразеологизма. При отсутствии яркой образности исходного словосочетания фантазия автора позволяет ее создать:

«Завтра уезжают мои хозяева, и от радости я **вне себя**: **вне себя** – очень приятное положение, как ночью на крыше» («Дар») [5. С. 256].

В целом анализ контекстов употребления эмотивных ФЕ показывает, что Набоков часто прибегает к определенным образам, постоянно варьируя их. Такие ФЕ составляют своеобразные фразеологические гнезда. Наиболее значительными в макрополе «Радость» являются гнезда с ключевой лексемой **сердце:** *сердце замирает, сжимается, бьется, разрывается, бухает, растаяло, колотилось, екнуло, лопнет;* **душа**: *на душе легко, светло, уютно, ясно, хорошо, душа поет, гремит, кипит* и **смех**: *помирать со смеху, покатиться со смеху, захлебываться от смеха, кататься со смеху, давиться от смеха* и др.. Образность этих ФЕ часто поддерживается общей метафоричностью микротекста: «Бубнов мечтательно заговорил о девушке, у которой **поет душа,** поют глаза и кожа бледна, как голубой фарфор» («Подвиг») [12. С. 252].

Микрополе «Восхищение» («высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-либо» [16. Т. 1. С. 218]) представлено устойчивым словосочетанием – *вызывать восхищение*: «Помню, какое восхищение он вызывал во мне ранним утром в Петербурге» («Другие берега») [6. С. 456].

Микрополе «Восторг» («сильный подъем радостных чувств» [16. Т. 1. С. 217]) включает ядерные ФЕ, отражающие статальный (*испытать восторг)* и динамический (*приходить в восторг)* аспекты переживания эмоции, и периферийные, контекстуально зависимые: *сердце лопнет (от восторга), (в восторге) с замиранием сердца* – как известно, переживание эмоции радости сопровождается учащением сердцебиения.

Говоря о стиле Сирина (Набокова), исследователи отмечают обилие художественных находок, силу изобразительного таланта писателя, которая была бы невозможна без зоркости его взгляда, умения видеть обыденное в неожиданном ракурсе. Используя эмотивные ФЕ как изобразительно-выразительное средство, В. В. Набоков варьирует приемы оживления их стершейся в общеязыковом употреблении образности. По мнению исследователей творчества В. Набокова, для его романов характерна постоянная языковая игра (Ю. Д. Апресян, М. Я. Дымарский, Е. В. Падучева, Л. Н. Рягузова и др.). На наш взгляд, одной из форм этой игры являются индивидуально-авторские преобразования ФЕ.

Замена одного из компонентов ФЕ – излюбленный прием В. В. Набокова. Так, счастье как высшее проявление эмоции радости (ср.: «состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемые кем-то» [16. Т. 4. С. 320] представлено следующими индивидуально-авторскими эмотивными ФЕ: *переживать упоение* вместо *приходить в упоение; счастье стояло в горле* вместо *ком стоял в горле; окунуться в рай* вместо *окунуться в работу:* «Моросивший дождь казался ослепительной росой, **счастье стояло в горле**, радужные ореолы дрожали вокруг фонарей, и книга, написанная им, говорила с ним полным голосом, все время сопутствуя ему, как поток за стеною» («Дар») [5. С. 156] (Ср.: *ком в горле стоит* «о спазмах в горле, груди при ощущении давящей, гнетущей тяжести» [4. С. 304]).

Замена стержневого компонента дает возможность В. Набокову мастерски создать оборот, позволяющий сжато, но емко охарактеризовать ситуацию. Так, окказиональная ФЕ *смех подступил к горлу* (ср. *слезы подступили к горлу)* точно передает эмоциональное состояние человека, собирающегося совершить самоубийство: «**Смех подступил к горлу**, заклокотал. Керн, как слепой, поднимался по лестнице. Монфиори поддерживал его робко и торопливо» («Удар крыла») [15. С. 54].

Ощущение радости передается Набоковым через трансформацию узуальной ФЕ *за-*

лезть/ спрятаться в скорлупу/ в нору – «замкнуться, не идти на контакт с окружающими» – в антонимическое выражение *вылезти из себя* и дополняется образом человека, греющегося в солнечных лучах (для чувства радости характерны ассоциации с чувством удовольствия от солнечного света и тепла): «Оказалось, что Юрия Тимофеевича Грузинова не так-то легко **привести в благое состояние духа**, когда человек **вылезает из себя**, как из норы, и усаживается нагишом на солнце» «Подвиг» [12. С. 272].

Второй прием трансформации ФЕ, активно используемый В. Набоковым, – прием расширения лексического состава фразеологизма. Часто писатель включает в состав ФЕ прилагательное или причастие, конкретизирующее его значение. Это обычно яркие, экспрессивные эпитеты, столь любимые В. Набоковым. Подобное использование сложных, поэтических эпитетов позволяет наиболее эффективно реализовать экспрессивную, эмотивную функцию художественного текста: «… Мне, шестилетнему, довелось впервые по-настоящему **испытать древесным дымом отдающий восторг** возвращения на родину» «Другие берега» [6. С. 362].

В качестве распространителя-эпитета в таких ФЕ может выступать и наречие: «И снова брызнули водопады слез. Тогда только я понял, что все это большое горе было из-за меня, из-за пожара, и несказанно тепло стало на сердце» («Николка Персик») [9. С. 300].

Разрушение непроницаемого фразеологического оборота может осуществляться за счет оборота *как и*: «**На сердце**, *как и* **за ушами**, **стало уютно и покойно**» («Король, дама, валет») [9. С. 35].

Необычность создаваемых Набоковым образов, вызывающих множество ассоциаций у читателей, вероятно, обусловлена его художественным методом, получившим название «фантастического реализма» и предполагающим игровой принцип организации текста. На уровне фразеологии это проявляется в том, что зачастую автор прибегает к множественной трансформации ФЕ: «По прибытии в Америку мне посчастливилось **окунуться в сущий рай** научных исследований» («Другие берега») [6. С. 386]. Как видно из данного примера, замена стержневого компонента исходной ФЕ *окунуться в работу* на *рай* сопровождается расширением компонентного состава ФЕ, за счет эпитета *сущий*. Неожиданное сочетание эпитета и определяемого существительного (ср. *сущий ад*) позволяет передать тончайшие оттенки авторского отношения к изображаемому.

Как указывает З. А. Шаховская, «Сирин любит метафоры, но в смелом сверкании его фраз никакое слово не случайно, все дозировано, как хорошо составленный коктейль» [19. С. 93]. ФЕ, включаясь в метафорический контекст, становится частью этого образа, логически завершая его: «Федор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов, наросло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное **сердце растаяло** и растворилось» «Дар» [5. С. 261].

Иногда эмотивный фразеологизм предваряет метафору, предопределяя ее образную основу: «… Я бы его заставил вдруг **залиться слезами** счастья, **растаяли бы глаза**» («Приглашение на казнь») [13. С. 35].

Метафорический образ может возникнуть на основе эмотивного фразеологизма: «И когда она ушла, Фред еще долго стоял посреди комнаты, боясь неосторожным движением **расплескать сердце**» («Картофельный эльф») [8. С. 395].

Одним из часто используемых приемов создания выразительности текста является нарушение узуальной сочетаемости ФЕ. Противоречие узуальных ситуаций употребления ФЕ и ее микроконтекста в произведении создает впечатление абсурдности происходящего: «Веслом! – сказала Марта (о способе убийства мужа), **захлебываясь от смеха**» («Король, дама, валет») [9. С. 181]. (Ср. *покатываться со смеху/ кататься со смеху, захлебываться, давиться от смеха/ хохота, смеяться до упаду* [17. Т. 2. С. 381]. «В трауре, – сказал Франц, **давясь от смеха**. Она, смеясь, закивала» («Король, дама, валет») [9. С. 99].

В заключение отметим, что в своих стилевых реализациях Набоков глубоко самобытен. Художественное пространство его текстов позволяет с наибольшей полнотой использовать богатейший творческий арсенал языковых средств и приемов. Как справедливо указывает З. А. Шаховская, «инстинктивно чувствуя гений своего родного языка и все его возможности, Набоков обращается с ним чрезвычайно своеобразно и рвет с традицией «естественности», довольно сильно укоренившейся у русских писателей. Ему нравится придавать легковесность величественной поступи русской

прозы и одновременно украшать ее замысловатостью» [19. С. 100].

Значимость макрополя «Радость» в произведениях В. Набокова свидетельствует о стремлении его героев видеть мир в его подлинной красоте и гармонии, воспринимать окружающих людей как источник позитивных эмоций.

Список литературы

1. Бугаева, А. А. Идиостилевые особенности фразеосемантического поля эмотивности в прозе В. В. Набокова : дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2010. 165 с.

2. Изард, К. Психология эмоций. СПб., 2006.

3. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2011.

4. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М., 2007.

5. Набоков, В. В. Дар // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

6. Набоков, В. В. Другие берега // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

7. Набоков, В. В. Защита Лужина // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

8. Набоков, В. В. Картофельный эльф // Набоков, В. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990.

9. Набоков, В. В. Король, дама, валет // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

10. Набоков, В. В. Лолита // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

11. Набоков, В. В. Николка Персик // Набоков, В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. СПб., 1999.

12. Набоков, В. В. Подвиг // Набоков, В. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990.

13. Набоков, В. В. Приглашение на казнь // Набоков, В. В. Другие берега : романы. М., 2003.

14. Набоков, В. В. Соглядатай // Набоков, В. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990.

15. Набоков, В. В. Удар крыла // Набоков, В. В. Собр. соч. русского периода : в 5 т. СПб., 1999.

16. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

17. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. Т. 1. / под ред. проф. А. Н. Тихонова. М., 2004. 832 с.

18. Хасин, Г. Театр личной тайны: Русские романы В. Набокова. М. ; СПб., 2001.

19. Шаховская, З.А. В поисках Набокова. Отражения. Л., 1991. 319 с.

20. Яранцев, Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии : ок. 800 фразеологизмов. М., 1981. 304 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 72–75.

О. В. Соболева

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»

Определяются понятия гипертекста и гипертекстуальности, рассматриваются типологии и основные признаки последнего, а также анализируется гипертекстовый способ организации интернет-пространства.

Ключевые слова: *гипертекст, гипертекстуальность, интернет-пространство, коммуникация, электронная среда, гиперсреда, интертекстуальность*.

Термин «гипертекстуальность», становящийся все более распространенным, не имеет однозначного толкования, подобно тому, как многообразен в определениях и сам гипертекст.

Специфика текста, перенесенного в гиперсреду, обозначается понятием гипертекстуальности, под которым понимается «совокупность специфических особенностей гипертекста в изложении, структурировании и организации до-

ступа к информации» [3. С. 32]. Гипертекстуальность не является результатом объединения отдельных текстов при помощи отсылок от одного текста к другому, гипертекст – это «самостоятельный объект с набором собственных специфических свойств, в котором крайне важна соотносимость отдельных его частей друг с другом» [12. С. 68].

М. В. Масалова определяет гипертекстуальность как «потенциальную и реализованную возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов» [6. С. 7]. Ученый исследует гипертекстуальность как имманентную текстовую характеристику, присущую как традиционным печатным текстам, так и электронным текстам и гипертекстам. В результате исследования М. В. Масалова делает вывод о том, что линейность и нелинейность являются внешними характеристиками текста, а гипертекстуальность – внутренней имманентной характеристикой. Ученый выделяет два типа гипертекстуальности:

1) потенциальную (наблюдается в традиционных бумажных текстах и линейно организованных электронных текстах. Такие тексты выстроены линейно, но разбиты на фрагменты таким образом, что это дает возможность читать их в любом порядке (Библия, энциклопедия и др.);

2) реализованную (гипертекстуальность понимается как особое сочетание линейности и нелинейности расположения фрагментов относительно друг друга и реализуется только в гипертексте – электронном нелинейном тексте) и уровни гипертекстуальности: внутритекстовый (элементы – фрагменты одного текста) и межтекстовый (элементы – различные тексты) [6. С. 93].

Гипертекстуальность исследуется и в работе К. В. Давыдовой. В основу ее исследования положена гипотеза о гипертекстуальности как свойстве художественного текста. К. В. Давыдова понимает гипертекстуальность как «генерализацию отношений и связей между ранее созданными текстами, при которых полученный текст (гипертекстовый фрагмент) представляет собой совокупность составляющих и с точки зрения содержания, и формы» [2. С. 59]. Ученый считает, что художественный гипертекстовый фрагмент представлен двумя основными типами: гипертекстовым фрагментом с «жесткой» структурой, интертекст которого вербализует внутреннюю речь, и гипертекстовым фрагментом с «мягкой» структурой, содержащим интертекст-цитаты, интертекст-эпиграфы, интертекст-пословицы/ поговорки [2. С. 6].

В работах, посвященных исследованию нелинейного текста, разграничиваются понятия интертекстуальности и гипертекстуальности. По мнению Е. В. Зыковой, понятия интертекстуальности и гипертекстуальности частично пересекаются, но не совпадают. Принципиальным различием, с ее точки зрения, является то, что для «включения» интертекстуальности необходимы устоявшиеся в культурном, социальном, историческом контексте ключевые слова; в то время как в условиях гипертекстуальности роль значимого понятия может сыграть любой фрагмент текста, включая графические средства и звук. Другим отличием, по мнению Е. В. Зыковой, является направленность от уже известного к новому. При интертекстуальных связях ключевые слова привносят в текст свой собственный багаж смыслов, накопившийся за время бытования первоисточника. Напротив, гипертекстуальность подразумевает, что любой фрагмент информационной единицы, связываемый при помощи гиперссылки с другими информационными единицами, «обрастает» новыми коннотационными, информационными и другими значениями лишь по мере построения реципиентом своего гипертекста [4. С. 6].

Более распространенной является точка зрения на гипертекстуальность как на реализацию интертекстуальности при помощи компьютерных технологий. Так, для Е. Г. Соколова гипертекстуальность – это материализованная интертекстуальность для «нищих духом» [10. С. 146], то есть для тех читателей, интеллектуального и культурного потенциала которых недостаточно для самостоятельной расшифровки авторских аллюзий.

Гипертекстуальность определяет общую для всех сетевых текстов характеристику – незамкнутость, выход за пределы одной текстовой структуры. Фактически текст перестает быть статичной системой, ограниченной рамками объема, жанра и даже авторства. Возможность перехода по гипертекстовым ссылкам позволяет каждому пользователю генерировать свой текст по заданной тематике, ориентируясь на личные цели и задачи получения информации.

Гипертекстуальность формируется такими текстовыми категориями, как нелинейность, интерактивность, мультимедийность. Совокупность проявлений этих категорий ведет к

изменению роли автора. Утрачиваются композиция, начало и конец произведения, более условной становится авторская суверенность. Но, в то же время, приобретаются такие возможности, как мгновенные межтекстовые переходы, включение в текст изображений, видео, мультипликации, звука. Все это вызывает в читателе необычные соотношения чувственных восприятий, что, в конечном итоге, изменяет образ мышления и восприятия мира.

Неоднозначность термина «гипертекстуальность» определяется недостаточной изученностью гипертекста как формы электронного текста, в связи с чем не существует и четкой типологии гипертекстуальности. По уровню гипертекстуальности Т. И. Рязанцева предлагает два типа: эксплицитную и имплицитную [9. С. 47]. Эксплицитная гипертекстуальность возникает в виде прямых ссылок на другие тексты, а имплицитная – это скрытые аллюзии и определенные стилистические приемы, например, ирония, сатира, пародии, являющиеся элементом фонового знания читателя и помогающие ему в понимании художественного произведения.

М. В. Масалова предлагает следующую типологию гипертекстуальности [6. С. 65].

1. По степени актуализации гипертекстуальности в тексте:

а) реализованная гипертекстуальность, понимаемая как сочетание линейности и нелинейности, реализуется только гипертексте (электронном нелинейном тексте);

б) потенциальная встречается в бумажных текстах и линейно организованных электронных текстах. Такие тексты имеют линейное строение, но разбиты на фрагменты таким образом, чтобы дать возможность их прочтения в любом порядке (энциклопедии, сонеты, Библия).

2. По характеру элементов текстуального образования:

а) внутритекстовая – текст содержит ссылки, ведущие только к элементам данного текста, или предполагает нелинейное перемещение от одного фрагмента к другому;

б) межтекстовая – гипертекстуальность присутствует не в рамках одного текста, а между несколькими текстами, то есть присутствуют электронные ссылки на другие тексты, документы, сайты и так далее.

3. По степени выраженности гипертекстуальность может варьироваться от максимальной, или наиболее выраженной, до нулевой, или отсутствующей. Максимальную гипертекстуальность можно встретить в бесконечных гипертекстах или в сети Интернет, понимаемой как глобальный гипертекст. Нулевая гипертекстуальность встречается в простых линейных текстах.

По степени нелинейности E. J. Aarseth выделяет 4 типа гипертекстуальности [14. С. 86]:

Простой нелинейный текст – фрагменты статичны, открыты и поддаются исследованию читателя.

Непродолжаемый линейный текст, по которому можно передвигаться с помощью эксплицитных ссылок между фрагментами.

Детерминированный кибертекст – объединение фрагментов предсказуемо, но обусловлено и содержит элементы ролевой игры.

Недетерминированный гипертекст – фрагменты динамичны и непредсказуемы (например, чат).

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что гипертекстуальность формируется такими текстовыми категориями, как интерактивность, нелинейность и мультимедийность. Совокупность данных категорий приводит к изменению функций авторской деятельности. Приобретаются новые возможности: включение в текст изображений, видео, звука, межтекстовых переходов. Гипертекстуальность – это обозначение особых изменений, которые претерпел письменный текст, перемещенный в электронную среду.

Список литературы

1. Визель, М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностр. лит. 1999. № 10. С. 103 –113.

2. Давыдова, К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста. Армавир, 2006. 205 с.

3. Дедова, О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008. 284 с.

4. Зыкова, Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет. СПб. ; Пушкин, 2006. 221 с.

5. Кузнецов, М. Текст, гипертекст и интерактивное телевидение // Декоратив. искусство (Диалог истории и культуры). 1996. № 1. С. 42–49.

6. Масалова, М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика. Ульяновск, 2003. 123 с.

7. Орехов, С. И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. 2006. № 1. С. 92–98.

8. Першиков, В.И. Толковый словарь по информатике / В. И. Першиков, В. М. Савинков. М., 1995. 203 с.

9. Рязанцева, Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М., 2010. 256 с.

10. Соколов, Е. Г. Обуздание трущоб: контекстуальность интертекстуальность гипертекстуальность // Метафизич. исслед. 2000. № 14. С. 134–148.

11. Субботин, М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. Т. 18. Информатика. М., 1994. 305 с.

12. Хартунг, Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестн. Моск. ун-та. 1996. № 3. Сер. 9. Филология. С. 61–77.

13. Crystal, D. Language and the Internetl. 2 ed. Cambridge, 2006. 304 p.

14. Landow, G. P. Hypertext. Text. Theory. Baltimore, 1992. 213 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 75–78.

М. В. Сомова

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЯЗЫКА И РЕЧИ

Рассматриваются безличные предикативные конструкции, различные по структуре и семантике, несущие дополнительную эмоциональную или эстетическую нагрузку и выполняющие функцию изобразительно-выразительного средства речи. В таком контексте подобные конструкции еще не подвергались подробному анализу.

Ключевые слова: *безличные конструкции, агенс, изобразительно-выразительное средство, язык, речь***.**

Безличность можно определить как структурно-семантическую категорию с семантической доминантой, которая служит для обозначения действия или состояния как таковых, деагентивных, при которых деятель, агенс, либо вовсе не мыслится, либо мыслится отвлеченно. Сущность ее заключается в том, чтобы выразить одно из отношений действия к деятелю в системе синтаксических значений лица, а именно отстраненность действия или состояния от деятеля, невозможность агенса, независимость процесса, состояния от активного деятеля.

Предложения, в которых реализуется категория безличности на синтаксическом уровне, – безличные односоставные и – разнообразны по структуре и семантике. Например: *Было душно, жарко: небо заволакивало тяжелыми облаками* (И. Гончаров); *Шарабан трясло на ухабах - пущай трясет! [Ухабы ведь тоже родимые]* (В. Пикуль); *Если сейчас не выпить – повеситься можно* (М. Булгаков); *У Волкодава дома было заведено: женщина и кошка хозяйничают в избе, мужчина и собака – во дворе* (М. Семёнова); *Тянет в море, тянет, нет больше сил терпеть!* (Новиков-Прибой).

В языке безличные конструкции употреблялись издревле наряду с личными. Так, Ф. И. Буслаев, говоря об устном народном творчестве, утверждал, что большинство безличных форм преобразовалось из личных. Преимущественно они обозначали явления природы, непонятные человеку, а также употреблялись в заклятиях и при ворожбе, то есть в тех случаях, когда деятель либо не нужен, либо не имеет силы, либо действие изначально деагентивно. По мнению А. А. Потебни, устранение субъекта происходило потому, что «при веровании в силу слова известных враждебных человеку демонических существ не следует называть», и еще потому, что «действующее лицо при таинственных действиях представляется неизвестным» [6. С. 410]. Возможно, именно в силу такого объяснения устранения субъекта из некогда личных конструкций в современном русском языке большинство безличных конструкций, безотносительно к тому, о чьем состоянии или действии в них идет речь, несет негативную семантику.

Подобные конструкции часто выполняют функцию изобразительно-выразительных средств, несущих в контексте дополнительную эмоциональную и эстетическую нагрузку.

Традиционно безличные предикативные единицы вне зависимости от их структуры передают состояние человека, причем обычно негативное, когда происходящее неподвластно воле человека, его нельзя избегнуть или преодолеть: *Виски больно рвало, в голове шумело* (А. Иванов); *Князю опять стало чего-то страшно, засосало под ложечкой* (Ю. Герман); *Нет у нее голоса… Не видать ей никогда отеческого порога*…(М. Семёнова); *Не сказано лишнего слова, наружу не выдано слез* (Н. Некрасов).

При описании состояния природы, окружающей среды картина меняется. Безличные конструкции передают как позитивные впечатления и состояния: *На дворе светло и крепко дышится…* (Н. Лесков); *В келье у него пахло квасом, свежим хлебцем, было уютно от тараканьих шорохов* (В. Пикуль), так и различную по степени интенсивности негативную оценку: *В избе было сорно и душно…* (А. Фадеев); *Накрапывало, хмурилось…* (И. Бунин); *Было очень сыро и мозгло…* (Ю. Герман).

В. В. Виноградов считает, что в контексте «степень устранения лица может быть различна» [2. С. 368]. На «переходе глаголов 3 лица от личного употребления к безличному с мыслимым, но неизвестным субъектом» [2. С. 367] построены многие эмоциональные картины в речи. Например: *Крейсера России пронесло мимо…* (В. Пикуль). Перед нами так называемая «неопределенность неведения», когда повествователь не знает субъекта действия, мыслимого отвлеченно, который «ищется и находится» в контексте, откуда понятно, что речь идет о море, волнах. Глаголы со скрытым или устраненным лицом вносят во фразу «свойственный им оттенок завуалированности деятеля, производителя признака» [2. С. 368].

В самой семантике безличного глагола может «присутствовать скрытый производитель» действия: *Уведи, няня, ребенка в холодок;* ***напечет*** (речь может идти только о солнце) *ему головку – будет болеть*… (И. Гончаров); *Князь нащупал косу и потянул к себе, наматывая на кулак. На том конце* ***ойкнуло*** (междометие *ой* произнести может только человек, обычно женщина)*, князь выволок в полосу света упирающуюся девушку* (М. Семёнова); ***Зазвякало*** (раздался звонок) *в прихожей – Егор не шевельнулся* (В. Крапивин).

Не менее выразительны конструкции, в которых безличные формы сочетаются с творительным орудийным: *Мелькнуло* ***светом*** *в доме десятского, запахло* ***самогонкой*** *от дома сотского, свежим* ***хлебцем*** *резануло по ноздрям вкусно…* (В. Пикуль); *Перед глазами Павла вспыхнуло* ***магнием, громом*** *ударило в уши, прижгло каленым* ***железом*** *голову* (Н. Островский). В таких предложениях «орудие производства действия» сознательно представлено косвенным падежом, тем самым подчеркивается его пассивная функция и основное внимание вновь отводится действию.

Иногда безличный компонент предстает в периоде:

Возносило по трапам наверх, швыряло в провалы люков, било в тупиках коридоров, возносило ввысь – только успевай – будто на американские горки попал! А турецкий корабль уже разносило в куски, с палуб разметывало людей и пушки, всю бухту окрасило в красный цвет, луну закрыло – стало жутко (В. Пикуль) – в этом примере безличные конструкции передают напряженность происходящего, его насыщенность именно действием, что подчеркивается полной отвлеченностью агенса.

С целью усиления эмоционального воздействия на читателя, фокусирования его внимания на действии целый абзац может быть представлен безличными конструкциями с творительным орудийным или без него:

А на серой взбаламученной воде рейда мотало бомбардирские корабли с зарифленными парусами. Захлестывало пеной «Селафаила», «Дондера» и «Юпитера». Рвало с якорей паром «Дикий бык», гневный и щетинистый от пушечной ярости. А на фрегате «Вахтмейстер» в нитку тянуло над рейдом брейдвымпел начальника бомбардиров – Александра Вальронда (В. Пикуль) – этот фрагмент передает описание целого этапа в развитии действия: корабли, как люди, ждут начала похода, они готовы к нему, а ветер и море, не названные, но угадываемые из контекста, поддерживают их в этом ожидании, торопят с выходом. Личные глаголы, употребленные в безличном значении, здесь усиливают чувствующееся во всем абзаце напряжение.

Усиливать заложенную в безличном глаголе эмоциональность в контексте предложения могут наречия, частицы, дефисное оформление отдельных слов, передающее напряженность или внезапность сообщаемого. Например: *Только и помню –* ***ка-ак жахнет*** *рядом!*

(А. Иванов); *Юрьев уже отвык от унизительных положений – его* ***даже зашатало*** (В. Пикуль); ***Просто мутило*** – ***так хотелось*** *курить* (В. Пикуль).

Повтор безличных глаголов (в прямом или переносном значении) и сравнительный оборот после этого повтора усиливают ту или иную эмоциональную окрашенность высказывания, дают яркую характеристику всему происходящему: *...Керенский шел не улыбаясь, а за ним из вагона* ***сыпало, сыпало, сыпало*** *...* ***как*** *из дырявого мешка мусор!* (В. Пикуль) – здесь сравнение оттеняет иронию автора.

Очень выразительны и эмоциональны безличные единицы в пословицах: *В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – вдвое прибыло* (В. Даль); *При таком начальнике сытно жилось, сладко пилось* (В. Пикуль). Подобные пословицы, в состав которых входят безличные конструкции, содержат оттенок независимости от чьих-то поступков, желаний, неизбежности, безысходности.

Предикативные единицы с безличной семантикой могут функционировать и в контексте сложного предложения, где выполняют различные изобразительно-выразительные задачи. В сложной бессоюзной конструкции контекст подсказывает те отношения, в которые вступают ее части, одна из которых – безличная предикативная единица: *На фронте меня контузило: треснули барабанные перепонки* (А. Мариенгоф) – отношения меры и степени; *Сильно качало – I и V дивизионы проходили мористее Эзеля* (В. Пикуль) – отношения причины; *За ночь похолодало: мокрый снег превратился в наст, твердый, прочный, как боевой щит* (В. Ян) – отношения следствия; *С одним побратимом я расставалась, другим прибывало* (М. Семёнова) – противительные отношения и так далее.

На границе моно- и полипредикативных предложений находятся предложения с вводными и вставными конструкциями. Например: *Стало быть, староста твой уж потому бестия, что ловко и натурально написал...* (И. Гончаров); *Мело за бортом вихрями, казалось, это не бронепоезд, а корабль в ненастье* (В. Пикуль).

Безличные по структуре и семантике вводные единицы обычно указывают на предположение: *Короче, батя, сломана Варина личная жизнь, мне так думается...* (Ю. Герман) или необходимость привлечения чьего-либо внимания: *Надобно сказать читателю, я с участием посмотрел на Арину* (И. Тургенев).

К подобным предложениям по структуре примыкают следующие: *Ему (Обломову) представилось: он сидит в летний вечер на террасе, за чайным столом, под непроницаемым для солнца навесом деревьев...* (И. Гончаров). Для таких конструкций характерно наличие в первой части опорного слова, с которым соотносится вторая часть предложения, и наличие незамещенной синтаксической позиции. Но такой позицией в данных предложениях может быть только позиция подлежащего, что в безличном предложении невозможно, следовательно, здесь мы имеем дело не с односоставным, а с двусоставным неполным, которое обнаруживает в контексте неполноту тем, что в нем недостает необходимого подлежащего. (Сравните: *Ему представилось (следующее), что он сидит в летний вечер...*)

Безличное предложение может выступать и в качестве вставного компонента: *В один из вечеров (уже похолодало) Алексей Григорьевич разливал вино* (В. Пикуль); *«Аскольд» болтало у черта на куличках – Россией там и не пахло – между Филиппинами и Японией, от Адена до Коломбо* (В. Пикуль). Такие вставные конструкции содержат какие-либо сведения, «необходимость которых замечается говорящим, когда он уже приступил к высказыванию известной мысли» [4. С. 196]. Тогда начатое предложение прерывается, в него вводится нужное сообщение, произносимое с особой интонацией, – в быстром темпе, ниже и тише. По значению такие предложения разнообразны: могут указывать на состояние природы или человека, давать оценку явлению, указывать на время или место действия, передаваемого основным высказыванием.

Безличная предикативная единица используется в предложениях с прямой речью, где выполняет функцию слов автора. Например: *А впрочем, ведь вы и без того не верите! – слишком уж со зла сорвалось у Раскольникова* (Ф. Достоевский); *«На тебе!...» – стукнуло в голове у Михаила Александровича* (М. Булгаков). Семантика безличности вносит в контекст значение произвольности происходящего действия, о котором сообщает собственно прямая речь, указывает на то, что сообщение имеет место, но не называет говорящего, он мыслится отвлеченно, как нечто второстепенное: *«Человек за бортом!» – вдруг резануло почти вопельно* (В. Пикуль) – резануть, то есть причинить почти физическую боль. *«Мы гости новгородские», – долетело в ответ* (М. Семёно-

ва) – долететь, то есть достичь слуха издалека (обычно глаголы употребляются в переносном значении).

Слова автора могут указывать на желание говорящего произнести то или иное высказывание, хотя и не приведенное в исполнение: *Всякий раз Василию хотелось крикнуть: «Перестань, не береди душу!»* (А. Иванов); *«Может быть, вы оставите меня в покое?» – хотелось ему задать вопрос* (Ю. Герман) или на состояние говорящего в момент речи, часто вызванное тем, что послужило поводом к сообщению: *Шаргородскую даже отшатнуло от окна* (на другой стороне улицы она увидела Орлова)*: «Да это же Гришка Орлов!»* (В. Пикуль); *«В чем дело? Мы травим тараканов?» – «Обыск!» – «Что?» – Вальронда так и выкинуло* (для флотского офицера обыск – прямое оскорбление!) *из койки* (В. Пикуль).

В присоединительных структурах безличная единица может дополнять основную конструкцию, также давая оценку эмоционального или физического состояния человека: *Идти на зигзаге – это мотня надоедная, повороты следуют вправо-влево, килевая качка перемежается с бортовой, тут всю душу тебе вымотает* (В. Пикуль); *«Русского флота, кавторанг, давно не существует!»… Лучше бы Звягинцев не произносил этой фразы – Зилотти даже передернуло в бешенстве* (В. Пикуль); *Тогда-то Гуннар один против сотни отстоял корабельный сарай и в нем корабль, ратного труда принял – семерым хватило бы да еще столько осталось!* (М. Семёнова).

Конечно, нами рассмотрены далеко не все примеры функционирования различных по структуре и семантике безличных структур как изобразительно-выразительных средств в условиях контекста. В статье лишь намечены пути анализа таких единиц во взаимосвязи их с другими конструкциями. За пределами работы остались безличные единицы, выражающие отрицание, слова-предложения *Да* и *Нет*, инфинитивные предложения. Это тема дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: избранные труды. М., 1980. 360 с.

2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.

3. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 2012. 336 с.

4. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Т. 2. М., 1973. 350 с.

5. Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. М., 1973. 288 с.

6. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 613 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 78–84.

Г. Н. Чиршева

СПЕЦИФИКА ПРИСВОЕНИЯ РОДА АНГЛИЙСКИМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Анализируются особенности присвоения рода английским существительным, включенным в русские предложения. Цель исследования – выявить, какие факторы оказывают влияние на вариативность стратегий, применяемых носителями русского языка в ходе присвоения рода английским существительным. Интерес представляют также гендерные различия билингвов, наблюдаемые в процессе присвоения рода.

Ключевые слова: *гендер, билингвы, категория рода, английское существительное, русская морфосинтаксическая рамка*.

В современном английском языке грамматическая категория рода отсутствует, но при использовании английских существительных в виде кодовых переключений в речи на русском языке возникает необходимость присваивать им тот или иной род для того, чтобы эти еди-

ницы могли входить в морфосинтаксическую рамку русского предложения.

Проблемы грамматического рода в двуязычной коммуникации рассматривались на материале русских существительных в речи иммигрантов разных поколений в США[1], в Финляндии[2], ошибок в использовании французских существительных носителями других языков[3], голландских существительных взрослыми носителями романских и германских языков[4], английских существительных в виде кодовых переключений в речи носителей и не-носителей французского языка[5]. Изучению подвергались и более длительные процессы приобретения родовых отличий английскими заимствованиями в русском языке в течение нескольких столетий[6].

В данной работе вопросы присвоения категории рода анализируются в тех ситуациях, когда носители русского языка включают английские существительные в русское высказывание. Возникает вопрос о том, относят ли они одни и те же существительные к одному и тому же роду или результаты этого процесса различаются. Если одни и те же существительные из языка, не имеющего грамматической категории рода, получают разные родовые отличия, следует выяснить, какие причины могут привести к таким результатам.

Род в различных языках мира может присваиваться на основании семантических, фонетических или морфологических критериев, или, чаще всего, на основе их комбинации[7]. В английском языке сохранился лишь семантический критерий для существительных, обозначающих людей и некоторых животных, что выражается в системе некоторых разрядов местоимений (личных, притяжательных и возвратных).

В русском языке действует сложная система, опирающаяся как на семантические, так и на формальные критерии, поэтому в тех случаях, когда возникает необходимость отнести иноязычные слова к какому-то роду, могут активизироваться любые из них.

Результаты данного исследования показали, что при выборе рода носители русского языка используются две основные стратегии. При этом значение имеют и некоторые социолингвистические характеристики говорящих, в частности, их гендерные различия.

Материал исследования представлен результатами письменного опроса 37 взрослых носителей русского языка (от 24 до 55 лет) из России и США. Для всех информантов русский язык является родным и основным в бытовом общении. Большинство тех, кто проживает в США, использует его также и в профессиональной сфере – преподает в русской школе для детей из русскоязычных семей, для американских студентов в университете, для взрослых американцев на курсах русского языка. Многие поддерживают связи с Россией, навещают своих родственников и друзей.

Английский язык опрашиваемые знают на разном уровне, но все используют его как второй язык в ситуациях официального или неофициального общения, в письменной и устной форме. Переключения на английский язык объясняются необходимостью более точно или более экспрессивно выразить мысли и чувства.

В анкету включены короткие русские предложения, в которых использованы английские существительные. Информанты должны были показать, к какому роду они относят эти имена существительные путем согласования с ними прилагательных, местоимений, причастий или глаголов. Для этого они заполняли пропуски окончаний у согласующихся с существительными слов. Например, *Это не прост__* **exercise**. Если присваивается мужской род, то подставляется *–ой*, средний род *–ое*, женский род *–ая*. Имена существительные выбирались среди тех, которые входят в наиболее употребительный лексикон и усваиваются на начальном этапе изучения английского языка. Незнакомыми для одной из русских женщин в США оказались лишь некоторые абстрактные существительные *(threat, revenge)*. Анкеты заполнялись либо на бумаге, либо в электронном варианте, но во всех случаях этот заняло не более 10 минут, поскольку информантов просили не задумываться, а давать первый пришедший в голову ответ.

Образец заполненной анкеты

Ваш пол: **ж**, возраст: **33**, образование: **высшее**, род занятий: **преподаватель математики**, страна: **США**.

Допишите окончания к русским прилагательным, местоимениям и глаголам там, где они необходимы. Сделайте это, даже если английское слово вам незнакомо. В таких случаях поставьте перед номером (?). В конце анкеты можете написать свои замечания или комментарии.

1. Интересн_ая__ paper.
2. Как_ой__ snack предлагается?
3. Это крут_ой__ cliff.

4. Так_ой __ плох_ой__ mood у меня сегодня.
5. Красив_ая___ violin!
6. Рядом с их домом рос__ palm.
7. Сегодня так_ое__ярк_ое__sun.
8. Тогда был_а__spring.
9. Там был__крут__ой___staircase.
10. Посмотри на сво_й__heel.
11. В норе жил_а __fox.
12. Вкусн_ая__fish!
13. Так_ую__program невозможно выполнить.
14. Дай мне вот эт_от__fork.
15. Как_ой__красив_ый__flower!
16. Больш_ой__ у вас apartment?
17. Как_ой__ digit здесь написан?
18. Эт_а__ diet рекомендуется не всем.
19. Просторн_ая____ у вас kitchen!
20. Вы придаёте так_ое__ importance делу.
21. Дай мне тв_ою__hand.
22. Надень тепл_ый__coat.
23. Как_ая__ интересн_ая__ excursion.
24. Эт_от__ travel длится 10 дней.
25. Как_ая__page?
26. На как_ую_station прибывает поезд?
27. Это был_а_ их revenge.
28. Там жил_а__ frog.
29. Беленьк_ая__sheep.
30. Их suspicion не оправдал__ся__.
31. Птичка построила св_оё_ nest на дереве.
32. Эт_а__ wool из Австралии.
33. Разгадай эт_от__puzzle.
34. Прими эт_у__pill на ночь.
35. Как_ой__ там был__fun!
36. Ты проиграешь эт_у__game.
37. Это не прост_ой__exercise.
38. Эт_от__work мне не сделать.
39. Посмотри на эт_у__roof.
40. Им нуж_на__ тв_оя__help.
41. По реке плыл_а__ маленьк_ая__boat.
42. Эт_от__seat занят?
43. Дай мне вон т_от__can.
44. Зачем тебе эт_от__match?
45. Как_ой__team выиграет?
46. Это был__threat?
47. Вытри св_ой__face.
48. Пошлите им рождественск_ую__card.
49. Длинн_ая__neck.
50. У тебя умн_ая__head.
51. Запиши м_ой__timetable.
52. Как_ая__ reputation тебе нуж_на__?
53. Тебе нравится эт_а__music?
54. Как_ой__ там lake?
55. Как_ой__pen тебе дать?
56. Посмотри на эт_от__ wall.
57. Интересн_ая__ book ?
58. Мне нравится так_ая__bathroom.
59. Завтра я пойду в эт_от__building.
60. Душист_ый__soap.
61. Красив_ое__dress.
62. Как_ой__ toy тебе купить?
63. Мне нравится эт_а__song.
64. Возьми вон то_т__towel.
65. Как_ая__ road туда ведет?
66. Ты знаешь как произносится эт_о__name?
67. Я ценю св_ой__time.
68. Золот_ой__crown.
69. Меня укусил__как_ой__-то insect.
70. Мне нуж_на__ spoon.
71. Широк_ий__field.
72. Вон там висит тв_оя__rifle.
73. В кау_ую__ school ты ходишь?
74. Сними эт_от car.
75. Как называется эт_а street?
76. Где произош_ёл__эт_от__ miracle?
77. Как_ая__length у эт_ой__line?
78. Возьми св_ою__plate.
79. Milk не холодн_ый__.
80. Эт_от__glue не клеит.
81. Остр_ое__claw.
82. Маленьк_ая village.
83. Больш_ая__turtle.
84. Тв_оё__heart.
85. Праздничн_ая__candle.
86. Од_а__ leg здесь, друг_а__ там.
87. Золот_ое__ring.
88. Оставь как_ую__-нибудь note.
89. Красив_ая__doll.
90. Как_ая__ prison там находится?
91 Так_ой__watch мне нравится!
92. Там лежит как_ой__-то seed.
93. Как тебе эт_от__law?
94. Где лежит тв_ой__ key? ?
95. Кто хочет эт_от__apple?
96. Как_ое__ wine ты предпочитаешь?
97. Эт_от__ больш_ой__basket.
98. Как_ой__saucepan тебе нуж_ен__?
99. Вы получили мо_ю_telegram?
100. Так_ая__price вас устраивает?

Замечание: некоторые слова точно-точно имеют гендерный вкус, нет колебаний. А от других сомнения и как-то все равно, или есть два варианта.

Были выявлены две основные стратегии присвоения рода кодовым переключениям в русской морфосинтаксической рамке: по фонетическому критерию и по семантической аналогии. Фонетический критерий применяется в

тех случаях, когда человек ориентируется на произнесение/ написание конечных формантов слова: если существительное заканчивается на согласный звук (букву), оно относится к мужскому роду, если на гласный – к женскому (на *–а* и другие безударные гласные) или среднему (на *-о*, *-е*, особенно если они стоят под ударением, например, *row, law*). Если применяется семантическая аналогия, то это означает, что английскому существительному присваивается тот же род, что имеет эквивалентное русское существительное, например, *spring* будет отнесено к женскому роду, который имеет его русский эквивалент *весна.*

Результаты анализа показали, что носители русского языка чаще ориентируются на фонетический критерий (63,1 %), чем на семантическую аналогию. Те русские, которые живут в США, немного реже применяли фонетический критерий (57,2 %), чем те, что постоянно живут в России (69 %), соответственно, на семантическую аналогию опирались чаще американские русские (40,1 %), чем русские в России (29 %). Кроме того, в некоторых случаях были показаны сомнительные результаты – у 2,7 % американских русских и 2 % русских в России. К сомнительным случаям были отнесены те, в которых трудно было определить, какая стратегия применялась, а результаты были непонятными. Например, в предложениях *Красив**ое violin!*** и *Рядом с их домом росло **palm***, существительным *violin (скрипка)* и *palm (пальма)* был присвоен средний род; а в предложениях *Какая там **lake?*** и *Какая душистая **soap!*** существительные *lake (озеро)* и *soap (мыло)* отнесены к женскому роду. Интересно, что сомнительные случаи касались только присвоения среднего рода тем существительным, русские эквиваленты которых имеют женский род, и наоборот. Такую стратегию можно было бы считать альтернативной для тех случаев, когда объект незнаком и о нем говорят, что это «нечто» и присваивают ему средний род. Для отдельных случаев есть и другое объяснение: например, догадываясь, что *palm* – это какое-то растение/ дерево, слову присваивали тот же род, что и у названия класса объектов. В других случаях респонденты, вероятно, не зная точного значения слов, опирались на догадку, но выбирали неверный вариант.

Мужчины применяли фонетический критерий чаще – в 68,3 % случаев, в то время как женщины – в 57,9 % случаев. Соответственно, мужчины ориентировались на род русских эквивалентов и опирались на семантическую аналогию в 34,4 %, а женщины – в 40.8 % случаев. Сомнительные случаи у мужчин составили 2,5 %, у женщин – 1,3 % всех примеров.

Английские существительные, русские эквиваленты которых относятся к мужскому роду, в анкете составляют только 5 %. К женскому роду относятся 66 %, к среднему – 28 %. В двух случаях с одинаковой вероятностью можно было выбрать женский или средний род (*rifle* и *importance* (2 %). Два существительных по аналогии с русскими эквивалентами некоторые респонденты относили к множественному числу (*watch* и *apartment*) (2 %).

Выяснилось, что все русско-английские билингвы предпочитают присваивать английским существительным мужской род.

Минимальное количество существительных, которым мужчины присвоили мужской род – 52,5 %, максимальное – 100 %; женский род в их анкетах присвоен минимально – 0 %, максимально – 37,5 %; средний род был присвоен минимально – в 0 % случаев, максимально – в 14,3 % случаев.

Женщины продемонстрировали следующие результаты: мужской род был присвоен минимально в 14,7 %, максимально – в 100 % случаев; женский род – минимально в 0 %, максимально – в 59,1 % случаев; средний род – минимально в 0 %, максимально – в 25,6 % случаев.

В среднем представителями обеих гендерных групп к мужскому роду было отнесено 68,45 % английских существительных (мужчинами 78,5 %, женщинами – 58,4 %), к женскому роду – 24,75 % английских существительных (мужчинами – 16,1 %, женщинами – 33,4 %), к среднему роду – to 6,45 % существительных (мужчинами – 5,3 %, женщинами – 7,6 %).

Таким образом, мужчины присваивали мужской род на 20 % чаще, чем женщины, а женский род – более чем в два раза реже, чем женщины. Средний род присваивался почти одинаково редко представителями обеих гендерных групп, но немного чаще женщинами.

Если учесть, что мужской род имеют только 5 % русских эквивалентов английских существительных в опросном листе, то оказывается, что респонденты присвоили этот род в 13,7 раза большему количеству существительных. Женский род имеют 65,5 % русских эквивалентов, а присвоен он был в 2,6 раза реже. К среднему роду относятся 27,5 % русских эквивалентов, а присвоен он был респондентами

в 4,3 раза реже. Количественные результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Присвоение рода английским существительным в русских предложениях

	Род русских эквивалентов, %	Род английских кодовых переключений, %	Расхождение в роде русских эквивалентов и английских кодовых переключений
Муж. род	5	68.45	+ 13.7
Жен. род	65.5	24.75	– 2.6
Ср. род	27.5	6.45	– 4.3
Всего:	98	99.65	

Таким образом, количественные результаты показывают, что все респонденты предпочитают присваивать мужской род английским существительным, которые используются как кодовые переключения в русской морфосинтаксической рамке. Женщины подходят к этому процессу с большей вариативностью, они также более активно относят английские существительные к женскому роду и немного чаще, чем мужчины, обращаются к среднему роду.

Эти результаты можно объяснить с учетом ряда социолингвистических параметров: возраста, степени билингвальности, страны проживания, длительности пребывания в США, профессии, образования и так далее, – но общая тенденция очевидна. Неслучайно несколько мужчин, а также две женщины всем английским существительным присвоили мужской род, причем один мужчина признался, что сам от себя не ожидал таких результатов. Ни одна женщина не присвоила женский род всем существительным.

К мужскому роду относится больше всего русских существительных, поэтому его можно считать наиболее «влиятельным» родом, что, возможно, неосознанно ощущается прежде всего мужчинами, поэтому они продемонстрировали больше единодушия в присвоении этого рода тем существительным, у которых изначально родовых отличий не предполагается. Женщины тоже следовали этой стратегии, но не столь прямолинейно: они показали больше разнообразных вариантов и чаще присваивали два других рода английским существительным. Средний род для всех оказался наименее применимым.

Более заметные различия в гендерном аспекте наблюдаются в тех случаях, когда род присваивался одушевленным существительным. Русские эквиваленты этих существительных (*fox, turtle, sheep, frog, insect*) не имеют мужского рода, однако десять человек (пять женщин и пять мужчин) отнесли все из них к мужскому роду, а одна женщина присвоила им всем женский род, хотя эквивалент одного слова (*insect*) относится к среднему роду. В среднем мужской род был присвоен 60 % одушевленных существительных (83 % – мужчинами, 53 % – женщинами), женский – 39 % (17 % – мужчинами, 46 % – женщинами), средний – 1 % (0 % мужчинами, 1 % – женщинами). Таким образом, вариативность в присвоении рода одушевленным существительным еще меньше, особенно у мужчин, предпочтение мужского рода еще активнее, а средний род почти полностью игнорировался.

Неодушевленным существительным чаще присваивали женский род, руководствуясь семантической аналогией. Мужчины чаще всего относили к ним следующие слова: *program, game, line, plate, telegram* (67 %), *hand, street, wall* (56 %). Список существительных, отнесенных к женскому роду женщинами более протяженный: *spring, excursion, music, road, fish* (food), *kitchen, line, plate* (75 %), *hand, street, leg* (71 %), *violin, diet, telegram* (68 %), *paper, program, page, card, book, prison* (64 %), *station, reputation, wall* (61 %), *school* (57 %), *palm, roof, bathroom, spoon* (54 %), *pill, head, length, candle* (50 %).

Шести существительным (*program, line, plate, telegram, hand, street*) присвоили женский род более 67 % респондентов обоих полов, а слово *game* к женскому роду отнесли многие мужчины, но не женщины. Указанные существительные обозначают элементы быта, культуры и часть тела (рука), однако и большинство других слов в списке принадлежат к этим сферам. Поэтому трудно сделать какие-то выводы о предпочтении определенного рода для слов определенных тематических групп. Интересно, что если существительное относили в равной степени к мужскому и женскому роду (например, *bathroom*), женщины обычно присваивали таким словам женский род, а мужчины – мужской.

Таким образом, судя по результатам, полученным в ходе письменного опроса, фонологический критерий в присвоении рода английским существительным является более предпочтительным, чем семантическая аналогия, причем более заметно эта тенденция проявляется

у мужчин. Одной из причин может быть тот факт, что 95 % слов в списке заканчиваются твердым согласным, поэтому ассоциируются у носителей русского языка с существительными мужского рода. Мужской род был присвоен 93 % тех существительных, русские эквиваленты которых относятся к мужскому роду, 52 % существительных, русские эквиваленты которых относятся к женскому роду, и 70 % существительных, русские эквиваленты которых имеют средний род.

Средний род был присвоен только 7 % слов, эквиваленты которых относятся к этому роду в русском языке, и, что показательно, это сделали только женщины. Объяснить это можно тем, что к среднему роду относится меньше всего русских существительных, особенно одушевленных, поэтому он ощущается как наименее значимый.

Таким образом, в русско-английской грамматике кодовых переключений наиболее значимым родом является мужской, женский род нужен для одушевленных существительных женского пола и некоторых неодушевленных существительных, обозначающих предметы, чаще всего связанные с бытом. Средний род почти полностью игнорируется и заменяется мужским родом, реже – женским.

Женщины более вариативно подходят к присвоению рода существительным из языка, в котором отсутствует грамматическая категория рода. Особенно заметна эта тенденция по отношению к существительным, обозначающим живые существа: женский род присваивался таким словам в три раза чаще, чем это делали мужчины. Они чаще руководствовались семантической аналогией, чем мужчины, возможно, потому, что стремятся к большей нормативности матричного языка, которым в рассматриваемых случаях являлся русский.

Никто из респондентов не следовал только одной из возможных стратегий присвоения рода. В своих комментариях они опирались на «языковой вкус», на «звучание» («это звучит как мужской род», «это плохо звучит как женский род»), но чаще всего не могли объяснить, почему они присвоили тот или иной род определенным существительным.

В русской культуре, как и во многих других, маскулинность ассоциируется с силой и властью, что, возможно, неосознанно переносится и в область грамматического рода. Но эти ассоциации возникают только в ситуациях, когда есть выбор, например, в билингвальном общении с кодовыми переключениями. Мужчины меньше колеблются и выбирают наиболее «сильный» род. Женщины тоже следуют этой тенденции, но, возможно, стараются както изменить ситуацию в пользу фемининности, поэтому чаще, чем мужчины, присваивают женский род тем же словам.

Казалось бы, более логично было относить существительные из языка, где нет грамматической категории рода, к среднему роду, который не ассоциируется ни с каким биологическим и социальным полом. Однако этого не происходит, что может означать, что носители русского языка устанавливают, хотя и неосознанно, определенную связь между грамматическим родом и гендером, когда переключаются на англоязычные существительные.

Частично на выбор рода влияла и страна проживания (Россия или США): в России русские немного чаще использовали фонологический критерий. Более значимыми представляются возрастные различия, профессия, степень билингвальности (уровень компетенции в каждом языке), однако все эти параметры требуют более тщательного изучения на более обширном материале и большем количестве участников.

Примечания

[1] См.: Pereltsvaig, A. Agreement in the absence of Agreement: Gender Agreement in American Russian // Cahiers Linguistique d'Ottawa. Special volume on Slavic psycholinguistics. 2004. Vol. 32. P. 87–107; Polinsky, M. 1) Cross-Linguistic Parallels in Language Loss // Southwestern Journal of Linguistics. 1997. Vol. 14. P. 1–45 ; 2) American Russian: Language Loss Meets Language Acquisition // Formal Approaches to Slavic Linguistics. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 370–407 ; 3) Word class distinctions in an incomplete grammar // Perspectives on language and language development. Dordrecht: Kluwer, 2005. P. 419–436 ; 4) Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization // Heritage Language Journal. 2008. Vol. 6, № 1. P. 40–71 ; 5) Everbroeck, E. van. Development of gender classifications: Modeling the historical change from Latin to French // Language. 2003. Vol. 79. P. 356–390.

[2] См.: Leisio, L. Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian. Tampere, 2001.

[3] См.: Dewaele, J.-M., Veronique, D. Gender assignment and gender agreement in advanced French interlanguage: A cross-sectional study / J.-

M. Dewaele, D. Veronique // Bilingualism: Language and Cognition. 2001. Vol. 4, № 3. C. 275–297.

[4] См.: Sabourin, L. Transfer effects in learning a second language grammatical gender system / L. Sabourin, L. A. Stowe , de G. J. Haan // Second Language Research. 2006. Vol. 22, № 1. P. 1–29.

[5] См.: Violin-Wigent, A. Gender assignment to nouns codeswitched into French: observations and explanations // International Journal of Bilingualism. 2006. Vol. 10, № 3. P. 253–277.

[6] См.: Аристова, В. М. 1) Англо-русские языковые контакты (Англизмы в русском языке). Л., 1978 ; 2) Английские слова в русском языке: учеб. пособие. Калининград, 1985 ; Демьянов, В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001 ; Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008. С. 129–162.

[7] См.: Corbett, G. G. Gender. Cambridge, 1999.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 84–87.

Ю. С. Холманских

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАКА С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале стихотворения Т. Ганна «Annihilation of Nothing»)

Рассматриваются авторские стратегии визуально-образного отображения метафизической абстракции Ничто в тексте философско-художественного произведения. Метод лингвосемиотического анализа задействован, чтобы показать, как отображающий Ничто знак, предельный и отрицательный по своей сути, может, тем не менее, служить отправным пунктом создания новых смыслов. На материале текста Т. Ганна «Annihilation of Nothing» представлены способы и инструменты визуализации Ничто: номинация, приписывание предикатов, интертекстовые аллюзии, игра стилистическими регистрами и др.

Ключевые слова: *лингвосемиотический анализ, знак с семантикой отрицания, визуализация, философско-художественный текст*.

Чтобы непосредственно перейти к теме работы, необходимо коснуться проблемной ситуации, мотивировавшей ее появление, а также исходных понятий и методологии. Многие философские категории можно как обозначить как предельные. Такие трансцендентные сущности, как абсолют, сущее, вечность, бытие, не представлены в физической реальности и находятся вне границ восприятия, и поэтому зачастую не доступны интерпретации. Ничто, будучи самой неоднозначной метафизической абстракцией, помимо своей умозрительности, еще сложна и тем, что заставляет вообразить пустоту, отсутствие, что способно поставить в тупик познающего субъекта. Таким образом, основной вопрос заключается в том, как именно возможна когнитивная операция сосредоточения на «объекте, больше которого нельзя помыслить».

Попытки сделать это предпринимались во все времена. По мнению Е. Е. Бразговской, семиотическое решение «вопроса о существовании» обнаруживается в контексте спора двух философских традиций- номинализма и реализма. Первые (У. Оккам) считали, что абстракции возникают в процессе познания и существуют лишь в пространстве человеческого ума (не в реальной действительности), обретая словесное бытие. Вторые (Дунс Скотт, Фома Аквинский, Ансельм Кентерберийский) полагали, что абстракции столь же реальны, что и физические тела[1]. На основании сопоставления этих двух позиций на вопрос об онтологическом статусе исследуемых в статье явлений можно ответить, что это абстракции, отображенные знаками, референты которых конструируются в лингвокультуре языковыми средствами и находят отображение в текстах.

Поскольку у знака с семантикой отрицания нет материального референта, имеющего визуально-образное представление, дополненное

понятийно-логической категоризацией, попытка философа-поэта отобразить референт знака Ничто принимает иконико-символический характер. Это значит, что данный объект функционирует в виде индивидуального символа, порожденного авторским преломлением общекультурной философской идеи, за которой может скрываться масса семиотических кодов и которая дополнена чувственным образом. Так, познающий субъект, будучи физическим существом, отделяющим себя от окружающего мира, стремится наделить абстрактный объект с семантикой отрицания границами, пространственной ориентацией внутри-снаружи, размерами, словом, приписать некие свойства и действия, что в определенном смысле перекликается с основной идеей идеалистической философии Дж. Беркли esse est percipi[2]. Как пишет Л. С. Гуревич, «особенность человеческого восприятия, категоризации объектов и хранения их в памяти диктует еще одну естественную необходимость… для закрепления в долговременной памяти "безóбразного" абстрактного понятия, мозг стремится дополнить его недостающим образом за счет других ментальных моделей конкретных (или наблюдаемых) объектов. В этом проявляется также отмеченная ранее склонность человеческого мозга к воплощению абстрактных идей в конкретно-образной форме»[3].

Знак с семантикой отрицания Ничто выступает как исходная точка концептуализации реальности, а сама философская поэзия как квинтэссенция попыток ответить на вопрос о ее сути. Основная цель работы – описание способов авторской актуализации в философско-художественном тексте абстракции Ничто, отрицающей само существование, но одновременно служащей исходной точкой генерации новых смыслов. Предметом непосредственного анализа являются способы ее репрезентации в тексте англо-американского поэта Тома Ганна «Унитожение Ничто» (The Annihilation of Nothing) (1958)[4]. В качестве метода был избран лингвосемиотический анализ, исследующий процессы номинации (называния), предикации (представление свойств объекта через приписывание к его имени предиката или знака для обозначения межобъектных взаимосвязей), локации (в пространстве языка и текста)[5]. Лингвосемиотический анализ также предполагает исследование трех типов отношений, каждый из которых соответствует вышеназванным процессам: семантических, синтаксических и прагматических. Уровни структурных корреляций знаков подразумевают парадигматические и синтагматические связи, соответственно, выбор некоторой знаковой совокупности и способ взаимодействия.

Прежде чем описывать репрезентацию Ничто как языковую игру, необходимо сказать несколько слов о поэте, поставившем поистине сложную задачу проникнуть в сферу словесно не выразимого. Том Ганн (1929–2004), часто называемый Джоном Донном XX в., является знаковой фигурой американской литературы и известен русскоязычному читателю менее, чем того заслуживает его талант. Его неоднозначная биография поэта, одновременно описывающего физиологическую чувственность и метафизическую сущность человека, и характер философских воззрений на столь сложный объект как Ничто, заставляют провести параллель с другим английским поэтом-философом XVII в., Дж. Вилмотом[6].

The Annihilation of Nothing (Унитожение Ничто) (1958) представляет собой философское размышление по поводу одного из самых противоречивых абстрактных понятий, относящегося к экзистенциальной философии, в частности, идеям Ж-П. Сартра. Однажды в интервью Т. Ганн признался, что в период написания стихотворения он был «фанатиком Шекспира и Сартра» и ощущал особенное родство с английскими метафизиками, такими как Дж. Херберт и Дж. Донн, воспринимая их как своих современников: «Мы как абсолютно разные люди с разными интересами, пишущие в одной комнате»[7].

В своем стихотворении, само название которого парадоксально, Т. Ганн выражает смятение личности, охваченной экзистенциальным страхом перед бесцельностью сущего: бессмысленная материя парит в темноте (purposeless matter hovers in the dark). Но несмотря на это, человек противостоит открывшейся бездне, принимая ее как данность – Я против воли пробудился и приветствовал ноль как парадигму (I woke without desire and welcomed zero as a paradigm).

В отличие от Дж. Вилмота, который в силу историко-культурных причин был верующим человеком и вполне мог разделять убеждения, что Вселенная была создана из пустоты, Том Ганн признавал свою нерелигиозность. Для него Вселенная всегда существовала и продолжит существовать, а страх индивида перед небытием проистекает от страха подвергнуться забвению, потерять волю. Как отмечает С. Микелуччи, «сделав алогичный вы-

вод из парадокса Вилмота, Ганн указывает на то, то Ничто полно материи, ожидающей, пока воля человека придаст ей очертания»[8]. Поэт испытывает разочарование и страх от того, что всемогущее Ничто – лишь онтологический парадокс: отчаяние, что Ничто не может существовать (It is despair that nothing cannot be), его взгляд постоянно цепляется за бесконечную завершенность (infinite finitude) всего сущего, вторгающиеся в абсолютный вакуум образы (images burst with fire).

Лингвосемиотические стратегии актуализации абстрактного знака в пространстве текста, делающие объект доступным восприятию читателя, можно представить следующим образом.

1. Организация знаков в синонимические и антонимические парадигмы. Номинация одного и того же объекта при помощи знаков, соотносящихся с разными понятиями, позволяет каждый раз выделить новые качества объекта. Синонимическая парадигма может строиться как на основе семантических (absence, zero), так и на основе контекстуальных синонимов (the wanton name – бессмысленное название, more space than space – пространство больше, чем Вселенная, quiet sphere – безмолвная сфера, the power – мощь). Номинативная функция контекстуальных синонимов, как правило, обогащается дополнительными коннотативными компонентами (экспрессия, оценка, метафоризация и так далее) Включение знака с семантикой отрицания в антонимическую парадигму обеспечивает имплицитное выражение неназванных признаков объекта («определение от противного»). В условиях философско-художественного дискурса чаще всего уместно говорить о приеме антонимизации, а не собственно антонимах, которые в данном случае контекстуальны: бесконечная завершенность (an infinite finitude), бессмысленная материя (purposeless matter).

2. Предикаты (предикатные группы), приписываемые понятию в процессе отображения. Актуализируя Ничто, поэт вводит как внешние (выражающие отношения между объектами), так и внутренние (характеризующие) предикаты. Обозначая онтологические свойства абстракции, поэт наделяет ее физическими свойствами (huge – огромное, contagious – заразное), индивидуальными качествами (quiet – безмолвное, defined but by the encroachments of its sway – определяемое лишь притязаниями на свое господство, ultimate in its abstract devastations – абсолютное в абстрактном опустошении, merely change – просто сдвиг, wanton name – бессмысленное название). Необходимо сказать, что непрозрачная референциальность отображаемого метафизического объекта, по-видимому, повлияла и на характер приписываемых предикатов – по большей части они столь же умозрительны, потенциально многозначны и предельны. Этот факт также подтверждается противоречивым употреблением самых абстрактных бытийных предикатов nothing remained (Ничто пребывает (остается), nothing cannot be (ничто не может существовать), lay (находится, простирается). Что касается внешних предикатов, то Ничто может ломаться (breaks), а значит, обладает структурой, главенствовать (presides) и разделять (divides),следовательно, персонифицировано.

3. Образно-дескриптивные отображения, включающие оксюмороны. Сама природа этого стилистического приема, при построении которого нарушаются правила сочетаемости и валентности лексических единиц, сконцентрирована на противоречии. Название стихотворения Annihilation of nothing (уничтожение Ничто) – оксюморон с разнокорневой антонимией, что влечет за собой увеличение экспрессивности смысла и появлению третьего предметно-смыслового образа. При анализе характера отображения абстрактного объекта здесь можно наблюдать случай лингвистической рекурсии – вложения одних ментальных репрезентаций в другие. Рекурсивным является и синонимичный nothing плеонастический знак more space than space (пространство больше, чем Вселенная). Знаковым является также онтологический парадокс, основанный на игре грамматических форм: nothing может быть как отрицательным местоимением, и тогда тут наблюдается двойное отрицание, нарушающее нормы английской грамматики - nothing cannot be (ничто не может существовать), так и существительным с метафизическим значением *небытие*. Антонимичный nothing знак, infinite finitude – оксюморон с аффиксальной антонимией компонентов.

4. Репрезентация Ничто через отсылку к другим сложным семиотическим объектам. В данном случае можно усмотреть интертекстуальные взаимодействия, построенные как символические. Отображающий текст стихотворения отсылает не столько к конкретному текстовому фрагменту, сколько к антирационалистической философии, в частности, идеям нигилизма в его отрицании осмысленности человеческого существования, а также идеям экзистенциализма. Можно усмотреть интер-

текстуальные взаимосвязи и с английскими поэтами-метафизиками XVII в., а именно, Дж. Хербертом, Дж. Донном и Дж. Вилмотом.

5. Отображение Ничто в смысловом пространстве текста посредством игры различных семиотических регистров. Т. Ганн задействует два непохожих семиотических регистра. Это язык метафизики, характеризующийся прежде всего абстрактной лексикой, относящейся к феноменам бытия (небытия): nothing, absence, space, zero, paradigm, time, sphere, atoms, power, finitude, matter. Кроме того, поэт вводит эмотивную лексику, характеризующую состояние человека в ситуации столкновения с Ничто, точнее, его отсутствием (annihilation): безразличие (indifference), без желания (without desire), отчаяние (despair), ужас (dread).

6. Локализация Ничто в текстовом пространстве возможного мира. Данный абстрактный объект помещается автором в столь же неясную среду: мрачный сон (dark sleep, or sleep that held one dream), где находится над облаками и мутью (тиной) (over cloud and slime) и ощущается в переломный момент смены времен (at the turns of time whose end I knew). Сон прерывается вторжением различных причудливых образов (peculiar lovely variations), разрушающих чистое небытие. Данный прием позволяет передать эфемерность существования Ничто как абсолютного вакуума, как предельной точки отсчета на пути концептуализации действительности.

Таким образом, философски настроенная поэзия выступает как проявление бытийных черт знака с семантикой небытия. Известно, что совокупность значений слова не превращается в статическую систему, она находится в бесконечно продуктивном процессе семиозиса, и сущность знака можно определить благодаря процессу интерпретации. Е. Е. Бразговская выделяет два необходимых условия интерпретации текста: ясная идентификация тех объектов, к которым он обращен (установление отчетливой связи между знаком и референтом) и контекстуализация (включение знака в сферу определенной ситуации и восприятие его в контексте грамматических, семантических, синтаксических правил используемой для описания объекта языковой системы). «Пространство контекста ограничено референтами знака и создается за счет референциальных отсылок»[9].

Из вышесказанного следует, что дотекстовый анализ философско-художественных произведений неизбежно предполагает обширную языковую и культурологическую компетенцию читателя. К тому же в ситуации, когда отсутствует эмпирически воспринимаемый объект, а знак, предлагаемый в тексте вследствие абстрактности приписываемых ему характеристик, функционирует в режиме иконы-символа, читатель склонен самостоятельно конструировать его образ. Как избежать ситуации, в которой «идея неограниченного семиозиса… обернулась гиперинтерпретацией»?[10] Представляется, что отбрасыванию случайных смыслов может способствовать анализ способов языковой актуализации абстрактного объекта. Однако даже опираясь на этот инструмент, нужно вслед за поэтом быть готовым к «ужасу» столкновения с небытием, так как зачастую, когда дело касается предельных абстракций, язык, достигнув границ отображения, испытывает недостаток ресурсов визуализации (проблема абстрактности приписываемых предикатов, склонность прибегнуть к рекурсии, непрямой номинации, потребность в различных семиотических регистрах и т. п.).

Примечания

[1] Бразговская, Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) : монография. Пермь, 2006. С. 56–57.

[2] См.: Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

[3] Гуревич, Л. С. Ментальная визуализация абстрактных образов: когнитивные склейки // Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та. 2009. № 1. С. 100–105.

[4] Thom Gunn. Selected poems by Thom Gunn and Ted Hughes / Thom Gunn, Ted Hughes. L., 1962.

[5] См.: Степано, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 1981.

[6] Wilmot, J. Upon Nothing // The Norton Anthology of English Literature / ed. Stephen Greenblatt. N.-Y., 2006. P. 2171–2172.

[7] Thom Gunn, The Art of Poetry No. 72. Interviewed by Clive Wilmer [Электронный ресурс] / The Paris Review. 1995 // URL: http://www.theparisreview.org/interviews/1626/the-art-of-poetry-no-72-thom-gunn.

[8] Michelucci, S. The poetry of Thom Gunn : a critical study. Jefferson NC, 2008. C. 135.

[9] Бразговская, Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) : монография. Пермь, 2006. С. 158–160.

[10] Усманова, А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск, 2000. С. 124.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 88–91.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНИСТИКИ

M. Sobieszewska

REFLEXIONS SUR LE DISCOURS JURIDIQUE DANS LA PERSPECTIVE PRAGMA- ET SOCIOLINGUISTIQUE

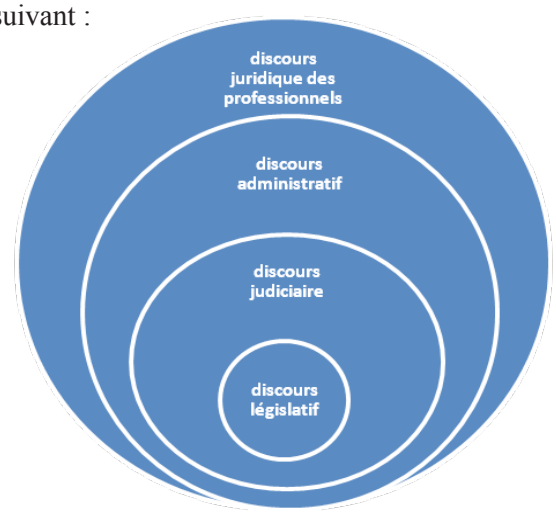
Несмотря на то, что юридический дискурс находится в общем контексте коммуникативного акта, его специфика не подлежит сомнению. Главной целью данной статьи является описание французского юридического дискурса в прагматическом и социолингвистическом аспекте, а также в характеристике его общей структуры и основных функций в социокультурном контексте. Кроме того, проанализированы некоторые специфические особенности законодательного стиля и правовой лексики.

Ключевые слова: *юридический дискурс, функции, структура, законодательный стиль, правовая лексика.*

Le terme «discours» est ambigu et il s'applique fréquemment à toutes sortes de production langagière. Son extension le rend parfois difficile à appréhender : soit il est synonyme de la «parole» au sens saussurien[1] (surtout en linguistique structurale), soit il correspond à la mise en fonctionnement de la langue et il est inséparable de l'instance d'énonciation (*je, tu, ici*, *maintenant* du locuteur) au sens *bénvenistien*[2]. Chez Kerbrat-Orecchioni, il est question de «langage mis en action[3]», tandis que du point de vue de Maingueneau, «le discours n'est pas un objet concret offert à l'intuition, mais le résultat d'une construction (…), de l'articulation d'une pluralité plus ou moins grande de structurations transphrastiques, en fonction des conditions de production[4]». Selon une approche instrumentale du langage, le «discours» est un outil, qu'il faut façonner ou aménager en vue de véhiculer certains contenus. Suivant cette même conception, Krieg-Planque (2013 : 40) définit le «discours» comme un mode d'accès à autre chose : intentions, stratégies, idées, pensées, opinions, sentiments ou images (reproductions)[6]. Or cette grande diversité de définitions révèle que la notion de «discours» prolifère dans les sciences du langage et qu'elle s'emploie dans les contextes différents.

Néanmoins, chaque spécialité a son discours par lequel elle peut être appréhendée. Il n'est pourtant pas facile de trouver une définition qui s'applique à la langue juridique et qui pourrait être, en même temps, valable pour d'autres domaines techniques. Dans ce contexte, la proposition de Cornu (1990 : 211) nous paraît la mieux appropriée : «le discours juridique est la mise en œuvre de la langue, par la parole, au service du droit[6]». Cependant, si l'on parle du discours juridique, il est nécessaire de se rendre compte qu'en réalité c'est un terme générique, qui englobe l'extrême diversité des discours du droit et que plusieurs langages particuliers forment sa typologie essentielle.

En schématisant, la structure générale des espèces les plus considérables du discours juridique pourrait être représentée par une série de cercles concentriques dont le premier serait le noyau dur – «le discours législatif» (le langage de la Loi) ; le cercle suivant, plus large, contiendrait «le discours judiciaire» (le langage de la Justice, par ex. : décisions des juges, conclusions, plaidoiries des avocats, déclarations des témoins, avis ou constatations des experts, écritures des greffiers... etc.) ; le troisième cercle symboliserait «le discours administratif» (celui de l'Administration publique) ; et le dernier cercle se référerait au «discours juridique des professionnels», c'est-à-dire des rédacteurs d'actes juridiques (par ex. : notaires, conseils juridiques). Cela peut être représenté par le dessin suivant :



1. Le schéma général de discours juridique.

Puisque le discours juridique a un caractère polyphonique et «le droit parle par mille bouches[6]», comme l'énonce Cornu, cette classification n'est nullement exhaustive. Elle ne montre que la typologie essentielle qu'il est nécessaire de retracer pour saisir la dimension et l'importance du discours juridique.

Chaque société crée son droit ou son système juridique selon l'idée qu'elle en a et selon la structure qu'elle veut se donner (*Ubi societas, ibi ius*). D'autre part, chaque société se définit, aussi, par l'existence d'une langue (*Ubi sociatas, ibi... verbum* ?). Tout cela est évident, mais il est important de le rappeler pour comprendre d'emblée que «droit et langue sont très proches de nature»[7]. L'un et l'autre sont des phénomènes sociaux, des produits de la création humaine dont les fonctions sont incontestables. De ce fait, le discours juridique est porteur du droit qui se reflète non seulement dans les mots ou les termes propres à un système juridique, mais aussi dans la façon de les exprimer.

Le droit, étant un phénomène social, il acquiert dans chaque société un caractère spécifique, alors que la langue est le canal par lequel tout être humain s'exprime et s'informe dans la société qu'il vit. Toutefois, même si le discours juridique s'inscrit dans le contexte général de l'acte de communication, c'est un discours bien particulier en ce sens qu'il donne plus d'importance à certaines fonctions linguistiques, appelées dominantes :

(i) informer (donner une information brute)

(ii) expliquer (définir les termes, préciser un contexte, clarifier une situation)

(iii) argumenter (donner un avis, démontrer, confronter, réfuter)

(iv) faire agir (conduire à prendre une décision).

De plus, l'usage de la langue est nécessairement lié à la question de l'efficacité. «Qu'il vise une multitude indistincte, un groupe défini ou un auditeur privilégié, le discours cherche toujours a avoir un impact sur son public[8]». En effet, le discours juridique vise à l'efficacité du message (un message n'est efficace que si le lecteur agit dans le sens attendu). Pour cela, il doit posséder à la fois trois qualités :

(v) clarté (il doit se comprendre à la première lecture)

(vi) précision (il ne doit pas laisser place à l'ambiguпté)

(vii) simplicité (c'est la qualité première attendue de tout travail juridique).

Le style législatif on pourrait définir comme la manière d'écrire du législateur. «Tels mots, telle loi !9» dit une célèbre citation de Bentham (1840). La qualité est donc essentielle. Les juristes disent souvent que la clarté et la précision du style juridique dépendent de la logique et de la grammaire, qui sont deux sciences fondamentales pour une bonne rédaction des lois. Alors que la simplification du langage législatif relève de l'idéal technique et esthétique, elle reste toujours pareille au Graal, objet de quête, car le propre de la perfection est d'être inaccessible. Nonobstant la constatation de Rivarol[10] (1784) que «Ce qui n'est pas clair n'est pas français[11]», l'idée de lois claires, tout à la fois lisibles et précises, est un idéal souvent revendiqué, mais jamais atteint. C'est un paradoxe de la langue du droit : elle est, d'un côté, soigneusement façonnée, mais de l'autre, elle est hermétique et ambiguë. Ici le droit ressemble à «Janus» qui exprime la même volonté à travers ses deux (ou même plusieurs) voix. Pour reprendre les mots du doyen Cornu, «Il manque au législateur la liberté qui fait le poète ou l'écrivain. Tout pour être compris : la simplicité et la clarté sont de rigueur et de fonction[12].»

Par ailleurs, certaines marques spécifiques de style, de vocabulaire juridique, constituent de vrais «difficultés» dans la compréhension du texte. Il en résulte par conséquent que, bien que le langage juridique est censé exprimer des concepts précis, il comporte des concepts vagues, qui ne peuvent être définis de façon suffisamment claire et précise. De nombreuses notions comme : *mesures appropriées bonnes mœurs, bonne foi, intérêt, tort*, sont considérées «floues». Paradoxalement donc l'imprécision et l'ambiguпté caractérisent le discours juridique. Dans ces conditions, la communication pourrait se heurter à un «écran linguistique[13]». Comme le signale Gémar, «les juristes pratiquent un discours souvent obscur et tortueux à souhait, et cela dans la plupart des langues véhiculaires, en Occident tout au moins.[14]». Bref, «La clarté est trop belle. On n'ose plus y toucher[15].»

D'autre part, la sociolinguistique englobe tout ce qui est étude du langage dans son contexte socioculturel. Son objectif est de mettre en relief les rapports qui existent entre l'organisation du message linguistique et la destination ou l'implication sociale du message. On ne peut répondre à la question «Que dit le droit ?» sans d'abord déterminer qui parle le langage du droit. La diversité tient ici à la multiplicité des émetteurs et à celle des récepteurs (destinataires de la communication). Dans le schéma de la communication linguistique du discours juridique, on admet que l'émetteur de l'énoncé est le législateur (dans la loi), le

juge (dans sa décision), le gouvernement (dans les décrets et règlements... etc.) et les professionnels. Néanmoins, on oublie souvent qu'un discours juridique peut émaner d'un profane et les simples particuliers (dans leurs déclarations comme : offre, promesse, demande d'emploi, serments.... etc.), ou bien résulter d'un accord entre non-initiés (contrat de vente, ou contrat de prêt entre particuliers). En outre, un discours peut être juridique même s'il n'utilise aucun terme juridique : *Témoins, levez-vous ! Taisez-vous accusé ! Silence ou je fais évacuer la salle!* Ainsi le langage du droit est marqué à la fois par ceux qui «parlent» le droit, par ceux qui l'édictent (législateur) ou qui le disent (juges), et dans le contexte plus large, par tous ceux qui concourent à la création et à la réalisation du droit.

Enfin, avec certains mots ou expressions une action peut s'accomplir, par exemple avec le «oui» du mariage les époux s'obligent mutuellement à une communauté de vie[16]. Austin propose de les qualifier de «*performatif*» (l'énoncé qui accomplit un acte par le simple fait d'être prononcé). Les exemples de la force performative du langage dans le domaine juridique sont légion. En effet, lorsqu'on dit : «Je te promets de faire....», on s'engage à faire une action quelconque dans l'avenir. La promesse formulée suivant les exigences de forme imposées par le droit civil, peut être qualifiée juridiquement soit d' »engagement unilatéral de volonté», soit de «contrat». Dès lors, les «actes de langages» ne se contentent pas de dire une chose, ils font la chose et peuvent donc être considérés à juste titre comme des actes. C'est bien par le langage, parlé ou écrit, qu'une partie à un contrat s'engage, c'est-à-dire s'oblige juridiquement, à l'égard d'une autre (son cocontractant), à faire ou à ne pas faire quelque chose.

Pour conclure, le langage du droit n'est qu'un sous-ensemble de l'ensemble qui constitue la langue[17]. Il fait partie du système linguistique général dont il ne peut pas s'abstraire. Si le langage est considéré comme une «forme d'action sur autrui», en droit encore plus qu'ailleurs, le discours est action.

Bibliographie

[1] Saussure, F. de. Cours de linguistique générale. Paris, 1966. P. 242.

[2] Dans cette approche, «discours» s'oppose à «récit» (histoire), qui se caractérise par l'absence de marque de subjectivité. Cf. Benveniste, É. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.

[3] Kerbrat-Orecchioni, C. L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage. 1e édit. Paris, 1980.

[4] Maingueneau, D. Nouvelle tendance en analyse du discours. Paris, 1987. P. 16.

[5] Krieg-Planque, A. Analyser les discours institutionnels. Armand Colin, 2013. P. 40.

[6] Cornu, G. Linguistique juridique, Paris, Montchrestien, 1990. P. 211.

[6] Ibidem.

[7] Cornu, G. Français juridique et science du droit : synthèse, Français juridique et science du droit, Bruyland Bruxelles, 1995. P. 14.

[8] Cf. préface, Amossy, R. Argumentation dans le discours, Paris, Armand Colin, 2013.

[9] Bentham, J. *Œu*vres de Jérémie Bentham, T. 1. Bruxelles, 1840.

[10] Rivarol, A. Discours sur l'Universalité de la langue française. 1784. (consulté en janvier 2014 : http://www.bribes.org/trismegiste/rivarol.htm).

[11] Cette citation donne sa forme-proverbe à ce qu'avait déjà dit Voltaire, «La clarté et l'élégance sont de génie de la langue française», dans la préface d'Œ*dipe.*

[12] Cf. Cornu, G., 1990. P. 317.

[13] L'écran devient repoussoir lorsqu'il s'aggrave de tous les travers que Montaigne dénonce vertement dans les lois. «Pourquoy est-ce que nostre langage commun, si aisé à tout autre usage, devient obscur et non intelligible en contract et testament, et que celuy qui s'exprime si clairement, quoy qu'il die et escrive, ne trouve en cela aucune maniere de se declarer qui ne tombe en doubte et contradiction ? Si ce n'est que les princes de cet art, s'appliquans d'une peculiere attention à trier des mots solemnes et former des clauses artistes, ont tant poisé chaque sillabe, espluché si primement chaque espece de couture, que les voilà enfrasquez et embrouillez en l'infinité des figures et si menues partitions, qu'elles ne peuvent plus tomber soubs aucun reiglement et prescription ny aucune certaine intelligence.», (Montaigne, Essais, Livre III, chapitre XIII, Ed. P. Villey et Saulnier, 1595. Livre III. P. 470-496). Cité d'après Cornu, G. Linguistique juridique. Montchrestien, 2005. P. 12.

[14] Gémar, J.-C. «Les fondements du langage du droit comme langue de spécialité» in, Revue générale du droit, Université d'Ottawa, Faculté de Droit. 1990. Vol. 21, № 4. P. 719. Remarquons que dans sa publication de 1995, Gémar reconnaît que ce phénomène peut se retrouver dans d'autres régions. Cf. Jean-Claude Gémar, Traduire ou l'art d'interpréter : langue, droit et société : éléments de jurilinguistique. T. 2 : Application. Québec, 1995. P. 84.

[15] Meschonnic, H. De la langue française, Essai sur une clarté obscure, Hachette Littérature, 1997. P. 231.
[16] Austin, J.-L. Quand dire, c'est faire, trad. G. Lane, Paris, Editions du Seuil, 1970.
[17] Gémar, J.-C. Terminologie, langue et discours juridiques. Sens et signification du langage du droit. Meta. Vol. 36, № 1. 1991. P. 275–283.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 91–95.

Б. А. Бобнев

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МНОГОЗНАЧНОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается такое основополагающее явление в теории языка, как проблема лексической многозначности. Объектом исследования послужила грамматическая категория имени существительного, которая обладает широким объемом понятийной специфики, а материалом – имя существительное в итальянском языке.

Ключевые слова: *лексическая многозначность семантическое пространство, прямое и переносное значение, словарный фонд языка.*

Многозначность слов – эффективное средство передачи бесконечного многообразия мыслей, идей, чувств человека. Многозначность служит языковой экономии, ибо благодаря ограниченному количеству лингвистических знаков, которые обладают несколькими значениями, осуществляется неограниченное количество коммуникаций. Многозначность свойственна практически всем языкам мира. Наше исследование посвящено изучению многозначности имени существительного в итальянском языке.

Изучением лексики итальянского языка в Италии и за ее пределами занимались многие исследователи: Б. Мильорини, Дж. Девото, Дж. Бертони, Б. Террачини, Т. де Мауро, М. Алиней, М. Дардано, М. Медичи и др. Большинство исследователей итальянского языка рассматривает лексику как открытую систему, тесно связанную с окружающим миром и внутренним миром человека. Поэтому внимание в исследованиях по итальянскому языку уделяется в большей степени заимствованиям и словообразованию. При этом вне поля зрения итальянских ученых, как отмечает Т. З. Черданцева, остается проблема значения слова в ее теоретическом плане, включая проблему многозначности [3. С. 81].

Наиболее широко лексическая многозначность представлена лексико-грамматической категорией имени существительного. Имя существительное – это класс полнозначных слов, который, как и во всех индоевропейских языках, обладает широким объемом понятийной специфики, так как включает в себя бесконечное число названий предметов, явлений и одушевленных существ.

Существительное является наиболее полифункциональным классом слов языка. Основные первичные функции существительного в предложении – подлежащее и дополнение. Типичная функция существительного – обозначение субъекта предикации или актанта предиката.

По своей семантике существительные делятся на имена собственные и нарицательные, конкретные (стол, человек) и абстрактные (воспитание, белизна). И конкретные, и абстрактные слова могут быть многозначными. Проблема многозначности итальянского слова связана с различной сферой употребления слова, с возможностью появления у слова обобщенного значения.

Наиболее многозначными являются слова основного словарного фонда, обозначающие окружающие предметы и действительность, повседневную деятельность человека, включая антропоморфные слова, связанные с частями тела человека: *дом*, *дорога*, *рука*, *сердце*.

В качестве материала для исследования многозначности итальянского имени существительного нами было взято 10 наиболее встречаемых и употребительных в речи существительных.

Следующая таблица представляет основной перечень значений анализируемых существительных.

Остановимся более подробно на некоторых значеbниях перечисленных многозначных существительных итальянского языка.

Начнем с многозначного существительного **lettera**, которое имеет следующие основные значения: *буква, литера, письмо, послание, грамота, литература, словесность*. Из перечисленных значений прототипическими значе-

№	Существительное	Значения	Итого
1	anima (f)	**Ос.** *душа (**anima buona – добрая душа anime gemelle – родственные души**); con anima – проникновенно, с чувством; житель, человек; душа; косточка, ядро, сердцевина;* техн. *стержень; сердечник;* муз. *дужка (в струнных инструментах); язычок (в мундштуке духовых инструментов);* воен. *канал ствола;* эл. *жила, стержень.*	14
2	banco (m)	Пр. *скамья, лавка; конторка, письменный стол; судейское место; уст. суд; прилавок, стойка; верстак; стол;* техн. *стан; станина; рама; стенд banco di prova – испытательный стенд; пульт; банк (также в названиях);* карт. *банк; (также banco di sabbia) банка, (от) мель; (песчаная) коса;* геол. *пласт, слой;* метеор. *banco di nebbia – гряда / полоса / пелена тумана; стая, косяк (рыб).*	22
3	carta (f)	**Ос.** *бумага (почтовая, газетная, оберточная, гербовая, туалетная, изоляционная, пергаментная); документы, бумаги; карточка; в.сель; хартия; географическая карта, карта топографическая, контурная, навигационная, карта игральная, карта меню.*	17
4	cuore (m)	Пр. *сердце*; перен. *душа, сердце; сердцевина.*	4
5	fegato (m)	Пр. *печень; печёнка;* перен. *смелость, отвага uomo di fegato – смельчак;* кулин. *печёнка, печень;* хим. *fegato di zolfo – серная печень.*	4
6	fuoco (m)	Пр. *огонь; костёр; пожар; огонь; очаг; плита; горелка (плиты);* техн. *топка;* мет. *горн;* морск. *развести пары – accendere i fuochi; fuochi di artificio / artificiali – **фейерверк fuochi di segnalazione – сигнальные огни fuochi di gioia – салют***; перен. *пламя, пыл, страсть; поэтическое вдохновение pigliare fuoco – загореться гневом*; техн. *фокус; фокальная точка **mettere a fuoco —устанавливать в фокусе; messa a fuoco – установка в фокусе;** наводка на фокус;* воен. *огонь, стрельба fuoco accelerato – беглый огонь aprire il fuoco – открыть огонь fare fuoco – стрелять;* мед. *fuoco sacro / di sant'Antonio – опоясывающий лишай.*	16
7	gioco (m)	Пр. *Игра (детские, салонные, азартные игры); игра на бирже; биржевые спекуляции; игра (набор); дело, предприятие; шутка, насмешка; игра, блеск, переливы gioco di luce – игра света; игра, интриги;* техн. *зазор, люфт; неплотная посадка; ход (машины).*	16

8	lettera (f)	Пр. *буква; литера; шрифт; письмо; записка; послание; грамота* ***lettere credenziali – верительные грамоты; литература, словесность belle lettere – беллетристика, художественная литература;*** банк. *цена предложения; латинский язык;* ***lettere umane – гуманитарные науки***	14
9	terra (f)	Пр. *земля, земной шар; земля, почва; грунт; земная поверхность, земля; земля, материк, суша; берег; земля, территория; край, страна; имение, поместье, земельное владение, угодье; глина; терракота;* эл. *земля, заземление;* мет. *(формовочная) смесь.*	19
10	via (f)	Пр. *улица; дорога, путь; дорога, путь; направление, маршрут;* ж.-д. *линия, путь via ferrata / di ferro – железная дорога; проход, проезд;* мед. *канал, путь vie respiratorie – дыхательные пути; путь, процесс; причина per via di / che... – из-за;* перен. *путь, средство, способ.*	18

ниями будут 2 значения, восходящие к латыни: *буква* и *письмо*.

В современном итальянском языке более распространенным является лексический прототип *письмо*, который, встречаясь во многих устойчивых выражениях, обрастает национально-культурной значимостью.

Вот некоторые из них:

lettera anonima – *анонимное письмо*; lettera circolare – *циркуляр*, lettera di cambio – в.*сель*, lettera di vettura – *накладная*; lettera d'auguri(o) – *поздравительное письмо*; lettere d'affari – *деловая корреспонденция*; lettere familiari – *частная переписка*; lettera citatoria – *повестка (в суд);* lettera di credito – *аккредитив*; lettera dedicatoria – *посвящение (в книге*); lettera di avviso – *письмо-извещение*; lettera d'intenti – *протокол о намерениях*. На основе перечисленных употреблений слова lettera можно вывести его обобщенное значение: «*письменное предписание, имеющее характер документа*».

Однако более первичным значением будет значение *буква,* которое сохранилось в следующих фразеологизмах, поговорках и пословицах: la lettera della legge – *буква закона*; attaccarsi alla lettera – *придерживаться буквы* (напр. закона); rimanere lettera morta – *остаться мёртвой буквой*; alla lettera – *буквально*; *дословно*; copiare alla lettera – *в точности скопировать*; dire a chiare lettere – *ясно сказать*.

Рассмотрим другое многозначное существительное: **carta**, которое имеет следующие значения: *бумага* (ее разные типы): от почтовой бумаги до бумаги туалетной; *лист*; *рукопись, документ*. Современный итальянский язык располагает устойчивой терминологией со значением *документ*: carta d'identità – *удостоверение личности*; cartd'imbarco – imbarco carte di bordo – *судовые документы*; carta di circolazione – *технический паспорт*; carta verde – *международный страховой полис*; carta di permanenza – *вид на жительство*.

Основное значение слова **carta** в современном языке – «бумага». Как отмечает Т. З. Черданцева, опираясь на свидетельство Мильорини, это значение не изменилось, начиная с XIII в. В связи с переносом по функции слово получило вторичное значение, конкретное «хартия», а затем более общее (обобщенное) «документ». Так, например, *Великая хартия* 1215 г. в Англии была переведена на итальянский язык Magna carta inglese. Известно также выражение Carta atlantica *Атлантическая хартия.* Добавим еще одно значение хартии: carta delle Nazioni Unite – *хартия ООН.*

В своем обобщенном значении слово carta обычно употребляется в устойчивых словосочетаниях типа avere le carte in regola *иметь документы в порядке.* Это же значение встречается во фразеологизме la carta canta *лишь бы документы (бумаги) были в порядке,* которое восходит к пословице Carta canta e villan dorme *Если документы в порядке, можно спать спокойно,* а также во фразеологический единице dar carta bianca *предоставить свободу действий.* Новое конкретное значение «документ, удостоверяющий личность», было заимствовано из французского языка: carta d'identita *удостоверение личности.*

Новое переосмысление слова carta по функции привело к образованию еще одного вторичного значения «карта»: carta geografica, nautica *географическая, морская карта,* а также carta da gioco *игральная карта.* Правила игры в

карты, различные ситуации игры, широко распространенной во всех европейских странах, послужили почвой для создания многочисленных фразеологических единиц: Arrischiare una carta – *рискнуть, пойти на риск*; Giocare una buona carta (tutte le proprie carte) – *идти на риск, поставить все на карту*; Cambiar le carte in tavola (in mano) – *вести двойную игру, обманывать*; Giocare a carte scoperte (mettere le carte in tavola) – *играть в открытую, не скрывать своих намерений*; Un castello di carta (di carte) – *карточный домик*, то есть непрочный.

Устаревшее значение слово carta «страница» сохранилось лишь во фразеологизмах dire a carte quarantotto – *говорить без обиняков, не церемониться*, mandare a carte quarantotto – *послать подальше*.

Очевидно, что хотя слово carta обозначает очень разные денотаты, тем не менее, во всех своих значениях оно обладает общим элементом смысла «бумага» (написано, нарисовано на бумаге, сделано из бумаги и т. п.). В данном случае легко отделить основное значение от вторичных, но трудно выстроить в иерархический ряд множество вторичных значений. Это понятно, так как нельзя заранее предвидеть очередности развития реализации значений многозначного слова.

Рассмотрим еще одно из наиболее многозначных итальянских существительных – многозначное слово **via.**

Основные значения слово **via** могут быть структурированы по следующим семантическим группам: 1. *улица, дорога*; 2. *путь, направление*; 3. *проход, проезд*; 4. *причина, способ, средство.*

Наиболее распространены значения *улица, дорога*.

Всем известна Аппиева дорога – Via Appia. Это самая древняя и самая знаменитая дорога, она была построена в IV в. до нашей эры от Рима до Капуи и Брундизиума. В древности ее называли Regina Viarum «царица дорог». Она проходила по югу Италии вдоль Адриатического моря и открывала дорогу в Грецию и Африку через Апулию. С Аппиевой дорогой связано множество исторических событий. По ней вели пленного св. Павла, на ней произошла встреча св. Павла с Христом. Via Appia проложила начало активному строительству римских торговых и военных дорог. Именно римляне создали сеть дорог, пересекавших всю Западную Европу. Сеть римских дорог состояла из 372 больших дорог, из которых 29 дорог оканчивались у Рима. Среди последних дорог необходимо назвать следующие: Via Aurelia (дорогу Аурелия), проходившую вдоль западного побережья Италии до Франции, Via Cassia (дорогу Кассия), которая соединяла Рим с севером Италии, Via Flaminia (дорогу Фламиния) и Via Salaria (дорогу Салария), которые выходили к Адриатическому морю, Via Francigiena (дорогу Франчиджена), по которой через горные перевалы паломники шли в Рим прикоснуться к христианским святыням. Римские дороги славились грамотным инженерным строительством. Некоторые из них выполняют свою функцию и в настоящее время.

С падением Римской империи строительство дорог прекращается. Дорожно-строительная деятельность возобновляется в 13 в., в 17 в. ее развитие связано с регулярными почтовыми и пассажирскими сообщениями, а в 19 в. строятся первые железнодорожные линии. В итоге первое и основное значение многозначного слова via (*дорога, улица*) переходит от словосочетаний via deserta (*полная пустынная*); via publica, private (*общественная, частная*) к словосочетаниям via sterrata, lastricata, asfaltata (*грунтовая, мощеная, асфальтированная*), via ferrata (*железная дорога*).

Выражение via ferrata (*железная дорога*) все чаще заменяется синонимом strada ferrata, как, впрочем, и strada camionabile asfaltata автомобильные дороги с асфальтовым покрытием на strada asfaltata или просто autostrada. Таким образом, основное значение денотата via в современном итальянском языке уходит на периферию и заменяется сигнификатом strada, то есть дорога как *полоса земли*.

Более встречаемым значением денотата via в современном итальянском языке выступает значение *путь следования, направление, маршрут* (percorso). Smarrire la via di casa *потерять дорогу (путь) домой*, scegliere la via pui breve *выбрать короткий путь*; Via dell'ambra *Янтарный путь*, Via della seta *Шелковый путь*, Le vie della droga *наркотический путь*.

В результате расширения смысла слова **via** выступает значение *путешествие, ходьба, стезя.* Например: aprire la via – *открыть путь*, *проложить дорогу*; mettersi in via – *пуститься в путь*; scegliere un'altra via – *избрать другой путь*; essere per via – *быть в пути / на подходе* (часто о ребёнке); avere via libera – *иметь свободу действий*;

Образное переосмысление значения слова via часто касается морального аспекта и высту-

пает в следующих выражениях: seguire la retta via – *выбрать правильный путь;* quell ragazzo ha preso una bruttta via – *этот парень пошел по дурному пути*.

Образное переосмысление имеют и устойчивые словосочетания, которые касаются основного денотативного значения. Например, via battuta означает *хоженая, протоптанная дорога; проторенный путь* в прямом значении и в переносном *ходить уже известными путями.* То же самое можно сказать и многозначности выражения vie traverse – *окольные пути*.

Существительное via приобретает настолько расширенное значение, что употребляется в медицине, политике и других областях жизни человека. Например, via di mezzo – это средний курс, умеренное направление в политике. Выражение «terza via» означает *третий, собственный путь* бывшей Итальянской компартии. В качестве медицинского термина отметим выражение vie respiratorie – *дыхательные пути*, или выражение essere in via di guarigione – *быть на пути к выздоровлению*.

Еще одним распространенным значением существительного **via** является значение *путь, средство, способ*. Например: Ho tentato tutte le vie – *я испробовал все пути (все средства, все способы)*. Или Proviamo a seguire la via opposta – *попробуем пойти другим (противоположным) способом*. Это также выражения via di scampo – *путь спасения*; via d'uscita – *выход*; ricorrere alle vie legali – *действовать законным путём (способом)*.

Часто слово **via** в значении *средство, способ* вводится предлогами in и per. Например: in via privata – *в частном порядке*; in via provvisoria – *временно*; in via eccezionale – *в виде исключения*; in via di esempio – *в качестве примера*; per via di esclusione – *методом исключения*; per via di... – *посредством*.

Пример: E poi che c'entra, con il segretario del fascio io ci andavo a scuola, siamo persini un po' parenti **per via di** mia sorella che ha sposato un suo cugino...voialtri tedeschi certe cose non potete capirle...Non conoscete abbastanza bene l'Italia (Alberto Moravia) – *Ну и причем здесь это? с секретарем объединения я пошел в школу, как ни как мы родственники* ***через*** *мою сестру, которая вышла замуж за своего кузена… вы, немцы, кое-чего не можете понять. Вы не знаете достаточно хорошо Италии.*

И, наконец, значение *причина*, которое часто встречается в структурах чисто разговорного характера, типа per via di / per via che... – *из-за, по причине*. Например, l'aeroporto è chiuso **per via** della nebbia – *аэропорт не принимает* ***из-за*** *тумана*. Или ci siamo separati **per via** del suo brutto carattere – *мы разошлись* ***из-за*** *его дурного характера*. Или e **per via** che sono molto stanca – *это* ***потому что*** *я очень устала.*

Десемантизация существительного **via** ощущается еще сильнее при его употреблении с глаголом в качестве указания на направления вовне: andate via! – *убирайтесь прочь!*; mandare via – *прогнать*; portare via – *уносить*; buttare via – *выбрасывать*. Без глагола наречие via переходит уже в междометие. Например, недоверчивое ma va' via! – *будет тебе...! да ладно!*

Как видим, существительное via претерпело многие изменения: от полноценного многозначного слова к служебным словам: предлогу и междометию.

Список литературы

1. Бобнев, Б. А. Образ как национально-культурный компонент многозначного слова (на материале лексики итальянского языка) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 36. Филология. Искусствоведение. Вып. 27. С. 17–22.

2. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семантического описания лексики / под ред. Ю. С. Степанова. 2-е изд., стер. М., 2002. 191 с.

3. Черданцева, Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М., 1987. 182 с.

4. Шмелев, Д. Н. Полисемия // Языкознание : большой энцикл. слов. М., 1998. С. 382.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 96–100.

И. Гарбуйо

ФИТОМЕТАФОРЫ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматриваются способы семантизации фитометафор в русском и итальянском словарях. Большое внимание уделяется лексикографическим способам толкований переносного значения фитонимов, способам передачи связи переносного значения с основным и способам представления национально-культурологического аспекта в семантике фитометафор.

Ключевые слова: *фитометафоры, лексикографический аспект, лингвокультурологический аспект, итальянский язык, сопоставительный анализ.*

Задачей настоящей статьи является сопоставление способов семантизации метафорических значений фитонимов (тематическая группа «овощи») в русских и итальянских словарях. Кроме того, нас интересуют способы представления в словарях лингвокультурологических особенностей данной тематической группы.

Материалом исследования послужили русские и итальянские толковые словари. Так, мы использовали материалы Толкового словаря С. И. Ожегова (ТСО), Толкового словаря Д. Н. Ушакова (ТСУ), Малого академического словаря (МАС), Большого толкового словаря С. А. Кузнецова (БТСК) и Большого толкового словаря русского языка Т. Ф. Ефремовой (БТСЕ). Для дефиниционного анализа итальянских фитонимов мы использовали однотомные толковые итальянские словари Dizionario della lingua italiana Sabatini-Coletti (DISC), Vocabolario Italiano De Felice-Duro (Duro), шеститомный толковый словарь Il grande dizionario italiano dell'uso De Mauro (GRADIT) и электронный словарь Il Vocabolario Treccani.it (Treccani).

Анализируя лексемы тематической группы (далее – ТГ) фитонимов, мы выявили в словарях обоих языков общую тенденцию, относящуюся к структуре толкования: сначала указывается общее значение – класс, вид, род растения в научной классификации – особенно подробно это представлено в итальянских толковых словарях. Второе значение соотносится с бытовыми представлениями носителей языка об этом овоще. Затем приводятся оставшиеся значения, включая переносные. Например: **перец,** *-рца* (*-рцу*), *м.* 1. *Тропическое растение, а также плоды его в виде зерен, острые и жгучие на вкус. Черный перец.* 2. *Овощное пряное растение сем. пасленовых, а также плоды его в виде стручков. Болгарский перец. Красный перец.* 3. *Порошок из плодов этих растений, употребляемый как приправа. Аграфена Захаровна поставила перед ним полную тарелку щей, круто посыпала перцем. Гладков, Клятва.* 4. *перен. Разг. Остроумная, ядовитая насмешка, едкое, язвительное остроумие* [МАС].

Cece *[cé-ce] s.m.* – ♦*1. Pianta erbacea annuale delle Papilionacee, dotata di fusto peloso ramificato, foglie composte, fiori ascellari, seme a legume, tondo, giallastro, commestibile; seme di tale pianta:* minestra di ceci *2. fig. Formazione cutanea tondeggiante: avere un c. sul naso - etim. lat. cicer • sec. XIV (*турецкий горох, ед. ч. муж. р. – ♦1. Годовое травянистое растение семейства Papilionacee, имеющее шершавый разветвленный стебель, сложные листья, пазушные цветы, бобовые семена, круглые, желтоватые, съедобные; семя данного растения: гороховый суп. 2. перен. Кожное образование круглой формы: иметь г. на носу – этим. лат. cicer, XIV в.) [DISC].

Исключением является итальянский словарь GRADIT. В предисловии автор Де Мауро объясняет, что при лексикографировании названий растений и животных был сделан выбор особого толкования, наделяющего бо́льшим значением «черты, относящиеся к общему опыту, а не к научной классификации» [10. С. XXIX]. Поэтому в толковании на первом месте стоит бытовое значение, затем научное и прочие производные значения: **cece** */'ʧeʧe/ (ce•ce) s.m. [AD] [ca. 1340; lat. cĭcer] 1a seme commestibile piccolo e rotondo, usato, spec. secco,* ***per preparare vari piatti: pasta e ceci | leguminosa erbacea del genere Cece (Cicer arietinum) ampiamente coltivata per i semi che se ne ricavano 1b [TS] bot. pianta del genere Cece | con iniz. maiusc., genere della famiglia delle Papilionacee 2 [CO] escrescenza carnosa tondeggiante: avere un c. sul naso | rigonfiamento nella parte***

superiore del becco dei cigni [GRADIT] (турецкий горох – маленькое и круглое съедобное семя, обычно используемое высушенным для приготовления различных блюд: бобовый суп с макаронами| травянистое растение семейства Бобовые рода Нут (Cicer arietinum), выращиваемое в большом количестве для получения семян 1b [TS] бот. растение рода Нут | с прописной буквы род растений семейства Papilionacee 2 [CO] круглый мясистый нарост: иметь нарост на носу| припухлость в верхней части лебединого клюва).

В приведенных примерах видна разница в структуре словарной статьи. В отличие от русских словарей, в итальянских выделяется набор лексикографических параметров, включающих транскрипцию, деление на слоги, грамматическую категорию, частоту использования (в GRADIT), время начала употребления, этимологию, определение, производные слова, синонимы и антонимы. Это свидетельствует о комплексном характере словаря: в нем отражаются системные отношения, этимология и пр. Не всегда вышеприведенные компоненты присутствуют в каждой словарной статье итальянского толкового словаря одновременно.

В российской лексикографии проявляется иная тенденция: эта информация отражена в разных аспектных словарях.

Для нашей работы особенно значимой является этимологическая информация, играющая важную роль в определении связи между метафорическим и прямым значениями, особенно если читатель принадлежит другой лингвистической культуре.

Интересный аспект, выявленный в результате анализа фитонимов, относится к оценке лингвистической частотности. Основные итальянские частотные словари со второй половины 1990-х гг. выработали «базовый словарь», который представляет собой новый подход к лексикографии, предложенный Туллио Де Мауро и принятый другими разработчиками словарей. В базовом словаре представлена лексика, известная говорящим, «которые закончили хотя бы среднюю школу» [9. С. 11]. Базовый словарь, опубликованный в приложении книги Guida dell'uso delle parole (1980) и позднее включенный в GRADIT, включает три уровня: основной словарь [FO], содержащий наиболее часто используемые слова нашего языка, (например: любовь, работа, хлеб, погода, и пр.). Словарь высокой частотности [AU] содержит слова, которые используются часто, но реже, чем слова из основного словаря (например, столб, шелк, бык, аптека и т. п.). В словарь высокой возможности [AD] использования входят слова, редко используемые в письменной речи, но часто в разговорной (например, столовая, суп, комбинезон и т. п.). Хорошее знание базового словаря «даст всем возможность использовать включенные в него слова, чтобы употреблять и понимать десятки тысяч других слов, относящихся к территориально ограниченной или интернациональной лексике, научной, философской или технической терминологии, необходимой нам, чтобы идти в ногу с современным обществом» [9. С. 163].

Для того чтобы обозначить частоту использования слова, итальянские словари отмечают леммы при помощи особых маркеров. Де Мауро, автор словаря GRADIT, разрабатывает новые маркеры использования, которые вводит в микроструктуру (то есть в отдельные статьи). Другие словари пользуются маркерами на уровне макроструктуры, или же словника, что не позволяет понять, какое из существующих значений слова (в случае полисемии) относится к базовому словарю. GRADIT указывает маркеры частотности рядом с леммой или у каждого значения: FO (основное), AU (высокая частотность), AD (высокая возможность использования), CO (общеупотребительное), BU (низкая частотность), OB (устаревшее) и TS (специальное). Эти маркеры сопровождаются стилистическими пометами (*ласк*., *разг., жарг*., *ирон*., *вульг*. и пр.), пометами, указывающими историческую перспективу слова (*стар*. и *устар*.) и сферу употребления (*в биол*., *в матем*., т. п.). DISC использует выделение серым цветом, чтобы обозначить высокую возможность использования. Treccani выражает частотность использования описательными формулировками, как «общеупотребительное». В словаре Duro частота использования не указывается.

Сравнив способы толкования переносных значений в русских и итальянских словарях, мы пришли к выводу о том, что и в тех, и в других способы семантизации метафоры оказываются сходными. Наиболее распространенным является описательный способ, реже встречается синонимический (*см*. [1]). Например, описательный способ представления в русском: **репа** – *о глупой или плохо соображающей голове* [БТСК]; и в итальянском: **patatina** – *fig. fam. bambina carina e paffuta* [DISC] (картошечка – перен., ласк. о милой и пухлой девочке). Сино-

нимический способ для русского языка (очень редко): **хреновый** – *плохой, негодный*; и для итальянского: **zucca** – *fig., scherz., testa, capo: battere la z.*, *una z. pelata* [GRADIT] (тыква – перен., шутл., голова: удариться тыквой, лысая тыква). Довольно часто оба способа используются одновременно, дополняя друг друга.

Выявив способы толкования переносных значений фитонимов, мы попытались проследить, как и каким образом словари передают связь данных значений с основными, в которых по большей части содержатся семантические признаки (обычно относящиеся к физическим характеристикам объектов), ведущие к образованию метафорического значения. В редких случаях происхождение метафорического значения выражается эксплицитно, делая таким образом словари более удобными для использования людьми разной культурной и лингвистической компетентности (например: **гороховый** – *серовато-желтый с зелеными оттенками,* ***цвета гороха*** [MAC]; **cipolloso** – *di legno con cipollatura – etim. deriv. di cipolla con – ato*[1] ***perché si sfoglia come una cipolla*** • *sec. XVI* [DISC] (с отлупом – из дерева с отлупом – этим. происх. от лук с – *ato*[1] – потому что отслаивается как лук, XVI в.).

Как мы видим, информация об основании переносного значения в словарях актуализируется разными способами: в самом толковании (см. *гороховый*), в этимологии (см. *cipolloso*) или посредством дополнительных комментариев (**rapa** – *con le espressioni fig. voler cavare sangue da una r., pretendere da una persona capacità e qualità che non può avere, e,* ***in relazione al poco pregio e sapore delle radici delle rape****, essere una r., una testa di rapa (sei una gran r.!; che rapa, quella tua segretaria!), per indicare una persona di scarsa intelligenza* [Duro]; репа – в перен. выражениях вытягивать кровь из репы, требовать от человека способностей и умений, которых у него нет, и в связи с невыразительным вкусом и малой ценностью репы: *быть р.*, *голова р.* (*ты та еще р.!*; *ну и р. твоя секретарша!)* о не очень умном человеке). В использованных нами словарях, особенно в Treccani, более последовательным способом лексикографической интерпретации внутренней формы метафоры является комментарий.

В других случаях (чаще в итальянских словарях, чем в русских) в толковании переносного значения содержатся семантические компоненты, присутствующие также и в основном, позволяющие понять причину метафорического переноса. Например, в ТСОШ прямое значение слова **луковица** – *у некоторых лилейных растений:* ***шарообразно*** *утолщенная (обычно подземная) часть побега из плотно прилегающих друг к другу слоев.* А одно из переносных значений данного слова – ***шаровидный*** *церковный купол*. То же и в толковании слова **сесе** (турецкий горох): прямое значение – *seme commestibile piccolo e* ***rotondo****, usato, spec. secco, per preparare vari piatti* (съедобное семя, маленькое и круглое, используемое обычно высушенным для приготовления различных блюд); переносное значение – *escrescenza* ***carnosa tondeggiante*** *(круглый мясистый нарост)* [GRADIT]. В толковании и переносного и прямого значений четко выявляется общий признак (шарообразная форма), являющийся основанием сравнения рассмотренных нами двух объектов: луковица и купол, турецкий горох и мясистый нарост.

Последняя тенденция (самая характерная для русских и итальянских словарей) проявляется в том, чтобы не давать никаких указаний на происхождение метафорического значения. Например, в БСТК **огурчик** – *2. разг. о здоровом, крепком, свежем на вид человеке* и в DISC **carciofo** – *2. fig. Persona tonta, insulsa e sciocca* (артишок – 2. перен. о глупом человеке, нелепом и бестолковом). Эта тенденция наблюдается особенно часто в толковании фразеологизмов и словообразовательных дериватов. В таких случаях пользователь словаря должен опираться на личный языковой и культурный опыт. Конечно, если пользователь не является носителем языка, мотивировочный признак метафоры может быть воспринят неверно. Что касается итальянских словарей, надо отметить, что трудно выявить какую-то общую тенденцию для семантизации метафорической семантики, поскольку они непоследовательно передают данный тип информации. Таким образом, невозможно определить главенствующий принцип лексикографирования переносного значения, реализованный во всех итальянских словарях.

Метафоры, как правило, отражают особенности мышления и особенности культуры той языковой среды, где они появляются. Часто наличие лингвокультурологического компонента, раскрывающего сущность метафоры, основания для переноса, позволяет лучше понять некоторые особенности картины мира носителей языка.

Далее мы рассмотрим русские и итальянские лексикографические источники с точки

зрения представления в них лингвокультурологической информации, относящейся к наименованиям овощных культур. Данная информация в толковых словарях распределяется между дефиницией, пометами, комментариями и иллюстративным материалом (*см*. [6. С. 177–178]). Исследуя ТГ «овощи», мы выявили, что в новых словарях БТСК и БТСЕ эта информация отсутствует, так же, как иллюстративный материал, который в случае удачного выбора цитатного материала мог бы способствовать семантизации национально-культурного компонента. В русских словарях ТСУ, ТСОШ и МАС наличие этого компонента является исключением и актуализируется разными способами: посредством пометы (**горóховый** – ❖ *Гороховое пальто (**дорев.** разг.) – тайный агент охранки* [ТСУ]), специального комментария (**горóховый**, *гороховое пальто, **в XIX в.: шинель или пальто такого цвета, носимое агентами охранного отделения**; также перен.: о самих таких агентах пренебр.* [ТСОШ]) и иллюстративного материала (**луковица** – *Церковный купол (архит.)*. ***Синие с золотом луковицы собора*** [ТСУ] и **картошка** – ❖ *Нос картошкой (разг. фам.) - широкий, толстый в нижней части, похожий на картофелину. **Великорусский** нос картошкой*).

В данных примерах представляется новая информация о слове (которая не отражается в толковании), в частности о принадлежности слова к конкретной стране (см. *синие с золотом луковицы собора* и *великорусский нос картошкой*) и о культурно-исторической справке (см. помету *дорев.* и комментарий у значения «гороховое пальто»). Приведенные примеры являются единственными, найденными в русских словарях.

В итальянских словарях национально-культурный компонент представлен более последовательно. Словарь Treccani предпочитает способ комментирования. Такие комментарии о происхождении метафорического значения или фразеологизмов следуют в нем за определением. Например, **carota** – 1. *[...] Il bastone e la c., espressione che simboleggia proverbialmente due opposti ma concorrenti metodi di persuasione, la durezza e l'allettamento; **è soprattutto nota per essere stata usata in un suo discorso del 1943 da W. Churchill, quando affermò che, per spingere l'Italia alla resa, si doveva continuare ad agire sull'asino italiano da ambedue le parti, con una carota e con un bastone**; [...]* 4. *Come agg. invar., di colore rosso arancio: un bambino dai capelli c., o color carota. Pel di carota, **titolo d'un noto romanzo di J. Renard (1984), che ha per protagonista un ragazzo dai capelli rossi*** (морковь – 1. *Трость и м*., выражение, которое символизирует два противоположных, но конкурирующих способа убеждения, твердость и приманка; особенно знаменито, поскольку было использовано в речи У. Черчилля в 1943 г., когда он заметил, что для того, чтобы Италия капитулировала, нужно продолжать погонять итальянского осла с двух сторон, морковью и тростью; […] 4. Как прил. неизм., цвет красно-оранжевый: ребенок с волосами цвета м., или цвет м. *Pel di carota*- Рыжий как морковка, название книги известного романа Ж. Ренара, 1984, где главный герой ребенок с рыжими волосами).

В других итальянских словарях лингвокультурологическая информация в толковании анализируемых переносных значений менее регулярна и приводится в дополнительных комментариях и в пометах. Например: **fagiolo** – 3. *[CO] [1935] **nel gergo goliardico**, studente del secondo anno di universita* [GRADIT] (фасоль – 3. [CO] [1935] в студ. жарг., студент второго курса университета). Данный пример содержит информацию об использовании слова в студенческой итальянской культурной среде.

Подведем итоги.

В результате дефиниционного анализа нашей ТГ мы выявили две различные лексикографические традиции.

Российская лексикографическая традиция очень «синтетична» и представляет в комплексе семантическую и страноведческую информацию (если последняя включена в словарную статью). ТГ «овощи» описывается в словарях неполно и непоследовательно. Не только метафорические значения часто никоим образом не мотивированы, иногда они даже не отражаются (*тыква* в значении «голова»; *одеться как капуста*; *редиска* о плохом человеке). Что касается национально-культурного компонента, только ТСУ и ТСОШ включают в себя отдельные элементы страноведческой информации, но делают это в основном непоследовательно. Итальянские словари тоже страдают несистематичностью (исключая Treccani).

Итальянская лексикографическая традиция тяготеет к очень детальному описанию основного значения лексемы, используя энциклопедические и классифицирующие элементы, семейства (часто с латинским термином), качества/ функции, физические характеристики

(описание листьев, плода, цветка и так далее), включая национально-культурную информацию об итальянской крестьянской культуре. В основном иллюстративный материал прямого значения фитонимов богат такого типа информацией. Хотя уровень детализации очень высок, указание в основном значении мотивировочного признака не является само собой разумеющимся. Действительно, пользователю словаря часто приходится опираться на фоновые знания, пытаясь понять основание для переноса наименования с одного объекта на другой.

Итальянские словари гораздо более последовательно регистрируют переносные значения, по сравнению с русскими словарями. Кроме того, мы заметили, что в итальянских словарях систематично и детально представлены отдельные значения и других частей речи (существительные, глаголы и прилагательные), которые образуются от метафорического значения (весьма продуктивны в этом смысле номинации cipolla/ лука, rapa/ репы, carota/ морковки, broccoli/ брокколи и finocchio/ фенхеля).

Список литературы

1. Арбатский, Д. И. Основные способы толкования значений слов // Рус. яз. в шк. 1970. № 3. С. 26–31.

2. Большой современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред.-сост. Т. Ф. Ефремова М., 2006.

3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1994.

5. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

6. Трипольская, Т. А. Лингвокультурологическое описание наименований городских пространств (на материале разных типов словарей) / Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина // Сибир. филол. журн. 2012. № 2. С. 175–183.

7. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

8. De Felice, E. Vocabolario italiano / E. De Felice, A. Duro. Torino, 1993.

9. De Mauro, T. Guida all'uso delle parole. Roma, [1980] 2003.

10. De Mauro, T., Il grande dizionario italiano dell'uso : 6 vol. [Электронный ресурс]. Torino, 1999

11. Sabatini, F. Dizionario della lingua italiana / F. Sabatini, V. Coletti. Milano, 2006.

12. Vocabolario Treccani.it. [Электронный ресурс]. URL: http://www.treccani.it/vocabolario.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 100–103.

Е. А. Гейм

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ДИАЛЕКТА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

Рассматривается становление литературного итальянского языка на основе флорентийского диалекта, особенности флорентийского диалекта Италии в Средневековье. Именно в тот период тосканский диалект начал преобладать над всеми остальными из-за центрального положения региона Тоскана в Италии и в связи с быстроразвивающейся торговой деятельностью во Флоренции, самом важном городе региона.

Ключевые слова: *диалект, территориальное объединение, общность языковых черт, лексические особенности, грамматика, литературный итальянский язык.*

Современные диалекты – результат многовекового развития. На протяжении истории в связи с изменением территориальных объединений происходит дробление, объединение, перегруппировка диалектов. Границы современных диалектов могут отражать существовавшие в прошлом границы между разными территориальными объединениями. Особенно активно происходило формирование диалектов в период феодализма. В эпоху капитализма

с преодолением феодальной раздробленности ломаются старые территориальные границы внутри государства, происходит сближение и нивелировка диалектов. Диалект всегда представляет собой часть целого – данного языка, поэтому диалект всегда противопоставлен другому диалекту или другим диалектам, объединяясь с ними целым рядом общих языковых черт.

Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Эти различия могут быть небольшими, так что говорящие на разных диалектах данного языка понимают друг друга. Италия является одной из стран, на территории которых распространено множество диалектов. Помимо диалектов, существует несколько региональных разновидностей итальянского литературного языка; некоторые диалекты считаются отдельными языками (в первую очередь сардинский и фриульский).

Историю итальянского языка делят на ряд периодов, первый из которых покрывает время от X в., когда появляются первые записи на народном языке до XIII в., времени, когда начинается доминирование флорентийского стандарта. На самом раннем этапе диалектные памятники создаются в основном в центре и на юге страны, это обычно юридические документы и религиозная поэзия. Крупным центром учености становится монастырь Монтекассино. Позже, к концу XII в., формируются отдельные центры развития литературной традиции на диалектах: Сицилия, Болонья, Умбрия и другие. Особенно богата тосканская традиция, которой присуще значительное жанровое разнообразие. Тосканский диалект в процессе развития меньше других отошёл от латинского языка, изменялся постепенно, в одном направлении, не испытывая при этом сильного влияния других языков. В то же время наряду с «народным» языком в Италии используются латынь, старофранцузский и старопровансальский языки.

Социальные, экономические и политические факторы всегда оказывали очень большое влияние на появление и развитие языков и диалектов. И очень часто они оказывались сильнее лингвистических. Например, раскол, произошедший в латинском языке на территории Европы, который повлек за собой образование неолатинских языков - французского, испанского, итальянского и др. Как известно, толчком к самостоятельному развитию романских языков и диалектов послужил распад Римской империи и образование замкнутых сообществ, что привело к нарушению связей между членами бывшего языкового коллектива. Начальный период формирования романских языков характеризовался наличием значительного количества территориальных разновидностей речи – диалектов. Один из диалектов в силу некоторых причин мог пользоваться особым престижем. Именно он со временем становился основой для формирования литературного языка.

Среди языков романской группы итальянский язык является наиболее диалектно раздробленным. Итальянские диалекты условно делят на три группы: северные, центральные и южные. Среди северных в свою очередь выделяют галло-итальянские и венецианские. Центральные диалекты итальянского языка делят на наречия Тосканы, Умбрии, Северного Лацио, области Марке. К южной группе диалектов относят такие, как неаполитанский, абруццский, калабрийский и апулийский, а также группу сицилийских. Такое разнообразие диалектов находит свое объяснение отчасти в старом этническом разнообразии древней Италии (на севере – лигуры, кельты, венеты; в центре – этруски, италийские племена умбров и самнитов, латиняне; на юге – оски, греки, япиги и мессапийцы), отчасти в экономической и политической раздробленности Италии и самостоятельном развитии ее отдельных частей в последующие периоды истории.

Население древней Италии всегда было пестрым. Крайняя политическая раздробленность дополняется чрезвычайной лингвистической пестротой. В условиях романизации Апеннинского полуострова и многовековой политической раздробленности страны понятно наличие большого количества говоров, из которых часть имеет свою литературу.

К середине XIII в. руководящая роль переходит к центральным областям Италии. Самым ярким городом становится Флоренция – важный центр ремесел и торговли, что нашло свое отражение в превращении тосканского (флорентийского) диалекта в язык деловой речи. Уже в ту пору Флоренция играла огромную политическую и экономическую роль, а также была центром культурной жизни не только Тосканы, но и Центральной Италии. Таким образом, влияние культуры и языка начинает распространяться за пределами области. На рубеже XIII и XIV столетий в Италии вместо литературного языка средневековья – латин-

ского – стал постепенно завоевывать свое место в литературе народный язык. На тосканском диалекте писал свои стихи болонский юрист Гвидо Гвиницелли (около 1230–1276). Стихотворное мастерство Гвидо Гвиницелли получило дальнейшее развитие во Флоренции, передовом городе. Диалект получает свое литературное оформление – именно на этом новом языке писали Данте Алигьери, Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо. Ведь именно в этот период создается школа «нового сладостного стиля» (dolce stil nuovo), которая взяла за основу именно тосканский диалект. Как отмечает В. Ф. Шишмарев, «Ко времени появления в литературе имени Данте существование литературы на итальянском было уже делом решенным. Каждая более или менее значительная область Италии уже имела ее. Что касается ее языка, то в условиях тогдашней раздробленности страны и отсутствия общего центра, в условиях феодальных традиций, под итальянским языком, языком этой литературы, следует понимать живой volgare, то есть реально существующие наречия, местные диалекты» [4. С. 65]. Однако распространение тосканского (флорентийского) диалекта в качестве письменного языка для всех областей Италии происходило с трудом из-за политической раздробленности страны, ее неоднородности в социально-экономическом и культурном отношении. Как отмечает О. Фаис, в разных областях Италии всегда налицо были и существенные культурные различия. Так, Север и Центр страны развивались в русле италийской культурной традиции, щедро «приправленной» немецкими и другими европейскими веяниями к собственно итальянской (тосканской) и древнеримской культуре. Что же касается Юга Италии и Сицилии, то в этих регионах «сложилось причудливое сочетание древнегреческих культурных рудиментов с сильнейшими арабскими, норманнскими и византийскими заимствованиями, надолго определившее не только собственно культуру этих регионов, но и психологию, поведение, ментальность населения» [3].

В XIV в. уже обработанный тосканский диалект превращается в общеитальянский литературный язык. Период XV–XVI вв. считается среднеитальянским. В этот период все чаще находят свое выражения высказывания относительно превосходства народного, тосканского языка над латынью, появляется первая грамматика, а писатели из других регионов стараются приблизить язык своего творчества к уже образовавшемуся тосканскому стандарту. Это было начало безвозвратного процесса замещения латинского языка тосканским диалектом, становится ощутимым его превосходство над латынью.

В начале XVI в. вся Италия была взволнована так называемым «спором о языке» (questione della lingua). В центре споров стоял вопрос об отношении между языком признанных авторитетов и живой речью, а также вопрос о том, что представляет собой итальянский язык исторически: «Одни утверждали, что в основе итальянского языка лежит флорентийский диалект или диалект Тосканы; другие считали его языком, сложившимся поверх диалектов. Таким образом, мы имеем дело с двумя тезисами – флорентийским (или тосканским) и итальянским» [4. С. 127]. В ходе спора определяются три основные позиции: Пьетро Бембо, утверждающий приоритет тосканского диалекта над другими диалектами на основании авторитетов Петрарки в поэзии и Боккаччо в прозе; сторонники современного тосканского (или флорентийского); а также те, кто высказывался в пользу смешанного языка знати и придворных. Вопрос о том, что выбрать нормой языка, в первую очередь касался принятия или непринятия флорентийско-тосканского, утвердившегося еще в XIV в., в качестве эталона. Среди участников «спора о языке», выступавших защитником тосканского диалекта, можно назвать Никколо Макиавелли, Бенедетто Варки, Клаудио Толомеи, а также последователя П. Бембо – Леонардо Сальвиати. Теория Бембо и Сальвиати одержала верх над другими. Исторически ориентация на язык классиков XIV в. оказалась оправдана: авторитет Флоренции в Италии ослабел, поэтому использование флорентийского разговорного языка стало бы ошибкой по политическим причинам. Альтернативные идеи антитосканистов были слишком расплывчаты и не могли стать основным критерием для выработки языковой нормы. Исторически сложилось так, что язык великих авторов XIV в. остался единственным возможным ориентиром для писателей во всей Италии. Таким образом, можно сказать, что причиной стойкости литературного итальянского языка отчасти стала именно позиция Пьетро Бембо и Леонардо Сальвиати.

В середине века выходят в свет несколько изданий, направленных на решение практических задач в языке. К таким грамматикам можно отнести «Osservazioni nella volgar lingua»

Лудовико Дольче. В 1562 г. в Венеции публикуется сборник «Osservationi della lingua volgare de diversi uomini illustri», включающий в себя труды Джакомо Габриэле, Ринальдо Корсо, Альберто Акаризио, Фортунио и Бембо. Помимо этого, появилась первая грамматика, написанная тосканцем – «Dela lingua che si parla e scrive in Firenze» Джамбуллари.

Таким образом, в XVI в. в связи с повсеместным утверждением volgare (простонародный язык) «вопрос о языке» вышел на первый план, началась длительная полемика о норме и был запущен процесс ее грамматической и лексической кодификации. Итогом в сфере языка явилось новое соотношение сил между латынью и volgare. Возвышенная латынь как идеал языка утратила свое значение, она все более отдалялась от реальной жизненной практики и общественных нужд. Позиции народного, то есть литературного итальянского, языка, наоборот, окрепли. В. Ф. Шишмарев приводит в этой связи суждение итальянского лингвиста прошлого столетия Уго Канеллы: «Языком литературы не мог оставаться латинский, слишком универсальный в отношении своего территориального распространения, слишком узкий для социальных классов, которые могли бы им пользоваться. Латынь не могла заменить сотню областных итальянских volgari. Литературный язык должен был обладать популярностью диалекта и в то же время универсальностью латыни: он должен был быть итальянским языком» [4. С. 144]. Хотя мы не можем говорить о безоговорочном утверждении volgare, поскольку латынь все еще сохраняла некоторые позиции. Но на итальянский язык тогда смотрели как на язык современности, ролью которого было выразить содержание культуры новой эпохи и нового общества.

Установившийся в XIV в. литературный язык с тех пор почти не подвергся никаким изменениям в своем звуковом и формальном строе. В своем лексическом составе итальянский язык испытал немало воздействий со стороны латинского языка, бывшего всегда источником обогащения итальянского языка новыми элементами. В период своего формирования из вульгарной латыни итальянский воспринял ряд германских элементов из языка остготов и еще более лангобардов. Затем в XI–XII вв. в итальянский язык вошло значительное количество галлицизмов из старофранцузского. В XIII в. в литературном языке обнаруживается сицилийское влияние и усиливается латинское, которое достигает своего апогея в XIV–XV вв., когда гуманистически образованные писатели вносят в свой язык не только лексические элементы, но и синтаксические конструкции латинской речи. Со своей стороны, в период расцвета культуры торгового капитала и экономического преобладания Италии итальянский язык оказал влияние на все европейские языки, которое сказалось особенно в области торгового и банкового дела и искусства: архитектуры, живописи и музыки. Терминология этих областей до сих пор базируется на итальянском материале XV–XVI вв.

Список литературы

1. Евлампиева, А. Лингвистическая ситуация в Италии в XV–XVI вв. [Электронный ресурс]. URL: http://italiano-spb.ru/mondo/mondoarticles/situazione_linguistica_quattro_e_cinquecento/

2. Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступ. статья, комм. Л. М. Брагиной; пер. с итал. СПб., 2002. 377 с. (Серия «Библиотека ренессансной культуры»).

3. Фаис, О. Италия – колыбель Ренессанса [Электронный ресурс]. URL: http://www.senator.senat.org/italia.html. 2012.

4. Шишмарев, В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка, Ленинград, 1972.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 104–106.

И. В. Зубчинский

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФУТБОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ИТАЛЬЯНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются наиболее распространенные способы словообразования итальянского и испанского языков применительно к футбольной лексике.

Ключевые слова: *терминология, футбол, заимствования, деривация, вариация, метафора, англицизм*.

Футбол – командная спортивная игра с мячом на специальной площадке с воротами, ее цель – забить мяч ногами или любой другой частью тела, кроме рук, в ворота соперника. Подобная игра с мячом была известна в Китае еще во II в. до н. э. Однако появление футбола в его современном виде обязано спортивным играм Англии XIX в. Неслучайно поэтому английский язык является по большому счету источником заимствований спортивной и, в частности, футбольной лексики для многих языков. Футбол имеет огромное значение для любого социума: он развивает в человеке физические и коммуникативные способности, оказывает влияние на экономику, политику, культуру и, безусловно, на язык, его лексический состав. Несмотря на растущую популярность футбола на американском континенте, наиболее популярен футбол в Старом Свете и, в частности, в Испании и Италии.

В данной работе нас интересуют словообразовательные особенности футбольной лексики в итальянском и испанском языках в их современном состоянии развития. В качестве материала для исследования были взяты текстовые трансляции футбольного матча Ювентус – Реал Мадрид. Встреча была проведена в рамках группового турнира Лиги Чемпионов 2013/ 2014 и закончилась со счетом 2-2.

Как показал анализ, футбольная лексика пользуется всеми способами словообразования, типичными для общего фонда любого национального языка, включая внутренние ресурсы (морфологические и семантические изменения) и внешние источники (заимствования). В общей сложности было выделено 57 лексических единиц футбольной лексики. Из них: 26 на итальянском языке и 31 на испанском.

Как и ожидалось, наибольшее представительство имеют слова, образованные аффиксальным путем: 17 единиц в итальянском языке и 23 в испанском языках. Аффиксация является наиболее продуктивным способом словообразования. В рамках аффиксации суффиксация является основным способом деривации, ибо «…суффиксы оказываются в некотором смысле «наиболее прототипическими» аффиксами» [2. С. 90]. Анализ текстовых трансляций показал, что количество слов, образованных суффиксальным путем, более чем в два раза превосходит количество слов, образованных префиксальным путем. В итальянском языке соотношение получилось 11 к 5 и одно слово образовано префиксально-суффиксальным способом *(**ir**regolar**mente** – неровно)*. В испанском языке имеем соотношение 17 к 5, одно слово также образовано префиксально-суффиксальным путем *(**Pre**via**mente** – преждевременно)*.

Среди суффиксов особое внимание привлекают уменьшительные и увеличительные суффиксы. В частности, в рассматриваемых трансляциях четко прослеживается тенденция к использованию суффиксов превосходной степени с высокой эмоциональной окраской в испанском: *–ísimo (grav**ísimo*** – очень тяжелый, *important**ísimo*** – очень важный*) -azo (gol**azo*** – гол*)*. В трансляции на итальянском языке, напротив, суффиксы не имеют такой яркой эмоциональной коннотации: *-ino-* уменьшительный *(cartell**ino*** – карточка*) -one-* увеличительный *(travers**one*** – длинная передача*)*.

Другими суффиксами существительных футбольной лексики в испанском языке являются суффиксы ***-al, -ismo, -ista, -azo*** и так далее, например: ***portal*** (*ворота*), ***futbolista*** (*футболист*), ***delantero*** (*нападающий*)**,** ***lateral*** (*фланговый защитник*)**,** ***cabezazo*** (удар головой).

В итальянской футбольной лексике можно выделить следующие номинативные суффиксы: ***-iere, -ore, -etto*** и так далее, например: ***portiere*** (вратарь), ***tripletta*** (три гола, забитых одним игроком в одном матче), ***difensore*** (защитник), ***calciatore*** (футболист).

Наиболее распространенные префиксы в испанской футбольной лексике – ***anti-, contra-, des-***. Префиксы ***anti-*** и ***contra-*** отрицают значение основы, к которой добавляются, например: ***antifutbol*** означает манеру игры, при которой нападающий не проявляет большого желания забить гол; ***contraataque*** – ответная атака. Префикс ***des –*** имеет значение противоположности: ***desdoblar***–разворачивать/ ***doblar*** – сворачивать; ***desequilibrar*** – лишать равновесия/ ***equilibrar*** – уравновешивать. Префикс ***semi-*** означает половину чего-либо: ***semifinal*** – полуфинал. Префикс ***super-*** усиливают значение лексической единицы, к которой они присоединяются ***Supercopa*** – суперкубок.

В итальянском языке встречаются подобные префиксы: ***anti-, auto-, contro-***. Например, ***anticalcio*** – манера игры, при которой все силы команды брошены на оборонительный футбол, что не позволяет показывать интересный обоюдоострый футбол; ***controbalzo*** – техническое движение, которое состоит в том, чтобы ударить по мячу в момент его касания земли для выполнения более сильного удара. Префикс ***s*** имеет значение противоположности: ***smarcarsi*** – освободиться от опеки игрока противоположной команды. ***Semi-,*** как и в испанском языке, означает половину чего-либо: ***semirovesciata*** – *удар с полуоборота в прыжке*.

Еще одним распространенным способом словообразования в футбольной лексике является словосложение – морфологическое сложение двух и более корней. В испанской трансляции было обнаружено 4 слова: ***bocajarro*** *(в упор*), которое происходит от корней ***boca*** – *рот* и ***jarro*** – *кувшин*; ***centrocampista*** (*полузащитник)* от ***centro*** – *центр*, ***campo*** – *поле* и суффикс – ***ista***; ***guardameta*** *(вратарь*) ***guardar*** – *охранять* и ***meta*** – *ворота.*

В трансляции на итальянском языке встречаем слова, образованные таким путем: ***rasoterra*** (*над землей*) образовано благодаря слиянию слов ***raso*** – *вровень* и ***terra*** – *земля*; ***fuorigioco*** (вне игры) это сложение ***fuori*** – *вне* и ***gioco*** – *игра*; существительное ***bianconero*** (*черно-белый*), в котором происходит сложение прилагательных ***bianco*** – белый и ***nero*** – черный.

В итальянском языке появилась модель словосложения с формантом **– *opoli***, используемым, в основном, журналистами. Этот формант имеет значение скандала: ***tangentopoli*** *(Танджентополи* – скандал, связанный с взяточничеством в итальянском правительстве), ***bancopoli*** (*Банкополи* – финансовый скандал в Италии), ***cementopoli*** (*Цементополи* – скандал, связанный с незаконным строительством в Италии). Что касается футбольной лексики, то весь мир стал свидетелем скандала в итальянском футболе 2006 г., который получил название ***Calciopoli*** – *Кальчополи* – коррупционный скандал, связанный со взятками в футболе.

Большую роль в формировании испанской и итальянской футбольной лексики играют заимствования. В основном это заимствования из английского языка: ***cross*** – *кросс,* ***missile*** – *ракета* в итальянской трансляции и ***Champions*** – *Лига Чемпионов,* ***córner*** *– угловой удар*.

Примеры из испанской трансляции:

(1) «…con lo que se perdería también los tres partidos de la liguilla de la ***Champions League***» (*…может пропустить также три матча группового этапа Лиги Чемпионов*).

(2) «Los romanos llegaron a ganar por 3-1, pero un ***"hat trick"*** de Shevchenko…» (*Римляне выигрывали 3-1, но «хет-трик» Шевченко…*)

Футбольная лексика заимствуется испанцами также из итальянского языка. Например, катеначчо (***catenaccio***), тактическое построение, нацеленное на оборону, ***bianconeri*** (черно-белые – прозвище туринского «Ювентуса» из-за цвета формы):

(3) «El ***"catenaccio"*** diseñado por Cesare Maldini permitió controlar …» («*Катеначчо», выстроенное Чезаре Мальдини, позволило контролировать…*)

(4) «La noche más difícil para la ***"vecchia signora"*** de Turín» (*Самая тяжелая ночь для «старой синьоры» из Турина*).

Итальянизмы в испанской футбольной лексике занимают второе место после англицизмов среди общего числа заимствований [3. С. 164].

Большую роль в формировании футбольной лексики играют семантические изменения на основе сходства (метафора) и смежности (метонимия). Спортивное событие, а в нашем конкретном случае – футбольный матч, отождествляется с полем боя.

Тактические построения, атака, оборона, фланги – на футболе все как на войне:

схватка – ***contienda*** (исп.), ***scontro*** (ит.);

дуэль – ***duelo*** (исп.), ***duello*** (ит.);

бомбардир – ***pistolero*** (исп.), ***cannoniere*** (ит.).

В последнем случае легко выделяются основы слов – pistol (от pistol – *пистолет*) и cannon (от cannone – *артиллерийская пушка*). ***Bombear balones*** (исп.) – *закидывать мячи*. Глагол ***bom-***

bear определяется как ***arrojar o disparar bombas de artillería*** – *запускать или метать артиллерийские снаряды*. В данном случае речь идет о мячах.

Часто используются сравнения футбольного матча с чем-то таинственно-загробным: ***punto fatídico*** (исп.) – судьбоносная точка, зловещая точка (точка для исполнения прямого штрафного удара, пенальти, с одиннадцатиметровой отметки). Интересно, что подобных метафор для пенальти в итальянском языке не нашлось. ***Grupo de la muerte*** (исп.) и ***gruppo della morte*** (ит.) – *группа «смерти»*, то есть группа, состоящая из очень сильных команд-соперниц. ***Matar a pelota*** (исп.) – «*убить*» мяч, то есть очень хорошо его контролировать. Такая тематика семантического изменения превалирует в испанском языке.

В СМИ так же можно встретить метафоры, связанные с человеческим телом:

«Si sufren los ***culés***, qué no va a sufrir Joan Gaspart» (*Если страдают каталонцы, не пострадает Жоан Гаспар*).

Термин culé является синонимом barcelonista, то есть человек, который каким-либо образом причастен к футбольному клубу «Барселона». Болельщики «Барселоны» именуются ***culés*** потому что на старом стадионе, расположенном на улице Industría de Barcelona можно было увидеть с улицы ягодицы болельщиков [4. С. 62].

Футбольная лексика легко использует лексику тематической группы «строительство», например: ***construcción del juego*** (исп.) – *построение игры,* ***construir el ataque*** (исп.) – *строить атаку*.

Например: «…un trabajo acerca de la ***construcción táctica*** del sistema 1-3-4-3 en fútbol» (*работа о тактическом построении системы 1-3-4-3 (вратарь-три защитника-четыре полузащитника-три нападающих) в футболе*).

Costruire (ит.) ***costruire la barriera*** – *выстраивать «стенку»*. Например: «Per ***costruire il gioco*** in maniera efficace è opportuno muoversi negli spazi creati…» (*Для создания эффективной манеры игры, необходимо пользоваться созданным пространством*…).

Fabricar un gol (исп.) – *создать гол*; ***pared*** (исп.) и ***barriera*** (ит.) – «*стенка*», то есть защитное построение, призванное уменьшить площадь обстрела ворот; ***túnel*** (исп.) и ***tunnel*** (ит.) – «*тоннель*» техническое действие, при котором игрок одной команды обыгрывает игрока из другой команды, прокатывая мяч между ног соперника.

Примеры:

(1) «David Luiz le ***hace un túnel*** a Neymar durante entrenamiento**...»** (*Давид Луис пробросил мяч между ног Неймару во время тренировки…*).

(2) «Il ***tunnel*** è un gesto tecnico che solo i più grandi calciatori…» (*«Тоннель» – это технический прием, который только великие футболисты*…).

Сопоставление футбольной лексики в итальянском и испанском языках свидетельствует о том, что словообразование футбольной лексики в обоих романских языках происходит по одинаковым законам и принципам. Хотя, как показал анализ рассмотренных материалов на уровне синхронного среза, испанский язык кажется более активным и подвижным в плане образования новых лексических единиц в области футбольного дискурса.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение : учеб. пособие. Челябинск, 2008. 180 с.

2. Плунгян, В.А. Общая морфология: введение в проблематику : учеб. пособие. М., 2003. С. 85–120.

3. Antoni Nomdedeu Rull. Terminología del fútbol y diccionarios: elaboración de un diccionario de especialidad para el gran público. Barcelona, 2004. P. 775.

4. Freixa, J. Reconocimiento de unidades denominativas: incidencia de la variación en el reconocimiento de las unidades terminológicas. Barcelona, 2001. C. 57–65.

5. Nomdedeu y Márquez. Los anglicismos en la terminología del fútbol: motivaciones y consecuencias lingüísticas. León, 2001. 174 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 107–110.

А. Р. Копачева

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЕГО ПОЭТИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Исследуется языковая личность автора как важнейшая категория художественного текста, анализируются цветовые образы, порожденные восприятием поэта.

Ключевые слова: *языковая личность, цветовая метафора, лингвоцветовая картина мира, синестезия.*

В современной лингвистике не существуют единого термина, наиболее точно означающего понятие языковой личности: так, сосуществуют термины «человек говорящий», предложенный Н. Д. Арутюновой, «языковая личность», определенный Ю. Н. Карауловым и В. П. Тимофеевым, «речевая личность» (Ю. Е. Прохоров), «коммуникативная личность» (В. В. Красных) и так далее.

В. Е. Болдырев определяет языковую личность как понятие, призванное охарактеризовать сознание, мышление и деятельность человека во взаимосвязи с языком. Человек в первую очередь является языковой личностью – личностью, пользующейся языком и воплощенной в языке [1].

Ю. Н. Караулов уточняет, что ««языковая личность» – это понятие личности вообще, более углубленное, развитое и насыщенное дополнительным содержанием. Языковая личность выражается в языке и реконструируется в своих главных чертах посредством языка на базе языковых средств» [3].

В данной статье языковая личность будет рассматриваться нами не в конкретных ситуациях общения, а только в художественном – поэтическом – тексте, поэтому мы постараемся проанализировать не только язык личности, но и восприятие ею мира, художественные образы, порожденные данным восприятием.

Проблема изучения языковой личности автора в художественном тексте является одной из актуальных тенденций современного этапа развития языкознания.

Еще в середине XX в. академик Б. А. Ларин выдвинул идею о создании словаря писателя. Он видел в речи автора, актуализированной в художественном произведении, воплощение авторского мировоззрения, его убеждений.

Ю. Н. Караулов отмечает, что в образе автора объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения. Часто образ автора не призван в структуре художественного произведения, при этом он является не простым субъектом речи, а концентрированным воплощением сути произведения, «которое объединяет всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них является идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [3. С. 5].

Д. М. Поцепня предлагает исследовать авторское видение мира с учетом важнейших художественных идей в их словесной реализации, выявлять мотивы, их градации, ключевые слова, семантические поля эстетически эффективных слов, изучать соотнесенность с философскими и литературно-эстетическими веяниями эпохи.

Также следует уделять внимание анализу «образа языка» произведения, который включает в себя описание лексики цветообозначений, «цветописи» писателя, употребления автором системы характерных для него тропов, вовлеченных в образные контексты.

При этом необходимо учитывать и эмоциональный тон произведения, который предполагает характеристику эмоционально-оценочного компонента авторской картины мира [5].

Общепризнанным в лингвистике является тот факт, что время, пространство и цвет являются средствами реализации художественного произведения. Они могут быть выражены посредством метафор, метонимии и прочих стилистических средств.

Нам бы хотелось подробнее остановиться на рассмотрении цветового символизма поэтических текстов Поля Верлена как особой характеристики языковой личности данного автора.

Из проведенного нами анализа стихотворений мы сделали вывод, что пессимистическую философию символизма в полной мере отражает белый цвет, имеющий большую символи-

ческую насыщенность. Следует отметить, что чаще всего он выражен в текстах П. Верлена имплицитно, с помощью определенных характерных образов, которые благодаря явлению синестезии порождают ощущение белого цвета.

Так, наиболее часто встречающимися образами являются мертвенно-бледная, траурная луна, белизна молнии, разрезающей темно-коричневое небо во время урагана, как, например, в стихотворении «**Marine»,** («Марина»):

L'Océan sonore	Океан сурово
Palpite sous l'oeil	Бьет глухой волной
De **la lune en deuil**	Под **немой луной**, –
Et palpite encore...	Бьет волною снова...
…Tandis qu'un éclair	…В бурых небесах,
Brutal et sinistre	Злобный и могучий,
Fend le ciel de bistre	Разрезает тучи
D**'un long zigzag clair...**	**Молнии зигзаг...**

(*Пер. В. Брюсова*)

La lune en deuil (луна в трауре) несет в себе отрицательную коннотацию, ее холодный безжизненный белый свет – словно безмолвный свидетель разрушительного урагана.

Жестокий и зловещий отсвет молнии (...tandis qu'*un éclair* brutal et sinistre fend le ciel de bistre d'un *long zigzag clair*...) также несет неминуемую смерть всему живому.

В стихотворении «**Promenade sentimentale**» **(**«Сентиментальная прогулка»**)** мы встречаем еще один образ, довольно распространенный у символистов – белые лилии, похожие либо на утопленников, либо на призраки. Несмотря на то, что в тексте нет конкретного упоминания цвета, можно вполне четко представить цветовую картину, которую рисует автор символическими образами:

Le couchant *dardait* ses rayons suprêmes	*Пламенел* закат блеском горних слав,
Et le vent berçait l*es nénuphars blêmes* ;	И баюкал бриз *бледный ряд купав;*
Les grands n*énuphars* entre les roseaux	Крупные, они в камышах склоненных,
Tristement luisaient sur les calmes eaux.	Грустно ***промерцав***, стыли в водах сонных.
Moi j'errais tout seul, promenant ma plaie	Я бродил один, покорен тоске,
Au long de l'étang, parmi la saulaie	Вдоль пруда, один, в редком ивняке,
Où la **brume vague** évoquait un grand **Fantôme laiteux** se désespérant	Где вставал **туман**, где за мглою смутной В муке цепенел **призрак**
Et pleurant avec la voix des sarcelles	бесприютный
Qui se rappelaient en battant des ailes	И едва стонал стоном кулика,
Parmi la saulaie où j'errais tout seul	Что подругу звал, звал издалека
Promenant ma plaie ; et l'épais **linceul**	В редком ивняке, где в тоске бездомной
Des ténèbres vint noyer les suprêmes	Я бродил один, там, где **саван** темный
Rayons du couchant	Сумерек, **волной**
dans ses **ondes blêmes**	**блеклою** упав,
Et les **nénuphars**, parmi les roseaux,	Затопил собой пышность горних слав
Les grands nénuphars sur les calmes eaux.	И цветы **купав** в камышах склоненных, **Бледных тех купав**, стывших в водах сонных.

(*Пер. Г. Шенгели*)

Les nénuphars blêmes (бледные лилии), tristement luisaient (грустно бледнели), brume vague (волнистая дымка), fantôme laiteux (молочно-белый призрак), linceul (саван), ondes blêmes (бледные волны) создают белесый, лишенный цвета и жизни пейзаж, отсылают читателя к символам тоски, холода, вечного сна, смерти.

Аналогичны образы и в «**Clair de lune**» («Лунное сияние»)

...Tout en chantant sur le mode mineur	... И, воспевая на минорный тон
L'amour vainqueur et la vie opportune,	Восторг любви, сердцам любезный юным,
Ils n'ont pas l'air de croire à leur bonheur	Никто на самом деле не влюблен,
Et leur chanson se mêle au **clair de lune**,	И песня их слита с **сияньем лунным**,
Au **calme clair de lune triste et beau**,	**С печальным, нежным, что мечтать зовет**
Qui fait rêver les oiseaux dans les arbres	В широких кронах соловьев несмелых
Et sangloter d'extase les jets d'eau,	И сладко плакать учит водомет,
Les grands jets d'eau sveltes parmi **les marbres**.	Меж **мраморов колеблющийся белых**.

(*Пер. Г. Шенгели*)

Здесь даже восторг любви минорен, спокоен и вызывает тихую грусть, а мрамор сливается с печальным нежным светом луны и навевает мысли о надгробных плитах.

Те же мотивы прослеживаются в целом ряде стихотворений:

Pour elle seule, et les moiteurs de **mon front blême**, **(мой бледный лоб)**
Son regard est pareil au **regard des statues (ее взгляд подобен взгляду статуи)**, холодный, бесцветный, равнодушный.
«Mon rêve familier» («Моя привычная мечта»)

Tout suffocant
Et **blême**, quand (все душно и **бледно**...)
Sonne l'heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure...
«Chanson d'automne» («Осенняя песня»)

Dans **un brouillard** qui danse la prairie (**в тумане**)
S'endort **fumeuse**, et la grenouille crie **(в дымке)**
Par les joncs verts ou circule un frisson;
Et le zenith s'emplit de lueurs sourdes.
Blanche, Vénus émerge, et c'est la Nuit... **(белая Венера – Ночь)**
«L'heure du berger» («Час пастуха»)

Et, dans la splendeur triste **d'une lune (торжественная и мертвенно-бледная луна)**
Se levant blafarde et solennelle, une
Nuit mélancolique et lourde d'été,
Pleine de silence et d' obscurité...
«Le rossignol» («Соловей»)

Характерными для поэтических текстов Поля Верлена являются чаще всего не непосредственно цветообозначения, а цветовые образы, синестетические метафоры, имеющие в основном отрицательную коннотацию. Белый цвет, являющийся по своей сути нейтральным, символизирует здесь по большей части смерть, умирание, отсутствие ярких жизненных красок. Цветопись поэта, несомненно, отражает его языковую личность: холодная бледная безжизненная луна, безучастно взирающая на мертвенно-белесые пейзажи, белые цветы, похожие на утопленников, туманы, дымки, траурный мрамор, саван, призраки являются излюбленными цветовыми образами автора.

Однако следует отметить, что отрицательная коннотация не является абсолютной в поэзии Верлена. Так, у белого цвета появляется некоторое количество положительных коннотаций, например, в стихотворении «Beams»:

Beams

...Le soleil luisait haut dans le ciel calme et lisse,	... На тверди безоблачной небо сияло
Et dans ses **cheveux blonds** c'étaient des rayons d'or,	И **золотом рдело** в ее волосах, –
Si bien que nous suivions son pas plus calme encor	И тихо качалась она на волнах,
Que le déroulement des vagues, ô délice !	И море тихонько валы развивало.
Des **oiseaux blancs** volaient alentour mollement	Неспешные птицы вились далеко,
Et **des voiles** au loin s'inclinaient **toutes blanches**.	Вдали **паруса**, наклоняясь, **белели**,
Parfois de grands varechs filaient en longues branches,	Порой водоросли в воде зеленели, –
Nos pieds glissaient d'un pur et large mouvement.	Мы плыли уверенно так и легко.

(*Пер. Ф. Сологуба*)

Le soleil luisait haut dans le ciel calme et lisse,
Et **dans ses cheveux blonds** c'étaient des rayons d'or,
(солнце сверкало в ее светлых волосах)

Des oiseaux blancs volaient alentour mollement
Et **des voiles au loin s'inclinaient toutes blanches.**
(белые птицы летали вокруг белых парусов)

Данные образы не связаны с обычной для Верлена эстетикой смерти, наоборот, белый цвет дарит ощущения покоя и романтики, бесконечной свободы, с которыми ассоциируется летний отдых на берегу моря.

Совершенно иные образы мы видим в стихотворении **«Femme et chatte» (**«Женщина и кошка»**)**

Elle jouait avec sa chatte,	Играла с кошкою своей
Et c'était merveille de voir	Она, и длился вечер целый
La main blanche et la blanche patte	Прелестный в **смутностях теней**
S'ébattre dans **l'ombre du soir.**	**Бой белой ручки с лапкой белой.**
Elle cachait – la scélérate!	Шалила, – хитрая! – тая
Sous ces **mitaines de fil noir**	Под **кружевом перчаток черных**
Ses meurtriers ongles **d'agate**,	**Ногтей агатовых края,**
Coupants et **clairs** comme un rasoir.	Как бритва острых и проворных.
L'autre aussi faisait la sucrée	И та хитрила с госпожой,
Et rentrait **sa griffe acérée**,	Вбирая **коготь** свой **стальной**, –
Mais le diable n'y perdait rien...	Но дьявол не терял нимало;
Et dans le boudoir où, sonore,	И в будуаре, где, звеня,
Tintait son rire aérien,	Воздушный смех порхал, сверкало
Brillaient quatre points de phosphore.	**Четыре фосфорных огня.**

(*Пер. Г. Шенгели*)

La main blanche et la blanche patte (белая ручка женщины и белая кошачья лапка) рисуют, на первый взгляд, довольно милую картину: девушка играет с белой кошкой. Но на самом деле эта игра воспринимается как бой двух опасных хищниц; обе ласковы, прекрасны, грациозны и игривы, но прячут в «мягких лапках» смертоносные когти, стальные у кошки, проворные и острые, как бритва, у девушки. Читатель видит явную аллюзию образа женщины к образу очаровательной с виду кошечки, которая никогда не выпускает из когтей жертву и играет с ней, полуживой, оттачивая свое мастерство убийцы. За внешней красотой образов женщины и кошки прячутся хитрость и дьявольское начало, подчеркнутое метафорой «quatre points de phosphore», (четыре фосфорных огня), четыре светящихся в темноте глаза.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ специфических художественных цветовых образов поэта имеет особое значение для исследования языковой личности Поля Верлена, поскольку они характеризуются разнообразной эмоциональной окрашенностью и в них отражаются не только особенности авторского видения мира, но и эстетика символизма как философско-литературного течения в целом.

Список литературы

1. Болдырев, В. Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации : курс лекций. М., 2010. С. 95.

2. Верлен, П. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/WERLEN/stihi.txt_with-big-pictures.html.

3. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность : сб. ст. М., 1989. С. 3–11.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010. 264 с.

5. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя / С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словар. каб. им. Б. А. Ларина. СПб., 1997. 262 с.

6. Paul Verlain. Poesie [Электронный ресурс]. URL: http://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/poemes/paul_verlaine/paul_verlaine.html.

7. Popova, N. L'ambiguïté métaphorique des poèmes de Paul Verlaine // Ambiguité dans les discours et dans les arts. Toulouse, 2012. P. 181–190.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 111–113.

О. В. Косович

НЕЛОГИЧНОСТЬ/ ЛОГИЧНОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ ИННОВАЦИЙ/ НЕОЛОГИЗМОВ: НОВОЕ/ СТАРОЕ

Рассматриваются некоторые проблемы неологии. В частности, представлены разные точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов на основной объект этой науки – *неологизм* – и критерии его выделения как единицы. Характеризуется состояние изучения проблемы неологизации французского языка, анализируются разные подходы к исследованию *инновации*, определяется уровень формирования основных понятий, расскрываются когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации, которые детерминируют развитие лексико-семантической системы французского языка.

Ключевые слова: *неология, неологизм, новообразование, новация, инновация, неономинация*.

Лингвистика рассматривает язык как сложную динамическую систему, особенности, концепции развития которой подчиняются общим принципам диалектики. Самые активные процессы эволюции осуществляются, без сомнения, в области лексики, что в значительной мере объясняется достаточно высокой степенью внелингвистической детерминированности. При наличии разных форм, векторов изменений словарного состава языка процес неологизации называется основным в системе координат языка. Современная лингвистика ориентируется на активное исследование процессов развития языка, на глубокое, тщательное рассмотрение и анализ новых форм, новых слов, неологизмов. Одной из важнейших проблем неологии является вопрос определения принципов для разграничения неологизма и других видов инноваций, новообразований языка.

Основы отечественной неологии как науки о языковых инноваций были заложены академической лексикографией в XIX в. Также лексикографами впервые был затронут вопрос о новых единицах языка. Особенный вклад в формирование современных положений, теорий, принципов неологии сделали выдающиеся лингвисты: И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, В. И. Чернышёв. Таким образом, основы теории *нового слова* (*инновации*) были заложены в отечественном языкознании еще в первой половине XX в. Качественно новым этапом в решении вопросов лексикографического описания новых слов, неологизмов, как в теоретическом, так и в практическом плане, стали в мировой и в отечественной практике лексикографии XX в. специальные словари новых слов и значений. «С начала 70-х гг., когда почти одновременно были напечатаны близкие по характеру и объемами неологические словари русского, английского, французского языков, стало возможным говорить о появлении новой лексикографической специализации со своей теоретической базой»[1] .

При описании новых лексических единиц в современной лингвистике используется несколько близких по содержанию терминов: *неологизмы, инновации, новообразования*. У них разная внутренняя форма, что и демонстрирует их разное обозначение. Без сомнения, самым распространненым и самым употребляемым является термин – *неологизм*. Понятие *инновация* используют для обозначения новых явлений на всех языковых уровнях. Термин *новообразование* вследствие своей внутренней формы, то есть «новое образование» используется касательно любых инноваций разных языковых уровней или применительно к словообразовательным неологизмам – одной из групп новых номинативных единиц. Термин *неологизм* не является новым, но до сих пор не имеет однозначного определения. Поэтому одной из важных проблем неологии является постоянно изменяющееся восприятие понятия *неологизм*. На данном этапе существует несколько теорий/ подходов к определению специфики, особенностей, сущности неологизмов как языковых единиц. Среди таких теорий можем назвать следующие: лексикографическая, структурная, денотативная, конкретно-историческая. В соответствии с конкретно-исторической теорией, к неологизмам причисляем слова или словосочетания, которые используются в определенный период для обозначения нового или уже присутствующего понятия в новом значении и воспринимаются таковыми носителями языка. Именно такое определение неологизма присутствует

в Терминологической энциклопедии «Современная лингвистика» Е. Селивановой (2006), в «Новом энциклопедическом словаре» (2000), в «Новейшем словаре иностранных слов и словосочетаний» (2001), в работах французских лингвистов (Rey A., Pruvost J., Sablayrolles J.-F.). А. Г. Лыков подчеркивает, что «Генетическим стержнем и принципиальной основой понятия *неологизм* является качество новизны слова»[2]. В работе А. В. Калинина ощущение новизны, которым сопровождается восприятие нового слова, определяется единственным критерием обозначения неологизма. Е. В. Сенько повязывает признак новизны с хронологическим критерием. По ее мнению, общим для всех инноваций, в том числе неологизмов как их родового понятия, является «своеобразная маркированность временем, что вызывает некоторую необычность, свежесть на фоне обычных языковых форм, малоизвестность (или неизвестность) в широком употреблении»[3]. Следует отметить, что ощущение новизны в единице, которая появилась в языке, является психологически важным моментом для зачисления к неологизмам, поскольку эта характеристика всегда оставалась ключевой для неологии, а именно лексемы, которые владели такой чертой, и воспринимались как новые. Но все же данный критерий не может быть определяющим при выявлении сущности такого явления, как неологизм. Причин несколько. Во-первых, по мнению многих исследователей, понятие новизны до сих пор не имеет достаточной конкретизации и требует уточнений. Так, А. Г. Лыков считает, что при анализе этот признак «не дается в руки», потому что не может измеряться количеством и не имеет формализированных характеристик[4]. Во-вторых, ощущение новизны, которое возникает при восприятии языковой единицы, является очень субъективным, поскольку то, что одним людям кажется новым, для других носителей языка может оставатися обычным и поэтому субъективно известным, «старым». Исследователи даже попробовали определить степень и вид новизны единицы в зависимости от конкретного носителя языка и всего языкового коллектива в общем. В результате обнаружены три группы слов: 1) слова, новые по значению и для общего, и для индивидуального языка; такие единицы созданные заново, а не извлечены из памяти, такие слова воспринимаются как новые; 2) лексемы, новые для языкового коллектива, но известные для индивидуального, отдельного, специфического языка: арго, жаргона, сленга, просторечия и так далее; к этой группе принадлежат и индивидуально-авторские образования (окказионализмы); 3) слова, значения которых являются известными для общего языка, новыми для индивида.

Психолингвистическая теория наилучшим образом представлена в исследованиях ученых университета г. Тверь (Россия), особенно в работах С. И. Тогоевой, которая определяет неологизм как языковую единицу, не встречающуюся ранее в индивидуальном языковом опыте носителя языка[5]. Таким образом, внимание акцентируется на субъективной, индивидуальной новизне неологизма.

Что касается лексикографической концепции, эта теория является особенно распространенной в западной неологии и объясняет неологизм как слово, которое отсутствует в современных словарях, не зарегистрировано лексикографическими изданиями. Данную теорию поддерживают французские лексикологи, но при этом включают в словари и семантические неологизмы – зафиксированные словарями старые слова, значения которых изменились.

Денотативная концепция является самой распространенной концепцией неологизмов, новых слов, новообразований и так далее. Данная теория представлена в «Словаре лингвистических терминов» А. С. Ахмановой, в «Русской лексикографии» В. А. Козырева, В. Д. Черняка, во многих других работах. Согласно данной концепции, неологизм – это слово, которое обозначает новое явление (денотат, реалию) или понятие. Так, в последнем издании словарь неологизмов определяется как «тип словаря, в котором описываются слова или речевые обороты, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия»[6]. Действительно, самыми многочисленными среди неологизмов являются те, которые обозначают новые реалии и понятия. Недостаток данной концепции заключается в том, что не принимаются во внимание внутриязыковые причины появления неологизмов (стремление носителя языка к экспрессивности, экономии языковых усилий, создание по аналоги и так далее.) и то, что неологизмы способны обозначать разные по новизне явления, понятия.

Таким образом, *новое слово* – это также новое восприятие окружающей действительности, это зафиксированное в языке изменение картины мира в определенный период развития

общества. Современный процесс языкового развития показывает, что неологизм является явлением языка, которое охватывает все его уровни: фонетический, грамматический, стилистический. Неологизм может выступать не только как категория неологии и неографии (или больше – лексикологии и лексикографии), а и как сложное языковое и культурное явление. Исторически относительным является не только понятие *неологизм, новое слово, новообразование*, но и понятие *потенциальное слово, окказиональная лексема*. Так, существование разных определений основной единицы неологии – неологизма – определяет разные направления изучения этого явления: денотативный, социо- и психолингвистический, структурный, семантический и другие.

Примечания

[1] См.: Лыков, А. Г. Новые слова и словари новых слов / под. ред. Н. З. Котеловой. Л., 1978. С. 29.
[2] См.: Лыков, А. Г. Русское окказиональное слово : учеб. пособие. М., 1976. С. 99.
[3] См.: Сенько, Е. В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ, 1994. С. 22.
[4] См.: Лыков, А. Г. Русское окказиональное слово... М., 1976. С. 100.
[5] См.: Тогоева, С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации : монографія. Тверь, 2000. С. 88.
[6] См.: Козырев, В. А. Русская лексикография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. М., 2004. С. 69.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 113–118.

О. В. Мерзликина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПАНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

Рассматриваются структурные и семантические характеристики испанского молодежного жаргона, его особенности, среди которых можно выделить семантические сдвиги и переосмысления, метафорические номинации, иноязычные заимствования, использование дисфемизмов, усечения, неологизмы и обращения.

Ключевые слова: *молодежный жаргон, разговорный язык, язык молодежи, жаргонизмы*.

Язык молодежи можно определить как своего рода коллаж, что обусловлено разнообразием лингвистического материала, используемого для его создания: заимствования, семантические изменения и переосмысления, фонетические ассоциации, морфологические новообразования и так далее. Несмотря на то, что существуют определенные критерии для определения источников пополнения молодежного жаргона, практически невозможно охватить все его разнообразие.

Молодежный жаргон подчиняется общим принципам существования. Во-первых, это самый подвижный языковой пласт – поколения молодых людей меняются через каждые пять-девять лет, а вместе с ними изменяется и жаргон. «Модные» слова зачастую быстро забываются, но некоторые жаргонные слова и выражения могут употребляться на протяжении долгого времени. Затем они могут стать настолько известными, что выйдут за рамки данной социальной группы и войдут в состав общеупотребительной нейтральной лексики.

В настоящей статье молодежный *жаргон* определяется как определенное языковое явление, имеющие широкое распространение в молодежной среде. Его лексические единицы не используются для характеристики и наименования различных предметов и явлений, известных только узкому кругу специалистов (профессионализмы), не являются секретным кодом для того, чтобы исключить из разговора тех, кто не принадлежит к определенной группе и не используются только лишь в экспрессивно-негативной коммуникации как вульгаризмы. Языковые средства молодежного жаргона служат для наименования общеизвестных предметов и явлений и используются

молодежью для утверждения своей индивидуальности; с другой стороны, молодежный жаргон определяет также принадлежность к определенной социальной группе.

Стоит также отметить, что молодежный жаргон не является полностью однородным, а представляет собой набор языковых явлений, манеру речи, присущую широким кругам молодых людей, целью которых является проявление солидарности и принадлежности к определенной возрастной группе. Выбор тех или иных языковых средств зависит от мировоззрения определенного молодежного движения, от принадлежности к той или иной социальной группе, от коммуникативного контекста и так далее.

Поскольку, как уже указывалось, языковой состав молодежного жаргона достаточно разнороден, в данной статье мы не будем проводить различия между особенностями использования языковых средств различными кругами молодежи, а остановимся на рассмотрении тех языковых характеристик, для которых общим является такая социальная переменная, как возраст.

Большинство исследователей молодежного жаргона отмечает, что характерными чертами языка молодежи является его просторечие, неформальность, эмоциональная окраска, экспрессивность, живописность образов, богатство и неожиданность ассоциаций.

Исследуя испанский молодежный жаргон, в первую очередь, можно выделить смысловые сдвиги и переосмысления. Многие из жаргонных слов не были созданы специально, они уже существовали в языке с другими значениями как часть общеупотребительного языка. Примечательным в данном случае является то, что молодые люди обращают внимание на определенные связи и схожесть между предметами и явлениями, используя метафору или метонимию в качестве источника пополнения своего вокабуляра. Часто жаргонная лексика строится на аналогии с определенными животными или птицами. Метафорические наименования животных соединяют в себе и выражают две реальности – природу и человека – в одном образе. Они приписывают человеку этические, психологические и социальные характеристики поведения. Так, например, *catorra* в испанском молодежном жаргоне означает болтливого человека, а буквально данное слово означает «маленький попугай», то есть птица, которая умеет повторять за людьми их слова, не осознавая смысла этих слов и делает это постоянно, не умолкая.

Во многих случаях подобные метафорические номинации носят иронический оттенок: *operación gamba* (abordar a un hombre o una mujer feos pero con buen cuerpo y de ahí que se pueda aprovechar todo menos la cabeza, que es lo primero que se les quita a las gambas), *ir en zapatobús* (a pie), *salir de cacería* (a ligar), *estar colgado* (referido al amor o al vicio)[1], *lámparas, faroles* (ojos), *antenas, pantallas, sopladores* (orejas). Часто основой создания новых лексических единиц становится цветовая аналогия, как, например, *chocolate* y *mierda* (hachís). В других случаях целый ряд метафор основывается на одном образе-понятии. Как, например, в случае с тем, кто находится под воздействием наркотиков: *está en un viaje*, *está colocado* y sufre alucinaciones, es decir, *alucina*[2].

Характерной особенностью испанского молодежного жаргона является изменение регистра из эвфемизма в дисфемизм. В данном случае табуированная обществом лексика, являясь денотатом определенных предметов и явлений, имеет иной предмет референции, не имеющий отношения к объекту номинации[3]. Как отмечает Родригес Гонсалес, в этом выборе молодые люди не только избегают эвфемизма, но и намеренно ищут дисфемизм и любое слово, способствующее приданию речи уничижительного или же юмористического тона[2], несмотря на то, что у многих данных лексических единиц имеются эвфемизмы, как, например *jolín* вместо *joder*, и и так далее. Как следствие, подобные дисфемизмы выполняют двойную экспрессивную функцию: с одной стороны они передают эмоциональное состояние говорящего (раздражение или недовольство), с другой стороны, помогают идентифицироваться в компании, обозначить социальную группу, к которой принадлежит говорящий: *"**Estoy ya hasta los cojones** de ir a ver listas para que nunca salgan mis notas"*[4], *"... Es el puto Matanzo el que lo **jode** todo"*[5], *"Pero no os **descojonéis**"*[6].

Менее частотными, тем не менее, достаточно употребляемыми являются изменения значения лексических единиц, не основанных на семантических ассоциациях, такие как, например, следующие фонетические ассоциации: *soy vikingo porque no repito un domingo*, *soy berberecho porque solo me falta el estrecho*; или же интерпретация аббревиатур: *Adidas* (asociación de idiotas dispuestos a suicidarse/ suspender) o *PCE*, (pequeños cabreados y esparcidos).[7]

Испанский жаргонный вокабуляр активно пополняется за счет традиционных способов словообразования литературного языка, а именно аффиксального. На морфологическом уровне наиболее продуктивными являются лексические единицы, образованные с помощь суффиксов *-ado/ a*, *-ero, -ón,* которые во многих случаях имеют забавную и юмористическую коннотацию[8]: *alborotada* (mujer que le gusta demasiado a los muchachos), *hartada* (almuerzo) *y pintorrejiada* (muy maquillada), *chorrada* (bobada, tontería), *pasada, flipada* (algo sorprendente, excesivo), *monada* (persona o cosa atractiva y encantadora), *ennotado* (drogado), *tostado* (flaco); *cagadero* (retrete), *loquero* (psiquiatra), *fotero* (el que hace fotos)*, noviero* (novio), *motero* (motociclista), *bichón* (individuo alto), *rocón* (hombre soltero entrado en años), *ganchón* (nariz grande), *moscón* (el que molesta), *soplón* (individuo muy fumador) *y jodión* (persona molesta), *botellón*, *bajón, subidón.* В испаноязычном молодежном жаргоне также можно выделить существительные и прилагательные, образованные с помощь суффиксов *-ata*, *-eta*, *-ota*, *- ete*: *cubata, bugata, niñato, drogata*, *pegata, ordenata, drogata, rojata, sodata, jubilata, tocata*, *fumeta*, *porreta*, *pasmarota, pinchota, polvete, rollete.* Как утверждает Касадо Веларде, суффикс *-ata* является наиболее продуктивным в испанском молодежном жаргоне. Данный суффикс является характерным для преступного жаргона и, скорее всего, именно из данного жаргона он был заимствован молодежью[9].

Среди префиксального способа словообразования наиболее частым в языке молодежи является употребления суффикса *súper-*, который заменяет превосходную степень *muy + adjetivo o -ísimo*, как, например, в следующих словах: *superinteligente*, *superinteresante, superlargo, supergrande, supersimpático, superfeo*, и так далее.

Как отмечают Эрнандес Торибьо и Вигара Таусте, в испанском молодежном жаргоне также довольно часто можно встретить различные усечения, которые, как правило, являются выражением симпатии, непринужденности, близости собеседников и принадлежность к определенной группе[10]. В данном случае речь идет не об общеупотребительных сокращениях, характерных для разговорного языка вообще, таких как, например, *cole*, *bici*, *mili*, *tele*, *peli*, а о присущих исключительно молодежному жаргону: *anfeta*, *masoca*, *gasota*, *trapis*, *pasti* и образованных посредством агглютинации или элипсиса *finde* (fin de semana) y *buenri* (buen rollo), *hacer un* ***simpa***, (un **sin pa**gar – irse sin pagar de un restaurante), *munipa* (policía municipal).

Родригес Гонсалес[11] выделяет также еще одну характерную особенность испанского молодежного жаргона – его особую глагольную систему: большинство переходных и непереходных глаголов образуется с помощью окончания -ar и, кроме того, все глаголы испанского языка, образованные при помощи деривации, принимают форму первого спряжения: *jalar* (irse), *abombar* (rechazar), *chingar* (avergonzar, divertirse) *monchar* (comer), *pirarse* (irse), *despelucarse* (despeinarse), *putearse* (enojarse), *cabrearse* (enfadarse).

С другой стороны, испанскому молодежному жаргону присуще широкое употребление лексических заимствований, особенно из английского языка. Поскольку молодежный жаргон всегда воспринимает что-либо новое и популярное, большое количество транслитерированных, ассимилированных и даже переведенных слов в нем является естественным. Некоторые заимствования могли бы рассматриваться как денотативные или необходимые, поскольку они представляют собой слова, для которых нет лексических соответствий в испанском языке: *el videoclip, freaky, tunera.* Так, например, *freaky* происходит от английского *freak и* используется для номинации людей, имеющих экстравагантные, необычные увлечения, вкусы или одежду. Данный термин используется для характеристики тех людей, которые желают выделиться из толпы и поэтому привлекают внимание других своим странным и необычным поведением. В свою очередь, *tunera* происходит также от английского термина *tuning,* и также характеризует людей, которые носят экстравагантную или же выходящую за рамки общепринятого одежду по аналогии с тюнинговыми машинами.

Однако следует отметить и широкое употребление испанской молодежью иностранной лексики имеющий испанские эквиваленты: *family, money, luck, glamur, supermanes,* а также лексическую деривацию с помощью иностранных суффиксов, таких как *-ation, -ing ,-eitor*: *comunication, edredoning, nomineitor,* etc. Так, глагол *flipar (se)* и его производные *flipante, flipe, flipado* происходит от английского *flip* (ударить, повернуть, подбросить, встряхнуть) получила в Испании широкое распространение среди молодежи как синоним жаргонизма

alucinar, причем это значение было взято не из нормативного английского языка, а из молодежного жаргона, где *flip* означает потерять контроль[12]. Первое значение данного глагола DRAE определяет как «находиться под действием наркотиков», поэтому оно может обозначать удивление, неожиданность (por lo de alucinado) или же что-либо, что оказывается невероятным, неправдоподобным. Еще одно значение глагола *flipar* – нравиться: *"me flipan las motos"*.

Кроме иностранных заимствований, испанский молодежный жаргон характеризуется широким использованием неологизмов, качественных прилагательных, имен существительных, устойчивых словосочетаний, и, прежде всего, глаголов: *pallar* ('el móvil que marca mal'), *estar pallao* ('estar para allá'), *pajarse, pisonearse, echar la peta* (la bronca), *columpiarse, tirarse el folio, chinarse, quedar tuti, ansiarse*; *la dieta del cucurucho: comer poco y follar mucho* или же так называемых гибридных форм: *porfaplis, flipotear, person* (como personaje y no como persona)[13].

В области лексики и устойчивых словосочетаний интересным является их эмфатическое и гиперболическое употребление. К данной категории относятся имена прилагательные и наречные выражения, целью которых является интенсификация качества или количества. С целью усиления положительного акцента испаноязычная молодежь прибегает к использованию интенсифицирующих прилагательных и наречий (среди них есть множество терминов табу): *cojonudo*, *acojonante*, *molón*, *alucinante*, *de puta madre*, *mogollón*, *que te cagas*, *que te mueres*, *de la hostia*, *alucinante*, *flipante*, *guay*, *superguay*, *mazo*, *de cojones, súper*, *superfenomenal, a tope*, *un pasote*, *un huevo*, etc., такие выражения как: *estar guay*, *ser la hostia*, *ser la polla*: *"Menos mal que tengo una novia* ***cojonuda*** *con la que me voy a casar..."*[14], *"¿Has visto eso? Es* ***acojonante***" [15] *"...El juez detrás dándole luces pero el tío ahí, pasando* ***a tope***".[16] Некоторые интенсификаторы имеют отрицательную коннотацию: *una chorrada*, *chungo*, *puto*, *jodido*, *del carajo*, *de la hostia*, *de (la) mierda*, *ser un coñazo*, *ser una mierda: "Cada vez las cosas se ponen más* ***chungas****, "Venga, que el Herre y tu colega estarán ya* ***de mala hostia***",[17] *"Marta: Esto* ***es una mierda****. Me había salido bien, tía, te juro que me salió de puta madre"*[18].

В свою очередь, довольно употребительными являются глаголы *alucinar*, *flipar* у *molar*, из которых последний часто интенсифицируется: *mola mogollón*, *mola mazo*, *mola que te cagas* и др.: *"...porque mi viejo es vallecano, con c, como dice él, que lo de la k es de anteayer, y eso que a mí lo de la k me* ***mola un huevo****..."*[19].

Для того чтобы выразить абсолютное отрицание, в испанском молодежном жаргоне часто используются такие фразы, как: *ni de coña* о *ni a hostias*: *"Y tampoco te creas que me voy a poner a llorar, y a ir de pobre hombre por el mundo, porque es que para nada, pero* ***ni de coña****, vamos"*.[20]

Кроме различных типов фразеологических единиц, характерных для общеупотребительной разговорной речи, в испанском молодежном жаргоне используется большое количество только ему присущих фразеологизмов: *no comerse un rosco* (no conseguir algo, lo que se desea), *salir de cacería* (a ligar), *írsele la bola a alguien* (enloquecer, olvidar), *tener poca sesera, ser un panoli, tonto del culo, pringado* (persona con poca capacidad intelectual), *coger una mona, pillar un ciego* (una borrachera), *no tener ni chapa*, *no tener ni puta idea* (no saber nada), *estar hasta los cojones*, *estar hasta los mismísimos* (eufemismo), *estar hasta la bola*, *estar hasta el culo* (estar harto), *darse de hostias* (pegarse, pelearse), *ser un peñazo*, *ser un coñazo, ser un plasta* (persona que molesta o fastidia), *dar la coña* (molestar), *hincharle los cojones a alguien* (perder la paciencia), *estar pirado, estar mal del tarro, estar grillado* (persona que está loca), *mandar a tomar por culo* (frase de rechazo), *estar como un tren* (persona muy atractiva), *cortar el rollo* (cambiar, para el tema, la actividad), *ser tonto del culo* (bobo, necio), и и так далее.

Употребление ненормативной лексики и бранных слов, по мнению Родригеса Гонсалеса[21], всегда было довольно свойственным для разговорного испанского языка, прежде всего для мужчин, а в случае с молодежью данное явление становится более выразительным и широко используемым. Речь в данном случае идет о лексике и устойчивых выражениях сексуального характера: *cabrón*, *cabronazo*, *puta*, *mariconazo*, *joder*, *cojones*, *coño*, *culo*, *mierda*, *gilipollas*, *agilipollado* и так далее. Многие из этих лексических единиц подверглись процессу десемантизации и перешли в разговорный язык как обычные слова-паразиты или междометные выражения, которые воспринимаются как своего рода знаки проявления эмоционального состояния говорящего. Такие лексические единицы как *puto/a*, *coño*, *mierda*, *hostia*, *cojones*

могут вступать в различные синтагматические отношения: *¿dónde coño me has dejado? No sé cómo mierda se jodió el cable, pues si no compartes conmigo las cosas no sé qué cojones quieres que te diga"*[22], *"...y que cómo* ***cojones*** *se puede hacer así una revolución..."*[23], *"...que no sé a qué* ***coño*** *venían, aparte de a merendar por la patilla..."*[24], *"Jorge:* ***Joder****, si mangas algo por lo menos avisa"*.[25] Такие элементы, как *todo el puto día*, *qué puta mala suerte*, *es la puta verdad*, *una película cojonuda, una sala de puta madre, con la cara de mala hostia, es una resaca del carajo, de mierda, de los cojones*, также могут включаться в синтагму в качестве определения. Можно привести достаточное количества примеров такого употребления: *"Marta: ... Me había salido bien, tía, te juro que me salió* ***de puta madre****"*, *"Israel: Perdona, tía. Lo siento, perdóname. Soy un bocazas... No tengo ni* ***puta gracia****."*[25], *"...porque también las había feas, chicas que a lo mejor tenían un* ***cuerpo de la hostia****, pero la nariz demasiado grande o los dientes salidos para fuera..."*.[26]

Еще одним интересным аспектом молодежного жаргона является использование вокатива, например: *tronco*, *colega*, *tío, maricón, cabrón, chaval, chavalote* и и так далее, наиболее употребительным из которых является *tío/a.* В данном случае лексические единицы уничижительной оценки приобретают дружелюбный и доброжелательный характер: *"Israel: ¡Felicidades,* ***maricón****! ¡Cumples dieciocho! / Jorge: Vale,* ***tío****, que me salpicas", "Israel: ... Pero qué* ***maricón*** *que eres,* ***tronco****"*[25], *"...¡Qué rape te han dado,* ***colega****!"*[27]. В социолингвистических исследованиях подчеркивается некоторая разница в использовании вокатива в соответствии с сексуальной принадлежностью говорящих[28]. Так, согласно Молина[29], среди парней в качестве вокатива отмечается употребление зачастую оскорбительной по своей семантике лексики как маркера близости: *tío*, *macho*, *tronco*, *cabrón*, *colega*, *simpático*, *capullo*, *cabroncete*, для девушек, язык которых является более эмоциональным и которому чужды оскорбительные выражения, характеризующие дружественные отношения между мужчинами, наиболее употребляемыми вокативами являются доброжелательные по своей семантике лексические единицы, такие как: *tía, niña*, *maja*, *rica*, *guapa*, *mujer*, *preciosa.*

Таким образом, молодежь является наиболее продуктивной в создании современного жаргона социальной группой. Это объясняется тем, что молодые люди являются более открытыми и восприимчивыми к новым тенденциям, ко всему иностранному, к желанию выделиться среди сверстников, эпатировать, создавать особую атмосферу пренебрежительно-иронического, эмоционального, юмористического отношения к окружающей действительности, критическое, а иногда даже нигилистическое отношение к чему-то традиционному и устоявшемуся. Возникновение и функционирование молодежного жаргона определяется потребностью данной социально-демографической группы, главной характеристикой которой является переходный возраст, процесс становления личности, связанный с преодолением определенных противоречий.

Примечания

[1] См.: Herrera, C. El español de los jóvenes / C. Herrera, M. Manjavacas Ramírez, Y. Tejado // Donde dice... Boletín de la Fundación del Español Urgente. 2008. № 12. P. 15.

[2] См.: Rodríguez González, F. Lenguaje y contracultura juvenil: anatomía de una generación // Comunicación y lenguaje juvenil / F. Rodríguez González (coord.). 1989. P. 149.

[3] См.: Zimmer, T. El lenguaje estudiantil de Costa Rica: el disfemismo como medio de identificación // Káñina. 2004. Vol. 28, № 2. P. 165.

[4] Mañas, J. A. Historias del Kronen. Barcelona, 2006. P. 88.

[5] Там же. P. 91.

[6] Там же. P. 214.

[7] См.: Herrera, C. El español de los jóvenes... P. 13.

[8] См.: Rodríguez González, F. Lenguaje y contracultura juvenil... P. 97.

[9] См.: Casado Velarde, M. Léxico e ideología en le lengua juvenil // El lenguaje de los jóvenes / F. Rodríguez González (coord.). 2002. P. 169.

[10] Hernández Toribio, I. Lenguaje coloquial juvenil en la publicidad de radio y televisión / I. Hernández Toribio, A. M. Vigara Tauste // Revista de estudios de la juventud. 2007. № 78. P. 141–160.

[11] См.: Rodríguez González, F. Lenguaje y contracultura juvenil... P. 135–166.

[12] Монастырев, Б. Е. Прагмо-семантические особенности городских жаргонов испании и Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00011.pdf.

[13] Mañas, J. A. Historias del Kronen. Barcelona, 2006. P. 59.

[14] Herrera, C. El español de los jóvenes... P. 59.
[15] Там же. P. 155.
[16] Там же. P. 142.
[17] Там же. P. 140.
[18] Física II. Los mejores cortos del cine español [CD]. Vol. 7. Edición exclusiva Fnac, 2005.
[19] Grandes, A. Estaciones de paso. México, 2005. P. 7.
[20] Там же. P. 17.
[21] См.: Rodríguez González, F. Lenguaje y contracultura juvenil...
[22] См.: Herrero, G. Aspectos sintácticos del lenguaje juvenil // El lenguaje de los jóvenes / Rodríguez González, F. (coord.). 2002. P. 80.
[23] Grandes, A. Estaciones de paso. México, 2005. P. 124.
[24] Там же. P. 10.
[25] Física II. Los mejores cortos del cine español [Электронный ресурс]. Vol. 7. Edición exclusiva Fnac, 2005.
[26] Grandes, A. Estaciones de paso. México, 2005. P. 122.
[27] Mañas, J. A. Historias del Kronen. Barcelona, 2006. P. 201.
[28] См.: López García, A. Gramática / A. López García, R. Morant López. Madrid, 1988 ; Enajas, R. El vocativo amoroso en el lenguaje juvenil almeriense // Tonos Digital. 2004. № 7.
[29] См.: Molina Martos, I. Evolución de las fórmulas de tratamiento en la juventud madrileña a lo largo del siglo XX: un estudio en tiempo real // El lenguaje de los jóvenes / F. Rodríguez González (coord.). 2002. P. 97–122.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 118–122.

Н. Б. Попова

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИРОНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНСУА МАРИ ДЕ ВОЛЬТЕРА

Основные дискурсивные признаки культуры иронии, известные с античности, актуальны для передачи интенций во все времена и во многих сферах коммуникации. При этом замечено, что ирония особенно актуализируется на стыке разных идеологических, философских и эстетических направлений, когда критикуется старое и еще не полностью установлено новое. Именно поэтому материалом данного исследования послужило творчество великого французского философа и писателя эпохи Просвещения Вольтера, известного критика абсолютизма как одной из форм тоталитаризма.

Ключевые слова: *ироническая личность, дискурсивное иносказание, оксюморон, силлогизм, культура иронии*.

Ирония как способ общения широко используется и хорошо осознается носителями любого языка. При этом ирония оказывается достаточно странным способом общения с точки зрения основных правил коммуникации, ибо с позиции говорящего ироническое высказывание нарушает основные прагматические принципы и постулаты, а с позиции адресата ирония создает определенные трудности для интерпретации интенции говорящего. И, тем не менее, ирония широко употребляется для передачи интенций во многих сферах коммуникации: от повседневного общения до дискурсивных практик политического, юридического и, безусловно, художественного дискурсов.

Понятие дискурсивной практики вводится в научный обиход французским философом Мишелем Фуко [3. С. 117] и представляется нам наиболее приемлемым для анализа высказываний иронического типа любого объема: от простой реплики к высказыванию и целому повествованию, от эпизодической иронической интенции к общей манере говорящего. При этом ироническая манера говорящего или пишущего может характеризовать языковую личность в целом. Такой нам, в частности, представляется личность и художественное творчество Франсуа Мари Аруэ де Вольтера, французского писателя, философа, историка, одного из основоположников движения Просвещения.

Ирония – греческое слово, означающее «я говорю» (eironeia), получившее в дальнейшем оттенок неискренности, притворства, неприятия и осмеяния чего-либо, облекаемого в притворную форму согласия или одобрения. Как известно, ирония существовала всегда, в ее основе лежит дискурсивная практика межличностной коммуникации, связанной с разными видами притворного, противоречивого и критически-комического в разной степени их интенсивности.

Основные дискурсивные признаки культуры иронии известны с античности. Это ирония Сократа в форме сомнения для обнаружения истины, ирония Аристотеля в форме риторического приема, ирония античных мудрецов, при которой внешне игнорируются враждебные намерения противника с целью их нейтрализации. Чисто формально ирония основана на иносказании, когда истинным смыслом высказывания оказывается не прямо выраженный, а противоположный ему подразумеваемый смысл. Нетрудно заметить, что ирония актуализируется на стыке разных идеологических, философских и эстетических направлений, когда критикуется старое и еще не полностью установлено новое. Именно к такому периоду относится художественное и философское творчество Франсуа Мари Аруэ де Вольтера. Это период начала XVIII в., период Нового времени и просветительского движения во Франции, когда сатира и ирония становится основой критики абсолютизма, когда ирония практикуется в различных формах и получает свое дальнейшее развитие.

Иронией пользуются практически все французские философы-просветители, критикующие социальную несправедливость и религиозные предрассудки своего времени: Вольтер, Монтескье, Лесаж, Мариво, Дидро. Французские просветители были людьми революционными, их деятельность носила явную политическую окраску, была направлена против средневекового мракобесия и отвечала интересам народных масс. Особенно активную просветительскую деятельность вел Вольтер. Его смелая и остроумная мысль беспощадно разоблачала деспотизм и все отжившие догмы старого строя. Его смех помогал освобождаться от суеверий и предрассудков прошлого.

По своему происхождению Вольтер принадлежал к буржуазной верхушке третьего сословия. Его отец и мать были родом из Пуату, мать – дворянка, отец занимался торговлей, позже стал нотариусом Парижской судебной палаты, 21 ноября 1694 г. у них родился сын: Франсуа Мари Аруэ де Вольтер. Первые шаги по жизни молодого Вольтера проходили в светских салонах и кружках вольнодумцев, в которых поэтические опыты, философское свободомыслие и острословие переплетались с модной тогда эпикурейской и эротической тематикой. Вольтер был свидетелем последних лет правления Людовика XIV, долгое царствование которого охватило и расцвет, и упадок абсолютизма.

Исторический контекст искусства вольтеровской иронии в его эстетическом, стилевом и формально-поэтическом выражении находилось под естественным влиянием классицизма. Вольтер высоко ценил искусство Расина и стремился применить его драматургические приемы для пропаганды просветительных идей: он пишет трагедии на античные сюжеты, взятые из греческих мифов и римской истории. Однако, по мнению философа, любовь занимает в трагедиях Расина слишком большое место. Черпая сюжеты из истории античности, Вольтер отступает от правил классицизма, доведенных Расином до совершенства: философ-просветитель пишет трагедии без любви, заменяет статический диалог действием, выступает против разграничения жанров, вводит в обыденные семейные и житейские отношения серьезную и гражданственную патетику. Образцом такого типа пьесы является «Нанина, или Побежденный предрассудок» («Nanine, ou Le Préjugé vaincu», 1749), «Шотландка» («L'Écossaise», 1760), в которых Вольтер отказывается также и от стихотворной формы, переходя к прозе. Вольтер написал 52 пьесы, из них 21 трагедию, создав глубоко идейную драматургию, проникнутую пафосом Просвещения. Среди пьес Вольтера, относящихся к раннему периоду его творчества, наиболее значительны трагедии «Брут» («Brutus», 1730), «Смерть Цезаря» («La Mort de César», 1736), «Заира» («Zaïre», 1732), «Магомет» («Mahomet», 1748), «Меропа» («Мегоре», 1743). Обращение к римской истории служило Вольтеру материалом для пропаганды республиканских идей, для разоблачения политической тирании. При этом техника классицизма придавала просветительским и республиканским идеям Вольтера определенное величие.

Особым успехом пользовалось шуточная поэма «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1735). Образцом для нее послужили поэмы итальянского Возрождения, а также

национальная французская традиция, исходящая от Рабле и Лафонтена. Поэма Вольтера построена свободно и прихотливо, в ней развивается несколько сюжетных линий. Одна из них – это история самой Жанны д' Арк. Рисуя в ряде ироничных эпизодов борьбу французов с английскими захватчиками, Вольтер пародирует церковную легенду, согласно которой Жанна способна совершить свой подвиг, только сохранив невинность. Ей постоянно приходится оберегать свою честь от покушений на нее различных мужчин. Причудливые похождения героев превращают ироническую поэму в сатиру на всю средневековую Францию: на короля, на придворных, на феодальных вояк и на духовенство. Монахи и попы выступают в поэме как люди грубые, а церковный суд, инквизиция – как грязное, человеконенавистническое учреждение. Осмеивает Вольтер и библейские чудеса. Одним из подобных эпизодов выступает изображение «рая дураков», в котором автор собрал религиозных фанатиков и плутов всех мастей: иезуитов, янсенистов, инквизиторов, ученых и докторов богословия. Не случайно «Орлеанская девственница» была объявлена критиками «кощунственным» произведением. При этом заметим, что ироническое содержание поэмы, которое передано в плане сюжетной композиции на первый взгляд достаточно хаотично, облечено с точки зрения стиля в форму образцового высокого классицизма.

Заметим также, что жанры, к которым обращается Вольтер как поэт, – это чисто классические жанры, распространенные при дворе XVII в.: мадригалы, послания, эпиграммы, которые превращаются у Вольтера в просветительскую философскую поэзию. Однако остроумие, шутливая ирония и трезвый взгляд на мир – эти новые качества коренным образом меняют содержание поэтических жанров классицизма XVII в.. Поэтическая мысль Вольтера, гибкая, живая и острая, пестрит множеством оттенков, отражает различные стороны жизни: любовь и дружбу, радости и наслаждения, а его острая эпиграмма высмеивает религиозные предрассудки, осуждает мрачные стороны феодального общества.

Оригинальность и сила Вольтеровской иронии наиболее ярко проявляется в созданном им новом прозаическом жанре философской повести, жанре, который при дословном переводе с французского языка звучит как философские сказки (contes philosophiques). Вольтер написал несколько философских повестей-сказок различно характера, ставших шедеврами: «Задиг, или Судьба» («Zadig, ou La Destinée») «Микромегас» («Micromegas»), «Кандид, или Оптимизм» («Candid, ou L'Optimisme», 1759), «Простак» («L'Ingénu», 1767) и др.

«Кандид, или Оптимизм» – наиболее интересная и глубокая из философских повестей-сказок Вольтера. Как и другие его философские повести, это своеобразное произведение, непохожее на то, что обычно связывается с понятиями «повесть» или «сказка», ибо Вольтер ставит перед собой задачу опровергнуть лживые, по его мнению, философские тезисы и представить свои взгляды на общественную современную ему жизнь.

Так, в повести-сказке «Кандид, или Оптимизм» Вольтер опровергает теорию «предустановленной гармонии», которую он сам сначала разделял. Это теория, согласно которой зло временно и преходяще, а совершенство вечно. Все, что происходит в мире, ведет к лучшему и к общему благу. Такая философия способствовала примирению с существующими феодальными отношениями, против которых выступает Вольтер, которые он критикует в своей ироническое манере «дискурсивного иносказания».

Действующие лица повести не являются характерами в собственном смысле этого слова. Они напоминают персонажей театра марионеток как условные фигуры, введенные для того, чтобы проиллюстрировать ту или другую философскую мысль. Главного героя повести зовут Кандид, что значит «простосердечный», а его наставника – Панглосс, что означает «всезнающий». Такими же условными персонажами являются и другие действующие лица повести, например, мрачный философ Мартен, который полагает, что в мире торжествует зло, или старуха, пережившая бесконечное множество несчастий. Сюжет повести тоже носит условный, далекий от правдоподобия характер.

Повесть Вольтера построена по типу романов-превратностей, описывающих приключения и скитания влюбленных со счастливым концом в финале. Условный сюжет повести помогает Вольтеру дать сатирически заостренное изображение разных сторон действительности. Герой повести Кандид жил в замке в Вестфалии, где его наставник Панглос учил молодого человека тому, что все в мире устроено разумно, что все происходящее ведет к лучшему, а сам существующий мир есть лучший из миров. Однако то, что происходит в дальнейшем с Кандидом, с его возлюбленной и самим Пан-

глоссом, наглядно опровергает теорию оптимизма. Каждый эпизод повести доказывает, что мир не развивается по законам гармонии. Жестокие феодальные войны, ужасы инквизиции, болезни, против которых нет лекарств, стихийные бедствия, вроде землетрясения в Лиссабоне, не оставляют сомнения в том, что в мире все устроено наихудшим образом.

Кандид объехал множество стран: он побывал в Португалии, Новом Свете, Франции, Италии, Турции. Как ни разнообразны внешние формы, в которые облекается жизнь в этих странах, он видит, что повсюду царят глупость, религиозный фанатизм, откровенное корыстолюбие. Вольтер делает попытку нарисовать в «Кандиде» и положительный идеал общественного устройства. Речь идет о легендарной стране Эльдорадо: в ней золотом играют дети, в ней нет священников, нет тюрем, в ней процветают науки. Король в этой стране изображен как остроумный собеседник, он прост в обращении, благожелателен. Однако писатель снова возвращает читателя к реальности. В конце повести-сказки его герой Кандид все-таки находит свою возлюбленную, которая после пережитого стала уродливой и сварливой женщиной. Тем не менее, герой повести-сказки женится на ней, чтобы вместе «возделывать свой сад».

Горечь, которая чувствуется в финале повести, свидетельствует о том, что Вольтер не примирился. То отстранение от общественной жизни, к которому пришли его герои, не отвечает истинным устремлениям самого писателя и философа. Возделывать свой сад – значит, по мнению Вольтера, выполнять свои обязанности, как бы скромны они ни были, трудиться для будущего. Едкая и злая ирония писателя на протяжении всей повести становится снисходительной, теплой и светлой. Это ирония примирения и принятия жизни такой, какова она есть.

Как видим, ирония Вольтера в самых разнообразных ее проявлениях – это ирония изменчивая и ситуативная, которой вполне подходит термин дискурсивной практики. Дискурсивные практики иронии показывают, что она способна стилистически окрашивать идеи, образы, композицию, различные языковые уровни речевого высказывания. Стилистический анализ конкретного текста, высказывания, конкретной языковой и/ или внелингвистической ситуации, конкретного персонажа предметно и наглядно способен продемонстрировать такое не всегда явное и, безусловно, сложное явление, как ирония.

Приведем некоторые собственно языковые примеры из философской повести «Кандид». Наиболее едкая ирония окрашивает образ педагога-философа Панглосса, представляющего в «Кандиде» враждебную Вольтеру философскую позицию, этот персонаж пародируется автором на протяжении всей повести. Теологические аргументации Панглосса – это типичные по форме антифразиса ироничные высказывания: они противоречивы по ситуации, по тематике, по структуре, по логике. По содержанию Панглосс просто несет околесицу, которая облечена в форму торжественно-философского сложного стиля.

Так, **в эпизоде беседы с жителями Лиссабона** Панглосс философствует следующим образом: «… *car*, dit-il, tout *ceci* est *ce* qu'*il y a* de mieux; car, s'*il y a* un volcan a Lisbonne, *il ne p*ouvait etre ailleurs; car *il est impossible* que les choses ne soient pas ou elles sont; *car* tout est bien». («*… так как все это к лучшему, ибо, если в Лиссабоне есть вулкан, то он не мог бы быть в другом месте, так как невозможно, чтобы предметы находились не там, где они находятся, так как все хорошо*»).

В данном отрывке отметим нелогическое употребление подчинительного союза *car*, нагромождение неопределенных местоимений и безличных оборотов *il y a*, *il est impossible*, *il ne* pouvait etre ailleurs, употребление абстрактных существительных и обобщающих местоимений.

При всем отсутствии содержания своих речей Панглосс окрашивает их философскими формулами типа «*mêmes causes, mêmes effets*», лексикой ученых трудов «*la raison suffisante de ce phenomène*», «*… je soutiens que la chose est démontrée*».

Показателен с точки зрения использования приемов иронии рубленый стиль самого автора в следующей фразе, повествующей одновременно и о рассуждениях Панглосса, и о землетрясении в Лиссабоне, и о гибели судна, и о спасении трех человек (Панглосса, Кандида и бандита-моряка):

«Tandis qu'il le prouvait a p r i o r i, le vaisseau s'entrouvre, tout périt à la réserve de Pangloss, de Cadide, et de ce brutal de matelot qui avait noyé le **vertueux anabaptiste; le coquin nagea heureu**sement jusqu'au rivage, où Pangloss et Candide furent portés sur une planche» (*В то время как Панглосс это доказывал a p r i o r i, корабль разверзается, все гибнет за исключением Панглосса, Кандида и этого моряка-животного, который утопил доблестного анабаптиста;*

мерзавец доплыл благополучно до берега, до которого Панглосс и Кандид добрались на обломке корабля).

В этой фразе, которую Ф. Брюно мог бы назвать «периодом рубленого стиля» [4. С. 1980], происходит такое нагромождение действий, что она производит впечатление комической гиперболизации, если еще учесть предыдущую картину: Панглосс противопоставляет реальной ситуации землетрясения свои абстрактные рассуждения, матрос радостно кричит, что пограбит вволю, а Кандид восклицает, что настал конца света.

Такое нагромождение дискурсивных практик иронии – это стиль творческой личности Вольтера. Опираясь на классицистический стиль, Вольтер проигрывает и нарушает его на разных лингвистических уровнях, высмеивая тем самым устаревшие догмы феодального общества и средневекового духовенства, наукообразие и философствование их представителей, которым в принципе нечего сказать.

Приведем еще одно авторское ироничное описание суровой реальности салонными перифразами уходящей эстетики классицизма. Это описание тюремных камер, лишенных света, куда были брошены герои повести Панглосс и Кандид: «des appartements d'une extrême fraîcheur, dans lesquels on n'était jamais incommodé du soleil» (*апартаменты чрезвычайной свежести, в которых никто никогда не чувствовал дискомфорта от солнечного света*). Номинативная перифраза *des appartements d'une extrême fraîcheur* означает сырое промозглое помещение тюремных камер, а вербальная перифраза «ne jamais être incommodé du soleil» указывает на то, что в это сырое помещение не попадает ни один лучик солнечного света. При этом первая часть перифразы явно воспринимается как тезис в духе картезианского силлогизма (установление факта), а вторая – как его антитезис (парадоксальное отрицание отрицательного смысла). Таким образом, и лексический, и синтаксический уровни небольшого отрезка дискурсивной ситуации только на языковом уровне красноречиво говорят об ироническом характере языковой личности Вольтера.

Средства иронии, которыми пользуется Вольтер, многообразны, они пронизывают все языковые и художественные уровни произведения: лексику, фразеологию, морфологию, синтаксис, уровень сюжета и персонажей. Объединяя все фрагменты проявления иронии общим названием дискурсивной практики иронии, мы тем самым попытались представить «лабораторию иронической личности» Вольтера, которая, безусловно, требует специального глубокого изучения.

Список литературы

1. Можейко, М. А. Ирония // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М., 2002. С. 324–326.

2. Попова, Н. Б. Языковая личность в ироническом дискурсе // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь, 2007. С. 238–243.

3. Фуко, М. Археология знания. Киев, 1996. 208 с.

4. Brunot, F. Histoire de la langue française. Paris, 1933. VI, 2. P. 1983–1984.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 122–125.

Т. А. Синеева

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Освещены актуальные проблемы манипулирования индивидуальным и массовым сознанием посредством СМИ. Суггестия является компонентом повседневной коммуникации, но может выступать и как специально организованный вид воздействия. Комплексный характер реализации суггестивных стратегий свидетельствует о высоком уровне развития технологий влияния на формирование общественного мнения в современных средствах массовой информации.

Ключевые слова: *медийный дискурс, предвыборный дискурс, средства вербального воздействия, средства массовой коммуникации, манипулятивные технологии, суггестия.*

Отношение человека к средствам массовой коммуникации основывается на возможности развиваться интеллектуально и нравственно, пользуясь возможностью порождения, хранения и передачи информации. За последние десятилетия природа масс-медиа мутировала в манипулятивную, придавшую медиареальности новое измерение.

В рамках настоящего исследования мы подробно рассматриваем основные элементы французского медийного дискурса как некой модели целенаправленного речевого воздействия, характеризуя когнитивные и дискурсивные параметры манипуляции. Суггестия является компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, формируемый при помощи вербальных и невербальных средств [8. С. 26].

Наш научный интерес сфокусирован на изучении суггестивных стратегий, использованных средствами массовой информации в период ведения предвыборной борьбы за пост президента Франции. Материалом для исследования послужили статьи и репортажи соответствующей тематики (208 страниц и 78 минут аудио).

Президентские выборы прошли 22 апреля (1 тур) и 6 мая (2 тур) 2012 г. Первичные партийные выборы по выдвижению кандидатов состоялись во Франции с января по октябрь 2011 г.

По результатам первого тура выборов определились лидеры: Франсуа Олланд, набравший 28,63 % голосов, и действовавший на тот момент президент Николя Саркози, набравший 27,18 %.

Во втором туре президентом страны был избран Ф. Олланд. Эти выборы стали вторыми за историю Франции, когда на высший государственный пост взошел социалист, и вторыми, которые проиграл действующий президент.

Согласно мнению политологов, истинной причиной, по которой Франция фактически возглавила международную военную операцию в Ливии, являлось стремление Н. Саркози спасти свой рейтинг, который незадолго до выборов достиг низшей точки. Стоит признать, что президент действительно удивил многих экспертов своим желанием защитить ливийских мятежников. Образ героя помог бы дополнить визит Н. Саркози на аварийную японскую АЭС «Фукусима-1», разрушенную цунами в марте 2011 г. – французам, безусловно, импонирует, когда их президент ведет себя как политический деятель, влияющий на судьбы мира. Лояльные к Н. Саркози источники информации активно принялись транслировать программу реализации «наполеоновских планов».

«Le président français Nicolas Sarkozy, lors d'une conférence de presse dans la nuit de jeudi à vendredi en marge d'un sommet européen à Bruxelles, a justifié l'intervention militaire en Libye en soulignant qu'elle avait «évité des milliers et des milliers de morts» [L'Express, 24.03.2011].

На уровне синтаксиса нами выявлено, что в материалах французских СМИ одна и та же смысловая основа может быть развернута в текст, и в незначительный фрагмент текста, и в отдельное предложение. Суггестия функционирует в смысловых формах безотносительно к их объему. Это отвлеченные образцы, структурные схемы, лексически заполненные лишь частично, повторяющиеся от текста к тексту. Выбор синтаксической конструкции способен, в частности, менять точку зрения, включать или не включать в фокус внимания тех или иных участников ситуации и тем самым достигать того же суггестивного эффекта – или, напротив, избегать его [5. С. 55–73].

Использование сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, загруженных вводными конструкциями, причастными и деепричастными оборотами, притупляет внимание. Утомленный избытком информации реципиент теряет способность трезво оценивать предъявленные факты, увязая в обилии незначительных деталей. Внезапные переключения планов повествования приводят сознание в еще большее замешательство:

«Le président français n'a jamais brillé pour son attachement à l'archipel nippon, qui aurait certainement apprécié un peu plus de considération. Depuis son élection en 2007, il n'y est venu que deux fois, en 2008 pour le sommet du G8 d'Hokkaido et ce 31 mars à Tokyo pour transmettre au premier ministre Naoto Kan un message de soutien et de solidarité après la catastrophe du 11 mars, un message adressé par la France, l'Europe mais également le G20 qu'il préside» [L'Express, 31.03.2011].

Особая усложненность синтаксиса может быть средством сознательного фильтра адресатов, отделяя «своих» от «чужих».

«Le 6 avril, lors d'un meeting à Caen, Nicolas Sarkozy avait évoqué de nouveau Fukushima en ironisant sur les projets de François Hollande

concernant le nucléaire s'il était élu. Il avait fustigé la volonté du candidat PS de fermer la centrale de Fessenheim en Alsace, faisant valoir que le site ne risquait pourtant pas d'être exposé à un tsunami. Avant d'arriver à sa conclusion, Nicolas Sarkozy avait affirmé: «Avec Nathalie Kosciusko-Morizet nous avons été à Fukushima, apparemment François Hollande non. Parce que s'il avait été à Fukushima se renseigner, il se serait rendu compte que ce qui s'est passé à Fukushima, c'est d'abord un tremblement de terre, ensuite un tsunami extravagant» [Le Figaro, 14.04.2012].

Год спустя после поездки в Японию окажется, что процитированное выше заявление Н. Саркози, растиражированное медийными средствами, является вымыслом. Досадное недоразумение, вскрывшееся накануне проведения решающего тура выборов, окончательно подорвало репутацию политического лидера и дало повод для иронии со стороны основного оппонента.

Что касается Ф. Олланда, то оценка его предвыборной кампании находилась в зависимости от политических предпочтений того или иного издания. Так, например, прокоммунистическая «L'Humanité» опубликовала материал под заголовком «Президентские выборы: 9 причин проголосовать за Олланда» («Présidentielle: les neuf raisons de voter Hollande») [L'Humanité, 04.05.2012], в котором открыто агитировала за избрание нового президента.

«Le Parisien» представила предвыборную речь Ф. Олланда в музыкальных терминах, используя развернутую метафору:

«Le candidat du PS à la présidentielle devait à la fois se dévoiler aux Français, se raconter et livrer sa «vision» pour le pays. Surprenant son auditoire et les observateurs, il a livré plusieurs éléments de son programme. Les *ténors* socialistes étaient là pour l'applaudir, comme l'ancien Premier ministre Lionel Jospin, les patrons des fédérations départementales et de nombreux invités. Parmi ces derniers, Yannick Noah, qui *a chauffé la salle* avant le discours du candidat…» [Le Parisien, 23.01.2012].

В медийном дискурсе высоким суггестивным потенциалом обладает лексика: при кодировании текста фиксируются ключевые слова, отражающие тему и предмет сообщения. В процессе анализа в тексте выделяются особые группы лексических единиц: одна их часть – нейтральная лексика – имеет отношение к теме текста; другая часть – прагматически маркированная лексика – соотносится с планируемым результатом внушающего воздействия (события, реакция властей и народа).

Прагматическую функцию наилучшим образом выполняют лексические единицы, способные вызвать у адресата речи эмоциональный отклик. Регулятивной способностью обладает и лексика, производящая особое эстетическое впечатление, так как на его основе воздействие осуществляется более эффективно.

«Dans ce discours, Hollande s'en était notamment pris au «monde de la finance» dans des termes assez *virulents*, qui avaient surpris de nombreux observateurs» [Quoi.info, 22.01.2012].

Как отмечают французские издания, обращения к избирателям Франсуа Олланда стремительны и патриотичны. Он обещает вернуть Франции равенство во всех его проявлениях. Он, бесспорно, обращается к прошлому, перечисляя при этом победы и заслуги своего государства. В то время как Николя Саркози дает понять электорату, что наступает поворотный момент в истории Франции. Однако не совсем удачной, на наш взгляд, стала манера преподнесения информации. Н. Саркози много говорит о неудачах, выпавших на долю Франции, при этом умалчивает о достижениях, словно подтверждая мысль своего противника о деградации Республики за последние годы.

Анализ лексической организации текстов позволяет сделать вывод о том, что информационно-тематические материалы эмоционально насыщены: нейтральная лексика представлена 38 %. Экспрессивно маркированная лексика составляет, как правило, весомую часть в структуре текста, соединяющего в себе когнитивную информацию и убеждение; ее позитивный или негативный характер зависит от позиции автора. Наше исследование показало, что отрицательным эмоционально-оценочным вектором характеризуются 43 % лексических единиц, положительным – 19 %.

Следовательно, современный человек погружен не только в информационную, но и в эмоциональную среду, во многом формируемую средствами массовой коммуникации. Наше настроение в значительной степени определяется как тематикой, так и стилистикой газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов.

Сообщения СМИ о явлениях и событиях, подаваемых, как правило, сенсационно, порождают у читателей/ слушателей/ зрителей страх перед нарушением привычного хода вещей и беспокойство за свое будущее, форми-

руя таким образом негативные установки в отношении окружающего мира.

Комплексный характер реализации суггестии во французском медийном дискурсе свидетельствует о высоком уровне развития технологий влияния на формирование общественного мнения в современных средствах массовой информации.

Список литературы

1. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2006. 230 с.

2. Герасимов, Л. П. Психологическое воздействие, СМИ и манипуляции [Электронный ресурс]. URL: http://www.slideshare.net/Mediaecology/ss-7161312.

3. Гончаров, Г. А. Суггестия: теория и практика. М., 2005. 123 с.

4. Дилтс, Р. Фокусы языка. СПб., 2000. 314 с.

5. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности. М., 2000. 115 с.

6. Прохорова, И. Ф. Суггестия речи. Режим доступа: http://www.centrprofit.ru/about/staff/prohorova/3.

7. Серио П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. 415 с.

8. Черепанова, И. Ю. Вербальная суггестия: Теория, методика, социально-лингвистический эксперимент. М., 1996. 20 с.

9. Черепанова, И. Ю. Фоносемантический аспект суггестии. М., 1993. 368 с.

10. Шинкаренкова, М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии. Екатеринбург, 2005. 204 с.

11. Armenaud, Fr. La pragmatique. Paris, 1995. 312 p.

12. Vignaux, G. Les sciences cognitive: introduction. Paris, 1991, P. 78–123.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 125–128.

К. В. Толчеева

«ВСЕ В ЗАГОВОРЕ!», ИЛИ ОБ АДРЕСАТНОСТИ РЕПЛИКИ АПАРТЕ В ДРАМАТУРГИИ БОМАРШЕ

Драматургический текст как тип текста обладает рядом присущих ему особенностей и категориальных параметров, среди которых важное место занимает категория адресатности. Изучение текстообразующих особенностей драмы невозможно без учета ориентированности драматургического дискурса на предполагаемого «конечного» адресата (читателя и/ или зрителя). Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей функционирования реплики апарте в пространстве драматургического дискурса.

Ключевые слова: *драматургический дискурс, реплика апарте, фактор адресата, категория оценки*.

Проблема адресации в контексте художественного дискурса представляется весьма важной, поскольку ее изучение в разных аспектах позволяет верифицировать ряд положений, связанных с особенностями формирования и функционирования определенного набора значений и коммуникативных установок, конституирующих дискурсивное пространство художественного произведения. По этому поводу Н. Д. Арутюнова, рассматривая фактор адресата в контексте поэтических текстов, пишет: «Проблема влияния адресации на стиль художественного произведения не может быть решена однозначно и заслуживает особого внимания, поскольку в них соединяются наблюдения автора над внутренней жизнью человека и внешним миром. Влияние адресации на язык художественных произведений с очевидностью зависит от двух факторов: жанра (типа и объема) и формы речевого выражения» [1].

В этом смысле драматургические текст, как и любое художественное произведение, также характеризуется адресатностью, которая выступает его важной системообразующей и

жанрообразующей категорией. Именно ориентированность фикционально смоделированного и миметически воссозданного драматургического дискурса на предполагаемого «конечного» адресата, в роли которого выступает, как известно, читатель и/ или зритель, дает возможность исследователям рассматривать то или иное драматургическое произведение в контексте лингвоэстетического дискурса со всеми свойственными ему (этому дискурсу) особенностями и категориальными признаками. Восприятие текста «конечным» адресатом относится к интерактивному пространству *внешней* коммуникации. Однако диалог в рамках внешней коммуникации («автор↔читатель/ зритель») становится возможным благодаря диалогизированному пространству *внутренней* коммуникации (между персонажами).

Действительно, если объектом мимесиса становится действие, а точнее, взаимодействие между людьми, реализующееся благодаря использованию ими вербальных и невербальных кодов, то диалог, речевое взаимодействие очевидным образом становится основной и наиболее предпочтительной формой речевого выражения, способствующей появлению наиболее выраженного эффекта реальности. Согласно жанровым характеристикам драмы именно последовательно отобранные автором и функционирующие в сложной системе разноуровневых корреляций (лексико-семантических, структурно-синтаксических, стилистических, прагматических и др.) элементы текстового пространства драмы обусловливают тот факт, что формирующиеся в процессе порождения, восприятия и интерпретации миметического акта интеракциональные системы внешней коммуникации («автор↔читатель»/ «автор↔зритель») вступают в сложные отношения подчинения, взаимовлияния и взаимообусловленности с интеракциональными системами внутренней коммуникации («персонаж↔персонаж», «актер↔персонаж»).

Как нам представляется, эта особенность связана в значительной степени с неоднозначностью определения статуса и роли миметически подразумеваемого адресата, особенно если речь идет о включении в текст так называемых реплик «апарте» (от франц. *à part* – в сторону), играющих особую метадискурсивную роль не только в развитии сюжета и раскрытии драматического персонажа, но и в конструировании фикционального и метафикционального) пространства пьесы. Именно поэтому в фокусе нашего внимания оказались особенности функционирования реплики апарте в пьесе Бомарше «Севильский цирюльник» (1775), которые, на наш взгляд, позволяют в определенном смысле раскрыть такие ключевые для теории драмы таксономические аспекты, как вымышленное и реальное, миметическое и диегетическое, фикциональное и метафикциональное, диалогическое и монологическое.

Выбор эмпирического материала для изучения данного вопроса является неслучайным в силу следующих причин. Во-первых, те существенные изменения, которые претерпела драматургическая традиция во Франции в XVIII в., тесным образом связаны с именем Бомарше, поскольку именно Бомарше, продолжая идеи просветителя Д. Дидро, заявил о необходимости отказа от «безжизненной» трагедии классицизма и создания «серьезного жанра» – драмы, в котором героями выступают современники, а ситуации являются продолжением самой жизни. Иными словами, столь высокий интерес великого драматурга к возможным адресатным модуляциям и весьма новаторским прагматическим «сдвигам», равно как и его виртуозное владение данной техникой, в значительной степени отражает процесс перерождения французской драмы не только в историко-культурном и эстетико-дидактическом смысле, но и в аспекте эволюции ее структурно-композиционных признаков, категориальных констант и прагматических установок.

Во-вторых, драматургические произведения Бомарше и, в частности, исследуемая в рамках данной статьи пьеса «Севильский цирюльник», представляются весьма репрезентативными с точки зрения разнообразия грамматических и лексических форм, обусловленных воздействием разного вида адресации. Очевидно, что отличающаяся высокой степенью рекуррентности реплика «в сторону», представленная в исследуемом тексте 46 единицами, играет здесь особую роль, поскольку ее функционирование является отражением нетипичной для интенциональной природы драмы тенденции к «размыванию» границ адресата.

И, наконец, в третьих, изучение проблемы адресации драматургического дискурса в целом, как и ряда вопросов, связанных с более частными проблемами лингвистической организации обращенности речи в тексте драмы, невозможно без обращения к фигуре самого автора и тех экстралингвистических параметров, которые оказали влияние на формирование его эстетиче-

ского кредо, и в этом смысле вклад Бомарше как общественного деятеля также неоценим. Как известно, именно благодаря его личной инициативе и усилиям в 1791 г. был подписан первый в мире закон о защите авторских прав, в котором произведение, будучи «плодом мысли писателя», признавалось «самым святым, самым неприкосновенным и самым личным видом собственности из всех существующих».

Прежде чем обратиться к отдельным аспектам функционирования реплики апарте в комедии Бомарше «Севильский цирюльник», кратко рассмотрим возможные виды адресации в тексте драмы на примере выбранной пьесы.

В соответствии со структурно-композиционными особенностями текста драмы неотъемлемым компонентом паратекста является указание на совершающего то или иное словесное действие персонажа пьесы. Гораздо более редким является указание в авторской ремарке на предполагаемого адресата, что, по-видимому, связано с рядом присущих драматургическому дискурсу конвенциональных установок, в соответствии с которыми отсутствие подобных маркеров компенсируется конкретной ситуацией общения (пространственно-временные границы, общность тематической и событийной референции, анафорико-катафорические связи и так далее.).

Тем не менее, в драматургических текстах встречаются различные виды лингвистически выраженной адресации, которые, в свою очередь, могут быть условно классифицированы следующим образом и проиллюстрированы некоторым примерами.

1) **Ты–адресация**, где в роли адресата выступает присутствующий в момент совершения речевого действия персонаж:

*BARTHOLO, **à Bazile**. Un mot: dites-moi seulement si Vous êtes content de l'homme de loi?* [2. С. 106]

2) **Он–адресация**, где в роли адресата выступает отсутствующий в момент совершения речевого действия персонаж:

*ROSINE **regarde en dedans et fait signe dans la rue**. St, st! (**Le comte paraît.**) Ramassez vite et sauvez-vous* [2. С. 62].

3) **Я–адресация** или автоадресация (адресованность речевого действия самому себе):

*BARTHOLO, **à lui-même**. Et moi qui ai la bonté de chercher!…*

Bartholo, vous n'êtes qu'un sot, mon ami: ceci doit vous apprendre à ne jamais ouvrir de jalousies sur la rue. (Il rentre.) [2. С. 62]

4) **Вы–адресация**, где в роли адресата выступает зритель, читатель.

5) **«Нулевая» адресация**, то есть реплики, произносимые «в сторону»:

*LE COMTE, **à part**. Juste Ciel!*

*FIGARO, **à part**. C'est le diable* [2. С. 106].

Не имея возможности полно представить и описать на конкретных примерах в рамках настоящей статьи все выделенные типы, заметим, что наибольший интерес для нас представляют именно реплики *апарте,* поскольку в них определенным образом синтезируются предшествующие им виды адресации, а именно *Ты-адресация, Я-адресация* и *Вы-адресация*.

Приведем пример диалога между Розиной и доктором Бартоло, в котором Розина пытается скрыть от своего назойливого поклонника факт написания любовного послания графу Альмавива:

BARTHOLO. C'est ce que vous avez fait? Voyons donc si un second témoin confirmera la déposition du premier. C'est ce cahier de papier où je suis certain qu'il y avait six feuilles ; car je les compte tous les matins, aujourd'hui encore.

*ROSINE, **à part**. Oh! imbécile!...*

BARTHOLO, comptant. Trois, quatre, cinq...

ROSINE. La sixième...

BARTHOLO. Je vois bien qu'elle n'y est pas, la sixième.

ROSINE, baissant les yeux. La sixième? Je l'ai employée à faire un cornet pour des bonbons que j'ai envoyés à la petite Figaro.

BARTHOLO. A la petite Figaro? Et la plume qui était toute neuve, comment est-elle devenue noire? Est-ce en écrivant l'adresse de la petite Figaro?

*ROSINE, **à part**. Cet homme a un instinct de jalousie!...*

(Haut.) Elle m'a servi à retracer une fleur effacée sur la veste que je vous brode au tambour [2. С. 106].

Очевидно, что реплики, произнесенные Розиной «в сторону», демонстрируют истинность ее намерений и оценки происходящего. Именно истинность оценочных суждений с пейоративной окраской, присутствующих в реплике Розины в виде типичных для оформления данного вида адресации восклицаний *Oh! imbécile!...* и *Cet homme a un instinct de jalousie!*, позволяют рассматривать «нулевую» адресацию как ориентированные на себя и зрителей «мысли вслух». При этом использование конкретных лексических и грамматических форм, обусловленных данным видом адресации, ре-

ализует особую прагматическую установку на дистанцирование от своей «персонажной» (внешней) линии, в том числе в ситуации диалогического взаимодействия с конкретным собеседником (Бартоло), с одной стороны, и интимизацию общения со зрителем (читателем) – с другой.

Так, например, использование в приведенных репликах *anapme* лексем отрицательной семантики как средства номинации коммуниканта (*imbécile*), обобщающего стилистически нейтрального термина гендерной принадлежности с указательным детерминативом, являющимся, бесспорно, ситуативно избыточным и поэтому стилистически оправданным (*cet homme*), усиливает подтекстовые и игровые элементы пьесы. Последние, в свою очередь, способствуют переходу драматургической ситуации от фикциональной к метафикциональной и наоборот, поскольку ориентироваться в «истинных» и «навязанных ролью» интенциях и иллокутивных потенциях того или иного персонажа надлежит именно «конечному» адресату, то есть зрителю и/ или читателю.

Приведем другие примеры реплик апарте в пьесе Бомарше «Севильский цирюльник», демонстрирующих схожую лингвистическую организацию. Ср., например:

ROSINE, ***à part****. Oh! le méchant vieillard!* [2. С. 81].

ROSINE, ***à part****. il n'en a pas manqué une seule* [2. С. 74].

ROSINE, ***à part****. Maudit homme!* [2. С. 80]

Следует также заметить, что в пьесе Бомарше реплики *anapme* зачастую выполняют роль своеобразной внутритекстовой антитезы, метафикциональность которой усиливается как на вербальном, так и на невербальном (жестовом) уровне. Так, адресованные Бартоло реплики Розины (см. пример выше) по своему лексико-семантическому составу (*un cornet pour des bonbons, à la petite Figaro, une fleur effacée sur la veste)* и грамматическому оформлению (*employer à faire, servir à retracer, je vous brode au tambour*) подчеркнуто изысканны и возвышенны. Усилению заложенного в реплике *anapme* прагматического и эмоционального потенциала также способствует включение в данную последовательность словесных действий паратекстового элемента мимического типа «*baissant les yeux*», которые не только скрывают истинность намерений героини, но и демонстрирует желание автора вступить в некий заговор с читателем (зрителем).

Таким образом, реплика *anapme*, являясь достаточно краткой в своей материальной протяженности (что обусловлено, прежде всего, композиционными особенностями драмы), с точки зрения своей информационной структуры и прагматической целесообразности по отношению к текстовому пространству драмы представляется весьма неоднозначной именно в силу того, что происходит «расщепление» адресации. В отборе лингвистических средств оформления реплик *anapme* через использование «неожиданных возможностей адресации» (В. З. Демьянков) в драматургическом дискурсе просвечивает фигура самого автора-драматурга, что позволяет говорить о своеобразии способов отражения прямого авторского слова в драматургическом тексте эпохи Просвещения, некоторые из которых были представлены в настоящей статье. Именно поэтому перспективность изучения данной проблематики продиктована необходимостью применения диахронического подхода, который позволит, на наш взгляд, системно описать реализацию фактора адресата в драме.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Из наблюдений за адресацией дискурса / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2012. С. 5–13.

2. Beaumarchais, P.-O. C. Le Barbier de Séville. Le Mariage de Figaro. M., 1979. 293 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 129–132.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Л. Р. Абдуллина

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА КОММЕНТАРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются преобразования жанра комментария, обусловленные особенностями интернет-коммуникации. В ходе сопоставительного анализа комментариев со стороны читателей и экспертов (как правило, журналистов) выявляются сходства и различия как в коммуникативной интенции адресантов, так и в способах ее реализации. Определяются перспективы дальнейшего исследования в рамках заданной тематики.

Ключевые слова: *интернет-лингвистика, комментарий, языковая личность, журналист, читатель.*

В центре внимания лингвистических исследований последних лет находится интернет-дискурс, в частности, его жанровые особенности. Среди российских исследователей данной проблеме посвящены работы О. В. Лутовиновой, Н. А. Ахреновой, Е. И. Горошко, Е. Ю. Распопиной, И. В Рогозиной. В зарубежной лингвистике можно выделить таких ученых, как Д. Кристалл, Ж. Анис, М. Маркоксия, С. Херринг.

В сети Интернет получает распространение ряд речевых жанров, имеющих аналоги в реальной коммуникации. Среди них можно выделить жанр комментария, заслуживающий, на наш взгляд, отдельного внимания. В свете интенсивного развития интернет-технологий большинство средств массовой информации имеет свой сайт в Интернете. Особенно это касается газет и журналов. Однако одним из существенных отличий виртуальных средств печати от традиционных является их двунаправленный характер, заключающийся в непосредственном контакте адресата и адресанта, возможном благодаря трансформированной форме жанра комментария. В данном случае уместной представляется точка зрения Т. В. Синенко о том, что «сетевые технологии позволяют в кратчайшие сроки получить практически неограниченное количество комментариев как от экспертов, так и от рядовых читателей»[1], предоставляющих возможность информанту оценить степень воздействия на сознание читателей, определить успешность поставленных целей и, возможно, даже выявить свои ошибки. Н. Н. Казнова также подчеркивает, что «современное развитие интернет-технологий обеспечивает обратную связь коммуникантов, которая в традиционных видах массовой коммуникации затруднена. Более того, реакция адресата крайне важна для отправителя сообщения, о чем свидетельствует развитие системы комментариев»[2]. Ранее в печатных СМИ встречались только комментарии журналистов как прямое объяснение события (поступка, документа) с определенной идейно-политической позиции для коррекции общественного мнения по данному вопросу, тогда как комментарии самих читателей были технически недопустимы. Вышесказанное определило выбор жанра комментария к статье в качестве предмета настоящего исследования. Объектом анализа послужили два типа комментариев к статьям, свойственные исключительно интернет-коммуникации. Соответственно целью исследования является выявление изоморфных и алломорфных черт комментариев к статьям со стороны экспертов и читателей. Итак, приступим к теоретическому анализу сходств и различий между двумя формами комментариев.

1. В первую очередь необходимо указать на различия субъектов коммуникативного акта. В одном случае в роли комментатора выступают, как правило, журналисты того или иного издания, в другом – сами читатели.

2. Различия проявляются также в интенциональном настрое коммуникантов, под которым понимается «состояние индивида, когда его активность направлена на достижение некоего результата»[3]. В обоих случаях автор выражает отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития. Однако если традиционный развернутый комментарий преследует несколько це-

лей одновременно, то виртуальный комментарий, как правило, более узок в своих задачах и не задается такими многочисленными целями, как: направлять внимание аудитории на важные новые факты, выходящие на первый план общественной жизни, оценивать их; ставить комментируемое событие в связь с другими, выявлять причины этого события; формулировать прогноз развития комментируемого события; обосновывать, как правило, с помощью примеров необходимые способы поведения или решения задач[4].

Таким образом, основное различие в целях коммуникации проявляется в том, что журналист, выступающий в роли комментатора, стремится донести свою точку зрения до читателя и завоевать его доверие, тогда как комментарии читателей к статье ориентированы либо на самого автора статьи, либо на обмен точками зрения и выражение своей позиции.

3. Изоморфизм интенционального настроя оказывает свое воздействие на объем высказываний, имеющих развернутый характер в комментариях журналистов, и варьирующих от коротких до длинных в сообщениях читателей.

4. Независимо от размера сообщения в обоих типах комментариев возможно использование следующих приемов комментирования: разработка взаимосвязей между исходными и комментирующими фактами (например, обсуждение предыстории события); детализация основных комментируемых событий (восстановление подробностей), признаков, которые важны для постановки вопросов; сравнение фактов, разработка аналогий, например, с прецедентами; проведение параллелей, которые могут быть привлечены в качестве демонстрационных моделей обнаруженных связей актуального события (предмета) комментария; противопоставление, конфронтация различных или противоположных способов осуществления обсуждаемых действий; интерпретация текста (разъяснение документов, «перевод» доводов оппонентов на ясный язык)[4].

Однако крайне редко в сообщениях-комментариях читателей наблюдается комбинирование вышеперечисленных приемов, тогда как в традиционном понимании комментария это возможно. Более того, последний зачастую содержит ряд типичных структурных элементов (основных частей комментария): сообщение о комментируемом событии и формулировка задачи комментария; формулирование возникших в связи с этим событием вопросов; изложение комментирующих фактов и мыслей, деталей; формулировка тезисов, отражающих отношение автора к отображаемому событию, изложение их или в начале текста, или непосредственно вслед за постановкой вопросов, выявляющих суть комментируемого явления.

Подобная структурированность высказываний совершенно не свойственна комментариям к статьям, близким в этом отношении к языку форума, чата и блогов, то есть осуществляемым в свободной форме на привычном для коммуниканта языке, без ограничений в стиле, в манере и структуре написания статьи. В этом контексте язык комментариев представляет смешение литературного и разговорного вариантов языка, характеризующееся наличием иноязычных и просторечных элементов, а морфосинтакис отражает «общую тенденцию сети к упрощению средств выражения, стремление к экономии усилий, а также игровую направленность сетевого общения»[5].

Согласно мнению Н. Г. Асмус, «жанры компьютерной коммуникации характеризуются следующей совокупностью взаимосвязанных параметров: тематический признак, коммуникативная цель, сфера общения, образ автора – читателя, режим синхронного/ асинхронного времени, форма объективации (близость к письменному – устному типу текста), диалог/ полилог, композиция, языковые особенности»[6]. Мы считаем, что данные признаки будут являться характерными и для ленты интернет-комментариев к новостным статьям. Они объединены по тематическому признаку, определяемому журналистом-автором комментируемой статьи. Коммуниканты могут иметь различные коммуникативные интенции: выразить свою точку зрения, опровергнуть, одобрить, вступить в дебаты с другими комментаторами и др. В зависимости от цели общения определяется сфера общения, которая характеризуется в первую очередь ролевым позиционированием коммуникантов (статусно-ориентированным или личностно-ориентированным). Образ автора определяется совокупным множеством участников общения, как присутствующих в настоящее время, так и предположительно присутствующих в ретроспективе и перспективе; данный образ создается посредством общения «многие – одному», «один – одному», «один – многим», «многие – многим». Анонимность индивидуальных участников общения, скрытых за никами, позволяет кристаллизовать некий образ коллективного автора, неперсони-

фицированного, обладающего коллективным разумом. Комментарии могут рассматриваться в качестве вида общения с режимом асинхронного времени, обладающего устно-письменным типом текста. Многообразие участников-коммуникантов, представляющих собой перспективу настоящего, прошлого и будущего, создает полилогичность коммуникационного процесса. Интернет-комментариям читателей, подобно речевому жанру форума, свойственны такие особенности, как нестандартизованность, субъективность, оценочность, а также хаотичность и непоследовательность высказываний[7].

Что касается профессионального комментария в его традиционном понимании, то в последнее время в российских и зарубежных интернет-изданиях наметилась тенденция представления комментариев экспертов в разделе «Дебаты», зачастую имеющих полемический характер. Также все большую популярность обретают блоги профессиональных журналистов, занимающихся оценкой и интерпретацией неких событий и сообщений СМИ. Подобные блоговые секции, как указывает К. А. Карякина, являются «по сути, жанровым продолжением основного медиаконтента онлайновых СМИ или интернет-представительств традиционных печатных и электронных изданий»[8]. Идея развития блогов экспертов также прослеживается в работах А. А. Соколовой, отмечающей, что «на сайте появляются различные тематические блоги журналистов и даже читателей, превращая последних фактически в участников выпуска издания»[9].

5. При изучении комментария нельзя также игнорировать феномен языковой личности, поскольку, как верно подметила И. В. Савельева, «оформляясь как речевое реагирование на первичный текст, комментарии, являясь, по сути, текстами вторичными, представляют вариативно-интерпретационное поле, в центре которого находится первичный текст автора статьи»[10]. Вслед за Ю. Н. Карауловым[11] под языковой личностью мы будем понимать совокупность способностей и характеристик человека, которые обусловливают создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В своих исследованиях он также выделяет в структуре языковой личности такие уровни, как вербально-семантический (лексикон); когнитивный (тезаурус); мотивационно-прагматический (прагматикон), одновременное функционирование которых лежит в основе дискурсивной деятельности человека. В связи с этим нам предстоит ответить на следующий вопрос: возможно ли моделирование языковой личности на основе анализа комментариев к статьям в интернет-коммуникации?

Профессионал, комментирующий статьи, рассматривается как «личность, которой свойственно творческое, эстетическое использование языковых единиц, их синтагматики и архитектоники текста с тем, чтобы выразить свое индивидуально-авторское восприятие мира. При этом степень реализации индивидуально-авторского потенциала зависит от жесткости объективных факторов преимущественно дискурсивного порядка, в их числе особенности современного медиатекста, дискурсообразующего жанра и прагмалингвистические особенности речи субъекта дискурса»[12]. Очевидно, что журналистский комментарий не противоречит трехуровневому пониманию дискурсивной деятельности человека.

Однако на основе единичных кратких комментариев читателей по тематике статьи невозможно, на наш взгляд, построение полноценного языкового портрета личности. При наличии многочисленных высказываний одного читателя в разделе комментария к статье мы допускаем возможность изучения личности автора, поскольку в подобных случаях он, как правило, не только излагает свое субъективное отношение к теме, но и вступает в диалог с другими комментаторами, поддерживая, опровергая или развивая их точку зрения. Но следует учитывать тот факт, что интерпретация речевого поведения отдельного коммуниканта не может быть абсолютно достоверной ввиду «масочной (карнавальной) специфики общения»[13], что сближает онлайн комментарии читателей с чат-коммуникацией и общением на форумах.

Некоторые статьи, зачастую политического характера, вызывают оживленную дискуссию среди читателей и сопровождаются многочисленными комментариями. В результате анализа материала исследования нами было установлено, что в подобных случаях возможно не только конструирование языковой личности, но и формирование национальной картины мира: в ходе коммуникативного акта собеседники не ограничиваются рамками заданной тематики и поднимают другие, насущные для их нации, вопросы. В этой связи удачной попыт-

кой выявления специфики жанра виртуального комментария предстают рассуждения И. В. Савельевой, которая отмечает, что в текстах-комментариях отражается рефлексия адресата на информацию, полученную из исходного текста, динамическое видение процессов, протекающих в обществе, формирующее общественное мнение. Как справедливо полагает автор, «в текстах-комментариях проявляется когнитивная деятельность человека, осознание и последующая объективация сложившихся систем ценностей, стереотипов, общественных и национальных, а также то, как он идентифицирует себя в профессиональном, гендерном, социальном и других аспектах. Сознание рядового носителя языка часто вербализирует те ценности, которые были получены им в процессе освоения норм общественной жизни, а также языковых правил и норм»[10].

Вышеизложенное позволяет заключить, что жанр комментария в интернет-коммуникации претерпевает существенные изменения, обретая различные формы и эволюционируя при этом в пользу интерактивности. Трансформационные виды комментариев в интернет-дискурсе позволяют журналистам с большей степенью оценивать важность затронутых тем и расширять посредством информации, приходящей от читателей, аналитическое пространство издания. Перспективным в рамках данного исследования представляется изучение интернет-комментариев в сопоставительном ключе с целью выявления культурно-национальных особенностей носителя конкретного языка.

Примечания

[1] Синенко, Т. В. Жанровая специфика сетевой полемики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2008. № 1. Филология. Журналистика. С. 221.

[2] Казнова, Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2011. С. 10.

[3] Олешков, М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр : коллектив. моногр. Н. Тагил, 2009. С. 41.

[4] См.: Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. М., 2000.

[5] Казнова, Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2011. С. 22.

[6] Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2005. С. 7.

[7] Селютин, А. А. Форум как жанр виртуального общения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 9. Филология. Искусствоведение. С. 121.

[8] Карякина, К. А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. С. 21.

[9] Соколова, А. А. Комментарий в онлайн-версии газеты «Стампа»: варианты представления различных мнений и расширение аналитического пространства издания // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 27.

[10] Савельева, И. В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 153.

[11] См.: Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[12] Черныш, О. А. Языковая личность журналиста сквозь призму коллективного и индивидуального языкового сознания // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 28. С. 56.

[13] Цибизов, К. А. Самопрезентация языковой личности в немецком молодежном чат-дискурсе: собственно молодежное и национально-специфическое : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 123–139.

Т. В. Быкова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЮМОРА В «ГУЦУЛЬСКОМ» ТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере анализа новелл Игната Хоткевича и Ануфрия Манчука)

Исследуются художественные особенности «гуцульского» юмора в произведениях украинских писателей И. Хокевича и А. Манчука. Сделан вывод об уникальной специфике использования юмора в «гуцульских» текстах, что дает возможность воспринимать его одновременно и как литературное художественное явление, и как элемент картины мира аутентичной гуцульской жизни.

Ключевые слова: *Гуцульщина, «гуцульский» текст, жанры юмора, новелла, гуцульская ментальность, поетика.*

Гуцульщина в украинской литературе первой трети XX в. представлена достаточно большим количеством художественных произведений, авторы которых стремились как можно совершеннее раскрыть жизнь и быт жителей Карпатских гор и полонин: одни из них увлекались «экзотической» стороной величественного края, будучи его гостями, стремились воплотить этот взгляд на Гуцульщину на страницах своего творчества. Другие же, из колыбели взлелеянные родной горной местностью, очаровывали читателей генетической гуцульскою энергетикой прозы, поэзии и драматургии. Гуцульщина появляется в их произведениях в разных ипостасях, прежде всего как своеобразный живой организм, который со временем растет и развивается, приобретает «зрелый» вид, достигает в процессе своего формирования нужного ума и мудрости. В таком понимании юмор, будучи неотъемлемой составляющей жизнепространства всего «разумного», логично становится неотъемлемым элементом существования Гуцульщины.

Именно на начало XX в. пришлись наиболее тяжелые годы в истории целого человеческого общества: события Первой мировой войны оставили непоправимые знаки на судьбе многих жителей Европы, в частности, и на гуцульской жизни. Поэтому на страницах художественных произведений этого периода на гуцульскую тематику зафиксировано мало юмористических моментов, которые бы касались жизни гуцулов. Однако не стоит полностью отрицать наличие целого ряда произведений, где объектом исследования становится юмор в многочисленных его разновидностях. Больше всего Гуцульщина юмористическая появляется в «Гуцульских рассказах» Игната Хоткевича и «Жибьевских новелл» Ануфрия Манчука.

Цель статьи – исследовать художественные особенности использования гуцульского юмора на страницах произведений И. Хоткевича и А. Манчука на гуцульскую тематику, сделать выводы об особенностях использования элементов юмора для характеристики Гуцульщины юмористической как литературно-художественного явления, которое дает возможность полноценно постигнуть всю картину существования тогдашней жизни жителей горного края.

Все гуцульские рассказы И. Хоткевича построены на основе впечатлений от увиденного и услышанного писателем во время путешествия по Гуцульщине. С точностью корреспондента писатель стремится воссоздать все чувства, эмоции, целое: «І тільки потім, поживши трохи на Гуцульщині, я зрозумів, що не всі думки, які здаються геніальними, є такими в дійсності. І що треба було бути зовсім сліпою людиною, щоб думати,що в Чорногору можна йти от так собі, як на проспект»[1].

Таким образом «развенчивается» культ гениальности нарратора, которого читатель должен воспринимать больше как человека интеллигентного, образованного, однако полностью неопытного в общении с гуцулами. Своеобразным доказательством этой позиции является диалог двух гуцулов, из которых, как оказывается, на удивление автора, один, несмотря на физическое несовершенство, является сильнее, то есть так называемым «стопроцентовым гуцулом», а следовательно, его мысль достойна большего внимания здесь, в горах: «А Соломійчук хіба не горець, хіба не стопроцентовий гуцул? І виходило, що ні. Він більше в селі, а оцей у полонинах, у властивих горах, так би сказати, в горах у квадраті»[1].

Оценивая диалог гуцулов, автор дает возможность читателю сыронизировать по поводу

собственно авторской искренней наивности. Становясь объектом иронии, а не насмешки, не перетягивая при этом юмористический акцент рассказа, герой вспоминает во всех мелких подробностях веселые эпизоды своего путешествия по горам Гуцульщины.

Ситуация непонимания гуцульских обычаев и верований описана автором в шутливом тоне в рассказе «Волшебная палка». За объект юмора в нем выступают гуцулы и непосредственно автор, который мимоходом в горах нашел, как оказалось позже, «волшебную» палку, вокруг которой и разворачиваются все дальнейшие события. При этом рассказ в произведении построен таким образом, что и нарратор-интеллигент, гость Гуцульщины, и читатель почти до конца развития сюжета не понимают, чем обычная деревянная палка так сильно заинтересовала гуцулов. Автор таким неторопливым развитием событий заинтересовывает в неминуемой интересной развязке. С улыбкой вспоминает он моменты путешествия по горам, когда, наслаждаясь пейзажами, смакуя чернику, даже не осознавая самого события, автор случайно палочкой дважды убивает змею: «Не роздумуючи довго, я копнув змію по голові і якось так зручно вийшло, що вона покрутилася-покрутилася й своєму зміїному богу душу оддала»[2]. «І треба ж такого випадку, що на камінь вилізла змія і знов я, мало здаючи собі справу, копнув її тою ж паличкою по голові і знов удачно»[3]. В связи с ненадобностью он выбрасывает ее посреди других палок в горном лесу.

Такая достаточно серая, казалось бы, ничего не значимая завязка, приобретает в дальнейшем быстрое развитие сюжета. Все подробности дальнейшего разговора нарратора с гуцулами преисполнены неподдельным юмором, где автор невольно становится объектом достаточно необычной иронии судьбы: он видит со стороны гуцулов неподдельное разочарование, а мы, со стороны реципиента, видим его шутливое сочувствие.

Комичности ситуации добавляет диалог двух персонажей – старого гуцула и нарратора-интеллигента, которого внимательно слушают гуцулы и одновременно за ним наблюдает реципиент. Фактически это разговор двух людей, которые не понимают каждый в своей форме самой сущности беседы. Такой своеобразный метод «инакоязычия» добавляет комичности ситуации: «Дивлюся – один гуцул, найповажніший, найстаріший, манить мене пальцем убік. Я відходжу. Він нахиляється до мого вуха й шепоче. – Кіко?.. Я витріщаю очі. Він мене питає – скільки? А чого скільки? Чи за віщо скільки? Не розумію. Я не торговець, нічого не продаю… – Чого скільки, гідочку?.. Гуцул киває головою – мовляв, і пощо дурака валять? Ніби й не знаєш?»[4].

Исходя из этой ситуации, стоит заметить, что событие для гуцулов, которое состоялось в лесу, является очень важным: на «торг» идет самый старый, опытный гуцул, он должен выторговать «волшебный предмет», а невежество рассказчика по этому делу он считает своеобразной игрой, которую играют на базаре, чтобы набить стоимости товара.

Перед читателем рассказчик появляется с открытыми мыслями – он не прячет свои мысли, пытается понять необычный торг, наивно в надежде на адекватную оценку поведения со стороны старого гуцула. Однако тот, узнав о потерянной «волшебной» палке, все свои эмоции выражает на лице: «На обличчі діда перестрах, здивування, розчарування і бажання вдарити в писок»[5].

Наивысший момент эмоционального напряжения в рассказе – это психологическая реакция старого гуцула на услышанное. Гуцул не в состоянии постигнуть невежества интеллигента-писателя, который оказывается совсем неосведомленным в знании верований и обычаев Гуцулии. С детской наивностью обращается нарратор с просьбой об объяснении причин такой заинтересованности палкой к старому гуцулу. В манере ответа деда раскрывается истинный характер жителя Гуцульщины: весь свой предыдущий запал, горячность старый гуцул тратит на поиски утерянной палки, а для рассказчика-интеллигента у него остается лишь «милость» объяснения : «Єк у водним дни хтос три галиці[6] заб'єт і кожен раз з одного маху, так тов. палицею мож градові хмари видвертати»[7].

Такая гуцульская «милость» усиливается эффектом комичности путем собственного авторского замечания и сравнения со сказочным персонажем, который самостоятельно не сумел понять важность состоявшегося события: «А я зостався, як дурний Іван-царевич, у якого «по усам текло, а в рот не попало». Таке рахувати, багатство було у руках – і не вмів користати! Вже ж дві було убито, ще б третю копнув[8]– і міг би всю Гуцульщину в руках тримати. Дурень, дурень!.. Сказано – пан»[7].

Собственно авторская оценка является своеобразным резюме всей интересной истории о

«волшебной» палке. Становясь объектом смеха, обвиняя себя в незнании, вызывая такими сравнениями шутливое сочувствие со стороны реципиента, автор стремится в ненавязчивой форме для читателя раскрыть и охарактеризовать народные обычаи и обряды Гуцульщины, а также объяснить свою заинтересованность людьми этого края желанием учиться всю свою сознательную жизнь.

Собственно гуцульский юмор, зафиксированный на страницах гуцульских рассказов И. Хоткевича, поражает своей остротой и спецификой Это юмор людей, которых вся окружающая действительность, нелегкая жизнь среди природы, общественные неурядицы закалили и прибавили остроту во всю их внутреннюю сущность. И. Хоткевич стремится доказать читателю, что эта острота восприятия действительности для других членов общества может быть слишком острой, не обычной. Так, характеризуя внутреннюю сущность гуцула и его жизнь, в качестве символического примера И. Хоткевич в образке «Гуцул» наводит многозначное сравнение: «Гуслєнку споживає таку, що сидиш ти на третім верху, а й тобі, дивлячися на гуцульський сніданок, очі рогом лізуть та оскома зуби дре – таке воно кисле. А гуцулові саме тоді в смак»[9]. Имеем ярко выявленные вкусовые впечатления, которые помогают воссоздать особенную сущность гуцула, – его внутреннюю стойкость.

Свидетельством наивысшей остроты всех гуцульских чувств, в том числе и юмора, есть упоминание о так называемых «гуцульских» конфетах, которые «вкинеш у рот, то мов десять котів тобі заскребут у горлянці»[9]. Именно такой юмор и такое жесткое отношение к жизни дают возможность с помощью собственно «гуцульского» юмора переживать не только большое горе, самую страшную потерю в жизни, смерть ближайших, но и преодолевать муки боли, терпеть во имя торжества гуцульской правды жизни.

В гуцульских рассказах И. Хоткевича можно отыскать элементы и такого, «другой», «неинтеллигентной» разновидности юмора. Так, в рассказе «Пожарище» побочной, но достаточно существенной деталью, является наличие скатологического юмора[10]. Этот вид юмора даже в полностью трагической ситуации (действие происходит на пожарище сгоревшей гуцульской усадьбы, где «ищут» интересные вещи малые дети; они ковыряются на пожарище и по-детски, искренне без всякого намека на трагедию, с юмором реагируют на все события, которые происходят вокруг), является просто «обычной историей» и способен вызывать невольную улыбку у любого человека. Символическим содержанием наполняет автор непосредственно момент пребывания на пожарище детей, а детский смех, который звучит в неестественной ситуации, добавляет полностью трагической картине оптимистичного звучания: «З реготом розбризнулась громадка, а потім знов прикучнула собі коло чогось на пожарищі. Не журяться. Знають, що перед ними життя, що набудують ще багато хат. Виростайте ж, виростайте, сараки! Та будуйте високі хати! З вікнами, шо си втворєют. Та сикуруйте, творючи нове життя на попелищах старої допатріярхальної культури!»[11].

Характеристика разновидности «иного» гуцульского юмора имеется в образке «Гуцул». Автор с удивлением фиксирует достаточно необычное для других событие, когда с помощью несерьезного восприятия действительности гуцулу удается вытерпеть и победить невероятную боль: там, где другой мужчина потерял бы сознание от жуткой и неимоверной боли , гуцулу удается с юмором «рівно душним голосом» рассказывать, «як у нього знайшлося теля, яке воно на масть ще й біла зірка на лобі…»[12]. В психологическом смысле перед читателем появляется человек, способный не просто терпеть боль, но и находить те моменты повседневной жизни, которые могут удивить, рассмешить, одним словом, отвлечь внимание нарратора и реципиента от реального события.

Однако наибольшее количество примеров собственно «гуцульского» юмора характерны для «Жибьевских новелл»[13] Ануфрия Манчука, гуцула-«самородка», который «был сыном своей земли и родной стихии… и знался на всем, что было гуцульским, знал хорошо гуцульскую ментальность…, а значит как носитель гуцульского способа мышления и мировоззрения «делал» свои новеллы также «по-гуцульски»[14].

Это короткие уникальные аутентичные свидетельства «из первых уст» всех важнейших моментов жизни гуцула, которые выступают в качестве яркого подтверждения непременного присутствия юмора в жизненном гуцульском мировоззрении. Как и в целом гуцульская жизнь, юмор, показанный в произведениях писателя-гуцула является от начала неоднозначным и неоднородным. Необходимо заметить на том, что все представленные новеллы написаны жибьевским говором[15], которым в совер-

шенстве владел автор и не считал нужным кодифицировать в письменном виде диалектную форму. Стоит вспомнить мнение І. Франка, который в свое время выделил такое литературное явление, как появление «литературы на диалектах». Будучи настоящим учеником Марка Черемшины и В. Стефаника, зная в совершенстве на генетическом уровне язык родной Гуцульщины, А. Манчук удачно пользовался художественными приобретениями гуцульского диалекта, чтобы более правдоподобно воссоздать всю атмосферу тогдашней гуцульской жизни первых десятилетий XX в.

Заметим, что в гуцульских рассказах и И. Хоткевич также использовал частично к гуцульский диалект – все его гуцулы-персонажи говорят настоящим аутентичным языком Гуцульщины. Чего стоит его эмоционально наполненная оценка: «Наша мова багата, цвітиста, розмаїта; скілько відтінків, скілько краси в її говорах – і скілько перед літераторами лежить вдячної, хорошої роботи – з'єднати то все в одну багату, красиву, могутню мову!»[16].

Среди представленных новелл сборника, большинство из которых носит юмористический оттенок, есть произведения, которые представляют собой юмористическую шутку, или юмореску («Храм», «Челидина»), сатирическую новеллу («Фигли»), юмористический рассказ («Француз»), шуточную историю («Позабавил», «Пасха») и пр. Остроты рассказа добавляют элементы черного юмора, имеющиеся в рассказах «Заробок», «Непростой мертвец», «Лесная девушка», «Дохторе!». Все они являют собой «совершенный литературный комплекс, который представляет гуцула в разных жизненных ситуациях»[17].

Так, рассказ «Непростой мертвец» углубляет читателя в колоритный мир гуцульской жизни, преисполненной острого «иного» юмора, который выступает его неотъемлемым элементом. Произведение построено на народных гуцульских верованиях, где «непростым» считался тот человек, который имел связь с потусторонними силами. В соответствии с выполняемыми функциями в народном воображении «непростые» люди разделялись на две категории: тех, которые связаны с «божьей силой», полезных людям, и вредных, что имеют свою силу от нечистого[18].

В данном случае имеем интересную историю с элементами черного юмора о «непростом» мертвеце, гуцулке, которую не могли похоронить должным образом, потому что вокруг нее происходили достаточно «непростые» вещи. В представлении присутствующих гуцулов создавалось впечатление, что, даже находясь в состоянии умершей, она протестовала против естественной смерти: мстила всем, кто ее хоронил, то есть имела сверхъестественные способности, благодаря которым из того света руководила миром реальным.

Автор подает детализированное описание всех приключений, которые происходили вокруг старой гуцулки. Именно огромное количество таких приключений не дает возможность осуществить должным образом обряд захоронения, который предусматривал определенную последовательность традиционных элементов. Устоявшиеся гуцульские народные традиции начала XX в. предусматривают так называемый дуализм: переплетения искаженных дохристианских и христианских верований, между которыми фактически не существовало непроходимого барьера, они были двумя степенями одного и того же мировосприятия и миропонимания.

Что же «юмористического» происходит в «Непростом мертвеце»? Оказывается, здесь присутствует вообще ситуация абсурда, характеристика которой укладывается в пределы «черного» юмора – там, где в соответствии с верованиями гуцулов, должны осуществиться все обряды захоронения, уже от самого начала алогичные относительно христианской религии и морали, развивается событие, которое не укладывается даже в рамки традиционных языческих верований.

С неподдельным юмором описывает автор события, происходящие со всеми гуцулами, которые были на захоронении. Рассказ в произведении ведется от имени нарратора, благодаря непосредственным комментариям которого чувствуется близость его к той истории и событиям, которые происходят. Не изображая ни одной предыстории, которая бы раскрывала причины смерти или характеризовала умершую, автор сразу направляет взгляд читателя в водоворот «необычных» событий : «Вже відразу видко стало, шо то непростий мертвец. Хто лиш на ню глипнув, то шє тої самої днини мусів мати якусь причьку»[19].

Относительно традиционных гуцульских обрядов, то на причине их отсутствия также автор сосредоточивает внимание читателя: «І тому кожний, хто увійшов знадвору і клєкав молитися, а глипнув з-ненападу на бабу, зараз перерива молитву, будь-єк простивси, тікав на-

двір, або ховався в кут і три рази в пазуху плював… Ні грушки ніхто не бив, ні галембізи не йграли».

Юмористического звучания предоставляет достаточно большое количество сравнений и речевых оборотов, употребленных в новелле, например у дьяка из молитвенника «букви гет вискакують єк бліхи з ліжника, коли сонце пригріє». Абсурдность представления непосредственно самой ситуации заключается в том, что весь рассказ пропитан народным юмором с оттенком черного, ведь все «смешные» события происходят после смерти старой гуцулки, соответственно, и хоронят на кладбище ее «посмешному», при чем все участники событий переживают невероятный страх за собственную жизнь.

Автору удается передать эмоциональную атмосферу такого «непростого» захоронения, когда «смешные» события, которые в другой ситуации воспринялись гуцулами без чрезмерной эмоциональной нагрузки, вызывают ужас в собравшихся. Например, как в ситуации из «витрембитуванням», когда Грицько-трембиташ вместо мелодии захоронения заиграл на традиционном гуцульском инструменте трембите веселую мелодию. Внутренний мир персонажа передан через оценку его действий непосредственно нарратором: «Грицьо пустив трембіту з рук і стоєв єк пень, лиш губи му трохи дрижали. Люде си тисли до него, обступили наоколо і дивилися, ци не вдурів чесом. Не зараз проговорив старий Грицьо. Постоєв ще трохи, обтер відтак губи, плюнув три рази в пазуху, узєв трембіту під плече тай пішов собі д'хати. І аж на перелазі вчули люде, єк у погані шляки заклєв покійну бабу, шо'му такого фігля зробила»[20].

В дальнейшем рассказ в новелле построен таким образом, что все «ужасающие» события, которые происходят вокруг захоронения старой гуцулки, в собравшихся вызывают негативные чувства нереального страха. Однако автор «приглушает» мистический эффект народного ужаса от увиденного юмористическим описанием подробностей этого события. Создается впечатление, что рассказчик так же, как и другие гуцулы напуган событиями, состояние нервного напряжения его на столько сильное, что поневоле все трагические события ему удается пропустить через призму народного юмора. Так, описание самого захоронения у читателя вызывает лишь смех, и читатель не осознает сам, что ситуация одновременно трагическая и абсурдная: «Деревишше[21] гепнуло на земню і махнуло у долини єк куля. Передному, шо ніс хрест, підорвало ногу, аж пирс під пліт… Скриня з бабов то боком, то підскакуючі, понеслась в долини єе вітер і на закруті пропала. Шє декотрі казали, що виділи, єк баба, колиси зробила за лісом, вже сиділа в скрини і в руки плескала»[22].

Причины, по нашему мнению, такого своеобразного «сочетания несочетаемого» в произведении – юмора, смеха и смерти, необходимо искать непосредственно в психологии каждого человека, наличия определенной защитной человеческой реакции, где такого рода смех, юмор имеет вспомогательный эффект спасения собственного сознания от чрезмерного количества негативной информации.

Таким образом, подавая художественный материал, автор своеобразно раскрывает достаточно интересный аспект гуцульского сознания, когда гуцул даже в трагическом стремится получать как можно больше ярких эмоциональных впечатлений. В данном случае последствия смерти такого «непростого» человека «заполнили» эмоциональный «голод» на события в селе. Именно благодаря черному юмору автору удалось удовлетворить потребность поиска ярких эмоций в жизни гуцула. Между строками текста произведения прослеживается мнение автора о том, что будничность жизни гуцула поражает своей серостью и непривлекательностью, а смерть как общественное явление, тем больше смерть «непростого» человека, вызывает целый массив как позитивных, так и негативных эмоций. Именно поэтому, при чтениии такого вида новеллы каждому реципиенту в то же время становится весело и жутко, ведь события происходят таким образом, что способны привлечь и оттолкнуть в то же время, создается парадоксальный эффект сосуществования в тексте вместе слез и смеха. Это те эмоции, которые остаются надолго в памяти каждого человека, ведь в реальной серой повседневности на проявление таких эмоций не хватает времени. Причем своей силой и функциями эти эмоции одинаковы: они способствуют снятию телесно-эмоционального напряжения, а их сочетание усиливает эффект впечатления от событий, показанных в произведении. Именно этой психологической особенностью удачно оперирует писатель в «Непростом мертвеце», выстраивая его событийность.

Резюмируя, стоит отметить художественные особенности юмора в «Гуцульских расска-

зах» И. Хоткевича и «Жибьевских новеллах» А. Манчука. Не сосредоточивая внимания на художественной стороне представленных произведений и не ставя ни одного из авторов в разряд «менее значимых», сконцентрируем внимание на текстуальном аспекте восприятия особенностей их юмористического творчества. Гуцульщина юмористическая у обоих писателей появляется полноценной составляющей мегаобраза Гуцульщины начала XX в. Образы смеха, мотивы, фрагменты, сюжеты являются взаимодополняющими элементами юмора гуцульского края, что позволяет реципиенту объективно воспринимать прошедшую действительность. Поэтому не стоит искать лучшие художественные качества в произведениях представленных писателей, это разный юмор за своей сущностью и источником происхождения.

Гуцульщину юмористическую воспринимаем с двух сторон: в первую очередь, с позиции интеллигента, человека, который приехал из города, стремится как можно скорее «слиться» с жителями-гуцулами. Это так называемый «чужой» взгляд на Гуцульщину, который четко сумел зафиксировать все процессы, что происходили в гуцульском селе начала XX в. Этот взгляд на Гуцульщину юмористическую можно увидеть в «Горных акварелях» и «Гуцульских образках» И. Хоткевича. Из позиции «чужестранца» И. Хоткевич стремится постигнуть все величие и красоту Гуцульщины, исследовать первопричины тяжелой и нищей жизни гуцулов первых годов XX в., потому и уделяет он юмористическому аспекту восприятия действительности гораздо меньше внимания, однако не исключает его вообще из гуцульской жизни.

Поэтому в «Горных акварелях», «Гуцульских образках» юмор присутствует и должным образом воспринимается как непременная составляющая гуцульского мира.

Гуцульщина юмористическая в И. Хоткевича появляется в двух разных измерениях. Во-первых, юмор в гуцульских рассказах писателя возникает на грани столкновения двух культурных миров и традиций, где объектами юмора становятся как гуцулы, так и непосредственно автор в качестве представителя «чужого» для гуцулов мира. Второе измерение – это наличие в его произведениях «стопроцентного» гуцульского юмора. Он звучит в репликах самих гуцулов, автор фиксирует их поступки и остроумные замечания и комментарии, которые раскрывают перед глазами реципиента совсем «другую» культуру смеха. Однако не будучи собственно гуцулом, И. Хоткевич фиксирует эти вспышки гуцульского юмора фрагментарно, не ставя специально за самоцель рассмешить читателя.

Совсем другую сторону восприятия Гуцульщины юмористической можно увидеть в «Жибьевских новеллах» А. Манчука. Будучи «стопроцентовым» гуцулом, писатель в произведениях показывает собственно «гуцульский» взгляд на жизнь. Автор-гуцул доказывает существование специфического «гуцульского» юмора, не останавливается во время его фиксации на литературном корректировании его особенностей. Этому способствует и диалектный язык, и стиль написания всех произведений. Некоторые из его новелл, размещенные в сборнике, имеют целью не только открыто рассмешить читателя, но и побудить к непроизвольным размышлениям о специфических особенностях именно такой аутентичной юмористической Гуцульщины.

При этом нельзя утверждать, что в юмористических произведениях А. Манчука совсем отсутствует социальный аспект или не определяется особенности времени, места события. Его легко воссоздать с помшью отдельных деталей, тогдашняя действительность проступает в юмористических произведениях А. Манчука штрихами. Писатель ненавязчиво констатирует, что жизнь вокруг не является сугубо такой веселой, преисполненной юмора и остроумного смеха. Именно поэтому отдельные его, казалось бы, юмористические произведения преисполнены черного юмора. Иногда события, зафиксированные в текстах, разворачиваются или в фантастическом ирреальном мире, или и в реальности на грани абсурда и логики. Автор четко фиксирует моменты, которые позволяют «по-другому» воспринимать сущность гуцульского мира, которая может показаться интеллигентному читателю совсем абсурдной. Становясь объектом смеха, гуцул в произведениях А. Манчука не осознает этого процесса, с искренней непосредственностью пытается убедить себя и собеседника в своей правде, сугубо гуцульской. Поэтому и юмор воспринимается в произведениях писателя-гуцула прежде всего не просто как явление всеобщей культуры смеха, а как элемент картины мира гуцульской жизни.

Именно поэтому «гуцульский» юмор в произведениях И. Хоткевича и А. Манчука являет-

ся неотъемлемой ключевой константой всестороннего восприятия Гуцульщины начала XX в. как составляющей украинского этнического пространства.

Примечания

[1] Хоткевич, Г.М. Твори. Х., [1928]. Т. 7. Гуцульські оповідання / ред. і передм. А. Березинський. [Б. м.] : [б.в.], 1931. С. 217. Тут и далее по тексту сохраняем авторскую стилистику и язык произведений, которые написаны диалектом.
[2] Там же. С. 225.
[3] Там же. С. 226.
[4] Там же. С. 227.
[5] Там же. С. 230.
[6] Змеи.
[7] Хоткевич, Г. М. Твори. Т. 7... С. 228.
[8] Убил.
[9] Там же. С. 111
[10] С англ. toilet humor.
[11] Там же. С. 103.
[12] Там же. С. 113.
[13] Название сборника произведений происходит от старого названия местности, где они были написаны, – Жибье, ныне это г. Верховина Ивано-Франковской области в Украине.
[14] Гречко, І. Замість передмови // Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 9.
[15] Одним из видов гуцульского диалекта, распространенного на Верховине.
[16] Хоткевич, Г. Збірка Юрія Кміта «З гір» // Літературно-науковий вісник. 1908. Т. 41. С. 442.
[17] Гречко, І. Замість передмови... С. 8.
[18] Гуцульщина: Історико-етнографічне дослідження. К., 1987. С. 48.
[19] Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 48.
[20] Там же. С. 49.
[21] Гроб.
[22] Манчук, О. Жьиб'ївські новелі. Боффало, 1992. С. 51.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 139–143.

И. В. Войтещук

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОДА» (на материале немецкого и русского языков)

Рассматриваются закономерности речевой объективации концептов. Особое внимание уделяется описанию коммуникативно-номинативных характеристик научных и художественных текстов, их влиянию на выражение той или иной концептуальной информации. Определяется место концепта «вода» в научной, наивной и художественной картинах мира.

Ключевые слова: *концепт, функциональный стиль, научный и художественный тексты, способы научного, наивного и художественно-образного познания мира*.

Двойственная природа человеческого языка, существующего в виде кода, системы, и его контекстуальной реализации, речи, делают актуальным описание речевого аспекта объективации концептуальных единиц.

Особенности речевой объективации концептов проявляются в продуктах речи – устных и письменных текстах. Текст представляет собой линейную последовательность языковых знаков, каждый из которых покрывает часть того или иного концептуального содержания. Образуя смысловые отрезки (словосочетания, предложения, абзацы) в пределах цельного текста, знаки и объективируемые ими концепты вступают в отношения, соответствующие отношениям предметов, явлений реального, идеального мира, отраженным сознанием. Другими словами, текст эксплицирует упорядоченную систему концептов, количество которых зависит от величины линейной последовательности и новизны содержания представленных в ней знаков.

Понятие текста, однако, далеко не исчерпывается его структурно-знаковым уровнем. В лингвистических определениях этого термина акцент ставится на коммуникативной и

прагматической направленности текстового целого: к обязательным текстовым характеристикам относят тип коммуникации, интенции отправителя и получателя, их отношение к тексту, идентичность восприятия получателем текста авторским целям и так далее [4 ; 8].

Коммуникативные компоненты текста оцениваются, подобно номинативным, как концептуально значимые. Характер говорящего, особенности речевой ситуации, понимание намерений автора и получателей – эти и подобные проблемы являются предметом исследований по этногерменевтике и этнориторике – наук, нацеленных на выявление этноспецифических и интеркультурных черт менталитета носителей разных языков [6. С. 8].

Коммуникативные особенности текста влияют на выбор средств его номинативной организации, соответственно, по тем или иным номинативным средствам, представленным в тексте, можно судить о целеустановках его создателя. Текст, таким образом, предстает как прочный «сплав» коммуникативных и номинативных характеристик. Отсюда следует, что анализ концептуальной информации по данным текста имеет смысл и достоверность только при условии учета взаимопроникновения его коммуникативного и номинативного планов.

В качестве категории, позволяющей судить об особенностях коммуникативно-номинативного «сплава» в тексте мы рассматриваем понятие функционального стиля. Функциональный стиль есть совокупность приемов построения текста, выражающихся прежде всего в создании и избрании лексики, синтаксических конструкций для нужд определенного функционально-тематического содержания [7. С. 152]. В лингвистике текста и стилистике традиционно выделяют деловой, книжно-литературный, разговорно-бытовой, научный, публицистический стили [2 ; 9]. Совокупность коммуникативно-номинативных особенностей текстов каждого стиля определяет характер объективации и прочтения заложенных в тексте концептуальных единиц. Один и тот же концепт в разных функциональных стилях открывает отличительные смыслы, выступающие в качестве дополнительных к его ядерным характеристикам.

В данной статье для иллюстрации стилевых особенностей объективации концепта «вода» мы ограничиваемся описанием фактов научной и художественной литературы.

Концепт «вода» в научном стиле представляет собой некоторую совокупность научных знаний, гипотез о денотате «вода», возникших в результате соответствующих научных наблюдений, экспериментов, логических рассуждений, то есть в результате научного познания свойств этого предмета. Условия познания, характер полученных знаний оказывают влияние на способ подачи материала в научном тексте. К основным признакам научного изложения относят высокий уровень абстрактности, терминологичность и однозначность понимания речи, превалирование описаний объективно существующих закономерностей над индивидуальными, национальными чертами личности автора текста [7 ; 9].

Научно выверенное описание концепта «вода» можно обнаружить в литературе и высказываниях по различным отраслям научного знания (сельскохозяйственное производство, медицина, ветеринария, химическая, металлургическая, автомобильная промышленность, культурология, лингвистика и так далее), а также в энциклопедических сборниках общего и специального типа. Анализ немецких и русских энциклопедических источников выявляет следующие содержательные стороны концепта «вода»:

– физико-химические свойства элемента:

ВОДА, окись водорода, H_2O, простейшее устойчивое в обычных условиях химические соединения водорода с кислородом (11,19% водорода и 88,81% кислорода по массе), молярная масса 18,0160; бесцветная жидкость без запаха и вкуса (в толстых слоях имеет голубоватый цвет) [6. С. 171].

W. erstarrt bei 0° C (unter 200 MPa Druck bei – 20° C) unter Ausdehnung um 1/11 seines Volumens zu Eis; die dabei auftretenden Kräfte können Felsgestein zertrümmern und sind maßgeblich an dessen Verwitterung beteiligt. W. siedet unter Normaldruck (101,3 kPa) bei 100° C (unter 9,37 kPa bei 50° C, unter 1,555 MPa bei 200° C) zu W.- dampf ... [13. С. 378];

– разновидности природных вод и их характеристики:

В. в природных условиях всегда содержит растворенные соли, газы и органич. вещества. <...> При концентрации солей до 1 г/кг В. считают пресной, до 25 г/кг – солоноватой, свыше – соленой.

Наименее минерализованными В. являются атмосферные осадки (в среднем ок. 10–20 мг/кг), затем пресные озера и реки (50-1000 мг/

кг). Соленость океана колеблется ок. 35 г/кг; моря имеют меньшую минерализацию (Черное 17–22 г/кг; Балтийское 8 – 16 г/кг; Каспийское 11–13 г/кг). Минерализация подземных В. вблизи поверхности в условиях избыточного увлажнения составляет до 1 г/кг, в засушливых условиях до 100 г/кг, в глубинных артезианских В. минерализация ***колеблется в широких пределах*** [10. С. 171].

Man schätzt, daß auf der Erde 1,64 Trillionen Tonnen Wasser vorhanden sind, der Hauptteil in den ***Meeren und im Polareis; 2,2 % davon sind chemisch*** *gebunden. In der Atmosphäre (bis 4 Vol. – %) tritt das W. als Regen, Nebel, Tau, Wolken, Schnee, Hagel oder Reif auf. Regen-W. enthält neben Staub Sauerstoff, Stickstoff, Kohlendioxyd, Ammoniumnitrat und – nitrit. Quell-, Fluß- und Grund- W. erthalten etwa 0,01 bis 0,2% gelöste Stoffe (vgl. Wasserhärte) ...* [16. С. 619]*;*

– функциональное назначение воды

Воде принадлежит важнейшая роль в геол. истории планеты. Без В. невозможно существование живых организмов (ок. 65% человеческого тела составляет В.). В. – обязат. компонент практически всех технол. процессов как пром., так и с.-х. произ-ва. В. особой чистоты необходима в произ-ве продуктов питания и медицине, новейших отраслях промышленности (производство полупроводников, люминофоров, ядерная техника), в хим. Анализе [10. С. 213].

W. ist für lebende Organismen unentbehrlich; der menschliche Organismus enthdlt rund 60 % W. und braucht täglich rund 3 l W., davon wird 1/6 durch Oxydation von Narungsmitteln gewonnen. Frische Wiesenpflanzen enthalten 70 bis 80% W.; eine Sonnenblume verdunstet je Tag 1 l, eine Birke 60 bis 70 l W. In der modernen Technik ist W. unentbehrlich als Lösungsmittel, von allem in der chemischen und der Lebensmittelindustrie, als Arbeits-und Kühlmittel in der Enegiewirtschaft und für viele andere Zwecke [16. С. 619];

– проблемы загрязнения природных вод:

Потребление В. населением должно быть безопасно в эпидемиологич. отношении; В. не должна содержать болезнетворных бактерий и вирусов. Водный путь распространения характерен для возбудителей холеры, брюшного тифа, паратифов и лептоспирозов, в известной мере также для возбудителей дизентерии, туляремии, эпидемического гепатита, бруцеллеза. <...> Эпидемиологич. безопасность В. обеспечивается очисткой сточных вод и их обеззараживанием, мерами санитарной охраны водоемов, очисткой и обеззараживанием водопроводной В. [10. С. 174].

Die Belastung der Umwelt mit Schadstoffen gefährdet das W. und somit auch Flora und Fauna und die menschl. Gesundheit.

Durch ungünstige klimat. Bedingungen und hohe Bev.-Dichten besteht in vielen Gebieten der Erde ständig oder zeitweilig W.-Mangel, insbesondere an Trink-W. für ärmere Bevölkerung. Bev.-Wachstum und anhaltende W.-Verschmutzung werden im 21. Jh in vielen Regionen einen gravierenden Trinkwassermangel hervorrufen, militär. Auseinandersetzungen am Trink-W. werden befürchtet [14. С. 591] и так далее.

В отраслевых энциклопедических справочниках авторы обращаются к узкоспециальным вопросам типа «бактериология воды», «вода как фактор распространения инфекционных заболеваний», «водозащита, дренаж, барраж», «требования к качеству воды в связи с ее использованием в хозяйстве», «очистка сточных вод», «участие воды в жизнедеятельности человеческого организма» и др. [12 ; 15 ; 17].

Наряду с терминологической лексикой в текстах научного стиля используются, хотя и ограниченно, слова с нейтральной стилистической окраской, входящие в лексический фонд естественного языка. Лексемы *Wasser*, *вода* образуют синтаксические конструкции со знаками *blau*, *klar*, *unentbehrlich*, *rein*, *schmecken*, *sich sammeln*, *bedecken* [13. С. 378–379]; *находится*, *количество*, *пресная*, *представление о ...*, *водоем*, *служить*, *лишить* [10. С. 171–174] и др.

Семантика естественного языка отражает, по общему мнению лингвистов, наивные, донаучные знания о соответствующих предметах окружающего мира [1 ; 5]. Использование в научных текстах средств естественного языка доказывает способность текстов этого типа отражать, хотя и ограниченно, элементы концептов наивной картины мира. Наличие результатов наивного познания особенно остро ощущается в научной литературе по культурологии и лингвистике, нацеленной на выявление наивных представлений того или иного народа, народов об окружающем мире. В таком ключе исследуемый концепт представлен, например, в словарях «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» под ред. Н. И. Толстого, «Константы. Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова, в книге А. И. Афанасьева «Живая вода или вещее слово», в «Knaurs Lexikon der Symbole», «Herder-

Lexikon. Symbole», «Lexikon alter Symbole» Дж. К. Купера и др.

Описание объективных закономерностей в текстах научного стиля не исключает наличия в них некоторого субъективного момента. Следуя мысли В. В. Флейшера, мы считаем правомерным утверждать значимость роли автора в создании научного текста [9. С. 261]. Отправитель текста есть лицо, определяющее его композицию, номинативные средства, модальность, его идеи. В этом смысле любой научный текст обладает определенной художественной ценностью, является авторским «творением» и входит как таковой в художественную картину мира.

Учитывая сказанное о содержании концепта «вода» в стиле научной литературы, мы признаем, что исследуемый концепт открывает, сообразно целям научной коммуникации, ту часть информации, что составляет научную картину мира; элементы наивной и художественной картин мира присутствуют здесь, но отходят на второй план как несущественные для основных коммуникативных задач научных текстов.

Специфика объективации концепта «вода» в стиле художественной литературы связана с особенностями художественно-образного познания окружающего мира. Художественные тексты отражают реальный и идеальный миры через призму индивидуального авторского восприятия. Изображая объекты мира, художник вкладывает в язык произведения переживаемые чувства, эмоции, представления, привнося в действительность текста определенную картинность, наглядность и эстетику и не рассчитывая при этом на полную адекватность восприятия читателями написанного [2 ; 3 ; 9].

Для одновременного выражения мнений и чувств в текстах этого типа выработан специальный язык. Язык художественной литературы отличается следующими особенностями:

1. Он включает богатства общенародного языка, в частности, его лексику, фразеологию, паремии:

Женщина отослала часовых движением бровей, налила в стакан ***воды*** *из графина и заставила Леську выпить. (И. Сельвинский. О, юность моя). Не позволяй душе лениться! / Чтоб* ***в ступе воду не толочь****, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь! (Н. Заболоцкий. Не позволяй душе лениться). – Так и будешь лежать? – В голосе его [Петра Бородина] звучала уже откровенная ненависть к сыну. / – Полежу пока. / –* ***Под лежач камень и вода не течет*** *… Хозяйство-то хиреет. Один конюшишко был – и тот ушел… (А. Иванов. Повитель).*

… ***das Wasser*** *des Stroms, das man sich sonst nicht trübe genug denken kann, verriet durch Flaschengrün und Schwarzblau Untiefen und Tiefen der Elbe. (S. Lenz. Deutschstunde). Ist nicht das Vergangene Element und Lebensluft des Erzählers, ihm als Zeitfall vertraut und gemäß* ***wie dem Fisch das Wasser****? (Th. Mann. Joseph und seine Brüder). So war er [Pineiß] nun mit der Alten unauflöslich verehelicht, und in der Stadt hieß es, als es ruchbar wurde: «Ei seht, wie* ***stille Wasser tief sind****! Wer hätte gedacht, daß die fromme Begine und der Herr Stadthexenmeister sich noch verheiraten würden! …» (G. Keller. Spiegel, das Kätzchen).*

2. В нем используются речевые средства всех функциональных стилей, в том числе научного:

Огромные массы холодного зимнего воздуха, соприкасаясь с поверхностью более теплых ***вод****, охлаждают* ***воду****, но нагреваются. (Гр. Адамов. Тайна двух океанов).*

Und in der gleichen Sekunde, in der ***das*** *eiskalte* ***Wasser*** *durch das bereits erhitzte Rohr von der Preßluft gewaltig in die weißglühende Kugel geschossen wird, erfolgt eine ohrenbetäubende Detonation. (W. Steinberg. Pferdewechsel).*

3. Язык художественного текста формируется в зависимости от отношения автора к содержанию текста. В «образе автора» как видоспецифическом признаке художественной литературы синтезируются, согласно В. В. Виноградову, «распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразие синтаксического движения» [2. С. 229]. Действие данной категории проявляется, к примеру, в создании автором индивидуальных тропов, окказиональных метафор, строящихся на базе общеязыковых значений слов:

Много ли, мало ли прошло времени, только родила мать ***Вода*** *от отца Огня сына-богатыря. (Е. А. Пермяк, Как Огонь Воду замуж взял). К Ял-Майнену, оставив порт, / В свирепый шторм ушли суда. / Семисаженная* ***вода*** */ Перелетает через борт. / Бушует норд. (К. Симонов. Мурманские дневники).*

In der Nähe fiel der Fluß über ein Wehr, ***das Wasser*** *seufzte und gurgelte. (E. Neutsch, Spur*

der Steine). Das Schießgewehr schießt, und das Spießmesser spießt / Und ***das Wasser*** *frißt auf, die drin waten (B. Brecht. Ballade vom Weib und dem Soldaten).*

Особенности языка художественной литературы содержат комплексный характер описания заключенных в нем концептуальных единиц. Концепт «вода» выступает в текстах данного типа в качестве результата наивного и художественно-образного познания, источниками которых служат, соответственно, «образ автора» и общенародный язык. Концептуальная информация научного толка является более редким явлением в художественном тексте, ибо ее появление зависит от тематики произведения и научной эрудиции автора.

Широкая реализация элементов наивной и художественной картин мира в пределах художественного текста открывает еще одну существенную особенность объективируемых здесь концептов. Являясь преимущественно результатом наивного, художественно-образного познания, совершающегося на ограниченном участке земного шара в определенных условиях какой-либо нацией, концепты в художественных текстах обеспечивают существование национальной специфики концептуальных образов мира, стимулируют разнообразие национальных картин мира.

Таким образом, реализация того или иного аспектуального вида концепта зависит от стилевых особенностей текста. Сообразно целям научной коммуникации, концепт «вода» в научном стиле предстает в первую очередь как часть научной картины мира. Научная информация о денотате «вода» составляет универсальную, интеркультурную часть содержания концепта. На второй план в научных текстах отходят элементы наивной и художественной картин мира. Концепт «вода» в художественных текстах, наоборот, является результатом наивного и художественно-образного способов освоения мира и обнаруживает яркую национальную специфику. Появление научной информации о денотате «вода» в текстах этого стиля возможно, но второстепенно.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. 472 с.

2. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 320 с.

3. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие. М., 1991. 448 с.

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.

5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М., 2000. 352 с.

6. Пименов, Е. А. Этногерменевтическая интерпретация политического текста (Квантитативные и квалитативные параметры) // Этногерменевтика: грамматические и синтаксические проблемы / под. ред. Е. А. Пименова, Х. Бартель. Сер. Этногерменевтика и этноритрика. Вып. 1. Кемерово, 1998. С. 6–11.

7. Рождественский, Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979. 224 с.

8. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М., 1986. 127 с.

9. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel; 2., unveränd. Aufl. Leipzig, 1977. 39 s.

Словари

10. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 5 / гл. ред. А. М. Прохоров; 3-е изд. М., 1971. 640 с.

11. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. 1452 с.

12. Горная энциклопедия : в 5 т. Т. 1 / гл. ред. Е. А. Козловский. М., 1984. 560 с.

13. Bi Universallexikon : in 5 Bd. Bd. 5 / hrsg. von der Lexikonredaktion des VEB Biblographisches Institut. Leipzig, 1988. 480 s.

14. Brockhaus. Die Enzyklopädie : in 24 Bd. Bd. 23 / überarb. und akt. Aufl. Leipzig–Mannheim,1999. 791s.

15. Kleine Enzyklopädie. Technik / hrsg. von E. Lüder. Berlin, 1966. 860 s.

16. Meyers neues Lexikon : in 8 Bd. Bd. 8 / hrsg. von der Lexikonredaktion des VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1964. 960 s.

17. Zetkin-Schaldach. Wörterbuch der Medizin / hrsg. von H. Schaldach; 5., überarb. und erw. Aufl. Berlin, 1973. 880 s.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 144–148.

Н. М. Глушкова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ДРУГ»

Освещаются теоретические основы понятия «лингвокультурный типаж», его взаимосвязь с языковой личностью, а также их выражение средствами социокультурного компонента. В ходе анализа выделяется ряд особенностей выражения лингвокультурного типажа «друг», описанный с точки зрения детского персонажа на материале англоязычного романа.

Ключевые слова: *лингвокультурный типаж, языковая личность, лингвоперсонология*.

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений в теоретической лингвистике на данный момент является лингвоперсонология – наука о языковой личности. Основоположник этого направления Ю. Н. Караулов концентрируется на изучении языкового сознания и коммуникативного поведения, а сам термин и его первоначальное определение были сформулированы В. П. Нерознаком [3], [4]. При этом языковую личность можно рассматривать одновременно как индивидуализированный, так и общественно-типизируемый феномен. В культурологическом аспекте языковая личность является основой для понятия «лингвокультурный типаж». В данной работе мы понимаем его как обобщенный образ личности, чье поведение и чьи ценностные ориентации определенным образом влияют на лингвокультуру в целом и служат индикаторами этнического и социального своеобразия общества» [1]. Необходимо, прежде всего, разграничить понятия «лингвокультурной личности» и «лингвокультурного типажа». Самый общий уровень в изучении типажа с точки зрения лингвокультурологии – это этнокультурный тип в целом (типичный представитель какой-либо национальности), оцениваемый со стороны представителей других этносов. Более узко изучается тот или иной социокультурный тип в рамках изучаемой культуры – как представитель определенного образа жизни и социального слоя в рамках того или иного этноса. Эти социокультурные типы становятся в общественном сознании модельными личностями, устанавливающими ценностные ориентиры поведения.

Следующий важный аспект изучения личности в лингвокультурологии – это лингвокультурные типажи, «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [1. С. 9]. Лингвокультурный типаж является сугубо абстрактным ментальным образованием, разновидностью концепта, а также обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками. Вслед за В. И. Карасиком, мы понимаем лингвокультурный типаж как концепт, содержанием которого является типизируемая личность [2]. Одними из способов выражения лингвокультурного типажа являются его воплощение как персонажа художественного произведения, как обобщенный образ реальных исторических либо вымышленных личностей. Мы можем рассматривать лингвокультурный типаж через его коммуникативное поведение, производимый им вербальный ряд, а также через изучение паравербального поведения. Для нашей работы особый интерес представляет именно сочетание изучения социокультурного компонента и выраженного с его помощью лингвокультурного типажа. Для анализа берется актуальная для понимания соответствующей культуры личность, далее мы сосредоточиваемся на изучении этой личности с учетом обозначения, выражения и описания выраженного в языке концепта. Основа выбора личности для описания ее в рамках социокультурного компонента лингвокультурного типажа – это ее выраженность в литературе изучаемого языка в виде персонажа художественного произведения, значимость для культуры, наличие ценностной составляющей в концепте, возможность ее вербальной и паравербальной репрезентации, возможность ее описания с помощью приемов социолингвистического и лингвокультурологического анализа.

Лингвокультурный типаж и его многообразием является динамичным, быстро обновляющимся феноменом, и его развитие лучше всего прослеживается при анализе современной литературы. При выборе объекта для анализа мы руководствуемся, с одной стороны, его адекватностью и актуальностью современной картине мира определенного языка, а с другой – его закрепленностью, уже устоявшимся ха-

рактером в литературной традиции языка. На наш взгляд, обоими качествами обладает литература середины XX и начала XXI вв. Также мы бы хотели сосредоточиться на описании литературного типажа, редко освещаемого в современных лингвистических работах, но достаточно объемно представленного в романах англоязычных авторов – детского лингвокультурного типажа «друг». Несмотря на то, что ребенок очень часто является протагонистом литературного произведения, и, таким образом, отражает значительную часть языковой картины мира, этот образ и свойственные ему отношения – один из самых малоизученных в современной лингвокультурологии.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на выражении лингвокультурного типажа «друг» с точки зрения ребенка посредством социокультурного компонента в романе ирландского автора Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» («The Boy in the Stripped Pyjamas», 2006), повествующем о дружеских и трагичных отношениях Бруно, сына немецкого офицера, и еврейского мальчика Шмуэля, отделенного от него колючей проволокой концентрационного лагеря.

Коммуникативный компонент языковой личности, выраженный в социокультурных особенностях, является наиболее актуальным для анализа. Один из главных способов выражения этого аспекта – акцент в передаче автором паравербальных особенностей поведения ребенка и его близких. Во-первых, они отражают разные уровни внутрисемейных отношений: старая служанка в доме не поднимает глаз («family's maid-who always kept her head bowed and never looked up from the carpet»), отец говорит с домашними с интонациями, который недопустимы для сына («his mother had always told him that he was to treat Maria respectfully and not just imitate the Way Father spoke»).

Мир человеческих отношений, включающих концепты «семья» «работа», «дружба», воспринимается ребенком в его изначальном виде, без четкого осознания причинно-следственной связи, с ярко выраженной стратегией заимствования и воспроизведения в начале произведения: «he knew that you could never be too careful with strangers and it was always best to approach them with caution», «He stared at the boy and considered asking him why he looked so sad but hesitated because he thought it might sound rude». Автор подчеркивает также бессознательный характер анализа поведения близких: отношение матери к переезду через ее руки («she was twisting her hands together nervously as if there was something she didn't want to have to say or something she didn't want to have to believe»), глаза («the rims of her eyes were more red than usual»), улыбку, которая не появилась из-за неуместности ситуации («she said, looking as if she might smile for a moment but thinking better of it»).

Одна из ключевых особенностей картины мира ребенка – это его зависимость от взрослых людей, и мы уже сейчас можем отметить двоякий отношение мальчика к такому положению вещей: тревога, удивление и принятие решения о переезде («he asked, running quickly through the events of the previous few days to consider whether he'd been particularly naughty or had used those words out loud that he wasn't allowed to use and was being sent away because of it»), спонтанность поведенческих реакций («Bruno's eyes opened wide and his mouth made the shape of an O. He felt his arms stretching out at his sides like they did whenever something surprised him»), внутренняя борьба, выражаемая интонациями и невербальным языком («he repeated, spluttering out the words as if his mouth was full of biscuits that he'd munched into tiny pieces but not actually swallowed yet», «he could feel something growing inside him, something that when it worked its way up from the lowest depths inside him to the outside world would either make him shout and scream that the whole thing was wrong and unfair and a big mistake …, or just make him burst into tears instead»), внутренняя открытость перед самим собой («he was honest with himself - which he always tried to be»), понимание неравенства во мнении («apparently it was all right if she interrupted him but it didn't work the other way round»). В описании картины мира ребенка особое место занимает необходимость подчинения коммуникативным рамкам общества, которая в значительной степени выражается в градации речи, выборе интонаций и лексических средств, паравербальном поведении в зависимости от ситуации и собеседника («shouting, which, was not allowed indoors», «said Bruno, interrupting her, a thing he knew he was not supposed to do», «there was certainly no need for Bruno to break the rules of politeness which he had been taught»). Подобное двоякое положение вызывает внутренний диссонанс в поведении ребенка, который естественным образом отражается в разнородности используемых им лексических, стилистических средств,

изменениях интонации и невербальной коммуникации, тактик и стратег поведения.

Здесь мы непосредственно переходим к ключевым особенностям выражения типажа «друг», особенно четко проявляющимся в сравнении с описанием других отношений. Дж. Бойн ярко обрисовывает категоричность и четкость в описании ребенком своих коммуникативных связей и предпочтений («they're my three best friends for life!»). Сестра (соперник за родительскую любовь, непонятная и чуждая личность на данном этапе развития) стоит гораздо ниже в ценностной иерархии, чем трое лучших друзей: «He wasn't particularly bothered if Gretel was being sent away because she was a Hopeless Case and caused nothing but trouble for him», «Who would he miss the most?' asked Bruno. 'Me or Gretel?». В то же время расставание со школьными друзьями воспринимается более трагично, чем любой другой недостаток внезапного переезда («his voice coming dangerously close to shouting »). Еще более невероятным, с точки зрения ребенка, кажется легкомыслие, с которой взрослые говорят именно о дружеских отношениях: «'Oh, you'll make other friends,' said Mother, waving her hand in the air dismissively, as if the making of a boy's three best friends for life was an easy thing».

Понятия «друг» и «дружба» в представлении ребенка, выраженные автором, являются активным и многосторонним коммуникативным процессом, затрагивающим все этапы развития личности. К ним, например, относится возможность игр, выстраивание первичных общественных связей, положительный и отрицательный опыт создания отношений: «other boys lived in them who he played with (if they were friends) or steered clear of (if they were trouble)». Первое, что бросается в глаза мальчику при виде нового дома – это его изолированность и невозможность новых дружеских связей взамен утерянных: «The new house, however, stood all on its own in an empty, desolate place and there were no other houses anywhere to be seen, which meant there would be no other families around and no other boys to play with, neither friends nor trouble».

С точки зрения расстановки отношений в коммуникативной системе ребенка, концепт «друг» и «дружба» обладают огромной ценностью и являются даром, благом, которое надо заслужить и беречь. Главный герой не верит, что у одного из неприятных ему персонажей есть, были или могут быть друзья, настолько высоко это понятие в его ценностной картине мира: «Bruno felt astonished … and even more surprised to learn that Lieutenant Kotler had ever had friends». В то же время наличие множества друзей его возраста у маленького пленного Шмуэля и одиночество самого Бруно кажется ему несправедливостью и возможным препятствием к дружбе: «Bruno frowned. He had hoped that Shmuel might have said no as it would give them something else in common».

Следующий важный аспект типажа «друг» с точки зрения ребенка выражается сложными социокультурными понятиями «равенство», «справедливость», «равноценность», и наличие именно этих понятий отличает дружбу от родственных и других связей. Старшая сестра Гретель ассоциируется с насмешками ее подруг, покровительственным тоном: «when it came to the ways of the world, particularly any events within that world that concerned the two of them, she was in charge», тогда как друзья принимают его, несмотря на маленький рост: «Whenever he walked along the streets with Karl, Daniel and Martin, people sometimes mistook him for the younger brother of one of them when in fact he was the second oldest». Вместе с тем мы наблюдаем, как одинаково непривычное и непонятное место, новое окружение и отсутствие старых друзей ставит брата и сестру на одну ступень, и только с этого этапа между ними появляется проблески дружбы: «for the first time they stood there together, shoulder to shoulder, and stared at what was happening».

Одним из основополагающих условий для появления концепта «друг» в жизни ребенка писатель называет наличие совпадений, сходств в характере и судьбе, зачастую, самых неожиданных: общий день рождения или изоляция и недостаток общения. Автор подчеркивает роль случая в момент зарождения дружеских отношений: «Bruno felt very happy all of a sudden. A picture came into his head of Karl and Daniel and Martin, his three best friends for life, and he remembered how much fun they used to have together back in Berlin and he realized how lonely he had been at Out-With». Такие же высокие ценностные критерии устанавливаются в сознании мальчика в отношении выбора друга. В сферу его личностного концепта «друг» не входят ни насмешливые подруги сестры, ни шумная компания отца: писатель обозначает посетителей дома понятиями «guest», «company», «soldiers», «people», но никогда не употребляет в отношении взрослых людей понятие

«friend». В то же время в отношении мальчика Шмуэля – нового друга Бруно – автор с первой встречи употребляет именно это слово: «‘Do you have many friends?’ asked Bruno… – ‘Oh yes,’ said Shmuel».

Ценность коммуникативного аспекта языковой личности в виде типажа «друг» подчеркивается его сочетанием с понятиями «уступка», «согласие» – необходимыми составляющими любых дружеских отношений. Видя возможность дружбы, Бруно старается использовать как можно более мягкие тактики и стратегии общения, выражает свою симпатию как интонационно и лексическими средствами, так и с помощью паравербального поведения: «He sat down on the ground on his side of the fence and crossed his legs like the little boy and wished that he had brought some chocolate with him or perhaps a pastry that they could share», «‘Shmuel,’ he repeated. ‘I like the way it sounds when I say it», «the last thing he wanted was for Shmuel to think that he was being unkind», «‘Well, we’ll have to agree to disagree,’ said Bruno, who didn’t want to fight with his new friend».

Писатель вовлекает в сферу типажа «друг» такие его неотъемлемые составляющие как «помощь», «услуга», «поддержка». Герой романа, несмотря юный возраст, уже сейчас четко разграничивает свои симпатии и антипатии, и, соответственно, круг лиц, от кого он готов принять помощь: «he had no choice but to put his best interests first and ask Lieutenant Kotler for the unthinkable. A favour».

Одна из ярких черт внутреннего, не зависящего от возраста взросления ребенка находит выражение в первых самостоятельно принятых решениях, в первую очередь, в установлении дружеских связей: «After all, he reasoned, they might not want me to be friends with him any more and if that happens they might stop me coming out here at all. … he had decided that it was better to keep the whole story to himself for the moment and not breathe a word about it». Главный герой не до конца осознает опасность и важность принятого им решения, но огромное значение понятия «друг» в его системе ценностей отодвигает на задний план возможные последствия.

Таким образом, мы подходим к очередной составляющей исследуемого типажа – сопутствующее любой дружбе понятие «секрет» и «тайна». Особенность данного аспекта, прежде всего, в его разделенности, совместном знании нескольким людьми, от чего понятие приобретает не только когнитивную, но и коммуникативную, объединяющую функцию: «It would be his own secret. Well, his and Shmuel’s».

И, наконец, самый важный вклад, по мнению писателя, который заключает в себе типаж «друг» и «дружба» – это окончательная расстановка внутренних приоритетов, разрушение традиционных рамок мышления и поведения, выработка индивидуальной точки зрения и картины мира: «He looked down and did something quite out of character for him: he took hold of Shmuel’s tiny hand in his and squeezed it tightly».

Подводя итог анализу концепта «друг» на материале романа Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме», можно сделать несколько выводов, касающихся выражения языковой личности и изучаемого типажа средствами социокультурного компонента. Мы принимаем во внимание, что авторская точка зрения может придавать как более обобщенно-литературные, так и индивидуальные черты взрослого человека концепту «друг», но это естественным образом дополняет концептосферу, переданную глазами ребенка. Изучая лингвокультурный типаж «друг», его место в многообразии общественных отношений и содержательный аспект с точки зрения героя произведения – восьмилетнего мальчика – мы можем выделить ряд особенностей. Во-первых, при описании общественных отношений, свойственных ребенку, независимо от их социальной или возрастной характеристики, автор активно задействует паравербальные, интонационные и лексические средства. Во-вторых, писатель подчеркивает двойственное отношение ребенка к собственному зависимому положению и его последующее влияние на построение дружеских отношений. С одной стороны, мы отмечаем часто проявляющуюся стратегия заимствования и воспроизведения усвоенных норм поведения и речи; с другой – внутренний протест проявляется в категоричности и быстроте формирования симпатий и антипатий в ходе выстраивания дружеских отношений. Мы можем говорить о задействованности лингвокультурного типажа «друг» и связанных с ним процессов коммуникации во всех сферах развития личности и об особом месте, занимаемом этим концептом в ценностной системе ребенка. Наличие сходств выступает как первая ступень к построению дружеских отношений, но потом этот типаж приобретает дополнительные составляющие, такие как: «равенство», «справедливость», «равноценность»; «уступка», «согласие»; «по-

мощь», «услуга», «поддержка». Особое место при описании исследуемого типажа занимает понятия «секрет» и «тайна», разделенные двумя людьми. В целом, изучение и описание типажа «друг» глазами ребенка может стать ключом для дальнейшего изучения его языковой личности, языковой и общей картины мира.

Таким образом, рассмотрев коммуникативную сферу языковой личности ребенка на материале английского романа XXI в., мы остановили внимание на линвокультурном типаже «друг», переданном глазами детского персонажа. Мы кратко осветили точки зрения на понятия «лингвокультурный типаж», а также его выраженность средствами социокультурного компонента для более полного воссоздания языковой личности того или иного языка. В результате проведенного анализа мы получили возможность вывести ряд специфических особенностей выражения лингвокультурного типажа «друг» и, возможно, внесли небольшой вклад в развитие изучения языковой личности английского языка.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 2005. 310 с.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 264 с.

4. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // «Язык. Поэтика. Перевод» : сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 426. М., 1996. С. 112–116.

5. Boyne, J. The Boy in the Striped Pyjamas [Электронный ресурс]. URL: http://read24.ru/view/john-boyne-the-boy-in-the-striped-pyjamas.html.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 148–151.

И. А. Голованов

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект «Трансформации жанров в русской литературе и фольклоре»).

Рассматривается проблема многоуровневой организации фольклорного текста. Выделяются параметры и категории, значимые при анализе фольклорных текстов, в соответствии с предложенной автором трактовкой фольклора и фольклорного сознания.

Ключевые слова: *художественный текст, фольклор, фольклорное сознание, уровневая организация текста.*

Тезис, что фольклор является особой формой искусства, не сразу стал аксиомой, а признание или непризнание фольклора специфической формой словесной деятельности до сих пор оказывается предметом научных дискуссий.

В нашем исследовании фольклор понимается как устное коллективное традиционно-импровизационное творчество, как духовная, материально не закрепленная часть народной культуры. Данный вид искусства слова является результатом деятельности соответствующего типа сознания – фольклорного сознания, обладающего значимым набором свойств (подробнее см.: [5]). Как и другие типы сознания, фольклорное сознание позволяет человеку наполнить мир смыслом, выйти за рамки индивидуального существования, пережить процесс самоидентификации. С точки зрения фольклорного сознания, индивидуальное вписано в родовое, а исторически изменчивое – в вечное. Приобщение к духовному *космосу* составляет смысл жизни носителя фольклорного сознания.

Одним из главных признаков фольклорного сознания как самобытной системы освоения действительности выступает целостность, единство, что обеспечивается двумя важнейшими категориями – пространства и времени.

Категория пространства носит системообразующий характер в пределах фольклорного сознания. Благодаря этой категории организуется, структурируется и интерпретируется воспринимаемый человеком реальный мир. Моделирование пространства в текстах разных жанров и видов фольклора различно [2 ; 4]. Целесообразно выделять пространство локальное (замкнутое) и космологическое (разомкнутое), освоенное и неосвоенное («свое» и «чужое»), сакральное и профанное, социальное («внешнее») и личное («внутреннее»). Структурирование пространства подчиняется ценностной ориентации и связано с деятельностью человека, которому важно ориентироваться не только в географическом, но и в социальном, психологическом пространстве.

Многоуровневая структура фольклорного текста обусловлена сложной организацией фольклорного сознания, где отчетливо выделяются, как минимум, два уровня: мифологический и исторический. Названные уровни не изолированы друг от друга, между ними существуют напряженные отношения противоречия и взаимовлияния.

Мифологический тип мышления предшествует возникновению собственно фольклорного сознания, фольклор как самостоятельная художественная система формируется на основе мифологии. Исторический уровень в рассматриваемой структуре отражает новое понимание действительности и новую ее интерпретацию: события организуются в последовательный ряд как результат более ранних событий. Другими словами, историческое сознание предполагает отсылку к некоторому предыдущему, но не первоначальному (как в мифологии) состоянию, которое, в свою очередь, связано причинно-следственными отношениями с предшествующим состоянием. Идея эволюции приобретает на этом уровне ключевое значение.

Синтез в фольклорном сознании и, соответственно, в фольклорном тексте двух уровней – исторического и мифологического – создает стереоскопичность видения мира, препятствует одномерному его восприятию. Мифологическое и историческое начала взаимодействуют и дополняют друг друга.

Как и другие типы сознания, фольклорное сознание характеризуется избирательностью и целенаправленностью. Характер этой избирательности и целенаправленности *традиционен*: традиция выступает важнейшей составляющей фольклорного сознания и его текстового воплощения. Выступая в роли коллективной памяти, тексты фольклора выполняют интегративную функцию, сохраняя и транслируя последующим поколениям заключенный в образах и мотивах духовный опыт (знания, оценки, критерии поведения), способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность единения живших и живущих.

Полноценная передача народной мудрости возможна лишь в форме текста, а текст подразумевает определенную организацию. Прозаические жанры фольклора оказываются в этом отношении весьма показательными. Трудности их интерпретации носят объективный характер и обусловлены особенностями воспроизведения. Текстам несказочной прозы свойственна тесная связь с речевым и ситуационным контекстами, отсутствие композиционных и стилистических канонов. Как отмечает К. В. Чистов, данные произведения «обычно не рассказываются без внешнего повода и не имеют зачинов и концовок, формально выделяющих их из обыденного речевого потока» [8. С. 49]. Народная сказка принадлежат к жанрам фольклора, в которых, наоборот, сознательный и целенаправленный процесс творчества, опоры на вымысел, общепризнан.

Вопрос о специфической природе фольклорного текста поднимается сегодня в разных областях филологической науки. При этом единых, общепризнанных критериев подхода к его анализу пока не выработано. По мнению Ю. М. Лотмана, «понятие *текст* для литературоведа оказывается значительно более сложным, чем для лингвиста». «Мы будем понимать под текстом, – пишет ученый, – всю сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение (формула «нашедших графическое выражение» не подходит, так как не покрывает понятия текста в фольклоре). Однако при таком подходе нам придется наряду с внутритекстовыми конструкциями и отношениями выделить внетекстовые как особый предмет исследования. Внетекстовая часть художественной структуры составляет вполне реальный (иногда очень значительный) компонент художественного целого» [7]. Как видим, исследователь стремится применить термин

«текст» ко всем видам словесного творчества, а также к дохудожественным формам и даже внетекстовым конструкциям.

Важный аспект проблемы интерпретации фольклорного текста связан с тем, что в нем «реализуется процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность» [8. С. 157]. Для осуществления фольклорной коммуникации, как показано нами ранее [3], необходима ориентированность, «настроенность» коммуникантов друг на друга, владение традицией (то есть *знанием* элементов обрядовой и необрядовой деятельности, *опытом* взаимодействия в процессе ее осуществления).

Создание художественного произведения выступает качественно новым этапом усложнения текстовой структуры. Ю. М. Лотман в работе «Текст как семиотическая проблема» намечает путь превращения высказывания через «ритуализованную формулу» в текст первого, второго и так далее порядка, вплоть до возникновения художественного текста. «Многоголосый материал получает дополнительное единство, пересказываясь на языке данного искусств», – пишет ученый. И продолжает. «Многоструктурность сохраняется, однако она как бы упакована в моноструктурную оболочку сообщения на языке данного искусства» [6. С. 130].

Многослойный, семиотически неоднородный фольклорный текст, способный вступать в сложные отношения как с культурным контекстом, так и с аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память. Таким образом намечается комплекс уровней анализа фольклорного текста:

1. *Текст – «не-текст».*

Не-текст мгновенен, не зафиксирован в коллективной памяти, текст стремится быть частью памяти культуры этноса. Текст и нетекст, художественный и нехудожественный создают единую систему языка и культуры, имеющую две подсистемы (сакральную и профанную). Воспоминания о минувшем и представления о будущем призваны противостоять размеренности настоящего, они волнуют, будят чувства, эмоции, ощущения. Анализ текстовых (жанровых) групп далее возможно вести по линии «устный – письменный», где переход одного в другой может быть выражен следующими императивами: а) «записываю, чтобы сохранилось» (легенда); б) «записываю, так как говорить об этом запрещено» (апокрифические сказания).

2. *Текст – контекст.*

Все исследователи фольклорной прозы отмечают, что предания и легенды не имеют устойчивых текстов: каждый рассказчик, в зависимости от его творческой индивидуальности, преподносит то или иное произведение фольклора по-своему и является в момент устной передачи, «рассказывания» произведения его автором, творцом. Следовательно, фольклорный текст как форма *о-существления* фольклорного сознания – это не просто «текучий» текст, во многих жанрах он всякий раз создается заново – путем импровизации или различных форм творческого воссоздания. В этом смысле поэтика фольклора – это поэтика текстов, творимых в момент их воспроизведения. Как указывает С. Н. Азбелев, «воссоздание по памяти произведений народного эпоса – не столько точное «репродуцирование» фиксированного памятью материала, сколько творческое воссоздание и «пересоздание»» (с участием импровизации, с учетом реакции аудитории и т. п.) [1. С. 250].

Специфику фольклора составляет не только тесная связь с практической жизнью людей, но и синтетическое, нерасчлененное, недифференцированное переживание положительных (отрицательных) характеристик тех или иных предметов, процессов и действий. Так, например, понимание красоты в фольклоре сопряжено с представлениями о добре, пользе, святости, истинности. С точки зрения носителя фольклора, нет красоты без пользы, без добра. Возвышенное и приземленное, комическое и трагическое в фольклоре взаимосвязаны и взаимно переходят одно в другое.

3. *Художественный – нехудожественный.*

Явлениями искусства фольклорные тексты делает эстетическое начало. Нарастание эстетического в «неэстетичных» жанрах объясняется особенностями сознания людей, их тягой к эстетизации и субъективно окрашенным переживаниям. В устных рассказах о современных рассказчику событиях или о сравнительно недалеком прошлом происходит первоначальный отбор фактов реальной действительности. Указанный отбор осуществляется в самом коммуникативном акте, то есть в процессе устной передачи впечатлений участника или очевидца событий, но ему, в свою очередь, уже предшествовал отбор в сознании – через эмоции и чувства рассказчика. Из множества разнообразных

жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению носителя фольклора, заслуживает того, чтобы быть рассказанным, потому что он произвел сильное впечатление на самого рассказчика или потому, что заключенная в нем информация полезна и интересна слушателю, либо потому что факты прошлого находят созвучие в настоящем.

В процессе бытования мемората может произойти отрыв повествования от первого лица, и тогда материал становится достоянием многих (коллектива в широком смысле этого слова), преобразуется в фабулат, имеющий варианты, или, по нашей терминологии, в предание. Таким образом, отбор жизненного материала, наполнение повествования субъективными переживаниями и его дальнейшая фольклоризация делают рассказы-воспоминания одним из важных источников преданий. Типичным механизмом запуска фольклорного сознания является ситуация, когда через воспоминание о собственной жизни рассказчик обращается к традиционным мотивам и сюжетам.

Специфические процессы фольклоризации событий и героев приводят к созданию художественных произведений народной прозы. Текст обыденный приобретает характер обращения не к конкретному, а к некоему потенциальному, обобщенному слушателю. Многократность воспроизведения эмоционально и эстетически переживаемых рассказов-воспоминаний, их варьирование в зависимости от бытовых контекстов завершаются кристаллизацией фольклорных форм. Этапы перехода от бытового рассказа к художественному творчеству обеспечивают непрерывность функционирования фольклора, связывают фольклорную прозу современности с устно-поэтическими традициями прошлых эпох.

Таким образом обнаруживаются формальные, контекстные и содержательные уровни фольклорного текста.

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на всех проблемах, связанных с осмыслением многоуровневой структуры фольклорного текста, в частности на формальных и содержательных трансформациях, взаимопереходах внутри нее (текст сакральный – текст профанный, текст авторитетный – текст неистинный, ложный и др.). Однако для нас весьма важно, что любой фольклорный текст как актуализация некоторой совокупности традиционных мотивов и образов всегда представляет собой лишь один из многих вариантов такой актуализации.

Список литературы

1. Азбелев, С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.

2. Голованов, И. А. Категория пространства в преданиях Южного Урала // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2009. № 6. С. 217–223.

3. Голованов, И. А. Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 36 (137). Филология. Искусствоведение. С. 26–33

4. Голованов, И. А. Специфика пространственной организации жанра былички // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2009. № 8. С. 139–146.

5. Голованов, И. А. Структура и константы фольклорного сознания // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Вып. 6 (74). С. 267–274.

6. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 129–132.

7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. [Электронный ресурс]. URL : http://www.ruthenia.ru/lotman/papers/sht/6.html.

8. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М., 2005. 272 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 152–154.

Ю. В. Горицкая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ *ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ*

Обосновывается исследование языковой личности автора на основе изучение речи персонажей его произведений. С этой целью рассматривается метод реконструкции языковой личности как один из фундаментальных для характеристики языковой личности автора, владеющего одним языком, а также лингводидактическая и комплексная лингвистическая методика для исследования языковой личности писателей-билингвов, являющихся вторичными языковыми личностями.

Ключевые слова: *вторичная языковая личность, вторичное когнитивное сознание, методика исследования вторичной языковой личности, реконструкция языковой личности*.

В последние годы в связи с осознанием важности эффективного межкультурного взаимодействия и сотрудничества категория *вторичная языковая личность* (дальше ВЯЛ) все чаще становится предметом исследования в области языкознания, что свидетельствует об актуальности исследования.

В рамках новой парадигмы оптимизации процесса обучения иностранным языкам был предложен «системный концептуальный аппарат для описания и моделирования процесса формирования ВЯЛ» [5. С. 3], иными словами, лингводидактическая методика моделирования ВЯЛ, разработанная И. И. Халеевой на основе трехуровневой модели языковой личности Ю. Н. Караулова [1 ; 5].

В лингвистике категория ВЯЛ входит в круг интересов Н. А. Мамонтовой [3]. Ее концепция уровней лингвокультурологического описания ВЯЛ находится на стыке лингвокультурологии, собственно лингвистики и лингводидактики, но она ориентирована скорее на формирование ВЯЛ, или редупликацию первичной ЯЛ, в терминологии Н. А. Мамонтовой [3], чем на изучение уже сформированной ВЯЛ.

Таким образом, несмотря на повышенный интерес к ВЯЛ, разработке методики ее изучения не уделялось должного внимания. Следовательно, **цель** статьи – исследовать методологические основы изучения ВЯЛ. Цель статьи определяет постановку следующих **задач**: 1) охарактеризовать методику реконструкции языковой личности как основополагающую для разработки методик исследования ВЯЛ; 2) рассмотреть лингводидактическую методику изучения ВЯЛ; 3) предложить новую методику исследования ВЯЛ в лингвистике.

Один из способов исследования языковой личности (дальше − ЯЛ) − это «реконструкция ЯЛ на базе дискурса персонажа в художественном произведении» [1. С. 9], поскольку, по словам Ю. Н. Караулова, «духовность опредмечивается в речевых поступках человека, языковом его поведении, то есть в широком смысле − в текстах, им порождаемых» [1. С. 70]. Такого же мнения придерживается и И. И. Халеева, утверждающая, что «одним из способов отражения субъективированной языковой картины мира, равно как и обобщенным (хотя и неизбежно фрагментарным) носителем энциклопедического знания о мире является текст (совокупность текстов), в котором объективируются как тезаурус-словарь, так и энциклопедическое знание мира, присущие языковой личности» [5. С. 20]. Следовательно, язык персонажей художественного произведения характеризирует и его автора, поскольку автор «говорит» с читателями устами персонажей своих книг. Из сказанного выше следует вывод, что художественные произведения можно рассматривать как речь писателя. По методике реконструкции ЯЛ Ю. Н. Караулова, на которую ссылаются в лингвистике и лингводидактике, «для воссоздания содержания ЯЛ героя необходимо “забыть” автора, действительного “отправителя” всего текста, а значит, подходить к последнему (к персонажу) как к реальному лицу, то есть как к “факту”» [1. С. 72]. Соответственно, чтобы реконструировать ЯЛ автора, необходимо исследовать языковые личности его персонажей.

Для моделирования ЯЛ как писателя, так и персонажа, по мнению Ю. Н. Караулова, следует дать характеристику трем уровням ЯЛ (вербально-семантическому, тезаурусному и мотивационному) с акцентом на двух последних, поскольку «этот уровень исследования языка − нулевой для личности и в известном смысле бессодержательный, хотя совершенно ясно, что он составляет необходимую предпосылку ее становления и функционирования»

[1. С. 36]. Вербально-семантический уровень – не показательный при реконструкции национальной ЯЛ, поскольку он констатирует факт употребления человеком набора слов и конструкций. Однако он важен для характеристики владения иностранным языком, и соответственно, для реконструкции ВЯЛ, а также он есть неотъемлемой частью исследования, если мы изучаем его в неразрывном сочетании с лингвокогнитивным и прагматическим структурным компонентом ЯЛ. За Ю. Н. Карауловым, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения − выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [1. С. 36]. Из сказанного выше следует вывод, что можно говорить про ЯЛ только при рассмотрении индивида сквозь призму его интеллектуальных способностей, вербализированных в речи.

Что касается *способов реконструкции вторичной языковой личности*, в лингводидактике разработана методика И. И. Халеевой, которая уделяет особое внимание когнитивному уровню ЯЛ, утверждая, что «феномен инокультурной языковой личности придает категории знаний о мире индекс обязательности» [5. С. 18]. Ее концепция основана на том, что при обучении иностранному языку следует не только улучшать языковые компетенции, но и давать знания о культуре, особенностях культурных стереотипов, мотивации, чтобы в результате сформировать «вторичное (удвоенное) когнитивное сознание» и таким образом подключить учащихся к когнитивному уровню ЯЛ [5. С. 18].

Вслед за Ю. Н. Карауловым [1] И. И. Халеева выделяет вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни, но тезаурусный уровень она разделяет на два подуровня – Тезаурус-I и Тезаурус-II. Под Тезаурусом-I она понимает «способ формирования языкового сознания, восходящего к языковой картине мира, и тем самым напрямую связанный с ассоциативно-вербальной сетью языка» [5. С. 18], а Тезаурус-II, источники которого есть чувственный опыт и отраженная в текстах деятельность, истолковывается как «знания о мире (не всегда находящие непосредственную корреляцию в словарном фонде), формирующие когнитивное сознание и тем самым общую картину мира на уровне концептуальной системы, в частности, как системы пресуппозиций и импликаций, то есть невысказанных допущений и практик» [5. С. 18]. Таким образом, Тезаурус-I – это языковая картина мира, а Тезаурус-II – это концептуальная картина мира, которые в совокупности являют собою когнитивную сферу личности, но их разделение в лингводидактических целях дает возможность дифференцировать овладение индивидуумом языковой и концептуальной картиной мира. С одной стороны, их взаимозависимость очевидна, поскольку «формирование тезауруса-I совершается при организующем воздействии тезауруса-II, но и тезаурус-II неизбежно опирается на объективируемый в слове тезаурус-I» [5. С. 19], так же, как и взаимообусловленность языковой и концептуальной картины мира, но, с другой стороны, по мнению В. Масловой, «люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, − разные» [4. С. 67]. Это объясняется тем, что, несмотря на уже доказанную взаимосвязь между языком и мышлением [2. С. 606–607], похожие представления о мире могут быть и у представителей разных лингвокультур так же, как и разные знания могут быть закреплены в одном языке.

В лингвистике на сегодняшний день не существует исследований с комплексным описанием ВЯЛ, в отличие от характеристики отдельных ее аспектов и, в результате, своей методики исследования. В связи с этим, взяв за основу методику Ю. Н. Караулова [1], мы предлагаем методику изучения вторичной языковой личности, под которой в нашем исследовании мы понимаем писателя-билингва, владеющего двумя языками, закрепленными в них знаниями о мире и характерными для представителей обеих лингвокультур интенциями.

При владении двумя языками будет прослеживаться взаимопроникновение двух языков и культур, что приведет к перемыканию кодов и другого рода интерференционных явлений. В связи с переплетением или удвоением у ВЯЛ знаний о мире, стереотипов мышления, мотивационных установок, каждый уровень ЯЛ (вербально-семантический, тезаурусный, мотивационный) необходимо разделить на два подуровня − восходящий к первичной и собственно вторичной языковой личности.

Под *первичной языковой личностью* мы понимаем билингва, охарактеризованного с точки зрения влияния его первого родного языка

на использование системных средств языка, сформированную у него языковую картину мира, а также интенциональную сферу.

Собственно вторичную языковую личность можно интерпретировать как билингва, охарактеризованного с точки зрения влияния его иностранного языка на использование языковых средств, его языковую и концептуальную картину мира, а также мотивацию. Это наглядно продемонстрировано в приведенной ниже таблице (табл. 1).

Таблица 1

Структура вторичной языковой личности

Компонент, восходящий к первичной языковой личности	Компонент, восходящий к собственно вторичной языковой личности
Лексикон-1	Лексикон-2
Тезаурус-1	Тезаурус-2
Прагматикон-1	Прагматикон-2

Следует также отметить, что Тезаурус-1 и 2, восходящий к первичной и собственно вторичной ЯЛ, отличаются от Тезаурус-I и II в классификации И. И. Халеевой, поскольку мы не выделяем отдельно языковую и концептуальную картину мира в структуре языковой личности, а рассматриваем языковую как часть концептуальной картины мира.

Принимая во внимание проблему фактического двуязычия в Украине, первичная языковая личность украинца имеет усложненную структуру в связи с тем, что в сознании украинца параллельно сосуществуют или взаимопроникают русский и украинский языки. Таким образом, можно утверждать, что украинцы имеют два родных языка, и это, в свою очередь, отображается на лексическом, тезаурусном и мотивационном уровне ЯЛ. В результате при изучении с позиции теории ВЯЛ украинцев, владеющих иностранным языком, в лексиконе-1, тезаурусе-1 и прагматиконе-1 следует выделять два компонента – восходящий к русскому и украинскому языку. Схематически это можно представить следующим образом (табл. 2).

Подводя итоги, следует отметить, что в лингводидактике для изучения вторичной языковой личности, в отличие от первичной, представляется необходимым разделить когнитивную составляющую ЯЛ на тезаурус-1 и тезаурус-2, языковую и концептуальную картины мира соответственно.

Таблица 2

Структура вторичной языковой личности украинца

Компонент, восходящий к первичной ЯЛ		Компонент, восходящий к собственно вторичной ЯЛ
Русскоязычный компонент	Украиноязычный компонент	
Лексикон-1 (русский)	Лексикон-1 (украинский)	Лексикон-2
Тезаурус-1 (русский)	Тезаурус-1 (украинский)	Тезаурус-2
Прагматикон-1 (русский)	Прагматикон-1 (украинский)	Прагматикон-2

В лингвистике перспективно исследование писателей-билингвов, владеющих двумя языками и, соответственно, картинами мира и интенциональными установками, характерными для представителей обоих этносов. Изучить писателей в качестве языковых личностей можно путем характеристики их персонажей как ЯЛ. В произведениях писателей-билингвов будет проявляться их двойственное восприятие мира, то есть их первичная и собственно вторичная ЯЛ. В связи с неоднозначной языковой ситуацией в Украине у писателей-украинцев, владеющих иностранным языком, первичная ЯЛ (результат влияния родного языка) может также комбинировать в себе характеристики украинской и русской языковой личности.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.

3. Мамонтова, Н. А. Вторичная языковая личность в онтогенезе: уровни лингвокультурологического описания (на материале начального этапа обучения английскому языку русскоязычных учащихся) : дис. ... канд. филол. наук. М, 2010. 210 с.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.

5. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1990. 36 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 155–158.

Т. В. Григорьева

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Представлено обобщение хода исследования, результатов комплексного изучения метафорических бинарных оппозиций, свойственных еще мифологическому сознанию и определяющих речевое поведение современного человека. Рассматривается система мировоззренческих координат, состоящая из пространственных, временных, параметрических, цветовых и других противоположностей, которые помогают человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире.

Ключевые слова: *аксиологический, метафорический, символический, бинарная оппозиция*.

Важным и перспективным для понимания ментального мира человека, его аксиологических приоритетов является изучение метафорического использования противоположных понятий, создающих в языке бинарную оппозицию. Такие диады рассматривают как универсальное средство познания действительности, которое лежит в описании любой картины мира (*свет – тьма, белый – черный, верх – низ, яркое – тусклое*); левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая – отрицательно[1]. Ученые отмечают, что подобные противоположности имеют глубокие корни: они были свойственны еще мифологическому сознанию. Они являлись «осознанно существенными для ритуалов и мифов в архаичных (элементарных) обществах с точки зрения самих членов коллективов, использующих эти знаковые системы»[2]. Набор универсальных семиотических оппозиций в определенном смысле «результирует классифицирующую деятельность человека, которая является основой его жизни»[3].

Представление о многих метафорических диадах (в частности, таких как *свет – тьма, день – ночь, теплый – холодный, правый – левый* и т. п.) как об оценочных оппозициях, сквозь призму которых постигается окружающий мир, уходит своими корнями в язычество. Так, А. Н. Афанасьев указывает, что слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили у славян и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья и плодородия. Слова, означающие мрак и холод, отождествляются с понятиями зла, несчастья, безобразия, болезни, неурожая и пр.[4] Еще в первобытном обществе свет и тьма, например, становятся важнейшими полярными символами, задающими исходную шкалу ценностей мифологического сознания[5].

Наше исследование показало, что в современном языковом сознании взаимодействие компонентов метафорических бинарных оппозиций продолжает определять речемыслительную деятельность человека. Не случайно авторы многих художественных и публицистических произведений оперируют противоположными понятиями как стереотипными культурно важными знаками, чтобы актуализировать глубинные онтологические связи и посредством них оценить разные сферы жизнедеятельности человека.

Метафорические оппозиции являются универсально значимыми для языкового коллектива единицами и выступают носителями глубокого символического смысла. В русском языковом сознании они выступают как особый способ осмысления, видения мира, как некое мерило действительности: два полюса, «+» и «–», хорошее и плохое, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции, сохраняя при этом «лейтмотив конкретности»[6]. Выявление общих закономерностей в работе аксиологических диад поможет понять сложный процесс постижения действительности и по-новому посмотреть на традиционные семантические явления.

В семантическом пространстве оценочной метафорической оппозиции можно выделить как минимум два уровня: эмпирический, отражающий первый этап столкновения человека с явлениями, лежащими в основе оппозиции, и символический, показывающий, какие признаки диады важны для языкового сообщества

при интерпретации окружающей действительности. Так, в семантике бинарной оппозиции отражаются естественные этапы процесса познания явлений действительности: анализ – мысленное расчленение объектов на составные части с целью выявления составляющих его элементов и отделения существенного от несущественного – и синтез, являющийся «вершиной чувственного познания, той его стадией, когда оценочные компоненты носят не инстинктивно-стихийный характер, а обусловливаются наглядно-познавательной деятельностью индивидуума»[7].

В зависимости от внешних особенностей оппозиции, ее значимости для человека на первом уровне ее многослойного содержательного пространства выделяются доминантные признаки. Например, в диаде *чистый – грязный* у первого компонента это семы «без грязи, мусора», «без примеси»; у второго – «покрытый грязью», «содержащий примесь»; в диаде *белый – черный* у первого компонента это признаки «чистый», «выделенный», «светлый», «открытый»; у второго – «грязный», «темный», «спрятанный», «интенсивный». Данные первостепенные семантические признаки, переходя на другой уровень содержания, рождают новые, символические смыслы.

Таким образом, символическое значение, реализующееся, как правило, в сочетаемости конкретной лексемы с абстрактной, показывает процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное, понятное и важное для коллектива. Компоненты оппозиции становятся знаками, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Такое значение появляется не у любой изначально конкретной лексемы, а только у той, которая является значимой для данного народа, которая наделена способностью «опредмечивать» определенное умопостигаемое явление в языке, которая содержит «вещные коннотации»[8] – образные ассоциации, присущие этому умопостигаемому явлению в сознании носителей языка. Символическое значение отличают от образного, призванного показать сходство предметов только одного – физического – пространства (например, *кружево листьев, капли света*[9]) и часто высвечивающее творческий взгляд на мир художника слова, его поэтическое видение определенной реалии (*Клещи рассвета в небесах Из пасти темноты Выдергивают звезды, словно зубы* – С. Есенин). Ученые, изучающие образное и символическое, отмечая общую природу этих явлений, подчеркивают их отличия: переход от образа к символу «определяется факторами экстралингвистического порядка», обусловливается приобретением образом «определяющей жизнь человека или коллектива функции»[10]. Образ обогащается интерпретациями писателей и поэтов, они в какой-то степени сами создают образ. Символ же не создается – нельзя создать символ, как нельзя создать традицию, он складывается культурно, исторически – авторы только реализуют, используют уже существующий символический потенциал для решения своих художественных, творческих задач.

Языковая символика отличается от культурной. Первая реализуется в языке, создавая многослойную семантику лексических единиц путем перехода от конкретного к абстрактному: *белая душа, черная зависть, белый каталог, черный пиар*. Вторая привязана к предмету, несущему определенный культурно закрепленный смысл, и только обозначается языковыми средствами: *Сигнал об избрании Папы – **белый** дым из трубы капеллы (**черный** дым – кандидат не утвержден)* (Труд-7, 2008). *И иконостас из **белого** мрамора, и доски из **черного** мрамора с именами погибших давно уничтожены* (РИА Новости, 2008)[11].

В зависимости от когнитивной значимости компонентов диады человек выбирает существенно важные для него оппозиции и оперирует ими при оценке разных сфер своей жизнедеятельности, реализуя сложившуюся языковую символику. Анализ текстов разных жанров (публицистических, художественных, научных) и разных временных периодов (XIX–XXI вв.), в том числе представленных в Национальном корпусе русского языка[11], позволяет условно выделить следующие сферы:

– **эмоциональную** (Свет – символ радости, счастья, любви, надежды, ожидания и т.п.: *она вся светилась от счастья*; Тьма – символ печали, грусти, горя, несчастия, безнадежности: *он сразу потемнел, осунулся*);

– **этическую** (Чистота – символ добра, нравственности, порядочности: *чистые помыслы*; Грязь – символ зла, безнравственности, подлости: *грязные делишки*);

– **гносеологическую** (Свет – символ знания, истины, просвещения, учения, понятности, ясности, ума, мудрости, способности к

восприятию, науки, образования, известности: *свет разума*; Тьма – символ незнания, непонимания, невежества, культурной отсталости, необразованности, неясности, неспособности к пониманию, глупости, таинственности, необозримости, неизвестности: *темный человек*);

– **религиозную** (Верх – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры: *восхождение к Богу*; Низ – символ темных сил, неверия: *он опустился, перестал верить во что-либо*);

– **онтологическую** (бытийную) (Весна – символ рождения, жизни, возрождения, начала: *весна жизни*; Осень – символ умирания, смерти, конца: *осень жизни*);

– **эстетическую** (Красный цвет – символ красоты, прекрасного: *красна девица*; Серый цвет – символ безобразного, некрасивого, унылого: *этот человек был несимпатичный, какой-то серый*)

– **социально-экономическую** (Белый цвет – символ законного, юридически правильного: *белая бухгалтерия;* Черный цвет – символ незаконного, требующего юридический последствий: *черная бухгалтерия*).

Одна метафорическая оппозиция может одновременно описывать в языке несколько сфер. Так, диада *белый-черный* «работает» в эмоционально-оценочной (*белая полоса – черная полоса*), этической (*белая зависть – черная зависть*), социальной (*белая зарплата – черная зарплата*) и др. сферах.

Одновременно в одной и той же сфере может взаимодействовать несколько оппозиций, например *белый – черный* и *чистый – грязный*: *До сих пор душа моя и воображение были* ***чисты, белоснежны*** *и девственны, они ничем не были еще замараны; в артиллерийском училище я вдруг узнал всю* ***черную****, мерзкую и* ***грязную*** *сторону жизни* («Наука и жизнь», 2009)[11]. Каждая из оппозиций, выражая общеэтическое значение, вносит свой образный штрих и подчеркивает свои нюансы значения. Таким образом, выявление и описание сфер, в которых проявляется оценочный характер метафорической диады, а также сопоставление общих значений у разных оппозиций важно для понимания сложного механизма оценивания действительности. Компоненты диады становятся знаками, в которых воплощены ценностные смыслы, накопленные в процессе освоения мира человеком.

Анализ и сопоставление текстовых фраз русского, польского, болгарского, татарского и английского языков, содержащих оппозиции *свет – тьма, верх – низ, белый – черный* и др., показывает, что их символика имеет универсальный характер[12]. Покажем это на примере оппозиции *свет – тьма* в русском и английском языках: 1) **эмоциональная** сфера (Свет – символ радости, счастья, надежды и т. п.; Тьма – символ печали, грусти, горя, безнадежности): *Радость осветила ее лицо. – Иван Федорович потемнел лицом; Her face lit up with happiness, a light in someone's eyes. – His face darkened with sadness;* 2) **этическая** сфера (Свет – символ добра, нравственности, порядочности; Тьма – символ зла, безнравственности, подлости): *Мы живем в непростую эпоху, когда люди, на каждом шагу сталкивающиеся с чернухой в жизни, всей душой стремятся к чему-то светлому, доброму. – Когда начинается речь, что пропала духовность, Что людям отныне дорога сквозь темень лежит…* (Б. Окуджава); *Light at the end of the tunnel or light on the horizon. – Dark business. Person of dark reputation;* 3) **гносеологическая** сфера (Свет – символ знания, учения, понятности, ясности, ума, образования, известности; Тьма – символ незнания, непонимания, невежества, необразованности, неясности, таинственности, необозримости, неизвестности): *Чтобы дать ученику искорку знания, учителю надо впитать целое море света. – Во тьму филологии влазьте* (В. Маяковский); *Throw/shed/cast light on something. – Dark spot of smth;* 4) **религиозная** сфера (Свет – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры; Тьма – символ темных, дьявольских сил, неверия): *Устремляясь к Свету Божества…*(С. Булгаков) – *Силы тьмы; Light of christ. – Dark knight, force;* 5) **онтологическая** (Свет – символ рождения, жизни, возрождения, начала; Тьма – символ умирания, смерти, конца): *Она была у самой грани, разделяющей Свет и Тьму, но ей хватило мужества и ума не преступить роковую черту. – И душа отлетает во тьму; To see the light. – Go to dakness, to eternity*.

Итак, исследование символических значений бинарных оппозиций, в том числе на основе разных языков, помогает понять логику постижения человеком окружающей действительности. Проделанный анализ показывает, что основная функция оппозиций – служить универсальной, наиболее «общей классификационной сеткой»[3], которая описывает мир в общем ракурсе в разных языках. Изучение метафорических бинарных оппозиций, особенностей их употребления помогает понять механизмы оценки действительности, специфику

мышления и вербального поведения представителей разных языковых культур. Выделенные аспекты весьма абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через свои переживания, через интуицию) бинарной оппозиции: от освоения значимости ее физических свойств для практической деятельности человека к освоению значимости ее физических свойств для оценочной и классифицирующей деятельности и в конечном счете для языкового моделирования мира, осознания его сложности и многоаспектности.

Примечания

[1] Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. М., 2009. С. 48-49.
[2] Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М., 1974. С. 259.
[3] Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. С. 11.
[4] Афанасьев, А. Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. 231 с.
[5] Мостепаненко, Е. И. Свет в природе как источник художественного творчества // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – Природа – Искусство. Л., 1986. С. 74–88.
[6] Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
[7] Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. С. 12.
[8] Успенский, В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 147.
[9] См.: Чернейко, Л. О. К типологии переносных лексических значений слова // Русский язык : межведомств. сб. Вып. 9. Минск, 1989. С 90–102 ; Григорьева, Т. В. Образное и символическое в семантике слова // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 4. С. 1842–1846.
[10] Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 338.
[11] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru.
[12] См.: Гайсина, Р. М. Сопоставительный анализ образов света и тьмы в русском и татарском языковом сознании / Р. М. Гайсина, Т. В. Григорьева // Теория поля в современном языкознании. Ч. IV : материалы заоч. науч.-теор. семинара. Уфа, 2000. С. 43–52 ; Григорьева, Т. В. Описание межъязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале русского и польского языков) и его роль в диалоге культур // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек, сознание, коммуникация, Интернет : материалы V Междунар. науч. конф. 10–12 мая, Варшавский университет. Варшава, 2012. С. 433–440 ; Григорьева, Т. В. Особенности описания межъязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале диады свет-тьма в русском, английском и болгарском языках) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 21. Филология. Искусствоведение. Вып. 68. С. 39–43.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 158–161.

К. А. Добрикова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (на материале английского языка)

Рассматривается актуальное явление толерантности, в том числе структура понятия, суть современных научных подходов к его пониманию. Рассматриваются и сопутствующие явления: нетолерантность, этнический национализм, этноцентризм. Далее обсуждаются категории и стратегии толерантности с последующим выведением ключевых моделей. Представление ведущих моделей осуществляется на языковом материале.

Ключевые слова: *толерантность, интолерантность, этнонационализм, этническое сообщество, глобализация, модель толерантности*.

Попытки определения сущности толерантного сознания традиционно исходят из признания значимости всего спектра социально-политических, экономических, культурно-ценностных и правовых доминант. Толерантность традиционно связывают с формированием правовой и политической культуры, воспитанием социальной терпимости, культурным релятивизмом, неприятием негативных стереотипов и предрассудков. Национальный аспект толерантности выражается в релятивистском отношении представителей различных этносоциальных групп друг к другу. Этническая толерантность предполагает терпимость в отношении инаковости жизненного уклада, ценностей, способов поведения представителей других национальных сообществ [3].

Единая этнонациональная целостность зиждется на общих культурных парадигмах: картина мира, природа человека, категория времени, категория действия, человек и общество. Общие культурные парадигмы обусловливают существование системы единых обычаев, укладов, социальных поведенческих проявлений. Таким образом, толерантность внутри единого национального коллектива не представляет проблемы – ни на уровне определения, ни в контексте практического воплощения. Иначе дело обстоит с определением толерантности в контексте отличных друг от друга культур, не имеющих единого социокультурного пространства. Современная американская культурологическая школа придерживается функционалистского подхода в данном вопросе и рассматривает толерантность как систему норм, необходимую для взвешенного и гармоничного функционирования общества, полного социокультурных контрастов, как этическое коллективное сознание, порождающее систему ценностей социального общежития. Действительно, толерантные формы общежития могут появиться только перед лицом социальных коллизий, вытекающих из мозаичности и дифференцированности культур. Возникают эти самые формы под давлением системы этических, морально-нравственных норм, которая должна быть четкой и прогрессивной. Данные нормы способствуют формированию коллективного целостного сознания, в рамках которого и бытует толерантность. Единая система этических, морально-нравственных норм проходила многовековой период становления, поэтому мы говорим о толерантности как о современном явлении.

Толерантность возможно определять как инструмент борьбы с мировым кризисом. Именно толерантность способствует выходу из состояния патологического общественного диссонанса, проникающего в политическую и экономическую сферы жизни общества. Новый искомый миропорядок должен включать идеологию релятивистского сосуществования (идеологию толерантности). Толерантность обусловливает сосуществование различных культур и субкультур, способствует выведению единой системы норм и, как результат, формированию единого мирового пространства. Толерантность способна содействовать формированию мировой стратегии существования международного сообщества.

Мировая этнонациональная целостность включает представителей отличных культур. Современный глобализированный мир нередко называют мозаикой, чашей салата, плавильным котлом. Представители культур должны взаимодействовать на основе согласия, принятия своеобразия и самобытности друг друга. «Толератность – это искусство жить в мире непохожих людей и идей» [1. С. 5–7].

Иногда на общенческом уровне толерантность проявляется как уважение и невмешательство. Однако для формирования этих качеств необходимо отсутствие враждебности культур друг к другу на политическом уровне. Эта позиция сложна с точки зрения практического воплощения еще и из-за ее двоякости. Например, в рамках международного законодательства провозглашается принцип наций на самоопределение, в том числе и в отношении суверенности, но, с другой стороны, утверждается неделимость и неизменность государственных границ. В глобализированном мире также существует тенденция к «вытягиванию» развивающихся стран в разряд развитых. Мировое сообщество успешно разрешает военные конфликты на территории центральноафриканских стран (например, урегулирование гражданской войны в Либерии). Однако данная тенденция часто объявляется несостоятельной из-за своей авторитарности и отрицания права на самоопределение любого государства. Такие явления, как авторитаризм и тоталитарность власти, отрицаются в качестве значимых ценностей представителями демократических обществ. Однако именно эти ценности являются обязательными составляющими власти в некоторых восточных культурах. Именно в этом и заключается многомерность проблемы толе-

рантности: признавая социокультурную ценность локальных этносоциальных групп, люди зачастую противоречат ценностям общечеловеческим, и наоборот. Толерантность в этнической коммуникации связана с поиском единой глобальной мировоззренческой позиции, которую бы разделяли представители различных этнических культур. Эта позиция есть ни что иное, как общность пути развития государств в эпоху глобализации.

Для формирования уважения, лежащего в основе миротворческого порядка, необходима культурологическая грамотность. Российская культурологическая школа признает гносеологический подход как единственно правильный, просветительский принцип – как ведущий [2]. «Основа толерантного взаимодействия национальных групп связана с познанием и приобщением противостоящих друг другу культур» [5. С. 5]. Этот подход наводит на мысль о создании единого межэтнического языка, языка толерантного общения, который на сегодняшний день является абстрактной категорией.

Оппозицией понятия «толерантность» является «интолерантность». Интолерантность связана с отсутствием стремления к межнациональной коммуникации и предпосылок к нему, например, культурологической безграмотностью, этноцентристским подходом к оцениванию действительности, замкнутостью в локальных ценностных ориентирах.

Толерантность – полипарадигмальное явление. Однако мировая культурологическая теория испытывает потребность в создании четкой модели толерантности. Например, В. А. Лекторский предлагает градационный подход к рассматриваемому явлению, выделяя следующие уровни: индифферентный, уровень невозможности взаимопонимания, уровень снисходительности, уровень терпимости [4]. Развитие толерантности – градационное явление, данный подход основан на принципе учета степени развития толерантности. Придерживаясь этого принципа, возможно выведение следующих моделей:

1. Толерантность как индифферентность.

Данная модель характеризуется безразличным отношением представителей различных культур к национальным картинами мира, языкам, ментальности друг друга. Обычно это связано с низким уровнем межкультурной образованности, незнанием. В данном случае американцы, например, склонны использовать негативные этнонимы: *bean-eater* (испано-американец), *chopstick* (представитель восточной народности), *frog-eater* (француз), *Red Sea pedestrian* (еврей). Впрочем, некоторые аспекты культуры подвергаются индифферентному отношению и в культурологически развитой среде. Например, религия. Догматика, формы обрядовости и верований специфичны. В рамках модели «толерантность как индифферентность» продуктивный межкультурный диалог невозможен.

2. Толерантность как бытовая осведомленность.

Данная модель предполагает меньшую степень невежества культур в отношении друг друга. Представители разных этнических целостностей имеют теоретическое представление о картинах мира, языках, ментальности друг друга. Это знание имеет приблизительный, эмпирический характер. Источниками являются в основном художественные фильмы и книги. В результате представители разных этнических целостностей отождествляют друг друга со стереотипизированными реалиями. Например, англичане: *ikra, vodka, balalaika* (о русских), *beerandboggs* (об ирландцах), ***macaroni, dating, beinglate*** (об итальянцах). На данном уровне представители разных этнических целостностей обладают интуитивно-стихийным интересом к жизни друг друга, культурологическое знание является стереотипизированным, зачастую иррациональным, и не может способствовать продуктивному межкультурному диалогу.

3. Толерантность как терпимость.

Восприятие толерантности как терпимости свойственно российской культурологии. Этот подход рационально обусловлен, так как культуры по сути своей этноцентричны, их существование возможно только посредством соперничества, а культурный релятивизм – явление сугубо практическое, но не ментальное. Данная модель предполагает достаточно полный арсенал знаний этнических целостностей друг о друге. Она основывается на этноцентрическом подходе, когда система ценностей собственной культуры предстает идеальной, а наличие других культур воспринимается как неизбежный результат бытийности мирового сообщества. Тем не менее, подход к межкультурному общению в рамках данной модели является плюралистическим, а результат данного

общения – продуктивным. Примером может служить английское общество, его культурологический феномен *"stiffupperlip"* (жесткая верхняя губа), который заключается в высокомерном, настороженном, но вежливом общении с представителями других национальностей. Примером может служить часто используемое англичанами речевое клише: *"I think, he is a delightful man, but he is a bit…(Americanized, Germanized, Spaniardized)"* – «Думаю, он – замечательный человек, хотя он и немного (американизирован, германизирован, испанизирован)».

4. Толерантность как принятие.

Четвертая модель демонстрирует максимально возможный толерантный подход. Он подразумевает способность приобретать теоретический и практический межкультурный опыт, подвергать проблему анализу, и, как результат, вести разумный критический диалог. Межкультурный диалог в данном случае должен быть не только интерактивным и продуктивным, но и демонстрирующим уважение к проблемам другого народа, а также возможность смены собственной позиции.

В условиях глобализации предстает возможным формирование пятой модели, которая на данный момент имеет виртуальную форму. «Толерантность как ассимиляция» подразумевает формирование мультикультурного представителя мирового сообщества. Межнациональный диалог будет органичным и конструктивным только в том случае, если он имеет непосредственный, натуральный смысл. Это означает, что толерантность предполагает не только некое гипотетическое и абстрактное уважение к ценностям, установкам и убеждениям (позициям) представителей различных культур, но и уважение к самим носителям ценностей и установок – непосредственно к людям разных социокультурных пространств. Таким образом, толерантность – явление психологическое, она ситуативна и вариативна. Толерантность связана с определенным развитием ценностных доминант личности. Толерантность предполагает наличие равноправия при оценке картины мира, ценностных параметров, культурных архетипов разных этнических целостностей. Формирование толерантной мысли возможно при отказе от монополизации истины, культивировании экспансионизма и лояльности в мировом сообществе.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Толерантность от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2001. С. 5–7.

2. Дробижева, Л. М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность, взаимопонимание и согласие : материалы междунар. конф. М., 1997. С. 62–63.

3. Зимбули, А. Е. Почему терпимость и какая терпимость? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 1996. № 20. С. 23–27.

4. Лекторский, В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11.

5. Тишков, В. А. О толерантности // Толерантность и согласие. М., 1997. С. 21.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 161–165.

У. А. Жаркова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА (на материале интервью современных немецких художников)

Исследуются особенности языковой личности современного немецкого художника, лексические, грамматические и концептуальные доминанты. Рассмотрены особенности обобщенной модели и индивидуальных вариантов языковой личности художника.

Ключевые слова: *профессиональная языковая личность, языковая картина мира, концепт, лингвотипаж.*

Лингвоперсонология как одна из значительных комплексных теорий современного языкознания настолько актуальна и востребована среди отечественных исследователей языка, что изложение ее основ можно считать излишним. Достаточно сказать, что трехуровневое моделирование языковой личности, постулируемое в основополагающих для данного раздела лингвистики трудах Ю. Н. Караулова, а также типологизация как ведущая стратегия развертывания данной теории в работах Г. И. Богина, Г. С. Воркачева и других детерминируют большинство исследований в данной области [6 ; 4 ; 2].

Одной из чрезвычайно интересных тенденций в лингвоперсонологических исследованиях является изучение профессиональной языковой личности [5 ; 1]. Сфера профессиональной деятельности требует от языковой личности выбора коммуникативных стратегий и определенных языковых средств, которые в данной области выступают в качестве условий успешной коммуникации. Модель коллективной профессиональной языковой личности может рассматриваться как инвариант, при этом вариативность реализуется на уровне этно- и социоспецифических характеристик речевого поведения профессионала. Порождая профессиональный дискурс, языковая личность отражает в нем свои индивидуальные особенности. Индивидуальность дискурсивного субъекта вступает во взаимодействие с профессионально-дискурсивной необходимостью. В результате каждый раз продуцируется уникальный, сочетающий в себе типичные и индивидуальные черты профессиональный дискурс конкретной языковой личности. Свойства этого дискурса обусловлены взаимовлиянием языковой личности и профессиональной среды [8].

При изучении профессиональной языковой личности релевантной является сфера профессиональной деятельности, тот сегмент социума, в котором осуществляется коммуникация. Объектом нашего исследования является профессиональная языковая личность современного немецкого художника. Необходимым условием адекватности интерпретации анализируемого материала является учет следующих положений:

– профессиональная личность художника, его картина мира, концептосфера и пр. первично выражаются в его художественных произведениях, вербальные тексты имеют вторичный характер, при этом вторичность понимается и в фактуальном, и в ценностном смысле – эксфрасис, саморефлексия и самоидентификация в речевых произведениях художника не более чем «второй план» его творчества, неслучайно художники часто отказываются говорить о творчестве, а если говорят, в их интервью и мемуарах редко можно встретить объяснение того, что он «хотел сказать», но часто отсылку к творениям – «посмотрите мои картины, там все понятно»;

– интервью художника – нечастый случай вербальной коммуникации художника с публикой при посредничестве журналиста. Несмотря на то, что современное искусство максимально ориентировано на диалог с реципиентом, художник, как правило, ставит реципиента в ситуацию решения вопроса, верного ответа на который не существует. Поэтому как в интервью, так и в мемуарно-искусствоведческих текстах художник сконцентрирован, как правило, на целостной художественной картине своего творчества, но не на объяснении смысла того или иного произведения. В связи с этим речевые произведения художника чаще являются источником информации о его личности и картине мира в целом;

– интервью художника, как правило, является жанром, опосредующим коммуникацию профессионала с публикой, чаще всего реципиентом-дилетантом. Профессионализм художника является особым феноменом, ведь если для таких профессиональных дискурсов, как юридический, медицинский, педагогический, необходимой предпосылкой профессионализма является образование и относительная ритуализированность дискурсивных практик, то профессиональный художник прежде всего должен быть талантлив, его деятельность не предполагает жестких вербальных коммуникационных схем, за исключением разве что наименования произведения.

Исследование заявленного объекта проводилось нами на материале интервью трех современных немецких художников – Катарина Гроссе, Йозефа Бойса, Герхарда Рихтера и Георга Базелица. Следует отметить, что К. Гроссе известна как мастер инсталляции – особого жанра художественного освоения пространства, Г. Рихтер – один из представителей постмодернистской живописи, в которой взаимодействуют фотореализм, поп-арт и экспрессионизм, Г. Базелиц – эпатажный художник «перевернутых картин», И. Бойс – мастер живописно-скульптурного арта, произведений из неожиданных материалов.

Важнейшим признаком профессиональной компетенции является употребление профессиональной терминологии и знакомство с прецедентными текстами соответствующей профессиональной культуры. Терминология изобразительного искусства является сложной системой, одной из важнейших особенностей которой является ее динамичность и открытость. Профессиональная (специальная) лексика искусства, в отличие от научной терминологии, более активно взаимодействует с общеупотребительной лексикой национального языка. Опыт рассмотрения этой лексической системы позволяет лингвистам дифференцировать следующие уровни: собственно терминологическая лексика – слова с пометой *иск., живоп, театр.* в толковых словарях, профессионализмы (экспрессивные синонимы терминов), междисциплинарные термины (лексемы, один из лексико-семантических вариантов которых имеет вышеупомянутую помету), предтермины (авторские термины) и несобственно терминологическую лексику, то есть языковые единицы, которые с одной стороны, обозначают понятия искусства, с другой стороны, широко употребляются в общенародном языке, сохраняя то же лексическое значение.

Вслед за Н. Г. Ткаченко лексику изобразительного искусства можно различить также по двум тематическим/ предметным классам – микроязык теории и микроязык технологии [7]. Для микроязыка технологии можно выделить наименования инструментов и приспособлений, предназначенных для изобразительной деятельности, названия процессов и результатов изобразительной деятельности, названия технологических разновидностей изобразительной деятельности, названия красок. В состав пласта терминологической лексики, объединенной в состав микроязыка теории, входят названия эстетико-искусствоведческих понятий и категорий, применяемых при анализе художественных произведений, названия направлений, течений, стилей и эпох в искусстве. Еще одной особенностью специальной лексики искусства является активность так называемых квазитерминов, в которых термин употребляется в составе простых словосочетаний, например: *аккорд красок, цветовой регистр, колористическая режиссура* и так далее, где значение ключевых слов-терминов обогащается метафорическими модификаторами [3].

В анализируемом материале представлена в доминирующем количестве несобственно терминологическая лексика, то есть лексемы, формирующие язык изобразительного искусства, но функционирующие в общеупотребительном немецком языке, в словаре не сопровождающиеся специальными пометами:

Leinwand, besprühen, Farbschicht, dreidimensional, Betrachter

В гораздо меньшем объеме представлена собственно терминологическая лексика:

Vordergrund, Malerei, koloriert, Farbauftrag, plastisch, Tachist, Tafelbild, Akt, Motiv, Installation

Художники используют в своей речи в единичных случаях также терминологию других областей знания, например, физики или философии:

физ. kohärent, Verdichtung; *опт.* konkav, konvex; *филос.* Gegenständlichkeit

В ряде случаев в речи художников встречаются индивидуальные, авторские неологизмы, обозначающие понятия, связанные с их творчеством:

Malhandwerk (Гроссе), *Scherenlift* (Гроссе), *Maßstäblichkeit* (Гроссе), *Sinnfälligkeit* (Рихтер), *Glasscheinbenobjekt* (Рихтер), *fotorealistisch* (Рихтер), *Fettskulptur* (Бойс).

Анализ специальной лексики в нашем материале показывает, что в речи разных художников микроязыки технологии и теории представлены в сбалансированном объеме. Так, все художники при описании работы над своими произведениями упоминают свои

инструменты Scherenlift, Pinsel, Rakel, Sprühpistole

действия Farbauftrag, schichten

материалы Talg, Fett, Gips.

Активно представлен и микроязык теории: как названия эстетико-искусствоведческих понятий и категорий, применяемых при анализе художественных произведений (*Lebensthema, authentisch, Proportion, Abstrakt*), так и названия направлений, течений, стилей и эпох в искусстве (*Kapitalistischer Realismus, Tachimus, Pop art, das Klassische, Informelle Malerei*).

Следующей особенностью речи художников является уровень ее нормативности. Доминирующим регистром лексики, используемой в публичных выступлениях, является, безусловно, литературный, однако встречаются как вкрапления возвышенной лексики (*Ausformung*), так и – в большем количестве – разговорная, грубая, вульгарная лексика. (*herumschleppen, Scheiße machen, krass, hintänzeln, miserabel, Pimmel)*, что в разной степени характерно для Г. Рихтера, Г. Базелица, Й. Бойса.

Автобиографический характер текстов интервью и их тематика обусловливает обилие эмотивной и оценочной лексики:

Так, речь Г. Базелитца эмоционально насыщенна, наполнена лексемами с негативной оценочностью, при этом художник не только комментирует те или иные факты из своей биографии:

Ich nenne das immer Schweinerei. Also ich hab' dann Schweinerei gemacht, –

но и цитирует критиков с негативными высказываниями о себе

Nun, die Kritik hatte meine Skulptur wie auch meine Malerei immer mit dem Vorwurf bedacht, ich sei ein großer Berserker, ein Brutalinski, ein Primitiver, ein Waldschrat und so weiter.

В выражении позитивной оценки Г. Базелиц, впрочем, также экспрессивен:

... ich muss sagen: Hut ab! Dieses Bild ist einfach besser als meines!

В интервью Г. Рихтера также доминирует негативно-оценочная лексика: *ziemlich prüde, neue Dämone, Raubtiere.*

Речь немецкой художницы К. Гроссе, напротив, отличается насыщенностью позитивно-оценочной лексикой:

wirklich großartig, phantastisch, faszinierend.

На вербальном, нулевом уровне анализа мы выявляем следующие индивидуальные особенности речевого портрета художника:

– Г. Базелиц – активное употребление сниженной лексики;

– Г. Рихтер – тяготение к паратаксису и лексическим повторам;

– К. Гроссе – более частое употребление акциональных глаголов.

Когнитивный уровень репрезентации языковой личности детерминирован тем, что жизнь для художника – это прежде всего творческий процесс познания окружающего Мира и субъективного Мира собственного Я, а также возможность репрезентировать эту совокупность в своем творчестве. При этом личность художника предстает во взаимодействии с близкими людьми, с историческим контекстом их биографии, с предшественниками и последователями, с собственными произведениями, с искусством вообще.

Один из важнейших мотивов самопредставления – художественно-концептуальный. Здесь художник раскрывает свои предпочтения, убеждения, интересы в мире искусства. При этом мы отмечаем активную экспликацию пропозиционального содержания высказываний, например:

К. Гроссе: *Ich interessiere mich ... / Es ist mir immer schwer gefallen,.../ ich habe mich schließlich dazu gezwungen; Ich war immer fasziniert / ich empfand / ich fragte mich / Mir geht es um* ...Г. Рихтер*: Das fand ich gut, Ich mochte, gleichzeitig war ich unsicher / manchmal bin ich dann überrascht / Aber das übersteigt jetzt meine Denkfähigkeiten, / Das zu analysieren bin ich nicht der Richtige.*

Мы выявляем на данном уровне анализа следующие универсальные топики в интервью художников:

– я – художник (*Ich bin dabei sowohl Betrachter als auch Verursacher der malerischen Aktivität*);

– я – носитель мировоззрения (Ich bin ein Punkt);

– я – один из художников (…dass wir Maler eben nicht von dieser Subventionswirtschaft abhängig sind (Базелиц)

– я и мои произведения (*Meine Bilder sind klüger als ich selbst. Ich bin das Kunstwerk*).

Исследование значения ключевой лексемы, объективирующей концепт «Kunst» на материале толковых словарей и анализ употребления в текстах интервью слова «*Kunst*» в различных значениях позволяют утверждать, что понятийный слой концепта *«Kunst»* обладает концептуальными признаками, некоторые из них регулярно реализуются в профессиональной языковой личности современных немецких художников. Существуют также дополнительные признаки, которые представлены в индивидуальных концептосферах современных немецких художников:

искусство – профессиональная деятельность, результаты которой могут дать средства для существования либо не принести никакого дохода

Das ist doch brotlose Kunst

Das stimmt doch gar nicht, dass ich das kassiere

искусство как совокупность творческих актов, значимых для общества в данный отрезок времени:

Heute sind nur noch Literatur und bildende Kunst wirklich zeitgenössisch.

искусство – средство выражения протеста

die einzig revolutionäre Kraft ist die Kunst. (Й. Бойс)

искусство как гендерно-детерминированный феномен

Ich bin doch der Meinung, dass Frauen viel besser in der Lage sind, Kunst zu machen als Männer. (Й. Бойс)

Итак, в текстах интервью отражается восприятие и оценка художниками окружающей действительности, осуществляется ее творческая интерпретация и воссоздание ее художественными средствами. Индивидуально-авторская картина мира выступает как альтернатива миру действительному, являясь образом мира, который смоделирован автором.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. Филология. Искусствоведение. Вып. 39. 89 с.

2. Богин, Г. И. Развитие языковой личности. М., 1984. 205 с.

3. Булатова, А. П.Концептуализация знаний в искусствоведческом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. 1999. Сер 9. Филология. № 4. С. 34–49.

4. Воркачёв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. 71 с.

5. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность: принципы и параметры лингвистического описания // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников IV Междунар. науч. конф. (Челябинск, 3–5 дек. 2009 г.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск, 2009. 64 с.

6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 264 с.

7. Ткаченко, Н. Г. Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1999. Вып. 7. 136 с.

8. Силантьева, М. С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 24 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 165–168.

И. И. Коваль

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТ SCHÖNHEIT В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматриваются фразеологические единицы, репрезентирующие концепт SCHÖNHEIT в современном немецком языке. Важными критериями данного концепта выступают такие понятия, как молодость, телесность, вкус, одежда. Особый пласт составляет женская красота. Концепт SCHÖNHEIT актуализируется в сравнениях с мифологическими и религиозными героями, а также в сравнениях с представителями растительного и животного мира.

Ключевые слова: *фразеологизм, концепт SCHÖNHEIT, картина мира, ценности, глубинное ядро, внешность.*

Фразеологический фонд языка является важнейшим языковым хранилищем культурного наследия, которое передается из поколения в поколение, а также носителем информации о системе ценностей и традиций определенного народа. В этом плане национальная самобытность устойчивых языковых единиц – фразеологических единиц не вызывает сомнений, поскольку, будучи высоко информативными, они возникают «не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать свое субъективное отношение к нему» [8. С. 9, 82]. Считается, что во фразеологических единицах отображается наивная картина мира, а лексическая семантика представляет «обыденное сознание» этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология [2. С. 55].

Все это позволяет говорить о фразеологических единицах как о языковых средствах, отличающихся богатым, культурно обусловленным содержанием и незаменимым языковым мате-

риалом для интерпретации концептов [9]. Фразеологизмы способны представлять концепты наряду со словами, однако в них в большей степени отражается образно-эмоциональная и национально-специфическая стороны концепта. А благодаря живой внутренней форме они способны отражать те аспекты концепта (или сами концепты), которые по разным причинам не находят воплощения в лексике [1. С. 12–13].

Фразеологическая картина мира отражает специфику когнитивной деятельности человека с творческого восприятия мира. Анализ механизмов создания фразеологической картины мира позволяет исследовать универсальное и национально-специфическое в системе языка. Вербализация действительности связана с выбором знаков, выбором внешней и внутренней формы с учетом организации содержания и его мотивации. Картина мира не является механическим отражением действительности во фразеологических единицах. Интерпретация образного характера семантики фразеологических единиц, а также определение статуса оценочного компонента в семантической структуре фразеологических единиц связаны с проблемой понимания коннотации [7].

Глубинным ядром концепта SCHÖNHEIT является прилагательное *schön*. Проанализировав четыре толковых словаря (*Duden online, Langenscheidt, PONS, dwds.de*) мы установили, что ядро данного концепта составляет четыре элемента: 1) *schön* – приятный внешним видом, звучанием; 2) *schön* – который имеет положительные качества или свойства (милый, правильный); 3) *schön* – значительный по количеству или размеру; 4) *schön* – разг. употребляется для выражения иронического отношения, уничижительной оценки. Данные значения можно назвать доминирующими, поскольку они указаны в четырех проанализированных словарях. Периферию составляют следующие значения: 1) *schön* – для выражения согласия (обычно против воли) (указано в 3 словарях); 2) *schön* – употребляется в формальных выражениях для выражения благодарности или просьбы (указано в 3 словарях); 3) *schön* – употребляется для усиления побуждения (указано в 2 словарях); 4) *schön* – соответствующий правилам, порядку (указано в 1 словаре); 5) *schön* – употребляется для усиления прилагательного или глагола (указано в 1 словаре).

Итак, анализ словарных статей прилагательного *schön* демонстрирует, что приоритетом при определении степени красоты является внешний вид объекта. Далее красота связывается с положительными эмоциями, которые вызывает объект. На краю периферии размещено дополнительное усиливающее значение слова *schön*, а также пейоративное значение, которое используется в ироническом смысле. То есть в основе концепта SCHÖNHEIT в немецком языке лежат, в первую очередь, свойства предметов, воспринимаемых визуально, то есть эстетическая оценка объекта – оценка его внешних признаков.

Поэтому в данной работе под термином *красота* мы понимаем эстетическую оценку, которая характеризирует объект оценки и воспринимается органами чувств, отвечает таким параметрам, как симметричность, пропорциональность, гармония, мера в соотношении цвета, совпадает с существующими идеалами и представлениями субъекта оценки и вызывает у последнего позитивные чувства.

Вербализованный во фразеологизмах концепт SCHÖNHEIT неразрывно связан с понятием внешности, поведения, внутреннего мира человека, потому что внешность – это совокупное единство основных свойств и качеств внутреннего мира [4. С. 80], например, *ein schönes Gesicht oft dem Herzen nicht entspricht – посл.* внешность обманчива; *hässlich vom Gestalt, schön an innerem Gehalt* – внешность обманчива; *nach der Kleidung wird man empfangen und nach dem Verstand verabschieden – посл.* по одежке встречают, а по уму провожают.

Наличие большого количества фразеологизмов на обозначения худой/ толстый свидетельствует, что важным критерием красоты является телосложение, например:

1) толстый: *einen Schmerbauch haben; aufgehen wie ein Pfannkuchen / Hefekuchen / Hefekloß; wie ein Nilpferd sein; jemand ist in die Breite; (zu) viel auf den Rippen haben;*

2) очень худой, сухой: *nur noch ein Strich in der Landschaft sein; vom Fleisch gefallen sein; jemandes Rippen zählen können; bis auf die Knochen abgemagert sein;*

3) стройный*: schlank wie eine Gerte / Tanne /'ne Schnürpinne / ein Pfeilenstiel / eine Bassgeige / eine Pappel; eine Wespentaille haben.*

Красота неразрывно связана с вопросом вкуса как способности бескорыстно судить о предмете в зависимости от получаемого или неполучаемого удовольствия; объект такого удовольствия и есть то, что называется прекрасным [3. С. 264]. Оценивая объект как красивый, мы требуем одобрения. Предполагает-

ся, что все остальные люди с хорошим вкусом должны получить от него удовольствие и считать его действительно красивым, в противном случае они будут обвинены в плохом вкусе [15. С. 33]: *gut (schlecht) bei j-m kommen; etw. spricht j-m (nicht) an; auf den Geschmack kommen* – (не) быть по вкусу. В немецком языке существует много пословиц для обозначения личного вкуса. Отмечается, что не нужно вести бесполезные споры по поводу определенных вкусов, стиля, поскольку это слишком эмоциональные личностные вопросы, которые невозможно решить с помощью аргументов, например: *so viel Köpfe, so viel Sinne; über Geschmack lässt sich nicht streiten; im Auge des Betrachters liegen.*

Чувство вкуса, в свою очередь, связано с одеждой и стилем. *Kleider machen Leute* – ответ на вопрос, почему одежде уделяется так много внимания. *«Kleider machen Leute»* – название рассказа Готфрида Келлера, в котором простому портному, очень хорошо одетому, удалось выдать себя за польского графа. Одежда выражает мировоззрение, говорит о силе, власти, является выражением протеста, расточительства, статуса и т. п. Этот важный культурно-социальный аспект нашел свое выражение во фразеологии немецкого языка, например, в праздничном наряде, хорошо одетый: *in vollem Dreß; in Frack und Lack; in (voller) Gala; in Schale sein; geschniegelt und gebügelt; gestiefelt und gespornt; an jn knackt alles; im Sontagsstaat; in Samt und Seide; wie geleckt aussehen*. Поскольку в выше приведенных фразеологических единицах выражена эстетическая оценка, относим их к тем, что вербализуют концепт SCHÖNHEIT.

Образ красивого человека совпадает с образом молодого человека: *ein glühendes Eisen; Im Lenz / Mittag des Lebens stehen.* Интересными являются также метафоры *schön wie Milch und Blut sein; ein Milchgesicht* – свежо и молодо выглядеть. Белое лицо, красные щечки и губы считались основным критерием красоты в эпоху Средневековья. Отсюда происходит символическое значение розы и лилии как женской красоты в любовной лирике.

Еще со времен Древней Греции считалось, что понятию прекрасного соответствуют только боги. Каждый бог является универсальным бытием, потому что они воплощают в себе бесконечность знания, силу и жизни [5. С. 247]. Поэтому настоящая, неземная красота соотносится с мифологическими и религиозными образами, возрождению которых в немецком языке мы обязаны деятельности гуманистов, идеологов «Бури и натиска» и классиков, которые вновь подарили миру греческих богов. Важную роль играет божественный нектар, что продлевает молодость, а тем самым и красоту, потому что молодость является одним из идеалов периода «Бури и натиска» (например, выражение *wie ein junger Gott sein*). Вследствие периода «Бури и натиска» скандинавская мифология отошла на второй план и именно поэтому бог и богиня красоты – *Балдер* и *Фрея* не являются олицетворением красоты для немецкого этноса. В свою очередь греческая *Цирцея* олицетворяет опасную красавицу и соблазнительницу, *Грации (Аглая, Ефросина* и *Талия)* выступают символом любви и красоты. Однако самыми известными символами красоты до сих пор остаются *Афродита (Венера)* и *Адонис*: *eine Venus ist schön, sollte sie auch in Lumpen gehn.*

Женская красота всегда была предметом восхищения, женщин называли, например, *die Krone der Schöpfung, eine sieghafte Schönheit*, поэтому неудивительно, что понятийный аппарат для ее описания хорошо развит, а во фразеологии закрепилось описание следующих ее признаков: 1) метафорическая номинация фигуры, 2) гастрономическая метафора при номинации женской красоты, 3) сравнение с представителями растительного и животного мира.

Для немцев характерно сравнение красивой женщины, девушки с елкой, сосной и тополем; со стрелой, прутиком и иглой, а также традиционным является сравнение женской фигуры с контрабасом (в славянских языках – с гитарой): *schlank wie eine Gerte / eine Tanne / eine Pappel / eine Pinie / ‘ ne Schnürpinne / ein Pfeilenstiel / eine Bassgeige.*

Как известно, кулинария является бесконечным источником для пополнения знаний о национальной специфике определенного народа, например *sie ist zum Fressen; zum Anbeißen aussehen* – разг., фам. она очень красивая, привлекательная. Базовой для ряда фразеологических единиц является номинация «женщина – это лакомый кусочек», например: *eine Schnitte, eine Sahneschnitte, eine Torte, eine Zuckerpuppe.*

Достаточно распространены сравнения прекрасного пола с представителями флоры и фауны: *j-d sieht aus wie eine Pfingstrose, schlank wie eine Tanne; eine fesche Katze, eine Mieze, eine süße Maus.* Сравнение с насекомыми являются чрезвычайно удачными для описания мо-

лодых, красивых, активных, бодрых, веселых девушек: *ein flotter Käfer, eine flotte / süße Biene, ein netter Käfer* – привлекательная, красивая женщина, девушка.

Заслуживает внимание выражение *ein blondes Gift* – разг., фам. очаровательная блондинка. Данный фразеологизм связывают с концом 30-х гг. XX в., когда в моде было блондирование волос, особенно среди киноактрис. Желание женщин осветлить волосы связано с многовековым идеалом красоты. Опросы показывают, что блондинки больше привлекают мужчин, факт чего культивировали Мэрилин Монро и Марлен Дитрих. В шлягере из фильма «Голубой ангел» (нем. *«Der blaue Engel»*), в котором снималась знаменитая Марлен Дитрих, идет речь о привлекательности женщин со светлым цветом волос: *«Nimm dich in acht vor blonden Frau'n, die haben so etwas Gewisses...»,* подобное видим в пословице *blondes Haar bringt den Jüngling in Gefahr*. Довольно часто понятие «блонд» ассоциируется с холодной расчетливостью, как, например, в выражении *blond wie ein Engel, hold wie ein Bengel.* Однако, натуральные блондинки считаются особенно красивыми. Особенно такой идеал распространен на севере, он ассоциируется со сдержанной женщиной, иногда даже со светом и чистотой. Так, Дева Мария изображена блондинкой на всех иконах североальпийского региона. Даже ангелы и дети в подавляющем большинстве имеют светлые волосы. Соответственно, имеется достаточно фразеологизмов, в которых воспевается красота и привлекательность светлых волос: *blaue Augen, blondes Haar, ist die Liebe ganz und gar* или: *Mädchen mit blondem Haar, die lieb ich immerdar* [14. С. 221].

Подытоживая все выше сказанное, видим, что концепт SCHÖNHEIT является одной из неотъемлемых ценностных ориентаций немецкого общества и находит свое отражение у фразеологии немецкого языка. Красота включает в себя такие понятия как молодость, телосложение, вкус в одежде, особой вехой является женская красота. Концепт SCHÖNHEIT актуализируется в сравнениях с мифологическими и религиозными образами, а также с представителями растительного и животного мира.

Список литературы

1. Аникина, Н. А. Концепт и фразеологизм // Учен. зап. Регион. открыт. социальн. ин-та. Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод : сб. ст. Вып. 4. Курск, 2002. С. 7–13.

2. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт : монография. М., 2007. 288 с.

3. История красоты / под ред. У. Эко ; пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М., 2007. 440 с.

4. Кон, И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социолог. исслед.1978. № 3. С. 76–86.

5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики : ранняя классика. М., 2000.624 с.

6. Німецько-український фразеологічний словник / уклали В. І. Гаврись, О. П. Пророченко. К., 1981. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 382 с.

7. Олійник, С. В. Проблеми репрезентації ціннісної картини світу засобами англійської та української фразеології [Электронный ресурс]. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/tmz/2009_19.

8. Пименова, М. В. Душа и дух : особенности концептуализации : монография. Кемерово, 2004. 386 с.

9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.

10. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: http://www.dwds.de.

11. Duden online [Электронный ресурс]. URL: http://www.duden.de/woerterbuch.

12. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. v. D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin, München, 2010. 1343 s.

13. PONS. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. v. A. Cyffka. Stuttgart, 2006.1706 s.

14. Röhrich, L. Lexicon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg, Basel, Wien, 2004. 1910 s.

15. Stace, W. T. Meaning of Beauty : a Theory of Aesthetics. Kessinger Publishing, 1997. 256 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 169–172.

Н. Ю. Кузнецова

ТИПИЧНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Рассматривается понятие лингвокультурного концепта, а также предлагается анализ актуализации таких типичные для немецкой и русской волшебной сказки концептов, как «индивидуализм/ коллективизм» и «лень/ труд».

Ключевые слова: *лингвокультурный концепт, волшебная сказка, бинарная оппозиция, стереотип*.

Лингвокультурный концепт понимается нами как условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры. Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой – закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. Как отмечает С. Г. Воркачев, «в концепте авторизуется безличное и объективистское понятие относительно этносемантической личности как закрепленного в системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [2. С. 67]. В более узком понимании к числу лингвокультурных концептов относят ментальные образования, отмеченные этнокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры.

Изучение культурных концептов должно быть тесно связано с изучением текстов, в которых эти концепты закреплены и вербализованы как отражение национальной культуры и сознания. Потому фольклорные тексты, в частности, сказки, являются для лингвокультурологии привлекательными, поскольку коллективно-анонимны, традиционно устойчивы, представляют собой образцы национальной культуры.

В сказке мир часто описывается с помощью двоичных противопоставлений, или бинарных оппозиций (добро/ зло, правда/ кривда и так далее). Дуалистический принцип противопоставления благоприятного – неблагоприятного для коллектива реализуется с помощью типичных для культурного сообщества концептов.

Рассмотрим концепт **«индивидуализм/ коллективизм»** в немецких и русских волшебных сказках. Из европейской истории мы знаем, что западноевропейский национальный характер формировался под доминирующим воздействием индивидуалистического образа жизни, что обусловило в дальнейшем, в совокупности с другими факторами, примат индивидуальных прав и интересов. В индивидуалистических обществах интересы индивида, личности превышают по значимости интересы группы, общества. В таких обществах семьи включают только родителей и их детей. «Если дети вырастают в малых семьях, то они быстро учатся воспринимать свое „я“ отдельно от других людей. Это „я“ определяет личную идентичность человека и отделяет его от других „я“» [3. С. 246]. Цель воспитания в том, чтобы сделать ребенка самостоятельным, то есть научить независимости, в том числе и от родителей. Более того, ожидается, что как только цель воспитания будет достигнута, ребенок покинет родительский дом. Нередко случается, что, уходя из дома, дети сводят контакты с родителями до минимума или даже прерывают совсем. Помимо этого, происходит акцентирование индивидуальных достижений и инициативы. Здесь люди не полагаются на поддержку других.

Русское общество на протяжении всей истории своего развития и исторического развития общества склонялось в пользу коллектива, а не личности. Самая первая группа, в которой оказывается человек с рождения, – это его семья. В большинстве коллективистских обществ семья состоит из довольно большого количества людей, живущих под одной крышей. «Если дети вырастают в семьях такого типа, то они учатся воспринимать себя как часть „мы-группы“, причем, подобные отношения считаются естественными» [3. С. 245]. Между индивидом и группой изначально развиваются отношения зависимости. «Мы-группа» служит защитой для индивида, от которого в ответ требуется постоянная лояльность в отношении группы. В коллективистском сознании русского человека первое место занимают интересы своей семьи, уважение к родителям, счастье и благополучие

детей, в то время как профессиональный успех, независимость, творчество, самосовершенствование отодвигается на второй план. В таких обществах не существует личного мнения. Личное мнение определяется мнением группы.

Рассматривая немецкую сказку «Двенадцать братьев», в начале развития действия можно отметить самостоятельность двенадцати братьев. Они отправляются в лес, находят пустой дом и начинают жить, заниматься охотой: *Wir wollen ausgehen und Essen holen". – Nun zogen sie in den Wald und schossen Hasen, wilde Rehe, Vögel und Täuberchen* [7. С. 40].

Решительность в принятии решений видна в сказке «Братец и сестричка», когда брат с сестрой решают сами уйти от мачехи. В большинстве случаев мачеха выгоняет детей, но в немецких сказках имеет место и такой вариант: *Komm, wir wollen miteinander in die weite Welt gehen* [7. С. 45].

В немецких сказках отцы часто отправляют сыновей учиться какому-либо ремеслу, чтобы они потом имели возможность самостоятельно жить и зарабатывать, или сыновья самостоятельно уходят из дома. Эта идея прослеживается во многих немецких сказках: «Сказка о том, кто ходил страху учиться»: *Hör du, in der Ecke dort, du wirst groß und stark, du musst auch etwas lernen, womit du dein Brot verdienst* [7. С. 11]; сказка «Четверо искусных братьев»: *Wie die Söhne herangewachsen waren, sprach der Vater zu ihnen: „Liebe Kinder, ihr müsst jetzt hinaus in die Welt, ich habe nichts, das ich euch geben könnte"* [7. С. 115]; сказка «Путешествие мальчика-с-пальчика»: *Er hatte aber Courage im Leibe und sagte zu seinem Vater: „Vater, ich soll und muss in die Welt hinaus." – „Recht, mein Sohn", sprach der Alte* [7. С. 141].

Если обратиться к русским сказкам, то мы находим отражение коллективистского духа в поведении основных персонажей. Во многих русских сказках прослеживается идея восприятия главным героем себя как части группы, таким образом, налицо отношение зависимости между индивидом и группой. Главные герои русских сказок всегда ждут каких-либо повелений со стороны более старших членов своей группы, зачастую действуют слаженно, все вместе, что выражается в таких словах и выражениях как: *слушайся их, если они тебя попросят помочь; будь умна, береги братца, не ходи со двора; поедемте вместе невест себе искать, порознь жениться не хочется; чтоб никому не обидно было; собрались девки, пошли за ягодами; возьми меня с собой; я товарищу завсегда рад; сидят тридцать три девицы, вышивают вместе.*

Частым явлением в русских сказках выступает обращение за советом к более старшим по возрасту, что вновь показывает зависимость личности от семьи, то есть от коллектива. Герой полностью полагается на советы, не рассуждая самостоятельно: *Ты бы сказал им: «бог помочь, добрые люди… вот, мама, ты научила, а меня побили»* [1. С. 295], *«Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам за советом»* [1. С. 113], *„запечалился царевич, идет к сестрам спрашивать»* [1. С. 175], *«только они собрались все и поселись»* [1. С. 139].

Таким образом, главные герои немецких сказок не ждут повелений со стороны старших братьев или отца, зачастую не испытывают потребности в помощнике, полагаются на себя, на собственные силы в решении трудной задачи или преодоления испытания. Из анализа русских сказок следует, что такая черта русского национального характера, как коллективизм, нашла здесь свое отражение. Герой русской сказки подчиняется старшим по отношению в себе членам семьи, исполняет все поручения и не возражает. Можно отметить, что русских характеризует установка на «других», иными словами, им характерен групповой стереотип поведения.

Рассмотрим следующую бинарную оппозицию, важную для немецкой и русской лингвокультурных сообщностей – **«лень/ труд»**. Ядро концепта **«труд»** содержит такие составляющие, как «целенаправленная деятельность, требующая физического или умственного напряжения, осуществляемая не для удовольствия, предполагающая получение денег». Модель данного концепта можно представить в виде следующих фреймов: 1) характеристика работы, 2) отношение к труду, 3) результативность.

Понятие *трудиться* составляет оппозицию понятию *играть* (деятельность, осуществляемая только для удовольствия, обычно о детях), отсюда – пресуппозиция необходимости труда и, как следствие этого, вариативное представление волеизъявления и долженствования в связи с выполняемой работой.

Модель концепта «труд» строится на основе фрейма, в центре которого находится образ человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Эта работа может быть тяжелой, длительной, изнурительной,

монотонной, постоянной (объективные характеристики процесса). Человек трудится по принуждению (внешнему либо внутреннему), напряженно, умело, проявляя старательность, упорство, терпение, выносливость и другие субъективные характеристики. При этом работа выполняется успешно, качественно, красиво, быстро (объективные характеристики результата). Для немецких сказок отметим следующие лексические единицы, наиболее часто встречающиеся в сказках: *sich alle Mühe geben; er war ihm sein Leben lang treu gewesen; will ihm mit Treue dienen, wenn's auch mein Leben kostet; vor Freude immer größere Stiche machen; treu dienen; fleißig sein; alle Arbeit von Herzen tun, in der großen Freude Arbeit tun.* Все они сопровождаются положительной коннотацией.

С отрицательной коннотацией встречаются, например, такие лексические единицы: *das tägliche Brot schaffen; wer Brot essen will, muss es verdienen; von Morgen bis Abend schwere Arbeit tun; es hat sich müdgearbeitet; alle Arbeit tun; so viel Spinnen, dass ihm das Blut aus den Fingern sprang; eine immer größere Last aufbürden; schwere Arbeit auflegen.*

Исследуя русские сказки, можно отметить лексические единицы с положительной коннотацией: *с работой сладить, не сидеть без дела, работа горит у нее, работа рук моих не минует, в поле возиться подпеваючи, дома с легкостью управляться, уж как взялся за гуж, на все дюж, недаром хлопотать, верой-правдой служить.*

В русских сказках преобладают лексические единицы с отрицательной коннотацией: *над работой занудить, заморить, без отдыху работать, задать еще больше работы, мучить всевозможными работами, от трудов похудеть, таскать из печки, с коня не слезать, роздыху не знать, измаяться от охоты, работал без устали три лета и три зимы, каждое утро ни свет ни заря вставать, последний год дослуживая, под палками отдувался, работать, света белого не видать.*

Концепт *лень* предполагает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как черту характера, а также сопутствующие процессы (слоняться без дела, заниматься пустяками, откладывать дела на потом, отвлекаться, медлить). Лень ставит пределы всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия. В русском языке концепт «лень» включает в себя такие компоненты, как *лень* (существительное и предикативное наречие), *лентяй*, *лодырь*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, *разлениться* и др., в немецком языке – *Faulheit, Nichtstun, Faulenzer, Faulpelz, Nichtstuer, Tagedieb, faul, faulenzen*.

Лень отличается от нежелания совершать действие тем, что осознается как некоторое особое состояние. *Лень* – отрицательное свойство, которое, как считается, мешает человеку себя реализовать. И некоторые русские слова (*лодырь*, *лоботряс*) действительно выражают его отчетливо отрицательную оценку. Однако некоторые слова, относящиеся к концепту «лень», выражают симпатию – *ленивец.* Лень же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти. Это представление хорошо согласуется с тем, что чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно.

Леность показана через следующие лексические единицы в немецкой сказке: *Langeweile haben; du, in der Ecke, du musst auch was lernen; an dir ist Hopfen und Malz verloren; war vergnügt und spielte vor ihm herum; sie fing an zu faulenzen; in Saus und Braus leben.* Кроме того, лень соотносится с внешним безобразием: *hässlich und faul sein.*

Характерные лексические единицы для русской сказки: *такие лентяи, неработицы – во всем свете поискать, сидеть на печи да гложить кирпичи, дело пытать иль от дела лытать, корабли тяп-ляп делать, кататься как сыр в масле, в углу прикорнуть, у ворот сидеть, на улицу глядеть, распечься на солнышке, разлечься на травушке, глазки смежить, погостили они, попировали, да медок попивали, спал трое суток беспробудным сном, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался, играют, плещутся, смеются, песни поют, все лежал на печи, перегребал сажу и спал по несколько суток непробудным сном, что же ты не учишься, али целый век хочешь дураком изжить, сидит на завалинке, греется на солнышке, дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил, не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам, сидеть сложа руки, как барыни, в холодочке отдыхать.*

Сопоставляя средства вербализации концепта «лень» в немецких и русских волшебных

сказках, можно отметить более негативную коннотацию, сопровождающую данный концепт в немецкой сказке и более положительную в русской, где концепт «лень» воспринимается скорее как простительная слабость. Признавая важность результата труда, носители русской культуры уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. Это можно объяснить исторически: «степень внешнего принуждения для трудящегося в России была очень высокой по сравнению с другими странами. Именно поэтому для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России – этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации "*труд – страдание*", "*работа – рабство*")» [4. С. 201].

Таким образом, на материале волшебной сказки в немецком и русском языках мы выявили сходства и различия восприятия немцев и русских некоторых основных лингвокультурных концептов.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. М., 1957.

2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.

3. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков А. П. Садохин. М., 2003. 352 с.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2002. 477 с.

5. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 75–80.

6. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.

7. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Düsseldorf–Köln, 1962.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 172–176.

О. В. Ланская

КОНЦЕПТ «САД» КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНОПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (на материале поэмы «Красный сад»)

На примере поэмы Ю. П. Кузнецова «Красный сад» рассматривается мифологическое пространство художественного текста, анализируются номинации, входящие в лексико-тематические группы «время», «деревья», «цветы», «пространство», «чувства человека», «счастье», исследуется символика ключевых слов. Через ассоциативные группы выявляются глубинные смыслы поэтического текста, определяется ценностная картина мира в творчестве Ю. П. Кузнецова, одного из выдающихся поэтов второй половины XX в.

Ключевые слова: *концепт; ключевые слова; лексико-тематическая группа; сема; символ.*

В современной лингвистике существуют разные определения понятия «концепт». По Ю. С. Степанову, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека»[1]. Рассматривается данная единица как «нечто», принадлежащее сознанию человека, и как явление, оказывающее влияние на индивид. Исследователь считает, что концепту соответствует определенное слово и что концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний[2]. По Е. С. Кубряковой, концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике[3]. Это определение включает результаты не только теоретического, но и обыденного познания. В связи с этим Н. Н. Болдырев отмечает, что

данное толкование «предполагает… разнообразие способов формирования концептов: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности, мыслительной, экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной (научной) деятельности, на основе вербального и невербального общения»[4].

По мнению В. А. Масловой, концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры»[5]. Концепт отражает этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»[6].

Особая точка зрения на концепт в свете исследования философии языка представлена В. В. Колесовым.

Исходным моментом экспликации концепта в слове, по В. В. Колесову, является образное представление[7]. При этом природа концепта выявляется через соотношение данного явления с образом, понятием и символом. По В. В. Колесову, термин «концепт» восходит к слову *conceptum* (зародыш, зерно). Концептум есть «тот самый “зародыш” божественного Логоса, архитип мысли, который не задан, а дан, но постоянно изменяет свои грамматические и содержательные формы, прежде всего – образные»[8]. Основная единица ментальности имеет национальное наполнение, «выражает со-значения «национального колорита», то есть все принципиально возможные значения в символико-смысловой функции языка как средства мышления и общения»[9] . При этом под образом понимается своего рода семантическая синкрета, в которой в свернутом виде представлена серия специализированных значений в словообразовательных вариантах[8]. Символы, в свою очередь, воспринимаются как «идейная образность», служащая «для соединения, связи миром природным (образы) и миром культурным (понятия)»[10]. Это знак знака, в котором запечатлены национальные формы сознания. Семантический синкретизм языковой формы понимается как «выражение динамических тенденций в языке – … диалектика раздвоения смысла и удвоения форм»[11], как символ культуры, который служит «основанием для синтеза всех уровней языка и связи всех его значений»[11].

В связи с данным толкованием концепта определяется основная задача ментального описания – «выявление и формулирование семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта»[9].

Предметом исследования в статье, посвященной изучению поэмы «Красный сад» Ю. П. Кузнецова, одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX в., послужил выявленный в ходе анализа художественного текста концепт «сад». Цель работы – определить способы речеязыкового воплощения обозначенного концепта, его смыслообразующую функцию при определении пространства.

Итак, одним из значимых концептов в русской культуре является концепт «сад», ядро которого репрезентируется ключевым словом *сад.*

В МАС данная лексическая единица обозначает следующее: «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками»[12]. В этимологическом словаре русского языка, составленном Г. А. Крыловым, отмечено, что слово *сад* «образовано от общеславянского sedti – “сесть”, имевшее в древнерусский период еще и значение “растение”»[13]. По М. Фасмеру, в древнерусском языке *сад* – это «дерево, растение, роща»[14]. Данная лексическая единица имеет семы «насаждение», «новое насаждение», «парк» и «посадка»[14].

В поэме Кузнецова «Красный сад» слово *сад* на уровне символики и ассоциативных связей приобретает дополнительные смыслы. В связи с этим одноименный концепт помогает выявить особенности мировидения автора.

Слово *сад*, вынесенное в заглавие поэмы, символично. Оно в сочетании со словом *красный* воспринимается в тексте как нечто прекрасное, таинственное, соединяющее в себе радость и горе, реальное и нереальное, жизнь и смерть, восходит к понятию «загадка бытия».

В начале поэмы точно определено местонахождение этого сада – тридевятое царство-государство, что свидетельствует о сказочном зачине, о перенесении действия в иное пространство:

В тридевятом царстве-государстве

Красный сад растет на радость людям[15] (с. 394).

По В. Я. Проппу, такое царство-государство отделено «от отцовского дома непроходимым лесом, морем, огненной рекой с мостом, где притаился змей, или пропастью, куда герой проваливается или спускается»[16]. Это «иное» или «небывалое» государство[16]. Находится оно или под землей, или на горе, или под водой. В этом царстве есть сады, плодоносящие деревья. С садом связано представление о молодости, потому что именно в саду растут молодильные яблоки[16]. В то же время обозначение этого пространства через слово *царство* (*царь*) связано с представлением о Царстве Божьем, так как «цесарем или царем, но уже небесным называли… Бога»[17]. Это небесное царство, так как обитают там ангелы, то есть вестники Божии, «*сотворенные Богом духовные существа, одаренные разумом и волею высшими*»[18]. Одновременно это «мир-невидимка» (с. 398). То есть пространство, о котором повествует в своем произведении Кузнецов, фольклорное, сказочное и библейское одновременно.

В поэме Кузнецова сад – живое существо, отсюда использование глаголов с семами «жизнь», «движение», «красота», «прошлое и настоящее», «явь», «сон», «радость», «творчество», «основа бытия»:

Он *гуляет* буйною весною,
Красным летом песни *распевает*,
Вспоминает под осенним ветром,
А под зимним снегом *засыпает*.
Круглый год *меняется* – и тот же.
Наяву *стоит*, как сновиденье,
И *творит* певучие молитвы
Тихий хор его благоуханий (с. 394).

Образ сада восходит к круговороту времени, что отражено в тексте в антонимах *весною – зимним* (снегом), *летом – осенним* (ветром), в синтаксической единице «Круглый год меняется – и тот же», свидетельствующей, что время над ним не властно. Это пространство вечности. В то же время сам сад – не просто рай, это место, в котором есть соблазны, ведущие к гибели – цветы сорокового царства. Пространство, с которым связаны незваные пришельцы, – это тайное место и бездна, еще один потусторонний мир, на что указывает номинация *сорокового* (царства), семантика которого «в значительной степени определяется ассоциацией с сорокадневным периодом после смерти, на протяжении которого душа умершего пребывает на земле»[19]:

Есть в саду *незваные пришельцы* –
То *цветы сорокового царства*,
Их зовут – растущие из *бездны* (с. 396).

Сад окружен особой атмосферой, отсюда использование в тексте номинаций, входящих в лексико-тематическую группу «запахи»: «Мягкие раскаты *аромата* // Разойдутся и в кустах заглохнут»; «Чу! Тончайший звон стоит в тумане. // То фиалка *пахнет*, *как святая* // То звенит ее *благоуханье*» (с. 394 – 395)»; «В воздухе лиловый куст сирени // Поднимает *купол аромата*»; «Куст жасмина мреет белой страстью, // *Пряный запах* веет на прохожих» (с. 395).

Лексико-тематическая группа «запахи», в свою очередь, восходит в тексте к противопоставлению «хороший – дурной, опасный», «жизнь – смерть». В данную группу входят антонимы *заснул – не проснется*, глаголы, словосочетания с семами «уничтожение», «смерть»:

Дурно пахнут, но меняют *запах*
И при этом *кровь сосут* из мошек,
А случится, то *из человека*.
Если он *заснул* в их тайном месте,
То уже вовеки *не проснется*.
Обескровят до последней капли,
А потом *отвалятся* и *лопнут* (с. 396).

Пространство сада характеризуется через лексико-тематическую группу «растения/цветы», в которую входят слова *роза*, *подснежник*, *ландыш*, *незабудка*, *фиалка, сирень, жасмин, лилия, лотос,* а также слова *деревья, кусты, травы, чебрец, полынь, мята*. Символика перечисленных слов восходит к понятиям «идеальное» и «нравственное»[20].

Особо следует выделить символику слова *лилия*, которое обозначает благую весть[21] и соотносится с православной традицией.

Характеризуется данное пространство и с помощью номинаций (с семами «хвала Богу», «радость», «надежда», «счастье») *зазвенит, звон, бубенчики, поет, песня*, *гуденье*, *воркует, зовет, хор,* которые входят в лексико-тематическую группу «звуки»*:* «*Зазвенит* подснежный колокольчик»; «Белый ландыш вздрогнет под кустами // *Тонкими бубенчиками звона*» (с. 394); «Даже самый незаметный цветик // Не меняет запаха и нрава // И *поет* одну и ту же *песню*» (с. 395); «В нем (в воздухе – *О. Л.*) дрожит всесветное *гуденье*» (с. 396); «горлица *воркует*»; «А в яйце златая канарейка // *Распевает* про златые горы» (с. 397).

Звуки в этом саду особые. Отсюда использование в тексте определений *малиновые*, *серебряные*, *оранжевые* (звоны) (с. 397), сравнения «И летят, *как серый пепел*, звоны» (с. 398).

Словосочетание *мали́новый звон* имеет значение: «очень приятный, мягкий по тембру звон колоколов, колокольчиков, бубенцов»[22]; *серебряный* – «мелодично-звонкий, высокого тона (о голосе, смехе и т.п.)[23]. Определение же *оранжевый* с семой «звук» в словарях не зафиксировано, что свидетельствует об авторском использовании данной лексической единицы в тексте.

Объединяет перечисленные определения то, что они имеют общие семы «мелодичность» и «красота». Через определение *оранжевый* с семами «цвет», «звук» происходит соединение разных лексико-тематических групп, номинации которых создают картину сказочного, райского сада.

Восходит слово *цвет* к слову *свет*, так как «цвет выделяется из света»[24].

Восходит оно и к противопоставлению «свет – тьма». С понятием «свет» связаны словосочетания *белый свет, красный день, желтая заря* (с. 397). В лексико-тематическую группу «свет» входят слова *сияет* (*сияют*), *сиянье* (*сиянья*), *звезды*, *солнце*, словосочетание *белый столб сиянья*. Светом пронизано все в этом таинственном саду, и свет этот особый, Божественный, в нем дышит Божественное начало, которое преображает все вокруг, делает мир прекрасным и гармоничным. В нем сосуществуют ангелы и звезды, деревья и кусты, травы и цветы. Это пространство любви к Богу, прекрасного мира, который им был создан. Отсюда использование в тексте авторского неологизма *боголюбно*:

Боголюбно лилия *сияет*
Среди роз таинственных и разных.
Белый столб сияния восходит
Прямо в купол вечного *сиянья*
И сливается с дыханьем Божьим.
Все *сияет*: ангелы и звезды,
И деревья, и кусты, и травы (с. 398).

В этом пространстве цветы уподобляются святым, на что указывает сравнение *как ангелы*:

Все цветы, *как ангелы*, сияют,
И сиянье это несказанно! (с. 399).

Противопоставление «свет – тьма» связано с противопоставлением «земля – небо», текстовыми антонимами *земные озаренья*/ *мрак – сияние небесное*; *земные ароматы, смрад – небесный хор* и имеет духовную природу:

Ибо все *земные озаренья* –
Мрак перед сиянием небесным,
Ибо все *земные ароматы* –
Смрад перед небесным хором.
Все на свете – темное подобье
Или наше слабое бессмертье (с. 399).

Одновременно красный сад – это пространство русской дремоты (отсюда повторяющийся глагол *снится*), которое восходит к противопоставлениям «царственная лилия – тысячеглазый лотос», «царственная лилия – кровавая колючка», «царственная лилия – терния». Данные противопоставления связаны с Ветхим Заветом, с прошлым, которое ассоциируется с миром без любви и добра: «*Снится* ей тысячеглазый лотос»; «*Снится* ей кровавая колючка // На зеленом знамени пустыни»; «*Снится* ей и терния сухая // На скрижалях бывшего Завета» (с. 398).

Ключевое слово *сон* с семами «свет», «пророческое сновидение» и др.[25], восходя к понятию «русская дремота», о котором в своем «Воззрении» писал Кузнецов[26], объясняет смыслы кузнецовской дремоты, которая в тексте связана с древнерусской традицией и с традицией пушкинской. Сон и пробуждение лирического героя, явление светлого ангела свидетельствуют о причастного его миру любви, перед нами человек, «остановленный, по словам Е. Ермиловой, «таинственной силой» у самого края бездны – бездны отчаянья – и сумевший на этой грани … воспеть хвалу миру и его Создателю»[27].

Итак, пространство в поэме Ю. П. Кузнецова «Красный сад» многомерно. Ключевое слово «сад», репрезентирующее ядро одноименного концепта, приобретает дополнительные смыслы, раскрывающие авторское мировидение, его представление о душе человека, его сущности. Через слова-символы, связанные с древнерусской традицией, с традицией православной Ю. П. Кузнецов создает картину прекрасного, таинственного сада, пронизанного светом Божественной любви к человеку.

Примечания

[1] Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 41.
[2] Там же. С. 40.
[3] Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкриц, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 90–92.
[4] Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитив. лингвистики. 2004. № 1. С. 20.
[5] Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск, 2004. С. 36.

[6] Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 281.
[7] Колесов, В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб., 2004. С. 76.
[8] Там же. С. 69.
[9] Там же. С. 75.
[8] Там же. С. 69.
[10] Там же. С. 67.
[11] Там же. С. 57.
[12] Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. IV. С. 12.
[13] Этимологический словарь русского языка / составитель Г. А. Крылов. СПб., 2005. С. 349.
[14] Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. IV. М., 2004. С. 543–544.
[15] Кузнецов, Ю. Крестный ход : стихотворения и поэмы. М., 2006. Далее цитаты приводятся по указанному изданию.
[16] Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 242.
[17] Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 283.
[18] Профессор Императорского Юрьевского университета, протоиерей Арсений Царевский. Уроки по Закону Божию . М., 2009. С. 99.
[19] Толстая, С. М. Число // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 489.
[20] См.: Гордиенко, Н. Н. Поэтика хронотопа поэмы Юрия Кузнецова «Красный сад» // Миф и действительность в творчестве Юрия Кузнецова : материалы III ежегод. междунар. конф., посвящ. творческому наследию Ю. П. Кузнецова. М., 2009. С. 111–113.
[21] Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов. М., 2003. С. 152.
[22] Словарь русского языка... Т. II. С. 219.
[23] Там же. Т. IV. С. 81.
[24] Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 289.
[25] Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка... Т. III. С. 279.
[26] См: Кузнецов, Ю. Крестный ход... С. 14.
[27] Ермилова, Е. «Рай» Юрия Кузнецова // Литературная Россия. 2007. № 16.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 176–180.

Л. П. Лобанова

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА Л. ВАЙСГЕРБЕРА

Описывается методика изучения языковой картины мира как в ее статическом (Weltansicht), так и в динамическом (Weltbild) измерении, разработанная и представленная в практическом применении Л. Вайсгербером. Эта методика предполагает четыре подхода к рассмотрению языковых феноменов, или четыре ступени лингвистического анализа: 1) формальный (gestaltbezogene Sprachbetrachtung), 2) семантический, или ориентированный на содержание (inhaltbezogene Sprachbetrachtung), 3) ориентированный на изучение продуктивности языка, то есть процесса освоения мира языком, и 4) ориентированный на изучение эффективности языка (wirkungbezogene Sprachbetrachtung), то есть влияния языковой картины мира на языковую общность.

Ключевые слова: *языковая картина мира, мировидение, энергейя,ословливание мира, языковое содержание, языковой прием*.

«Вершиной мысли о языке в истории языкознания»[1] Лео Вайсгербер считает гумбольдтовское понимание языка как «силы в действии», как энергейи[2]. Из энергейтического подхода к рассмотрению языка он выводит, во-первых, главную задачу языкознания: «раскрыть язык, то есть любой язык, как духовный процесс со стороны его живого действования с помощью подхода, позволяющего понять любой язык, то есть немецкий, английский, как функцию (Verrichtung), как нечто динамическое – вот в чем источник энергейтического рассмотрения языка»[1]. Во-вторых, с этим подходом он связывает и свою методологическую

задачу: «Язык как энергейя, как непрерывная работа духа, как это Гумбольдт пытается объяснить в новых и новых подходах, и есть то, с чем мы пытаемся справиться методически, исходя из понимания родного языка как формы постоянного развертывания совокупной языковой способности группы людей, как процесса ословливания[3] мира языковой общностью. И эта формула должна, прежде всего, помочь установить связь между высоким полетом идеи и повседневной ремесленной работой»[1]. В центре всей этой работы должно стоять «методическое одоление духовной стороны языка»[4].

Понимание всякого родного языка в его бытии как непрерывного осуществления языкового формирования мира языковой общностью требует энергейтического описания языковых феноменов применительно к каждому отдельному языку на всех трех уровнях – человечества, общности и индивидуума в соответствии с мыслью Гумбольдта о том, что «язык, достижимые его посредством цели человека как такового, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы суть четыре предмета, которые надлежит рассматривать в их взаимодействии сравнительному языкознанию»[5]. Вайсгербер не видит никакой необходимости в доказательствах того очевидного факта, что современное сравнительно-историческое языкознание имеет в своей постановке задач мало общего с тем направлением сравнения языков, которое Гумбольдт считал главной целью всякого исследования языка, а именно – проблему языкового освоения мира. Изначальный вопрос сопоставления языков – «какими разными путями человек создавал язык» и «какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него»[6] – Вайсгербер предлагает в методически более конкретной постановке основных проблем, состоящих в изучении того, а) как действуют языковые общности, преобразуя мир в собственность духа; б) каким образом языковые общности формируют умственные предметы в процессе освоения мира и в) каково направление духовного подхода, который превращает объективное бытие в осознанное бытие для той или иной языковой общности. При этом он подчеркивает чрезвычайно важное обстоятельство: главная трудность состоит в том, чтобы *избежать описания мира вместо описания языка*. (Это принципиальное условие позволяет, как кажется, также развести понятия «языковая картина мира» и «образ мира»: образ мира предполагает его дескриптивное представление в соответствии с тем знанием о нем, которое имеется на том или ином историческом этапе развития культуры).

Однако если энергейя языка может описываться, например, в философии языка, как его сущностная характеристика, как характер его отношения к мышлению и к действительности, как своеобразие разных языков в этом отношении и т. п., то применительно к собственно языковедческому описанию языка как энергейи Вайсгербер указывает на отсутствие не только методов, но и категориального аппарата в общепринятом смысле, так что опираться приходится на описание *статических* содержаний языковой картины мира. Необходимостью методического разграничения двух способов рассмотрения языка – «статически-грамматического[7] раскрытия для сознания (Bewußtmachen) языкового промежуточного мира и «динамически-языковедческого объяснения (Durchschauen) языкового освоения мира»[8] – он объясняет тематическое подразделение своего фундаментального четырехтомного труда «О силах немецкого языка»: собственно, ответ на вопрос о «силах немецкого языка» можно дать только с помощью динамического способа его рассмотрения, но его неизбежным условием является «грамматическое выявление языковых содержаний».

В сжатом виде концепция языка Вайсгербера была представлена уже в 1949 г. в книге «Язык среди сил человеческого бытия», составившей первый том его четырехтомника, но более подробно основные понятия его теории языка были изложены во втором томе, имевшем название в первом издании «О картине мира немецкого языка» и разделенном во втором издании на два полутома: «Содержательная грамматика» (1953) и «Языковое освоение мира» (1954). В третьем издании 1962 г. из четырехтомника был исключен первый том, книги второго тома второго издания «Содержательная грамматика» и «Языковое освоение мира» обрели полновесность и самостоятельность, став соответственно первым и вторым томом под названиями «Основные черты содержательной грамматики» и «Языковое формирование мира».

Тот факт, что содержательной грамматике лишь в третьем издании посвящен отдельный том, хотя в сочинении 1953 г. уже была предложена вполне завершенная концепция, объясняется, с одной стороны, конкретной внешней причиной: в 1956 г. в Немецком исследова-

тельском обществе (Deutsche Forschungsgesellschaft) возник исследовательский проект «Язык и сообщество» (Sprache und Gemeinschaft), первый этап которого имел своей целью создание содержательной грамматики немецкого языка. С другой стороны, в предисловии к третьему изданию сам Вайсгербер объясняет это достигнутым к тому времени уровнем разработки грамматики, «дальнейшее развитие которой будет происходить скорее в количественном отношении, чем в систематике»[9]. Однако, с точки зрения внутренней структуры четырехтомного труда Вайсгербера, содержательная грамматика стоит на первом месте не потому, что представляет собой наиболее важную часть его теории языка, а потому, что является первой ступенью, на которой необходимо создать предпосылки для ответа на важнейшие вопросы энергейтического описания языка. В этом смысле представляется необоснованным обобщенное обозначение основанного Вайсгербером научного направления в языкознании термином «содержательная грамматика» (что делает даже его основной оппонент Герхард Хельбиг[10], более подходящим названием которого представляется «энергейтическое языкознание».

В центр энергейтического изучения языка должна быть поставлена языковая способность человека, образующая ту точку, к которой сводятся в конечном счете все явления языка. «Как какая-то местность, – пишет Вайсгербер, – которую одолеваешь, поднимаясь в гору, остается той же самой и все же представляется совсем другой, когда достигаешь вершины, так и язык во всех своих явлениях тотчас решительно меняет свой вид (Aspekt), будучи поставлен в связь с языковой способностью человека»[11]. Такой подход является, как он считает, самоочевидным и должен бы разуметься сам собой, однако многие века язык изучался разными науками без соотнесения с языковой способностью человека, что имеет, безусловно, свои причины, которые здесь не рассматриваются.

Вайсгербер исходит из того, что для изучения и описания любого языкового феномена необходимо его рассмотрение с четырех сторон. «Слово *животное*, например, – поясняет он свою мысль, – имеет 1) чувственную форму (Gestalt), 2) духовное содержание (Inhalt), 3) оно осуществляет работу (Leistung) по формированию мира, и 4) оно приводит к каким-то специфическим (воз)действиям (Wirkungen)». И добавляет в духе аллегории Лейбница[12]: «Это можно сравнить с домом или городом, который нужно осмотреть с четырех сторон, чтобы получить сколько-нибудь полную картину»[13]. Эти четыре отправные точки должны, согласно Вайсгерберу, определять методически четыре направления языковедческих исследований и тем самым четыре аспекта изучения и описания языковой картины мира, поскольку его теория языка есть, по сути, развернутая теория языковой картины мира. Традиционные языковедческие дисциплины, сложившиеся в истории языкознания, должны быть, следовательно, и могут быть, как он считает, обращены на эти четыре аспекта. В сочинении «Четыре ступени исследования языков»[14] он (замечая впоследствии: «Вопрос о том, говорить ли предпочтительнее о ступенях или основных направлениях, можно здесь оставить в стороне»[15] подразделяет «все методическое пространство» языкознания на четыре подхода, обусловливающих рассмотрение языка как: 1) ориентированное на внешнее оформление (gestaltbezogene Betrachtung), 2) ориентированное на содержание (inhaltbezogene Betrachtung), 3) ориентированное на продуктивность (leistungbezogene Betrachtung) и 4) ориентированное на эффективность (wirkungbezogene Betrachtung).

Две первые ступени охватывают статическое описание языка, для которого определяется соответствующий методический инструментарий, или понятийный аппарат – *внешнее оформление* «языкового феномена» (слова или синтаксического элемента) (sprachliche Gestalt) и *языковое содержание* (sprachlicher Inhalt), обладающее *определенностью* (Bestimmtheit). Обнаружение и системное описание языковых содержаний с их определенностями (в частности, в *лексическом поле* и *лексическом сословии*) составляет задачу описания статической языковой картины мира.

Две вторые ступени относятся к энергейтическому описанию языка, и для них тоже определяется понятийный аппарат эквивалентного характера, позволяющий Вайсгерберу с бóльшей наглядностью представить то, что в противном случае пришлось бы описывать более абстрактно. Языковые содержания при статическом подходе можно рассматривать как понятия (Begriffe), но при энергейтическом подходе, исходя из «фундаментального понимания всей сферы языка (alles Sprachlichen) как формы действия языковой способности», «в каждом слове, в каждом синтаксическом

элементе» следует видеть «*языковой прием*»[16] (Zugriff). В этом видно стремление Вайсгербера показать характер взаимообусловленности отношения «человек – язык»: *Zugriff* означает в первую очередь, что освоение мира, как внешнего, так и внутреннего, есть языковая деятельность, направленная не только на то, чтобы «охватить» его умом (be-greifen), но и на то, чтобы «вмешиваться» (zu-greifen) в него посредством языка и как бы присваивать себе его фрагменты. Кроме того, в отношении «человек – язык» все более отчетливо проявляется, что «закон действия скорее перемещен в человека»[17]. Для описания энергейтической языковой картины мира нужно определить *направленность* (Gerichtetheit) языковых приемов. Энергейтическим эквивалентом лексическому полю служит *смысловая сфера* (Sinnbezirk). Вайсгербер рассматривал также понятие *полевой прием* (Feldzugriff)[18], но в конечном счете предпочел (возможно, под влиянием Трира) «смысловую сферу», хотя этот термин все же слишком широк. Дефиниции его тоже разнятся, что свидетельствует не столько о сомнениях Вайсгербера, сколько о сложности определения этого понятия в части понимания отношения энергейтического и статического аспектов. В «Языковом формировании мира» (1962) смысловые сферы определяются энергейтически как «целостности <…>, внутри которых могут объединиться результаты различных форм языковых приемов»[19], а в работе «О смысловой сфере события в современном немецком языке» (1964) они описываются как «взаимодействие нескольких полей или различных основных форм содержательной определенности»[20], из чего видно стремление Вайсгербера представить, с одной стороны, единицы поля не статически как содержания, но энергейтически как приемы, а с другой стороны – и само поле истолковать не как статическую, а как динамическую структуру, способную к взаимодействию с другими полями.

статическое описание	**энергейтическое описание**
языковые содержания *sprachliche Inhalte*	языковые приемы *sprachliche Zugriffe*
определенность языковых содержаний *Bestimmtheit sprachlicher Inhalte*	направленность языковых приемов *Gerichtetheit sprachlicher Zugriffe*
лексическое поле *Wortfeld*	смысловая сфера *Sinnbezirk*

Необходимость двойной терминологии, подчеркивает Вайсгербер, обусловлена противопоставлением статического и энергейтического подхода: в качестве языкового содержания выступает при статическом, грамматическом взгляде то, что является по сущности своей языковой энергейей, языковым приемом. Отсюда постоянное указание на «двойственность энергейтического и статического способа рассмотрения, терминологическое соседство языкового приема и языкового содержания, направленности языковых приемов и определенности языковых содержаний. <…> Статическое рассмотрение стремится довести до сознания приемы родного языка в форме обнаружения и изучения языковых содержаний. Под языковым содержанием понимается при этом духовная сторона звуко-содержательных языковых единств <…>; тем самым приемы (формы действия языковой способности) мысленно переносятся в содержания (умственные предметы, которые возможно обнаружить). Этот перенос неизбежен, поскольку, только отталкиваясь от таких первых фактов, можно приступать к другим вопросам»[21].

Из этого понятно, с одной стороны, что обоснование «двусторонней» терминологии Вайсгербер видит в природе языка: всякое языковое содержание является de facto также и языковым приемом, который невозможно постичь в его динамическом качестве иначе, чем как нечто явленное, а языковое содержание есть реализованный языковой прием. С другой стороны, методическое разграничение исследования языка на статический и энергейтический подходы означает не разделение языковедческой науки на два независимых раздела, но возможность энергейтического переосмысления всякого статического факта языка, которое позволяет проникнуть в характер, особенности и методы освоения мира каждым отдельным языком, или ословливания мира.

Примечания

[1] Weisgerber, L. Grundformen sprachlicher Weltgestaltung. Köln–Opladen, 1963b. S. 9.

[2] См. подробнее: Лобанова, Л. П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М., 2013. С. 139–168.

[3] См.: Лобанова, Л.П. Понятие ословливания мира в теории языка Л. Вайсгербера // Вопр. психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 26–35.

[4] Op. cit. S. 10.
[5] Humboldt, W. von. Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung (1820) // Wilhelm von Humboldts Werke. Hrsg. von Albert Leitzmann. Vierter Band. 1820–1822. Berlin, 1905. S. 7.
[6] Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. Düsseldorf, 1962. S. 32.
[7] Под грамматикой Вайсгербер понимает описание языка как эргона не только в его собственно грамматической части, но также и в лексической.
[8] Weisgerber, L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Halbband. Die inhaltbezogene Grammatik. Düsseldorf, 1953. S. 7.
[9] Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962. S. 7.
[10] Helbig, G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Reinbek (bei Hamburg), 1974. S. 119.
[11] Weisgerber, L. Grundformen sprachlicher Weltgestaltung... S. 6.
[12] См. подробнее: Лобанова, Л. П. Концепция языковой картины мира... С. 72–77.
[13] Weisgerber, L. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1964. S. 52.
[14] Weisgerber, L. Die vier Stufen in der Erforschung der Sprachen. Düsseldorf, 1963.
[15] Weisgerber, L. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1964. S. 53.
[16] Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. Düsseldorf, 1962. S. 76.
[17] Op. cit. S. 80.
[18] Weisgerber, L. Zum Sinnbezirk des Geschehens im heutigen Deutsch // Festschrift für Jost Trier. Hrsg. v. William Foerste und Karl Heinz Borck. Köln–Graz, 1964. S. 25.
[19] Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt... S. 26.
[20] Weisgerber, L. Zum Sinnbezirk des Geschehens im heutigen Deutsch... S. 24–25.
[21] Weisgerber, L. Die Erforschung der Sprach‘zugriffe’ I. Grundlinien einer inhaltbezogenen Grammatik // Wirkendes Wort 7, Heft 2 (1956–57). S. 66–67.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 180–186.

Н. В. Монгилева

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНЫ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. ГЭН «КИФФЕ-КИФФЕ ЗАВТРА»

Рассматривается разница между понятиями «этническая картина мира» и «национальная картина мира» на примере произведения Фаизы Гэн. Исследуются лексические единицы с культурным компонентом значения, компаративные конструкции, коннотативная окраска описаний. Личный дневник девочки-подростка служит примером формирования индивидуальной картины мира француженки из северной Африки на основе этнического и национального компонента.

Ключевые слова: *этническая картина мира, национальная картина мира, литература «beur».*

Один из ключевых терминов когнитивной лингвистики «картина мира» относится к процессам, которые сопровождают деятельность человека по переработке информации о мире и закрепления ее в определенных структурах. Картина мира выполняет функции категоризации и концептуализации знаний о мире, в результате чего формируется информационно-эмоциональное пространство, в котором индивид существует. Константы культуры в этом пространстве выступают в роли моральных и нравственных ценностей, ориентиров, значимые символы, представления о добре, зле, красоте и так далее

Вопрос о том, что термины *национальная* и *этническая картины мира* не одно и тоже, нуждаются в разграничении, возник недавно. Ранее эти понятия употреблялись как синонимичные термины, что не случайно. Исследования самобытности, культурной обусловлен-

ности картины мира проводились на примере наций, находящихся в стадии пассионарного подъема (в терминах Л. Гумилева), таких как русские, французы, немцы и так далее Это нации, прошедшие свой путь формирования из ряда этносов, смешения этносов примерно полторы-две тысячи лет назад. Конечно, в данном контексте этническое и национальное неразличимо.

Но в современном мире миграционные процессы привели к тому, что на территории данных государств формируются многочисленные диаспоры, чье этническое мировоззрение находится в культурной дистанции от социальных, моральных и других национальных установок членов государства. Если сами мигранты имеют четкое различие между своим, этническим и ценностями государства, в котором им приходится жить, то их дети формируют свои ценностные ориентиры в контексте выбора, а порой и конфликта этнического и национального.

Такой же выбор между этническим и национальным стоит перед этническими русскими-жителями республик бывшего СССР. Когда статус титульной нации меняется, национальная политика государства становится другой, но новое национальное уже не воспринимается русскими-жителями как «свое», родное, в то время как для их детей, родившимся и растущих в новых республиках, эти национальные контексты естественны. Так, можно исследовать взаимодействие этнического и национального на примере мировоззрения русских, живущих в Казахстане. Частью национальной картины мира (но не этнической) будут казахские блюда, праздники, принятые и в русских семьях. Подобным примером служит исследование картины мира немцев, проживающих на территории России. [2].

Изучение взаимодействия этнической и национальной картин мира являются актуальным, так как в современном мире практически нет моноэтнических государств. Следовательно, встает вопрос об интеграции или неинтеграции этнической общности в мультикультурном пространстве. Изучение процесса формирования картины мира у отдельного индивида в ситуации конфликта культур продолжает исследование поведения современного человека.

Разграничение этнической и национальной картин мира происходит примерно по тем же принципам, что и различие понятий «этнос» и «нация» [11. С. 193]. Понятие «нация» гораздо шире «этноса» и связана с политической оформленностью, государственностью. Нация никогда не бывает моноэтнична, и представляет результат исторического смешения многих этносов, осознания ими общей истории эволюции, единых социокультурных ценностей, формирования общего для всех членов нации констант мировоззрения.

Этническая картина мира соотносится с менталитетом этноса, этнической духовностью, основанных на объективной общности происхождения от единых предков. ЭКМ рассматривается как единая когнитивная ориентация, являющаяся фактически невербализованным, имплицитным выражением понимания членами общности «правил жизни», диктуемым им социальным, природными и «свехъестественными силами» [11]. Этническая картина мира представляет собой свод основных допущений и предположений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, которые направляют и структурируют поведение представителей данной общности [11]. При этом исследователи подчеркивают, что защитная функция этнической культуры является наиболее значимой из всех ее функций.

Понятие «национальная картина мира» несколько иного исторического и культурно-философского содержания. Национальная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа, вне зависимости от этнического происхождения. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны – некоторая абстракция, а с другой – когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности членов общества, в его поведении – физическом и вербальном [4]. В поликультурном государстве национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в руководстве одними принципами общежития, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях».

Национальная картина мира может быть ориентирована в той или иной степени на этническую, что зависит от пути формировании нации. Анализируя путь этноса к нации, Франческа Поглия Милети говорит о двух противоположных моделях формирования нации: «общности убеждений» и «культурной общности» (“la communauté de sens” opposée à “la communauté culturelle”) [10. С. 152]. Она определяет два типа государственных образова-

ний: нация гражданская и нация этническая (la nation de type “civique” et la nation de type “ ethnique”). По словам Милети, тип государственности зависит от отношений между членами государства, по каким критериям они выстраиваются, по этническим параметрам или на основе критериев гражданственности. Il s’agit de comprendre l’influence de ces deux conceptions dans le rapport à l’altérité car une société qui fonde la relation à ses membres sur des paramètres ethniques n’entretient pas le même rapport à l’autre que celle dont l’espace national s’organise autour de critères civiques [10. С. 152]. Этнические параметры подразумевают общность по родству, по крови, общему языку, фольклорному наследию, человек уже рождается членом семьи-нации, Так, она говорит, что Германия – это пример этнической нации. Быть немцем значит считать себя частью немецкой нации (Volk): “ Etre allemand, c’est appartenir au Volk, uni comme une famille, partageant une même histoire et une même culture ” [10].

В противоположность общности по происхождению, второй путь формирования нации – это осознание своей принадлежности к гражданской общности, выбор не по крови, а по воле. Единые права граждан и, как следствие, неотъемлемые обязательства, долг каждого члена перед обществом в ущерб индивидуальному, выступают главным критерием такого общества. Таким примером согласно Милети является Франция. La France, bien que considérée par certains comme “ ethniquement homogène ”, représente l’exemple idéal-typique de cette conception civique de la Nation. Le droit de la nationalité fait une place plus ou moins importante au droit du sol. Dans ce cas de figure, le rôle des frontières est prépondérant [10]. Принадлежность нации понимается больше как место проживания. В этом плане роль границ играет решающую роль. В этом плане нация определяется как политическое объединение, которая характеризуется независимостью, проявляется внутри сообщества в интеграции народов, которые живут в ней, для внешнего мира она утверждается как историческое сосуществование народов-наций. Для такой модели формирования нации на первый план выходит интеграции народностей в сообщество граждан.

Согласно исследованиям М. Голованивской, мировоззрение французов сложилось под влиянием следующих социо-культурных смыслов [1]. Античность, с ее представлениями о праве, частной собственности, общественной пользе и так далее, преклонение перед разумом и истиной. Идея развития мира и его диалектики при прямом участии воли человека, и как следствие, свободы как высшей ценности человека. Голованивская определяет Францию как страну городской цивилизации, где примат рационального, анонимного, то есть произрастающего из равенства, одержали окончательную победу. Семейные ценности французов ведут свое начало от римских представлений о роли женщины, хозяйки очага, образованной и мудрой, жена-партнер в делах, способной в трудные моменты стать полноценной заменой и мужа и отца [5].

Массовое вливание во французское общество представителей стран Магреба, чья нация выстроена по этническому принципу, поставило множество вопросов. Менталитет французов готов к принятию новых вливаний, но для них важно, чтобы «новые французы» придерживались тех же принципов общежития и законов морали, что и они сами. Выходцы из стран Магреба, которые не принимают новые знания, с их привычками сельского образа жизни (le bled), маскулинностью культуры, мужским доминированием в семейных отношениях, а самое главное их сообщество представляет собой этнически ориентированным, они не задумываются о законах общежития. Поэтому их интегрирование в новую культуру проходит медленно.

Во что выливается этот диалог культур и мировоззреческих систем не известно, но он активно идет. Для исследования вопроса взаимодействия двух систем мировоззрения этнической (выходцев из стран Магреба) и национальной (французов) могут быть использованы произведения литературы Beur. «Beur» – политический неологизм, означающий лиц арабского происхождения (a-ra-beu) [8], после появления романов Мехди Шарефа термин закрепился в том числе и за произведениями молодых писателей-эмигрантов второго поколения. Произведения авторов литературы «beur» фиксируют взаимодействие двух культурных систем у детей эмигрантов [7 ; 12]. Тема интеграции своего этноса во французское общество является основной в данной литературе, пренебрежение французов к мигрантам с одной стороны, нежелание принимать французский образ жизни с другой, одна из основных у авторов «beur» [6]. В произведениях описывается ужасающая нищета кварталов, акцентируется противоречия этнических традиций и француз-

ской культурой, невыносимость этой культурной неопределенности, которую испытывают дети приезжих, родившиеся и взрослеющие во Франции, особое внимание направлено на статус женщины в таких семьях.

Произведение Фаизы Ген не является исключением. Роман написан в форме дневника девочки-подростка Дории, которая ведет свои записи примерно полгода. Девочка рассказывает о своих повседневных делах, проблемах, впечатлениях и переживаних, мечтах. Ее отец возвратился на родину, оставив во Франции без каких-либо средств неграмотную, никогда не работавшую жену и дочь. События романа свидетельствуют, как двум женщинам удается выжить найти свое место в обществе. Дневник француженки, родители которой эмигранты, позволяет проследить, формирование индивидуальной картины мира под влиянием двух культурных систем этнической (ее родителей) и национальной (принятие осознанное или нет принципов жизни в современной Франции).

Так как картина мира выполняет функции категоризации и концептуализации, то именно оценка происходящих событий включает в себя актуализацию базовых ценностей культуры. Оценивание действий других людей, трактовка категорий добра и зла, представление об устройстве мира даст исследователю сведения, сквозь призму какой системы ценностей индивид смотрит на мир. Вопрос разграничения национальной и этнической картин мира касается в том числе и характеристик констант культуры, нравственных ценностей, которые выступают категориями оценки повседневного поведения человека, если он живет в ситуации очевидной дистанции между ценностями своего этноса и территории фактического проживания.

Анализу подлежит коннотация предложений, в которых героиня высказывает свое мнение, оценку, языковые единицы с культурным компонентом значения, репрезентирующие две мировоззренческие системы, сравнительные конструкции. На материале романа-дневника можно проследить, какие из значимостей принадлежат этнической картине мире, а какие являются частью национальной картины мира.

Прежде всего, необходимо отметить большое влияние телевидения на формирование ее индивидуальной картины мира. Имена актеров и киногероев включены в большинство сравнительных конструкций: Il ressemblait à Laurent Cabrol, celui qui représentait “La Nuit des héros” sur TF1 le vendredi soir [9. С. 17]. Эти сравнения подробны, имеют развернутую форму, становятся базой для дальнейшего развития образа (… me voient partir avec la doublure d’Antonio Banderas dans Zorro, **en un peu plus balafre**).

При этом сравнения с лексической единицей темы «télé» имеют всегда положительную коннотацию. Это показывает, что она видит в телевизионной картинке пример для подражания, безоговорочно верит тому, что льется на нее с экрана. Телепередачи формируют ее мнение и кругозор. ...j’y connais pas grand-chose à la justice, les seules réferences… c’est l’épisodes de *Perry Mason*, [9. С. 85].. Когда героиня рассуждает о разводах, она формулирует свою мысль фразой «la seule raison que je vois à ce phénomene, c’est *les Feux de l’amour*» [9. С. 42]. Рядовые события жизни, разговоры находят свой аналог в передачах: Ca me fait penser à cette émission avec Jacques Pradel [9. С. 92]. Сериалы дают ей и ее маме модель поведения в сложной ситуации: ... pour les mauvaise nouvelles, Il faut s’inspirer de la télé, du courage et du tact de Gaby dans Sunset Beach [9. С. 93]. Целый ряд эмоций идентифицируются героиней через описание музыки рекламы : des musiques tristes commes dans des pubs d’assurance vie [9. С. 55]. Рассказывая о негативном событии, после сравнения с фактом телемира, коннотация текста меняется, приобретает положительный оттенок, с помощью мира телевидения она может с юмором оценить ситуацию, найти выигрышные моменты (задыхаясь от переживаний по поводу романа своего друга, воспринимая его как измену, ее мысли сразу «экранизируются»: J’ai eu l’impression de me trouver dans un reportage de la une, dans l’émission “Sept à huit” [9. С. 135]).

«Коран для бедных» называет она телевидение. В произведении данный символ имплицирует идею о том, что для выходцев из стран Магреба малообразованных, не работающих, телевидение и источник знаний, и один из немногочисленных способов интеграции. Но насколько они становятся французами посредством телевидения?

Названия передач, фильмов и сериалов, посредством которых героиня усваивает мнения и концепции, являются в какой-то мере частью национальной картины мира, однако в ее интернациональном, универсальном компоненте. Только одна референция имеет значимость как культурное наследие французов, это профессор Турнесоль из «Приключений Тентена», которого ей напоминает манера одеваться социального работника [9. С. 18].

Героиня не идентифицирует себя с французами. Описания ее представлений о французах имеют негативную коннотацию, она намеренно приводит стереотипизированную картинку, тем самым подчеркивая, что ее жизнь абсолютно не такая. Il passe avec sa camionnette bleu ciel dans les petits villages de la bonne vielle France, le dimanche après la messe, et vend du pain seigle, du Roquefort tradition et du saucission sec [9. С. 18]. Стереотипизированные описания имеются и о французской семье [9. С. 26], предпочтениях французов [9. С. 67].

Дория в своих рассуждениях комментирует слова, услышанные в свой адрес, в которых имплицируется дистанция между коренными французами и выходцами из стран Магреба (les gens comme vous [9. С. 18]), (animateur socoiculturel du quartier [9. С. 51]), (ils ont du mal avec le bronzage [9. С. 128]). Нередко она говорит об открытой неприязни со стороны французов (elle m'accuser de «souiller notre belle langue" … "Parrr votrrrre faute, le patrrrimoine frrancais est dans le coma"!) С другой стороны , когда все жители квартала обсуждают избранника одной из девушек, читателю представлен целый ряд прозвищ для француза (Un toubab enfin un Blanc, un camembert, une aspirine quoi…) [9. С. 131]. Поэтому описание стены между кварталом, где живут иммигранты и домами французов можно трактовать как символ разделения, непроникновения двух миров (un mur de pierre tout le long. Pire que la ligne Maginot ou le mur de Berlin [9. С. 90]). Французское сразу вызывает у героини отторжение, как ответная реакция на отношение французов к таким, как она (в описании ее куклы – Francoise, c'est la poupée des petites filles qui rêvent pas. [9. С. 41]). Французы кажутся ее чужими, она чувствует себя изгоем во французском обществе, понимая, что занимает низшую ступень «le destin c'est le misère, Parce que t'y peux rien».

То, что ее картина мира скорее интернациональна, чем национально-французская свидетельствует включение в ее речь англицизмов. Стоит обратить внимание на то, что англицизмы использованы в описании и характеристиках других персонажей, то есть включены в контексты оценивания. Это заслуживает внимания тем, что категоризация происходит с использованием не французских и не этнических единиц (pas la peine d'en faire tout un cake [9. С. 40]; Nabil est un nul… il se faisait racketter son gouter à la recré [9. С. 46]). Космополитичность индивидуальной картины мира усиливается тем, что когда героиня мечтает о лучшей жизни, в данных описаниях присутствуют не французские географические номинации (côte espagnol, plage italienne).

Страну, из которой иммигрировали ее родители (Марокко), героиня также не считает своей родиной, называя ее просто le pays. Данная лексическая единица используется и как общее название стран северной Африки (là-bas au pays [9. С. 34], в данном контексте речь идет об Алжире).

Семейные ценности ее этноса осмысляются в контексте современных французских категорий. Большое место занимает рассуждения о предпочтении детей в зависимости от пола. Но, с другой стороны, на свою семью она смотрит глазами своих соплеменников, «demi-famille» вместо полноценной семьи (с большим количеством детей). На этом аспекте не будем останавливаться подробно. Пересмотру семейных ценностей своего этноса посвящено отдельное исследование M. Arosson, в котором на примере произведения Ф. Ген рассматривается маскулинность с такими характеристиками как лицемерие и предательство [6].

Однако нельзя утверждать, картина мира героини лишена этнических категорий. По мнению С. Лурье, "в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков" [3]. Анализ контекста, где можно говорить о ведущей роли этнических констант, подтверждает слова С. Лурье. В стрессовой ситуации героиня путает французское имя Karine, с арабским Karim, называя им девушку-соперницу [9. С. 57]. Неловко себя чувствуя из-за пятна на куртке и без того имеющей жалкий вид, она употребляет слово "la hchouma" (стыд). Увидев любимого парня с блондинкой, размышляет о магии и приворотах (sorcellerie au Maroc, marabouter au souk [9. С. 55]). Ее проклятия также более свойственны этнической картине мира ее народа, чем французам: il ira tout droit au enfer [9. С. 64], qu'il crève au fond d'une cave, bouffé par les rats [9. С. 14]. Последнее проклятие интересно с одной стороны тем, что отражает общий концепт арабских проклятий как удаление от блага, с другой наличие в высказывании единицы rat *крыса*. Здесь можно констатировать совпадение этнической и национальных картин. В обоих *крыса* символизирует низшее, презираемое, аморальное существо. Оно широко представлено в пословицах

и фразеологизмах и в арабской культуре (например, тигр гораздо менее опасен, чем тысяча крыс), и во французской. Наверное, поэтому в устойчивых выражениях и сравнениях, которые использует героиня в произведении, есть только два зоосемизма comme un mule и comme un rat (tête de rat, comme un rat mort). Слово rat является омофоном ras. А выражение ras-le-bol означает тяжелые каждодневные заботы и нередко употребляется по отношению к жизни иммигрантов.

Героиня не слишком религиозна, но соблюдает особый режим питания во время рамадана. Она говорит «Dieu», а не «Allah». Она мечтаем стоять с женихом «à l'eglise", а не «à la mosquée» Она считает, что ее мама с подругой слишком сильно надеются на Бога, ей чужды такие выражения, как «que dieu te vienne en aide» (выражение ее мамы). Но в минуты трагедии она вместе со своим этносом: il pleuvait à très fines gouttes, comme si Dieu nous crachait dessus [9. С. 70].

Таких, как героиня романа, французов в первом поколении, выросших в семьях иммигрантов, часто называют «Bipolaires». Действительно, героиня владеет двумя культурными системами, иногда она рассуждает о чем-либо, высказывает сначала свое мнение, потом чтобы на это сказали ее соседи, мама, подруги мамы. Поэтому в речи она может называть одно и то же явление единицами двух кодовых языковых систем. Один принадлежит системе ее этноса, другой – ее собственной. В контексте это выражается противопоставлением двух языковых единиц.

Этническая КМ	**Индивидуальная КМ**	**Контекст**
Mektoub	Scenario	Chez nous on appelle ca le **mektoub**. C'est comme le **scenario** d'un film dont on est les acteurs. Le probleme, c'est que notre scenariste a nous, il a aucun talent.
Le bled	HLM	Elle m'a dit que la premiere chose qu'elle avait faite en arrivant dans ce minuscule F2, c'etait de vomir. Je me demande si c'etait les effets du mal de mer ou un presage de son avenir dans ce bled
Chetan (satan)	Le diable , Filip (chanteur de rok)	« ..y a le chetane la dedans, c'est Satan». C'est pas comme ca que je l'imaginais le diable mais bon...»
Inchallah (si dieu veut)	Dire ni oui? Ni non	Heureusement, ma mere n'a pas tout a fait dit oui. Elle a utilise le joker « inchallah»
La hchouma	La honte	... si Maman fait ca, c'est la honte. La hchouma.

Последний пример интересен тем, что, иронизируя о замужестве мамы, Дория использует две языковые системы. А в ситуации стресса, унизительной для нее, только единицу этнической системы (см. пример выше).

И все-таки в произведении есть строки, в которых ясно проявляется национальная картина мира. Они появляются ближе к середине и концу повествования. Когда мама начинает учиться читать, Дория говорит «on va lui apprendre à lire et à écrire **la langue de mon pays**» [9. С. 80]. В рассказе о жестокости в семье девушки-соседки, она дистанцируется от представителей своего этноса «Dans leur famille, les hommes sont les rois» [9. С. 91]. Французский язык для нее родной, и она экспериментирует с французскими словами, осмысляя соотношение, форму и содержание лексической единицы: «J'y comprends plus rien à cette justice pas juste» [9. С. 86]. Она умеет шутить, придумывая каламбуры «son sac Vieuthon» (вместо Vuitton), «En France, trois mots en "ist", ça suffit pour qu'on donne ton nom à un lycée» [9. С. 155], «Moudit. Mais "Mou dit quoi?"» [9. С. 161].

Более того, лексические единицы с французским культурным компонентом становятся фактом метафорического или метонимического переноса: Tu nous as laissés tomber Rimbaud et moi [9. С. 161], je me retrouve au milieu d'une trentaine de poufiasses décolorées, permanentées, et liberté, égalité, fraternité [9. С. 159], употребление sous в значении деньги вместо euro.

С самого начала в рассказе Дории присутствуют элементы, свойственные менталитету французов. В описании героев присутствуют названия марок и брендов. Она употребляет прагмемы, характеризующие принадлежность персонажа к определенному слою французского общества, то есть дает его социокультурную характеристику «elle sent le Parapoux» [9. С. 9], «quand il ouvre la bouche ça sent le vin de table Leader Price» [9. С. 13], «c'est sa grande soeur

qui vient le chercher en Safran rouge» [9. С. 13]. В произведении есть много подобных примеров.

В художественном произведении антропонимы (фамилии героев) являются частью характеристики персонажа M. Loiseau, Mme Lemoine, M. Lefevre и др. Дория в своем дневнике также часто придумывает подобные фамилии для тех, чьи имена не помнит Mme Dumachin, Mme Dutruc, Mme Duquelquechose.

В произведении Ген имплицируется мысль о том, что такие как Дория, дети жителей кварталов, это новые французы, для которых Франция родная страна, и они часть современного французского общества. Сцену, в которой Дория смотрит в зеркало, узнает в своем лице отцовские черты, вспоминает слова психолога, о том, что она повзрослеет тогда, когда будет сидеть в зеркале себя, а не своего отца. Эту сцену можно трактовать в контексте всего произведения, что дети мигрантов станут французами, когда перестанут жить как их родители, фанатично следовать традициям предков, примут законы французского общества и станут самими собой, а не такими же как их родители.

Название романа Kiffe–kiffe demain имплицирует тот же смысл. Kif-kif выражение, пришедшее из арабского, широко распространенное в молодежном сленге, означает «тоже самое, одно и тоже». В середине романа героиня так говорит о безысходности своей жизни, о рутинности проблем. В конце, когда жизнь героев налаживается kif-kif трансформируется в другое арабское слово kiffer-kiffer, означающее «любить, ценить». Kiffe–kiffe demain можно трактовать следующим образом

Kiffe–kiffe люблю свои корни, своих предков, ценю их, принимаю жизнь такой, как она есть;

Demain – мое будущее связано с этой страной, смотрю в будущее думаю о нем;

Kiffe–kiffe demain – люблю свое завтра, люблю свою страну так, как люблю ее я.

Список литературы

1. Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М., 2009. 376 с. (Язык. Семиотика. Культура).

2. Зейферт, Е. И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Lage (NRV), 2009. С. 525.

3. Лурье, С. В. Историческая этнология. М., 1998. С. 222.

4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С. 313.

5. Сергеенко, М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 336.

6. Aronsson, M. Trahison, hypocrisie et violence – la représentation de la masculinité musulmane dans Kiffe kiffe demain de Faïza Guène. Moderna språk. Vol. 106. 2012. P. 1–16.

7. Harzoune, M. Litterature: les chaausse-trapes de l'integration H&M. №°1231. Mai-juin 2001.

8. Grand Robert de la langue française, version informatisée. [Электронный ресурс]. URL: http://gr.bvdep.com/gr.asp.

9. Guene, F. Kiffe-kiffe demain. Paris, 2004. P. 190.

10. Mileti, F. G. Construction sociale des catégories d'altérité et identités des populations migrantes. Réflexion théorique et étude de cas, Université de Neuchâtel, 2001. P. 152–164.

11. Rumyantseva, M. to the definition of the notion "ethnical picture of the world" Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Vol. 7. Culture Science, Philosophy, Philology, Art, History and Archeology, Tituville, FL, USA. 2012. P. 193–194

12. Vitali, I. Une promenade dans le bois du «roman beur»: De Mehdi Charef à Publifarum, n. 20, pubblicato il 15/07/2013 [Электронный ресурс]. URL: http://publifarum.farum.it/ezine_articles.php?id=254.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 187–190.

Е. В. Постникова

СОЗДАНИЕ ФРАГМЕНТАРНОГО РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПОЛИТИКА-ПУБЛИЦИСТА НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ СМИ

Рассматривается вопрос о возможности построения речевого портрета языковой личности политика-публициста на материале заголовков средств массовой информации. Анализ заголовков статей позволит составить фрагментарный речевой портрет политика, рассмотреть, каким образом раскрываются его речевые способности, определить наиболее устойчивые модели создания заголовка.

Ключевые слова: *заголовок, колонка, языковая личность, фрагментарный речевой портрет*.

Изучению взаимодействия политики и СМИ в настоящее время уделяется достаточно много внимания. Интерес вызван многими факторами: желанием осознать механизмы формирования СМИ общественного мнения о политических процессах и влияния на них, а также механизмы использования СМИ в качестве инструмента для создания определенного имиджа политика в глазах общественности. Последнее становится возможным при непосредственном участии самих субъектов политики.

Сквозь призму публицистической деятельности политика можно судить о том, каким образом воплощаются в ней те или иные выбранные автором тактики и стратегии. Многие политические деятели нашли себя в публицистике.

Исключением не стал и лидер кубинской революции Фидель Кастро. После долгих лет правления в качестве председателя Госсовета Кубы политик решился оставить свой пост ввиду ухудшения состояния здоровья и посвятил значительную часть своего времени публицистике. Именно таким образом Кастро на протяжении уже почти семи последних лет общался со своим народом и со всем миром. Колонка занимает особое место в газете Гранма (сайт – www.granma.cu), кроме того, статьи «Размышлений» находятся в свободном доступе ресурсов www.cubadebate.cu и www.cuba.cu.

На материале «Размышлений» Фиделя Кастро в настоящей статье предлагается провести анализ заголовков и создать фрагментарный речевой портрет языковой личности политика-публициста.

Под фрагментарным речевым портретом в данной статье понимается выборочная характеристика «наиболее ярких особенностей речи исследуемой языковой личности»[1] в качестве публициста.

Новая для политика форма общения посредством журналистики ограничивает его послания во времени (в связи с выходом очередного номера газеты) и в пространстве (с необходимостью учитывать законы «бытия» публицистического жанра газетной колонки). Как неотъемлемая часть публикации, заголовок способен многое рассказать о его авторе и способствовать созданию определенного образа публициста у читателя.

Корпус исследуемого текстового материала составляет в среднем 430 статей. Некоторые из статей разделены автором на части, число которых не превышает пяти. Такие статьи имеют общий заголовок и отмечаются в колонке только номером части, к примеру: «*Cinismo genocida* (*Primera parte*) (Геноцидный цинизм)*, Cinismo genocida* (*Segunda parte y final*)*»*, опубликованные 13 и 14 ноября 2011 г. соответственно, или размышления «*El imperio por dentro* (*Primera parte*)*, El imperio por dentro* (*Segunda parte*)*, El imperio por dentro* (*Tercera parte*)*, El imperio por dentro* (*Cuarta parte*)*, El imperio por dentro* (*Quinta y última parte*)» (Империя изнутри (Пятая и последняя часть) от 10, 11, 12, 13 и 14 октября 2010 г.[2] Следует отметить, что автор, каждый раз завершая очередную серию размышлений, стремится обозначить в ней следующую статью.

Выбор заголовков иллюстрирует сферу интересов публициста и определяет основные сюжеты общественно-политической колонки, среди которых встречаются глобальные проблемы человечества, борьба за экологию, обличение несправедливости идеологических противников политики писателя.

Анализ на синтаксическом уровне обнаруживает присутствие таких типов заголовков в арсенале автора, как номинативный «*Sed de sangre»* (Жажда крови), глагольный (*La tortura no puede ser jamás justificada* (Пытки не могут быть оправданы), эллиптический (*Para el honor, medalla de oro* (Чести – золотую медаль),

вопросительный (*Por qué se excluye a Cuba*? (Почему исключают Кубу?) и побудительный (*Ojalá me equivoque*! (*Хоть бы я ошибся!*).

Значительную часть заголовков составляют имена известных деятелей, организаций или названия событий, которым посвящена статья: *Alberto Juantorena, Den Xiaoping, Dimitri A. Medvedev, El Che, La iglesia ortodoxa rusa* (Русская православная церковь), *El premio Nobel de la paz* (Нобелевская премия мира), *El encuentro con Lula* (Встреча с Лулой). Отсутствие каких-либо элементов, говорящих об отношении автора к обсуждаемому материалу, а также структурная лаконичность заголовка создает впечатление объективности и беспристрастности автора, хотя подобное впечатление оказывается всегда обманчивым. В данном случае интерес к статье читатель проявляет скорее основываясь на актуальности той или иной личности или события, с одной стороны, либо на авторитетности мнения публициста – с другой.

Одной из особенностей заголовков «Размышлений» является «сталкивание имен» нескольких общественно-политических деятелей: «*Chavez, Evo y Obama. Primera Parte*» (Чавес, Эво и Овама. Первая часть) или представление кого-либо из них на фоне определенного события, которое вызвало у автора интерес («*Obama y el bloqueo»* (Обама и блокада), «*Bush, el hambre y la muerte»* (Буш, голод и смерть). В таком случае заголовок оставляет читателю представить вероятную связь между героями и сравнить свои догадки с точкой зрения публициста после прочтения статьи. Имеет место употребления номинативных заголовков, выражающих причину и следствие: «*Las armas nucleares y la supervivencia del Homo Sapiens*» (*Ядерное оружие и выживание Homo Sapiens*).

К заголовкам глагольного типа, как правило, относятся заголовки-суждения «*Lo que quieren es el petróleo de Venezuela*» (Чего они хотят – так это венесуэльскую нефть). Сказуемое *quieren* употреблено в форме третьего лица множественного лица и указывает лишь на то, что это *они*, однако автор оставляет интригу и не указывает действующее лицо. Подобные заголовки выражают законченную мысль, в которой автор уверен: «*El plan de la OTAN es ocupar Libia»* (План НАТО – занять Ливию), *«Israel no atacará primer»* (Израиль не нападет первым), *«China, la futura gran potencia económica»* (Китай, великая экономическая держава будущего), *«Lo que se impone de inmediato es una revolución energética*» (Что является самым неотложным – это энергетическая революция).

Еще одну группу составляют заголовки, содержащие призыв, назидание, поучение или призыв к действию: «*Somos y debemos ser socialistas»* (Мы социалисты и должны быть социалистами), *«Un ejemplo de conducta comunista»* (Пример коммунистического поведения), *«La Historia no puede ser ignorada»* (Историю нельзя игнорировать), *«No hacer concesiones a la ideología enemiga»* (Не делать уступок вражеской идеологии), *«Es la hora del recuento y de la marcha unida»* (Настал час проверки, час марша в едином строю). В таких случаях Фидель Кастро проявляет себя как наставник, идеолог, человек, готовый вести за собой своих последователей.

Временами заголовки «Размышлений» переполнены тревогой, выраженной в соответственной лексике, и являются своеобразным предупреждением для читателя: «*Los caminos que conducen al desastre»* (Пути, ведущие к катастрофе), *«La marcha hacia el abismo* (Дорога к пропасти)*», «Los desastres que amenazan al mundo* (Катастрофы, которые угрожают миру)*», «En los umbrales de la tragedia»* (На пороге трагедии), *«Los peligros que nos amenazan*» (Опасности, которые нам угрожают).

При анализе статей «Размышлений» обращает на себя внимание высокая частотность языковых средств, выражающих отношение автора-политика к обсуждаемой проблеме. К примеру, одним из способов выражения возмущения в тексте статей Фиделя Кастро можно считать прием риторического вопроса. Значительным оценочным потенциалом обладают риторические вопросы в заголовках статей, которые с первых строк задают нужную интонацию возмущения всему тексту: «*Quién quiere entrar en el Basurero?*» (Кто хочет попасть на свалку?), *«El papel de bueno, a costa de quién?*» (Роль доброго дяди, но за чей счет?).

Статья «*Cuba, País terrorista?»* (Куба – террористическая страна?) обращена к проблеме двойных стандартов правительства США. Важным для правильного понимания значения риторической фигуры в заголовке являются пропозициональные знания читателя и личности публициста, который на протяжении нескольких десятилетий формировал на мировой политической арене образ человека, преданного своей родной стране. Очевидно, что для Фиделя Кастро неприемлемо и возмутительно подобное сравнение. Риторический вопрос в

заголовке содержит контекстуальную антонимию, в которой Куба противопоставляется понятию «террористическая страна». Вопросительное предложение рассматривается как риторическое высказывание с отрицательным значением: *Куба не террористическая страна*.

В статье под названием *«Bush, Mambí?»* (Буш – мамби?) Фидель Кастро, используя прием контекстуальной антонимии, аналогичным образом не скрывает своего возмущения по поводу интервью, которое дал Джордж Буш Младший радио Мамби в Майами. Название радио – это заимствование от названия партизан, боровшихся за независимость Кубы от испанского господства в XIX в.

Подобный прием функционирует в политическом дискурсе как средство диалогизации монологической речи, призванное вызывать у читателя ответные эмоциональные реакции: *«Existe margen para la hipocresía y la mentira?»* (Существует ли предел лицемерию и лжи), *«Tiene la OEA derecho a existir?»* (Есть ли у ОАГ право на существование?). В примере заголовка «*Acaso exagero*?» (Разве я преувеличиваю?) частица *acaso* придает высказыванию оттенок удивления.

Присутствие авторского «я» на уровне заголовка говорит о высокой степени персонифицированности колонки публициста. В первую очередь это выражается в употреблении глаголов в первом лице единственного числа: «*Estoy listo para seguir discutiendo*» (Я готов продолжать обсуждение), *«Lo que pasó por mi mente*» (Что мне подумалось), *«Espero no tener que avergonzarme*» (Надеюсь, что мне не придется стыдиться), *«Los hechos me están dando la razón*» (Факты подтверждают мою правоту).

Отличительной чертой публицистики Фиделя Кастро является прямолинейность и категоричность высказываний и оценок. Одной из преобладающих речевых стратегий политика можно считать дискредитацию, в реализации которой он прибегает как к средствам создания и усиления экспрессивности и выразительности сообщения, так и к тактике прямого обвинения: «*La infinita hipocresía de Occidente*», «*La tiranía odiosa impuesta al mundo*» (Ненавистная тирания, навызанная миру), «*Otra vez la podrida OEA*» («*La política cínica del imperio*») (Циничная политика империи). Следует отметить определенную смелость в выборе оценочных эпитетов.

Безусловно, особое внимание обращают на себя образные, стилистически и эмоционально окрашенные заголовки. Как правило, подобные заголовки, играя важную композиционную роль, являются для текста значимым элементом, они задают тон всей статье и с самого начала вовлекают читателя в сферу авторских интересов, его эмоционального состояния.

Колоритные и запоминающиеся заголовки Фиделя Кастро основываются на приеме антитезы «*Los aplausos y los silencios*» (Аплодисменты и тишина), «*Lo verdadero y lo falso*» (Правда и ложь), «*Los vicios y las virtudes»* (Пороки и благодетели), «*La verdad y las diatribes*» (Правда и дифирамбы), «*Los vivos y los muertos*» (Живые и мертвые).

Структурно-семантические преобразования позволяют актуализировать новые смыслы устойчивых выражений и, несомненно, привлекают внимание читателя к статье. Так, выражение «*утечка мозгов* (*умов*)» (от английского brain drain), которое появилось еще в середине XX в. для определения процесса массовой миграции ученых и квалифицированных специалистов и заимствованное испанским языком путем калькирования (fuga de cerebros), претерпевает в заголовке «*El robo de cerebros*» следующее изменение: употребляя слово robo (кража) вместо fuga (утечка), автор нарушает предсказуемость элементов устойчивого выражения и придает ему новое звучание с оценочным оттенком обвинения.

Метафорическое употребление прецедентного имени играет особую роль в общественно-политическом тексте. С одной стороны данный прием является выразительным средством, насыщающим высказывание экспрессией. С другой стороны, в сознании читателя прецедентное имя связано с рядом устойчивых ассоциаций, которые актуализируются при его упоминании в тексте. В настоящей статье метафора понимается максимально широко: к числу метафор относятся все компаративные тропы и конструкции.

Следует отметить стремление автора прибегать к наиболее узнаваемым прецедентным именам и текстам: «*Dos lobos hambrientos disfrazados de abuelitas buenas, y una Caperucita Roja*» (Два голодных волка, переодетых в добрых бабушек, и одна Красная шапочка). В данном случае под двумя голодными волками подразумеваются Европа и США, Красная шапочка – это Куба.

В другом примере заголовка «*La hormiga y el elefante»* (Муравей и слон) с использованием прецедентного имени, известного по басням

и детским сказкам, Кубе присваиваются качества маленького, но трудолюбивого муравья: «Nuestro pequeño país resistirá, …En pocas palabras: ¡La hormiga pudo más que el elefante!» (Наша маленькая страна выстоит. В нескольких словах: Муравей смог сделать больше, чем слон!).

Приведем пример развернутой метафоры, которая обозначается в заголовке «*El caballo de Troya»* (Троянский конь): «… caballo de Troya que apoyó las Cumbres de las Américas, el neoliberalismo, el narcotráfico, las bases militares y las crisis económicas…» (Подобно мифологическому Троянскому коню, который принес поражение Трое, скрыв в себе воинов-противников, Организация американских государств (ОАГ) несет для Латинской Америки неолиберализм, наркоторговлю, военные базы и экономические кризисы).

В качестве средства создания интертекстуальных связей выступает аллюзия, которая в настоящей статье понимается как «намек» на некоторый текст или общеизвестное событие. Название статьи «*Las campanas están doblando por el dólar»* (Колокола звонят по доллару) содержит отсылку к знаменитому роману Эрнеста Хемингуэя, к творчеству которого автор относится с особым чувством.

В ходе проведенного исследования заголовков статей Фиделя Кастро было установлено, что основными чертами его публицистической речи являются экспрессивность, эмоциональность, прямолинейность, категоричность и смелость оценок.

Примечания

[1] Нефедова, Л. А. Роль СМИ в создании портрета языковой личности политика (на материале французской прессы) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 109–112.

[2] Castro, F. Rexlexiones [Электронный ресурс]. URL: http://www.cuba.cu/gobierno/reflexiones/reflexiones.html.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 190–195.

М. В. Румянцева

К ПРОБЛЕМЕ ОТОБРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ

Представлен когнитивный анализ сравнительных конструкций рассказов русских и казахских писателей первой половины XX в., содержащих в качестве агентов сравнения лексемы, номинирующие домашних животных. Исследование сравнительных конструкций языка позволяет глубже понять языковую картину мира определенного этноса.

Ключевые слова: *метафорические конструкции, образное сравнение, языковая картина мира, лингвокультурная ситуация.*

При осмыслении человеком окружающей действительности происходит создание системы традиционных представлений, так называемых аксиом общественной жизни. «Оформлению традиционных взглядов в виде суеверий, пословиц, представлений предшествует стадия наблюдения, в процессе которой отмечается определенная взаимосвязь между отдельными событиями в пространстве и времени. Закономерности, отмеченные на уровне коллективного сознания, приобретают мифологическое объяснение, целью которого является установление равновесия между событием-причиной и событием-следствием. Метафорические конструкции входят в состав символических средств отображения действительности. Метафора, являясь средством характеризации, обладает способностью создавать новые смысловые значения и, следовательно, апеллирует не столько к чувствам, сколько к разуму» [3]. Метафоризация как основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира, связана с процессом отражения нового знания через старое.

В каждом языке существует определенная точка отсчета, через которую у носителей определенного языка происходит преломление формирования образных представлений. «Большую роль здесь играет лексика, ибо слово как обозначение предмета, явления фиксирует в себе культурные смыслы, поэтому оно является ценнейшим инструментом познания культуры» [10. С. 42].

Выполняя когнитивную функцию в языке, метафорическое (образное) сравнение способствует освоению действительности, а также формированию новых гносеологических образов. Условное отождествление семантических областей различного уровня приводит к установлению нового смыслового содержания человеческих знаний. Структура сравнения не представляет собой простого соединения отдельных фрагментов, смысловых спектров понятий, сопоставляемых в нем, но является сложным взаимодействием разнообразных логических операций [4].

Такой подход позволяет считать устойчивые сравнения определенного языка этнокультурными стереотипами. Но устойчивые сравнения составляют лишь малую часть всех сравнений, возникающих в сознании говорящего при его контактах с внеязыковой действительностью. Основная их часть – это сравнения индивидуальные, отличающиеся необычайным разнообразием речевых реализаций, индивидуальностью образов, навеянных лингвокультурной ситуацией. Индивидуальные языковые картины мира у разных языковых личностей несколько отличаются. Но если индивиды являются представителями одного этноса, то в их индивидуальных картинах мира содержатся общие языковые стереотипы, которые несут культурную информацию и позволяют индивиду проявить себя «своим» в рамках одной культуры [см. 5].

Для наивной картины мира важными оказываются окружающий человека животный и растительный мир, а также климатические и географические условия определенной местности, являющиеся определяемыми базиса лингвокультурной ситуации. Лингвокультурные стереотипы, рожденные по образу природных объектов, взаимообусловлены внутри одной языковой системы. Природные универсалии представляются как универсалии этнические, связанные с территорией локализации определенного этноса. При этом отмечается, что «традиционность природной универсалии для народа и местности определяет прочность ее вхождения в культурный и языковой фонд народа и широту ее ассоциативного диапазона» [8. С. 76–78].

Анализ наименований природных универсалий, используемых в качестве объектов сравнения, позволяет, во-первых, установить значимость той или иной реалии в хозяйственной жизни этноса, во-вторых, выявить когнитивные стратегии именования в языке, то есть установить, какие именно свойства воспринимает и отражает человек, связывая их с определенной природной универсалией. В настоящей статье будет предложен когнитивный анализ сравнительных конструкций, найденных в рассказах русских и казахских авторов первой половины XX в. и содержащих в качестве объектов сравнения лексемы, номинирующие домашних животных.

Большинство объектов сравнения в исследуемых нами текстах – это наименования конкретных видов домашних животных. В этом проявляется свойственная обыденному сознанию четкая индивидуализация животных, дифференциация особенностей их поведения и фиксация утилитарной ценности того или иного животного.

Особое место в языковом сознании русских и казахов занимает собака. Число сравнений с лексемой *собака/ щенок* в роли агента значительно выше, чем сравнений с названиями других животных. Этот факт свидетельствует об «уважении, с которым человек относится к своему верному другу, первым побежавшему за ним по сложному пути цивилизации и прогресса» [7. С. 225]. Представление о собаке как о верном друге-стороже, отличающемся привязанностью, острым нюхом, неприхотливостью, зафиксированы в сравнениях как русского земледельца, так и казаха-скотовода: *… счастье, когда оно есть, никогда не ценишь, как не ценишь верного пса у порога, которого, случается, походя, пинаешь в морду и вспоминаешь лишь тогда, когда на твоих овец нападают волки* (А. Кекильбаев. Теплый снег). *Бессонный овечий страж Булат и тот, наверно, улегся под кустом, неподалеку от стада, укрылся дерюжкой и задремал чутко, как пес* (М. Ауэзов. Красавица в трауре). *Молодой собакой прыгала в груди моей радость* (К. Паустовский. Воронежское лето).

Хотя точное время приручения собаки человеком и неизвестно (по некоторым данным – более четырнадцати тысяч лет назад), установ-

лено, что своим происхождением она обязана двум своим предкам: волку и шакалу. В мифологических представлениях многих этносов (в том числе славянского и тюркского) отношение к волку и собаке амбивалентно, поэтому наблюдается процесс инверсии. В мифологических представлениях народов волк тесно связан с собакой. В славянских поверьях волки находятся в подчинении лешего, который кормит их как «своих собак», наблюдается сходство быличек о волке-оборотне и собаке-оборотне, аналогичны обереги от волков и собак [см. 6]. По мифологии изображение волка (пса) является тюркской эмблематикой. Волк (пес, собака), по преданию, является спасителем всех этнических тюрков [см. 9]. Поэтому в анализируемой нами литературе часты сравнения волка с собакой (щенком) и сравнения собаки с волком: *К середине лета волчонок подрос, окреп и ничем не отличался от аульных щенков, своих однолетков. Будь он полохматей, он походил бы на маленького волкодава* (М. Ауэзов. Серый Лютый). *На бегу он* (волк) *стал суетлив, никчемно кружил, метался около волчицы, как щенок* (М. Ауэзов. Серый Лютый). *Глаза у него* (пса) *светились, как у волка, но не зеленым, а красноватым огнем* (М. Ауэзов. Серый Лютый).

В современной религии казахов, исламе, собаки рассматриваются как нечистые животные, контакты с которыми мусульманам запрещены. Видимо, этим объясняется неприязненное, а иногда и жестокое отношение к собакам, отраженное некоторыми сравнениями: *Никогда прежде Тектыгул не сетовал на судьбу, а теперь скулил сквозь зубы, как побитый щенок* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Смотрит как побитый пес, ... тоскливо и безучастно* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). Нечистой собака считается потому, что по преданию им скармливали трупы животных и людей, после чего собака становилась жадной и злобной. Эти представления народа привели к возникновению сравнения богатых, властных баев со злыми собаками: *В чисто прибранной, нарядно убранной высокой восьмиканатной юрте, утопая в нежном пуху подушек и одеял, лежали, развалясь, жирные; днем и ночью они ели мясо – сытые до одурения. Ели и судили… И очень были похожи на псов тех аулов, где скот подох от мора, – глаза налиты кровью, загривки вздыблены, хвосты поджаты, как у бешеных: нажрались падали, бросаются на человека* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале).

Функциональное значение собаки и ее роль в жизни человека послужили основой для появления множества пород собак и улучшения их рабочих качеств. Языковое сознание фиксирует разницу между породистыми собаками и беспородными их сородичами, называемыми просто дворняжками: *А шакалы, говорят, хоть с виду и невзрачны, как шелудивые дворняжки, но когда голодны, с ними шутки плохи* (О. Сарсенбаев. Жар-птица). Из породистых собак для казаха-охотника имеют значение гончие, способные выслеживать и преследовать быстробегающую дичь на открытых степных пространствах: *«А ведь Онбай точно обрисовал его, – подумал про себя Карабала. – Он и впрямь похож на гончую у норы»* (А. Кекильбаев. Соломинка удачи). *...глазки подведут, бровки повыщипают, всем телом подтянутся, подберутся, точно вышколенная гончая* (А. Кекильбаев. Теплый снег). Для русского охотника особое значение имела порода борзых, охота с которыми придавала особый статус владельцу этих собак: *Конь его рыжий, донской, махал как борзая собака…* (А. Толстой. Гадюка).

О том, что человек до тонкостей изучил поведение собаки, говорят следующие сравнения: *С восхода до заката Бахтыгул бегал, хлопотал, мотался по аулу, как точно язык в пасти собаки в знойный день* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Тут же к отцу бросились и Жумабай и Батима, прилипли, как щенки к соскам* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Он бесстрашно хватал за колючки морского ерша, щелкавшего пастью, как злая собака* (К. Паустовский. Толя-капитан).

Таким образом, с собакой сравнимы звери, человек и даже внутренний мир человека: *Он бесстрашно хватал за колючки морского ерша, щелкавшего пастью, как злая собака.* (К. Паустовский. Толя-капитан). ... (мальчик) *на четвереньках сам, как собака, пополз ...* (М. Пришвин. Кладовая солнца). *Только душа ноет, воет, скулит, как одинокий пес на заброшенном становище* (А. Кекильбаев. Купы джиды). *Молодой собакой прыгала в груди моей радость* (К. Паустовский. Воронежское лето).

В ходе дальнейшего анализа было выявлено, что для русского языкового сознания ценными оказываются такие домашние животные, как *бык, козел, поросенок / свинья, кот, лошадь.* Утилитарной ценностью для казахов обладают *конь / лошадь, верблюд, овца, коза.* «Скот для казахов был утешением, был всем.

Скот – еда, одежда, средство передвижения. При встрече они приветствовали друг друга такими словами: «Мал-жан аман ба?» («Цел, невредим ли ваш скот?») [1. С. 37]. Каждый из четырех видов скота, который держали казахи, занимал свое место в системе мировоззрения номада.

Конь издревле почитался тюрками, славянами и другими самыми разными народами. Но для кочевников конь играет особую роль. «Путем подчинения коня человеческой воле кочевники сделали огромный шаг в деле освоения пространства. По мнению К. Ясперса, при переходе к цивилизованности наряду с созданием оросительных систем, появлением этносов, изобретением письменности большое значение для человечества имела доместикация лошади. Приручение лошади явилось шагом на пути от освоения ограниченного пространства к освоению всего мира. Это дало возможность для диалога различных культур» [2. С. 269]. В казахском устном народном творчестве конь часто сопровождает героя как надежный друг и советчик. Таков конь Тарлан Ер-Таргына, Тайбурыл Кобланды батыра, Байчубар Алпамыса. «Тот не джигит, кто хоть раз не сидел на коне», – говорят в народе.

Для казаха весь мир сравним с конем / лошадью. Досконально разбираясь в мастях коней, в их возрастных отличиях, казахские авторы сравнивают с конем природные объекты и явления природы: *Отсюда хвойная щетина леса Сарымсакты походила на круп могучего коня караковой масти* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Сеял мелкий дождь, и у порога стелились зыбкие белесые космы, похожие на конские гривы* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). С конем сравнимы другие животные: *Серый волк был во всей силе и издали напоминал чалого стригуна с волчьей мордой* (М. Ауэзов. Серый Лютый).

Конные состязания – самый любимый и наиболее распространенный вид казахского национального спорта. Лихие казахские джигиты состязались в кокпаре (состязание двух соперничающих групп всадников за овладение тушей забитого козла), усвоили различные конские игры, показывали свое искусство на скачках. «Не конь скачет, а уход за ним» – говорят любители скачек, умеющие выбирать коня и ухаживать за ним» [1. С. 38]. Все это тоже нашло свое место в сравнениях казахских писателей, дополняя картину мира казахского этноса: *Машина басовито зарокотала и задрожала, как норовистый конь перед скачкой* (С. Шаймерденов. Перелетные птицы). *Хорошо, когда молодуха поджара, легка и порывиста, точно призовой скакун* (А. Кекильбаев. Теплый снег).

Сравнения с конем / лошадью используется часто и для характеристики человека, при этом в исследуемых нами текстах употребляются лексемы *малолеток, кобылицы*: *Голый я. Сирый, беззащитный… – говорил Бахтыгул, – как отбившийся от табуна малолеток* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Сколько нас, вдов, тоской исходят от вольной волюшки, будто яловые кобылицы, без узды-повода пущенные в дикую степь* (А. Кекильбаев. Теплый снег). Лексема *кляча* в этом контексте имеет явно негативную коннотацию: *...глупая баба, целый год на него дулась, не в силах забыть то, что он однажды поднял на меня руку, и выказала свой норов, точно строптивая кляча* (А. Кекильбаев. Теплый снег).

С движением коня сравнивается музыка: *Мелодия получается вялой и монотонной, словно нудная трусца ленивого коня* (А. Кекильбаев. Соломинка удачи). С конем сравнимы даже жизнь и судьба казаха: *...единственный смысл в куцей, как хвост чесоточного стригунка, человеческой жизни – любить и растить потомство* (А. Кекильбаев. Купы джиды). *...и тогда взбрыкиваешь, как строптивый стригунок, стремясь скинуть недоуздок судьбы* (О. Сарсенбаев. Жар-птица). А это значит, что для казаха «конь не был лишь средством передвижения, он имел сакральный смысл, отношения между конем и человеком были одухотворены и обоюдно притягательны. Конь для тюрка – продолжение души и тела, его второе «я». … Кочевники ощущают и мыслят мир и человека в образе коня» [10. С. 168, 182].

Второе место по количеству агентов сравнения в казахской литературе занимает верблюд. Принимая во внимание важность верблюда как вьючного животного в Центральной Азии, можно понять, почему он играет такую заметную роль в литературе этого региона: *Остались барханы – желтогорбые, неподвижные, словно тысячи караванных верблюдов, - где стояли, там и опустились усталые на землю* (М. Сундетов. Аул в песках). *...его все заносило то в одну, то в другую сторону, точно неравномерно навьюченного верблюда* (О. Сарсенбаев. Когда цвела джида). В мифологии народов азиатского региона горбатый силуэт царственного красавца призван услаждать взор. О благополучии верблюдов неусыпно пекутся

их небесные покровители: у узбеков – Султан-бобо, у туркмен – Вейсель-кара, у казахов – Ойсыл-кара. В восточных мифах и преданиях не ощущается недостатка и в волшебных верблюдах. У калмыков Небесный верблюд, мечущий громы и молнии, добровольно взвалил на свои горбы все обязанности Громовержца. Необыкновенные животные верой и правдой служат многим эпическим героям. Киргизский чудо-богатырь Манас, например, гордился своим быстроногим другом по кличке Джелмаян [11]. Способность верблюда безропотно нести тяжелую поклажу и проходить огромные расстояния без воды сделали его воплощением смирения, воздержания и сдержанной почтительности: *... свежая могила – красный бугорок, издали смахивавший на устало опустившегося на колени дромадера* (А. Кекильбаев. Купы джиды). Умение верблюда – пить редко, но много – тоже нашло отражение в сравнении: *Выходит, правду говорят люди: адайцы пьют чаю больше, чем их верблюды – воды* (А. Кекильбаев. Купы джиды).

«В действительности, верблюд достаточно упрямое и тупое животное, и на Востоке это нашло отражение в поговорке: «Верблюд проклинает своих родителей, когда поднимается на холм, и Создателя, когда спускается вниз» [7. С. 95]. Это упрямое, громогласно ревущее и метко плюющееся существо в некоторых сравнениях олицетворяет такие человеческие пороки, как грубость и невоспитанность: *Бай Сальмен метался по аулу, вопя, плюясь, как верблюд, и хлеща плетью всех, кто попадал под руку* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *Туякбай, холодея от ненависти, выставился в упор, точно бешеный верблюд брызнул слюной* (О. Сарсенбаев. Излучина).

Пожалуй, самый отличительный признак верблюда – это горбы. С ними казахские авторы сравнивают объекты окружающей природы (горы, холмы, камни): *Те же горы, похожие на верблюжьи горбы, те же перевалы, та же сонная безбрежность* (О. Сарсенбаев. Жар-птица). *Высокие холмы за аулом осели и, как горбы отощавших за зиму верблюдов, подставляют свои голые склоны теплым лучам весеннего солнца* (Д. Исабеков. Шойын кулак). *... меж камней, точно меж верблюжьих горбов, мелькнул с черной гладкой палкой человек* (М. Ауэзов. Серый Лютый). По количеству горбов верблюда подразделяют на одногорбого (дромадера) и двугорбого (бактриана). Двугорбый верблюд обитает в степях Восточной и Средней Азии, поэтому более привычен для казахов, чем его одногорбый собрат, который живет в Северной Африке и считается очень сильным животным. Нетипичный вид одногорбого верблюда делает его частым агентом сравнения казахских авторов: *... пальцы хрустнули так, будто на них наступил одногорбый верблюд* (С. Шаймерденов. Перелетные птицы). *Огромный и толстый, как одногорбый верблюд, Кунтуар взвалил вконец ослабевшего редактора на спину* (О. Сарсенбаев. Когда цвела джида).

Среди других отличительных признаков верблюда казахское языковое сознание фиксирует его густую гриву и длинную шерсть, делающую неприглядным это животное в период линьки: *Высокая и густая, как грива верблюда, сочная трава, казалось, сама стлалась перед молодым богатырем* (С. Шаймерденов. Перелетные птицы). *Чекмень на нем изодран байскими подкованными сапогами, лохмотья висели, точно космы на верблюде во время линьки* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале).

Теплое и даже нежное отношение к верблюжатам находит место в сравнении молодой девушки с верблюжонком: *Причешет волосы гладко, сложит узлом на затылке – становится похожей на тщедушного верблюжонка-сироту* (А. Кекильбаев. Теплый снег).

Анализ сравнений с агентом *верблюд* демонстрирует уважение казахского народа к этому домашнему животному – неизменному помощнику, символу стойкости и мощи.

Ведущее место по количеству и хозяйственному значению у казахов занимали овцы – символ материального богатства, обеспеченности. Баран считался, по представлениям казахов, единственным животным, побывавшим в раю. Поэтому его чаще других домашних животных приносят в жертву. Овцы – животные довольно смирные, терпеливые и даже трусливые. Они не могут обойтись без помощи и опеки со стороны человека. Эти качества овцы и стали квинтэссенцией к следующим сравнениям: *Огромный пес покатился с пригорка, точно беспомощная жирная овца* (М. Ауэзов. Серый Лютый). *Хатша не справилась с косяком, лошадей разметало бурей, точно овец* (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). *...многочисленный Кипчак и смирный, как овца, Конрат* (О. Сарсенбаев. Жар-птица).

В отличие от овец их родственники козы – более умные и храбрые животные, и не случайно во многих горных странах их держат в

качестве проводников овечьих отар. Коза в казахской языковой картине мира символизирует собой энергию и грацию: *У выхода из оврага он* (волк) *круто повернул и гибкими скачками, точно коза, взлетел вверх по скату оврага* (М. Ауэзов. Серый Лютый). *Она* (Газиза)*, тоненькая и нежная, с круглым, слегка веснушчатым лицом, легка, быстра и изящна, как козочка* (М. Ауэзов. Сиротская доля).

В русских текстах количество сравнений с агентом *домашнее животное* невелико. В этом проявляются различия в мировосприятии казаха-скотовода и русского земледельца. Было замечено, что сравнения русских авторов чаще отражают сходство или различие во внешнем виде референта и агента, а также являются своеобразной мерой величины для других животных: *... рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны – покажется, он похож на быка, посмотреть с другой – лошадь и лошадь* (М. Пришвин. Кладовая солнца). *Мгновенно еж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки* (М. Пришвин. Еж). *Собака вытащила гнездо и барсучонка: порядочный, с хорошего щенка* (М. Пришвин. Барсуки). *...спаниель, величиной с два больших кота...* (М. Пришвин. Сват).

В сравнениях казахских авторов гораздо чаще фиксируются поведенческие характеристики домашних животных: *Упрямую лошадь как ни погоняй – не разгонишь. Но стоит ей почуять дымок жилья, она затрусит туда во всю прыть. Так и Ораз: молчал, как язык проглотил, а теперь такой словоохотливый* (Т. Ахтанов. Серый аист). *Говори, не говори, а не метался бы тогда Онбай, как затравленный пес, по аулу...* (А. Кекильбаев. Соломинка удачи).

Таким образом, анализ ассоциативных полей, возникающих в сознании говорящего при сравнении одних предметов или явлений действительности с другими, то есть агентов, привлекаемых сознанием автора для сравнения, позволяют зафиксировать определенную картину мира. В нашем исследовании четко обозначилась ценность того или иного домашнего животного в хозяйственной жизни казахского и русского этносов, а также выявились когнитивные стратегии употребления домашних животных в образных сравнениях литературных произведений первой половины XX в. А это значит, что изучение компаративных конструкций определенного языка, в которых находит отражение объективная реальность, позволяет глубже изучать языковую картину мира этноса, говорящего на данном языке.

Список литературы

1. Бизаков, С. Ветви одного могучего дерева (тюркские народы) : ист.-этнограф. очерки. Алматы, 2002. 324 с.

2. Габитов, Т. Культурология / Т. Габитов, Ж. Муталипов, А. Кулсариева ; пер. с каз. яз. А. Шарабек. Алматы, 2001. 408 с.

3. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Glaz/35.php.

4. Джанибеков, У.Д. Эхо… По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата, 1991.

5. Джусупов, Н. М. Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана, 2011. С. 125, 127.

6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. 2-е изд. Минск, 2005. С. 55, 59.

7. Орел, В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков, 2013. 592 с.

8. Пасынкеева, В. В. Отражение этнокультурной ситуации во французских образных сравнениях // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : тез. III Междунар. науч. конф. Челябинск, 2006. С. 76–78.

9. Румянцева, М. В. Гносеологическая сущность сравнения // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2006. Спецвып. С. 230–234.

10. Сабитова, З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы, 2007. 320 с.

11. Собака и человек. Мифология. [Электронный ресурс]. URL: http://dog-info.narod.ru.

Список источников

1. Ауэзов, М. Племя младое : избранные произведения. Алма-Ата, 1977. 520 с.

2. Белая аруана : казахские рассказы. М., 1976. 471 с.

3. Досжанов, Д. Серебряный караван : повести и рассказы. М., 1985. 400 с.

4. Елубаев, С. На свете белом : повести и рассказы. М., 1983. 191 с.

5. Кекильбаев, А. Мартовский снег : повести и рассказы. Алма-Ата, 1985. 264 с.

6. Паустовский, К. Повести и рассказы. Л., 1985. 320 с.

7. Пришвин, М. Золотой луг. М., 1963. 303 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 196–198.

Т. А. Сироткина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ДРУГОГО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Описывается образ «человека этнического» в художественных произведениях пермских писателей. Рассматриваются различные этнонимы как средство репрезентации этнического фрагмента региональной картины мира, делается вывод о том, что писатели, отражая в своих романах особенности культуры «другого» этноса, воспитывают у читателей толерантное отношение не только к героям своих произведений, но и к тем, кто живет с ними рядом в многонациональном Пермском крае.

Ключевые слова: *художественная картина мира, этнонимы, этнические стереотипы*.

Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности. Актуально в связи с этим исследование способов описания «чужих» этносов в региональной художественной литературе, выяснение точек пересечения этнического фрагмента региональной картины мира и поэтической картины мира автора[1].

На примере текстов пермской исторической прозы рассмотрим, каким рисуют авторы исторических романов образ «человека этнического». Для анализа будут использованы повесть Николая Никонова «Ермак», романы Михаила Строганова («Камни господни»), Евдокии Туровой («Слезы лиственницы») и Алексея Иванова («Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта»), повествующие об исторических событиях, происходящих в Пермском крае.

Являясь носителями определенной этнической культуры, авторы произведений реализуют в своих текстах оппозицию «свой – чужой»[2], присутствующую в языковой картине мира народа. Представитель «чужого» этноса в рассматриваемых текстах часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем:* «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца»[3].

Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, – выполняет лексема «иноплеменные»: «– Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!». Однако чаще всего категория этничности является эксплицитной, получая выражение в конкретных этнических именах, актуальных для описываемого региона. Так, например, *татары* – самый распространенный этноним в произведении Н. Никонова. Как и в русской культуре в целом, он имеет здесь коннотацию «хитрые»: «Понял Ермак, что *татарин обманул*»[4]. Передавая живую речь русских, автор использует форму *татаре:* «Теперь осторожны татаре».

Важная роль этнонимов в художественном тесте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности[5]. Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых номинативных парадигм этнонимов, например, *вогулы – вогуличи – вогульцы:* «В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут»[6]; «Брешет, вогуличи налетели»; «Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали»[7].

С другой стороны, мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют сами русские, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз*, вогулы – *русами,* а татары – *урус:* «Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в Янидор, куда пригласили и молодого князя русских»; «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях»; «Русы-новгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка». «Уруса Ермака брать живым, только живым».

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой, отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков»[8].

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне».

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выспросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё».

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!»; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами».

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими».

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда».

Писатели используют этнические имена для этической оценки поступков героев. Традиционно при этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера личности, общественного образа жизни определенным моральным нормам и требованиям. Показательны, например, высказывания героев А. Иванова, отражающие представления русских, связанные с носителями “чужих” культур: «*Татары* – они как кошки живучи»; «Простаков *пермякам* всегда хватало».

Этническая картина мира русского населения Прикамья ярко отражена в произведениях А. Иванова, который в интервью с Г. М. Ребель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое… Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно»[9].

В статье А. Иванова, опубликованной в одном из пермских журналов, с иронией описан процесс «овогуливания» современного русского человека в условиях туристического похода: «Овогулившийся человек – это человек, три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле. Рожа у него – кирпичного цвета, покрыта грязной щетиной, глаза заплыли, волосы свалялись, руки порезаны крышками банок с тушенкой, которой он закусывал, спина прожжена костром, шапка и сотовый телефон потеряны, штаны порваны. Это очень счастливый человек. В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул».

Представитель «чужой» культуры, сталкиваясь реалиями русского культурного пространства, чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца и не придал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу»; «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель». То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по камням, да *лесам пермяцким* драли». Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: «– Да как же без Руси да среди вогул? – удивился Снегов. – Они своих-то не жалуют, а чужаков и подавно!».

Выражая русскую языковую картину мира, А. Иванов использует этнические имена для этической оценки поступков героев. Традиционно при этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера личности, общественного образа жизни определенным моральным нормам и требованиям.

Показательны высказывания героев А. Иванова, отражающие представления русских, связанные с носителями “чужих” культур: «*Татары* – они как кошки живучи»; «Простаков *пермякам* всегда хватало»; «Волосы ее были *по-вогульски* подняты на макушку и стянуты в хвост».

Сферы этнической маркировки явлений в художественном дискурсе очень разнообразны. Однако условно их можно представить в виде нескольких направлений (векторов):

1) антропонимический вектор, в который, помимо собственно этноантропонимов (Вогул, Вогулкин), входят сферы «названия представителей народов», «особенности внешности»;

2) топонимический вектор, образуемый как этнотопонимами (Вогулинская гора), так и примыкающими к ним сферами «территория», «поселения народов»;

3) культурологический вектор, в который входят такие сферы, как «одежда», «обувь», «религиозная атрибутика»;

4) философский вектор, направленный на маркировку абстрактных и обобщенных понятий.

Итак, образ «человека этнического» в художественных произведениях пермских авторов отражает этническую составляющую ментальности народов, проживающих в регионе[10]. Этнонимы, функционирующие в текстах исторической прозы, отражают оппозицию «свой – чужой», служат средством объективации, выполняя функцию реально-исторической достоверности, а также выполняют эмоционально-стилистическую функцию, являясь средством художественной выразительности. Можно говорить о том, что писатели, отражая в своих романах особенности культуры «другого» этноса, воспитывают у читателей толерантное отношение не только к героям своих произведений, но и к тем, кто живет с ними рядом в многонациональном Пермском крае.

Примечания

[1] Определение поэтической картины мира см.: Болотнова, Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестн. Томс. гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 1 (38). С. 20–25.

[2] См. также военно-идеологический ракурс актуализации данной оппозиции: Ворожбитова, А. А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941–1945 гг. // Былые годы : рос. ист. журн. 2012. № 3 (25). С. 76–81.

[3] Здесь и далее цит. по: Строганов, М. Камни господни. СПб., 2006.

[4] Здесь и далее цит. по: Никонов, Н. Ермак // Уральский следопыт. 1973. № 4.

[5] См. в связи с этим анализ топонимии абхазско-адыгейского происхождения в работе: Зубцов, А. С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования : монография / А. С. Зубцов, А. А. Ворожбитова. Сочи, 2008. 212 с.

[6] Здесь и далее цит. по: Иванов, А. Чердынь – княгиня гор. Пермь, 2003.

[7] Иванов, А. Золото бунта. М., 2005. С. 45.

[8] Здесь и далее цит. по: Турова, Е. Кержаки. Проза. Пермь, 2007. С. 167.

[9] Иванов, А. «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе» // Филолог. 2004. № 4. С. 14.

[10] Подробнее см.: Сироткина, Т. А. Региональное поле этнонимии // Вестн. Россейс. ун-та дружбы народов. 2009. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 3. С. 101–107.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 198–206.

З. П. Табакова

ЭТНОПОЭТИКА: ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Дается обоснование этонопоэтики как самостоятельного направления в лингвистике. Основное понятие данного аспекта – этнопоэтизм – выводится из многослойной семантической структуры концепта. Этнокультурный компонент является отличительным признаком любого многонационального государства, поэтому принципы этнопоэтического анализа применимы для исследования как ментальной составляющей родного языка, так и любых взаимодействующих языков. Методика анализа поэтического текста вскрывает образно-ассоциативные механизмы речи.

Ключевые слова: *этнопоэтика, лингвопоэтика, лингвокультурология, концепт, этнопоэтизм, языковая картина мира*.

Бурное развитие лингвистики на рубеже тысячелетий привело к разработке новых направлений исследования. В самостоятельные отрасли языкознания оформились психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология. Как самостоятельное направление получила признание этнолингвистика. Раскрывая историю и основы новой отрасли лингвистики,

М. М. Копыленко придерживается взглядов направления, которое изучает этнос в зеркале языка: «В нем нет симбиоза дисциплин, поскольку язык представляется главным и непосредственным предметом анализа; этнология, история, культурология и прочие нелингвистические дисциплины привлекаются как вспомогательные» [7. С. 17].

На наших глазах в самостоятельную лингвистическую дисциплину оформляется когнитивная лингвистика, категории которой являются категориями мыслительного содержания, моделирующие знания о мире, зафиксированные в структуре языка. Обращение к концептологии представляет важный этап в развитии лингвистики. О плюсах в развитии антропологической парадигмы в исследовании языковых явлений сказано достаточно. Исследование концептов вызвало своеобразный лингвистический бум в публикации разных мнений, от определения понятия до состава таких единиц. На наш взгляд, главной проблемой данной концепции является определение основной единицы – концепта. Термин «концепт» активно употребляется в научных исследованиях, однако значение термина, несмотря на его распространенность, недостаточно определено. Известно, что термины «понятие» и «концепт» часто функционируют как синонимы. Так, Е. С. Кубрякова трактует термин «концепт» как оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания [8. С. 37]. Ю. С. Степанов отмечает: «концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова «концепт» и «понятие» одинаковы: концепт является калькой с латинского conceptus «понятие», от глагола concipere «зачинать», то есть значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола пояти, др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое [17. С. 93]. В «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова под понятием понимается «логически расчлененная общая мысль о предмете, включающая ряд взаимосвязанных признаков» [22. С. 87]. Анализ лингвистической литературы свидетельствует о существовании нескольких направлений, в рамках которых рассматриваются отношения концепт – понятие. Представители одного из направлений утверждают, что термин *концепт* шире термина *понятие*. Согласно этой трактовке, термин «концепт» – это предельно широкое мыслительное образование, включающее в себя и понятие, и представление, и поведенческие стереотипы в качестве «редуцированных форм» (П. Абеляр, М. В. Пименова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Л. О. Чернейко, В. А. Маслова и др.).

Концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не дает полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта. Структура концепта гораздо шире понятия слова. Мы считаем, что семантическая структура концепта включает:

– понятие, которое совпадает с лексическим значением слова и может быть уточнено в толковом словаре;

– ментальное содержание, которое определяется национальными представлениями и описывается в лингвокультурологии. По определению В. С. Ли, «концепты – это категории языкового видения мира и в то же время “творцы” и одновременно продукты мира идеального, в том числе и прежде всего национально-культурной ментальности» [10. С. 137]. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает помимо смыслового содержания еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту. Концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности;

– этнический компонент, который не является обязательным для всех концептов и зависит от степени взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур;

– интеллектуальный компонент как отражение мировой культуры.

Важнейшей сферой, в которой происходит реализация потенциальных смыслов и развитие контептов, является художественное творчество. Для поэтического гипертекста в концепте обязательно отражение субъективно-авторского восприятия картины мира. Проблема когнитивной семантики является центральной в когнитивистике, а человек выступает активным участником формирования языковых единиц и процесса концептуализации, то есть осмысления информации, приводящей к образованию концептов. На наш взгляд, лингвистика стоит на пороге разграничения ментального и грамматического мышления.

Анализ поэзии приводит нас к заключению, что поэтический язык требует особого подхода. Не случайно все более определенно в но-

вое направление оформляется лингвопоэтика. Поэтический текст передает восприятие окружающего нас мира через призму душевных переживаний поэта. Чтобы увидеть мир глазами поэта, необходимо анализировать текст с позиций сублимации объективной картины мира и субъективной модальности. Поэтический текст является носителем информации, ценность которой определяется не столько смыслом, сколько степенью воздействия на читателя. При интерпретации текста, обладающего большой художественной ценностью, трудно уловить и тем более описать все процессы и ассоциации, возникающие в подсознании читающего либо слушающего. «В основе лингвистического анализа поэзии, – пишет С. Сапорта, – лежит гипотеза о том, что между результатами лингвистического исследования и результатами, полученными с помощью интуиции, существует корреляция» [14. С. 99]. Субъективный характер восприятия поэзии, познание образно-смысловой системы поэта определяется уровнем подготовленности адресата и интерпретатора текста.

Н. Б. Попова процесс толкования поэтического высказывания предлагает рассматривать как семантическое разложение текста. Выявить информацию поверхностной структуры поэтического текста не представляет особой трудности. Однако исследователей поэтического текста всегда интересовало глубинное содержание, эстетическое, его прагматическая, воздействующая функция. Интерес к логической информации при неоднократном повторении текста снижается. Но «поэтический текст при повторении не теряет своей информационной ценности». Это происходит в силу того, что, благодаря художественной форме, поэтический текст не теряет своей воздействующей силы. «Не случайно существует мнение, что восприятие произведения искусства есть такой же творческий процесс, как и его создание» [12. С. 88].

Вербально выраженная информация передает сообщение о предметах, явлениях и событиях действительности. Семантическая информация, безусловно, важна. Она представлена, названа и доступна без особого напряжения. Однако наиболее интересна в поэтическом тексте ассоциативная информация.

Индивидуально-образное мышление, сопряженное с философским обобщением, порождает новые значения слов. Ассоциативное восприятие создает двуплановый текст, в подтекстовой части которого реализуется основной смысл поэтического текста. В толковании поэтического текста применима методика семантического разложения смысла, включающего как экзотерический, так и эзотерический смыслы. Путь от впечатлений адресата текста к декодированию эстетического видения мира поэтом лежит через глубокий анализ всех языковых средств, основанный на знании составляющих компонентов текста и чувстве языка.

Экспликация поэтического текста требует внимания к деталям, которые подчас оказываются золотыми ключиками в театре мыслей и чувств автора этого текста. Как субъективно эстетическое восприятие поэтического текста, так субъективно и его содержание, так как эти составляющие неразрывно связаны между собой и определяются компетенцией интерпретатора текста. Однако это не означает, что не существует объективного или близкого к нему толкования поэзии.

Для получения подтекстового смысла нужны глубокие знания языка, ситуации, склонность к ассоциативному мышлению и творческому воображению. Творчество доступно далеко не каждому читателю, что и объясняет их неприятие поэзии. Но даже те, кто способен понять ассоциативно-образную структуру поэтического произведения, не всегда расположены к этому и остаются безучастными к поэтическим строкам, которые совсем недавно вызывали у них трепет в душе и слезу в глазах.

В смысл поэтического текста мы включаем экзотерический смысл, представленный словами-понятиями и представляющий картину мира. Эта часть поэтического смысла доступна каждому реципиенту, владеющему языком текста. Она, конечно, несет определенную информацию и может быть пересказана прозой. Все остальные виды смыслов носят подтекстовый характер и определяются мировидением адресанта и адресата.

К эзотерическому смыслу мы относим культурологический, этнический, концептуальный, ситуативный и ассоциативный смыслы.

Изучение подтекстового смысла может проводиться комплексно или по аспектам, например: культурологический анализ, этнопоэтический и так далее. Традиционно анализ поэтического текста, как и прозаического, ограничивается исследованием экзотерического смысла, который дает возможность представить картину мира, декодируемую через установление значений слов. Понятийное значение, конечно,

является основой любого анализа. При этом интерпретаторы текста и ранее анализировали те или иные подтекстовые смыслы. Так, культурологический аспект предполагает изучение влияния национальной культуры и других культур. В изучении русской поэтики достаточно глубоко исследовалось влияние античной культуры, в какой-то степени – западной культуры. Нередко обращалось внимание и на ситуационный смысл, при этом привлекались биографические данные писателя, получившие отражение в тексте произведения.

Современные достижения лингвистики, антропоцентризм в изучении языка позволяют предложить структуру смысла поэтического текста. Методом «матрешки» определим ступени анализа от общего к частному:

картина мира,
концептуальная картина мира,
языковая картина мира,
художественная картина мира,
индивидуальная картина мира.

Картина мира представлена понятиями общими для всех. Это общедоступная информация, которую можно получить из различных словарей. Концептуальная картина мира включает тезаурус концептов – представлений отдельного человека.

Языковая картина мира посредством различных языковых знаков представляет обе названные картины мира. Художественная картина мира проявляет способность адресанта к ассоциативно-образному изображению реальной действительности и способность адресата к ее восприятию. В итоге мы получаем индивидуальную картину мира, которая отличается субъективным восприятием всего текста и делит адресатов на романтиков и скептиков. Как пишет Н. И. Жинкин, при чувственном восприятии мира «один человек видит или слышит такие признаки воспринимаемых явлений, которые другой человек не видит и не слышит» [4. С. 77].

Наибольшую сложность представляют поэтические тексты авторов, творящих «на рубеже лингвокультур». Языковая манифестация окружающего человека мира отражает особенности психического склада и менталитета человека. Ассоциативно-образная природа мышления апеллирует к опыту человека и выражает специфику языковой картины мира представителей данного региона.

Использование в русскоязычном тексте слов казахского языка свидетельствует о взаимодействии двух национальных лингвокультур – русской и казахской. В поэзии заимствованные слова используются на эмпирическом, наглядно-образном уровне, что свидетельствует об интерференции на уровне *восприятия* окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира.

Свидетельством интерференции на уровне восприятия окружающего мира, является то, что в творчестве местных поэтов заимствованные слова используются на наглядно-образном уровне. Индивидуально-образное мышление, обусловленное культурно-историческим сознанием, сопряженное с философским обобщением, порождает новые ассоциации. Суггестия авторской мысли выливается в афористическую форму. Так, авторским текстовым афоризмом в идиостиле поэта Вл. Шестерикова становятся слова:

Я к племени славян принадлежу,
А родом я из Казахстана [23. С. 45].

Этот текст можно считать прецедентным. Он характеризует не только авторское мировидение, но и отражает самосознание большей части русскоязычного населения Казахстана, воспитанного на принципах толерантности. Как афоризм его используют исследователи поэтической этнолингвистики в качестве эпиграфа в работах, посвященных проблемам краеведения и взаимодействия языков.

Ассоциативная информация выявляется во взаимодействии языковых средств и определяется контекстом в целом. Постигая поэтические ассоциации автора, схватывающие мгновение жизни, «миг между прошлым и будущим», читатель открывает для себя новый мир, который притягивает и завораживает своей вечной тайной. Мы разделяем мнение акад. В. В. Виноградова: «Научно-лингвистическое изучение современной поэзии должно начинаться с интенсивного анализа индивидуально-замкнутой системы языковых средств» [2. С. 370].

Антропоцентризм в изучении языка открывает новые возможности в познании и интерпретации поэтического текста. Поэзия как особое явление культуры представляет в концентрированном виде философию жизни, достижения мировой культуры, соединяя в себе объективное и субъективное, общечеловеческое, этническое и глубоко личностное. Разграничивая коммуникативный и поэтический язык, представители чешского языкознания делают вывод: «…все уровни языковой системы, играющие в коммуникативном языке лишь

служебную роль, приобретают в поэтическом языке более или менее важную самостоятельную значимость: в коммуникативном языке стремятся к тому, чтобы стать автоматическими, тогда как в поэтическом языке они, напротив, склонны к актуализации» [3. С. 273]. Перед лингвистикой стоит задача выявить соотношение универсального и идиоэтнического.

Лингвопоэтика обостряет внимание к эстетической стороне текста, к ценности слова как элемента художественного целого. А. А. Потебня писал: «Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь создания эстетических и нравственных идеалов» [13. С. 181].

Стихотворения чаще рождаются спонтанно, по вдохновению, и выражают душевное состояние поэта в момент их творения. Не случайно Ф. И. Тютчев писал:

В наш век стихи живут два – три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут…

На что М. П. Погодин ему ответил: стихи «…родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их волнующие, принадлежат к разряду вечных». Это противоречие между мигом и вечностью разрешает Т. И. Сильман, считая, что в лирическом стихотворении присутствует «с одной стороны – миг, мгновение, абсолютная преходящность…, а с другой стороны – непреходящность, постоянство значения того, что изображено, иначе говоря “вечность”» [15. С. 40]. Мы считаем, что любой адресат не просто декодирует ту ситуацию или пейзажную зарисовку, которую воссоздал поэт, но он видит ее глазами автора и поэтому становится как бы соучастником мгновения, пережитого автором, декодируя восприятие окружающего мира через призму душевных переживаний поэта.

Достижения лингвокультурологии открывают возможности для выявления этнической культуры поэта. Этот компонент в творчестве поэта позволяет определить его этническую принадлежность через наличие лингвокультурем. Так, ученые сходятся на том, что наличие таких лингвокультурем, как *береза, душа, судьба, свет, тишина* и под. свидетельствуют о русской этничности. Для казахской этничности характерны *степь, конь, аксакал, шанырак, дастархан* и под. лингвокультуремы. В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков и культур.

Изучая взаимодействия лингвистических и этнических факторов в поэтических текстах, считаем необходимым выделить в особое направление – *этнопоэтику*. Главным предметом этой отрасли лингвистики являются ментально значимые слова, выявляющиеся при сопоставлении языков в поэтическом тексте.

Предметом исследования в этнопоэтике выступают этнозначимые слова и обороты речи, которые мы определяем как *этнопоэтизмы*. Лингвоанализ поэтического текста показывает, что этнопоэтизмы – это не только лексические единицы (береза, хлеб, степь, шанырак (каз.), но и различные типы этнотропов.

Этнопоэтика складывается на стыке таких наук, как лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвопоэтика. Результаты этнопоэтического анализа наиболее наглядны в творчестве поэтов, проживающих в полиэтнических регионах [20].

Использование в рамках русскоязычного контекста слов с инонациональными этнокультурными значениями, в частности казахскими, свидетельствует о взаимодействии двух национальных лингвокультур – русской и казахской. Культура народа определяется языком. Между языком и культурой имеется параллелизм, поэтому взаимопроникновение культур влечет за собой и взаимодействие языков.

В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков и культур. Личность на рубеже двух культур формируется под воздействием культуры родного этноса, но испытывает и определенное влияние культуры другого народа. Взаимодействие культур разных этносов выявляется в процессе анализа поэтического текста с позиций сублимации языковой картины мира и субъективной модальности. Подлинно национальное и эстетическое восприятие действительности познается через поэтику слова.

Мы провели сопоставительный анализ текстов, написанных авторами разных текстов на одну тему. В. Жуковский и С. Сейфуллин в стихотворениях с одноименным названием «Жаворонок» описывают жаворонка как посланца весны; с обновлением в природе человек связывает надежды на лучшее, поэтому оба стихотворения вызывают чувство радости. Но авторы анализируемых стихов принадлежат к разным этносам и отражают окружающую действительность с позиций своего менталитета.

В стихотворении С. Сейфуллина жаворонок является частью ковыльной казахской степи, степи горячей, солнечной *(звенит лучисто – луч солнца),* необъятной *(взмыл в зенит)*. «Жа-

воронок» В. Жуковского вызывает картину русского поля *(в долине пар белеет),* леса *(На солнце темный лес зардел),* который только начинает пробуждаться от зимней спячки, снега на его ветвях уже нет. Он стоит голый и поэтому кажется темным. Но солнечные лучи уже пригревают лес, появились ранние почки, поэтому «лес зардел».

Стихотворение местного поэта Вл. Шестерикова «Черный жаворонок» дает возможность наглядно ощутить взаимодействие культур, ярко выраженное в языковой картине поэта. Этнопоэтизмы как этнозначимые слова в поэтической речи в творчестве русского поэта, родившегося и выросшего в Казахстане, представляют личность, сформировавшуюся на рубеже двух культур. Под воздействием культуры родного этноса поэт вспоминает, как мать пекла детям жаворонков из теста, с ними они бежали в поле. Но приобщение к другой культуре не проходит бесследно. И *поле* незаметно заменяется в воспоминаниях *степью*, степью бескрайной, где сухие травы и рыжие кобылицы, где нескончаем *айтыс* птиц.

И все в степях бескрайних пенью радо –
От трав сухих до рыжих кобылиц.
Ему по праву – первая награда
На нескончаемом *айтысе* птиц.

Чисто русский пейзаж В. Жуковского, где в долине растаял снег, но земля еще очень влажная и на солнце идет активное испарение – белеет тонкий пар, у Вл. Шестерикова меняется: описание поля («в поле… мы направляем весело стопы») переходит в описание казахской степи с сухими травами и рыжими кобылицами. Пение жаворонка оказывается только нотой в нескончаемом *айтысе* птиц. Так, интерферирующее с русской речью «чужое» слово становится нормой для описания моментов жизни автора, проявления его духовной жизни. «Именно слово оказывается критической единицей сегментации текста, позволяющей прослеживать взаимодействие между означающими и означаемыми, между данным в тексте и и з в л е к а е м ы м (*разр. З. П. Табаковой*) из памяти» [5. С. 244].

В стихах Вл. Шестерикова находим немало примеров подобной интерференции:

Ты звенящей домбре подпевай,
Рыжегривый ветер соленый…
И качается *малахай*,
Как в степи одинокий подсолнух.

Слово «малахай» не просто освоено русским поэтом, оно вошло в образную систему автора как средство художественного восприятия действительности. «Одинокий подсолнух в степи» – это, несомненно, чисто славянский образ, но восприятие качающегося малахая аксакала как степного подсолнуха – это уже явление адстрата. Этот образ мог родиться только у человека, эмоционально-образное начало которого корнями уходит в национально-языковое видение русского народа, но которому не чуждо ассоциативное начало казахского народа. Сплав этих двух начал определяет этноментальный мир человека. Взаимодействие двух национальных лингвокультур в результате образно-речевой интерференции рождает новый образ.

В этом случае «чужое» слово демонстрирует полную спаянность с русским текстом, не нарушая общей стилистики произведения. Однако восприятие носителями русского языка подобных фрагментов текста имеет региональные различия. Чтобы «увидеть» сравнение подсолнуха с малахаем, недостаточно знать значение слова «малахай»: «Большая ушастая шапка на меху или с четырьмя лопастями (две на щеки, одна на затылок, небольшая четвертая на лоб)» [16. С. 44]. Нужно представить картину бесконечной ковыльной степи, в далеком мареве которой, на границе неба и земли, легким призраком угадывается всадник, единственной отчетливой деталью которого виден покачивающийся в такт бега лошади малахай.

Для поэта характерно свое мировидение, которое талантливый поэт воплощает в произведении. Талантливый читатель постигает за строками стиха мир таким, каким его видел автор. Так, поэтический мир Вл. Шестерикова – это этноментальный мир человека, выросшего в условиях взаимодействия культур и языков.

Поэтический текст отражает ментальность народа, не случайно существует высказывание «Поэзия – душа народа». Русская поэзия выражала народную душу во всех ее самых лучших проявлениях, что зафиксировано и прецедентным текстом «Поэт в России больше, чем поэт». У казахов поэзия также занимала особое место в определении души народа. Из поколения в поколение передавались поэтические творения казахских акынов. Поэтическая история о пучке полыни (емшан), рассказывает, что засидевшийся на чужбине хан-батыр, вдохнув аромат привезенной ему полыни, бросил роскошную жизнь и ускакал в родные края, где земля всегда имеет горьковатый запах полыни.

Влияние другой культуры вносит в картину мира реципиента дополнительные штрихи,

порождает новые ассоциативные цепочки и расширяет возможности выражения чувств и переживаний лирического героя. Не остается незатронутой и языковая картина мира, которая обогащается новыми деталями, получает дополнительную палитру красок для более яркого описания окружающего мира и самовыражения автора.

Поэзия Владимира Шестерикова – это чудесный, неповторимый мир, который он создал, сопрягая русскую и казахскую картину мира. Вся красота родного края отлилась в стихах, полных любви к своей земле. В поэзии Шестерикова все краски природы русского поля и казахской степи, это мир радостей и печали, глубоких мыслей и переживаний. Образ березы наиболее часто встречается в поэзии Шестерикова. В русской литературе образ березы используется как национальный архетип-символ.

В стихотворении «Родные корни», посвященном приемной дочери, уехавшей в Германию, мы видим русский национальный пейзаж, в котором образ березы означает родное и близкое, придающее духовные силы:

Нас с детства ветры странствий манят,
Но жизнь вверяет нас судьбе,
Так улыбнется ли в Германии
Она от нас вдали тебе?
«…» Без наших зим, березок русых,
Полей бескрайних, журавлей.
Наверно, как у нас ни грустно,
И там не будет веселей… [23. С. 42]

Общепризнано, что береза – символ русского народа. Встреча с березой – это знак судьбы. Но тоску по березке мы встречаем и в творчестве казахского поэта Магжана Жумабаева. Может быть, это результат длительного нахождения Магжана среди русских, а может, результат того, что уже почти три века русские и казахи живут бок о бок:

Мы судьбе подвластны, знаю,
Но и в дальней стороне
Будет *родина степная*,
Как *березка*, жить во мне.
М. Жумабаев

Бахытжан Канапьянов – уроженец Северо-Казахстанской области, он пишет свои стихи на русском языке. Сублимация двух культур – казахской и русской – особый склад мышления поэта. В одном их своих стихотворений поэт описывает, как с появлением любимой обычное дерево вдруг приобретает черты белой красавицы-березы:

Любимая,
обыден мир без тебя,
дерево деревом было,
а когда ты пришла, *преобразилось в березу*,
любимая… [6. С. 49]

Известный поэт Г. Бельгер, пишущий свои стихи на трех языках, утверждает: «может поразному складываться личная судьба, можно бытовать в стихии инобытия, иноязычия, можно проникнуться иной культурой, вращаться с малых лет в иной сфере, но какие-то этнические корни, некие потаенные гены, тяга к своим истокам остаются, они живут в подспудных тайниках сознания и не могут не сказываться, не прорываться в творческом акте» [1. С. 229]. Сплав русской речи и родной ментальности становится для русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова, казаха по рождению, нормой для его духовной жизни и творчества. «Если же писатель двуязычен, и сам переводит собственные произведения, – пишет Л. В. Полубиченко, – то встает вопрос о выявлении параметров, конституирующих единство его «раздвоенной» языковой личности, и эта проблема сегодня также становится предметом топологического осмысления» [11. С. 48]. Б. Канапьянов прекрасно осознает свое особое положение «кочевника с авиабилетом». Он вырос в казахской семье, но с детства приобщился к русскому языку и русской культуре, о чем сам написал:

Здесь русский язык
С моей смешался кровью.

Подобное признание мы находим и у русского поэта Владимира Шестерикова:

Я к племени славян принадлежу,
Но родом я из Казахстана.

Авторов объединяет не только общая судьба, оба они также стали известными поэтами, чьи произведения далеко перешагнули государственные границы и, безусловно, займут достойное место в мировой поэзии.

Свидетельством интерференции на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира является то, что в творчестве местных поэтов заимствованные слова используются на наглядно-образном уровне. Индивидуально-образное мышление, обусловленное культурно-историческим сознанием, сопряженное с философским обобщением, порождает новые ассоциации. Концепция авторской мысли выливается в афористическую форму.

Главный смысл стихотворения североказахстанского поэта А. Курлени заключен в его

последних строчках. Они как итог, как кредо поэта:

Пусть изменились рубежи,
Я в Казахстане, как в России,
С тобою – домом светлых грез –
Одним помазаны мы миром.
На языке родных берез
Я разговариваю с миром! [9. С. 9]

Понять силу и значимость этого вывода помогают стиль и образы всего стихотворения, насыщенного глубоким смыслом, пронизанного искренней любовью, к русской литературе и истории России.

Органическая связь языка с культурой и обществом делает его важнейшим компонентом национального духа. Изучение языка – наиболее плодотворный путь к разгадке тайны человека и характера народа. Язык является основным этническим признаком народа.

Активный читатель, осмысленно и вдумчиво анализирующий поэтические произведения североказахстанских авторов, выявляет в них ключевые константы национальной картины мира.

Северный Казахстан – край специфичный как в историко-этнографическом, так и лингвистическом плане. Этническая культура населения региона представляет более ста национальностей, каждая из которых имеет свои культурно-исторические традиции, национальное самосознание.

Этнопоэтика помогает вскрыть эмоциональную, гуманную, эстетическую, интеллектуальную сферу чувств; выявить особенности поэтики, ее основных проблем, духовных и эстетических ценностей.

Выдвигаемая гипотеза: интерференция на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира, наиболее наглядно проявляется в поэзии. Ассоциативный анализ поэтического текста позволяет определить культурно-национальную специфику заимствования на уровне наглядно-образного восприятия реальной действительности.

Все теоретические положения предлагаемой концепции подтверждены конкретным материалом из опыта этнопоэтического анализа произведений местных поэтов.

В течение нескольких лет мы ведем элективный курс «Этнопоэтика». Курс включен в рабочие планы на специальностях «русский язык и литература», «журналистика» на правах дисциплин, вводимых вузом. Основные идеи автора воплощаются в дипломных, магистерских и кандидатских диссертациях. Студенты на практических занятиях учатся проводить этнопоэтический анализ художественного текста, по данной проблеме опубликованы статьи, разработаны рабочие программы, выпущены материалы для студентов, включающие теоретические положения по этнопоэтике, программу курса и практические материалы по этнолингвистическому анализу поэтического текста. Сложилась научная школа этнопоэтического анализа.

Наше плодотворное многолетнее сотрудничество с Институтом повышения квалификации учителей дает возможность внедрять опыт этнопоэтического анализа в школах Северо-Казахстанской области. При Институте СК ИПК ППК создана исследовательская лаборатория «Этно- и поликультурное образование». Выпущено методическое пособие «Этнопоэтический анализ произведений североказахстанских авторов». [18. С. 2012]

Вышли в свет хрестоматии «Степные напевы» [19], на казахском языке «Поэты Приишимья» [18], где представлены лучшие поэты области. Книги предназначены учителям-словесникам и учащимся школ, гимназий и колледжей, студентам, магистрантам и преподавателям русского языка и литературы, этнолингвистики и лингвокультурологии. Книги помогут работникам библиотек, музеев, руководителям литературных объединений в организации краеведческой работы.

Поэтов, чьи стихи включены в хрестоматии, объединяет любовь к родным местам и людям, живущим рядом.

Анализ поэтического творчества представителей русской и казахской национальности позволяет сделать выводы о том, что общая земля, общие условия жизни, природа способствуют культурному взаимовлиянию. Так, поэты Северного Казахстана, пишущие на русском языке, но разные по национальной принадлежности, естественно используют образы, казалось бы не родственной им культуры. В поэзии русского поэта Владимира Шестерикова широко представлена картина мира, характерная для казаха-степняка. А поэзия казаха Бахытжана Канапьянова, пишущего на русском языке, не обходится без символа русской белоствольной березы. В. Шестериков назвал Северное Приишимье «краем березовых островов». Эти «березовые острова» видели с детства и Магжан Жумабаев, и Сабит Муканов, и Бахытжан

Канапьянов, и они стали для них так же любимы, как неоглядные степи, горькая полынь и ковыли для Владимира Шестерикова, Александра Курлени, Ивана Шухова и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях контактного двуязычия происходит суггестия разных языковых картин мира. Соединяя в одно лучшие стороны нескольких моделей мировосприятия, поэт невольно конструирует новые этнические доминанты.

Этнопоэтический анализ стихотворений позволяет сделать вывод о том, что русскоязычные поэты, создавая яркие пейзажи, полные красоты и лиризма, используют этнопоэтизмы, этноокрашенные слова и обороты разных этносов. Взаимообогащение культур как факт социального и культурного устройства является отличительным признаком любого многонационального государства.

Список литературы

1. Бельгер, Г. Лики слова. Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода. Алматы, 1996. 276 с.

2. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. 516 с.

3. Вахек, Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. 350 с.

4. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. 368 с.

5. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. М., 2000. 350 с.

6. Канапьянов, Бахытжан. Плывут облака. М., 2003. 155 с.

7. Копыленко, М. М. Основы этнолингвистики. Алматы, 1995. 128 с.

8. Кубрякова, Е. С. Словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.

9. Курленя, Александр. И верю я голосу свыше. Петропавловск, 2010. 480 с.

10. Ли, В. С. О наивной семантике и некоторых проблемах концептуального анализа языка // Вестн. Казах. нац. ун-та. 2007. № 7. С. 137–140.

11. Полубиченко, Л. В. Филологическая топология: этапы развития и научная проблематика // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 2. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 39–50.

12. Попова, Н. Б. Семантическое разложение как способ актуализации информативности поэтического высказывания // Вопр. семантики и прагматики языкового высказывания. Челябинск, 1995. С. 82–91.

13. Потебня, А. А. Мысль и язык // Полн. собр. соч. Т. 1. 5-е изд. Одесса, 1926. 207 с.

14. Сапорта, С. Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. М., 1980. С. 98–115.

15. Сильман, Т. И. Заметки о лирике Л., 1977. 224 с.

16. Словообразовательный словарь тюркизмов / под ред. М. Мусатаевой, Л. Шеляховской. Алматы, 1995. 174 с.

17. Степанов, Ю. С. Словарь русской культуры. М., 2004. 647 с.

18. Табакова, З. П. Поэты Приишимья (на казахском языке) / З. П. Табакова, А. К. Карабатырова, С. Т. Омарова. Петропавловск, 2012. 110 с.

19. Табакова, З. П. Степные напевы / З. П. Табакова, А. К. Карабатырова, О. М. Медведева. Петропавловск, 2011. 125 с.

20. Табакова, З. П. Этнопоэтика / З. П. Табакова, А. К. Карабатырова, О. М. Медведева. Петропавловск, 2008. 94 с.

21. Табакова, З. П. Этнопоэтический анализ произведений североказахстанских авторов. Петропавловск, 2012. 92 с.

22. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 1995. 897 с.

23. Шестериков, Владимир. Мгновения. Петропавловск, 2007. 118 с.

24. Шестериков Владимир. Прощеное воскресенье. Петропавловск, 2009. 100 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 207–211.

Р. А. Трифонов

СЛОВО *КОРПОРАТИВ* КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВЫХ КОММЕНТАРИЕВ В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассматривается слово *корпоратив*, являющееся одним из показательных объектов метаязыкового комментирования в интернет-коммуникации. Проанализированы высказывания, передающие субъективное эмоциональное восприятие данной лексемы, размышления о ее номинативной адекватности в современных общественно-культурных реалиях. Подчеркивается наличие апелляций говорящего к иным субъектам речи, имплицитно присутствующим в дискурсе.

Ключевые слова: *языковое сознание, ментальный лексикон, метаязыковой комментарий, метаязыковая оценка, актуальные лексические процессы*.

В современном лексиконе можно выделить слова, маркирующие важные и показательные изменения в концептуальной и языковой картинах мира. Такие лексемы характеризуются не только высокой частотой употребления, но и специфическим метаязыковым осмыслением: их вхождение в язык отмечается языковым сознанием говорящих, а структуры последнего регулярно эксплицируются в дискурсе в виде метаязыковых комментариев. Такие комментарии представляют собой весьма разнообразный материал, но их целостный анализ на определенных участках позволяет не только прояснить системно-функциональные характеристики языковых знаков, но и проследить, как языковые формы становятся основанием для дискурсивного позиционирования личности. Метаязыковые высказывания, как показала И. Т. Вепрева, активно выполняют социально-оценочную функцию, «реализуют свой потенциал в тех активных зонах языкового сознания, которые так или иначе связаны с социально-психологической ориентацией человека в современном мире»[1]. Итак, обратимся к данной проблеме, поместив в фокус внимания лексему *корпоратив* – концептуально значимую инновацию в лексической подсистеме тематической сферы «досуг»[2].

Очевидно, что этот языковой знак на сегодня находится в активной зоне языкового сознания и имеет все основания быть рассмотренным как одна из наиболее показательных лексических инноваций последних двух десятилетий. Лексема является частью словообразовательного гнезда, ряд единиц которого в современном дискурсе проявляет такие черты, как широкозначность и номинативная экспансия: «Слово “корпорация”, как и сами корпорации, прочно вошло в наш экономический и культурный обиход. Настолько прочно, что мы почти перестали ощущать границы этого понятия, объем которого становится все больше, и под его действие подпадает все большее число, казалось бы, различных явлений. Соответственно, страдает его содержание, по отношению к которому возникает все больше вопросов. Что стоит за не так давно, но столь уверенно и по-хозяйски обосновавшимися в нашем языке понятиями “корпоративная культура”, “корпоративная этика”, “дух корпоративности”, я уж не говорю про “корпоратив” и “корпоративчик” (самые частые слова современного лексикона в период с середины по конец декабря)?»[3]. И. В. Лавкова рассматривает лексему *корпоративный* как языковой знак, вытесняющий слово *коллективный*, в общем контексте динамики номинативных единиц, принадлежащих к семантическому полю «сообщество людей»[4]. Наши наблюдения за речевыми практиками показывают, что метаязыковая активность в данном случае весьма высока. В то же время преломление названной концептуальной единицы языковым сознанием не исследовано. Рассмотрим метаязыковые высказывания о слове *корпоратив* в трех восточнославянских языках (укр. *корпоратив*, белор. *карпаратыў*) на материале интернет-коммуникации. Графические, стилистические и иные особенности оригиналов сохраняем.

Прежде всего стоит отметить наличие маркеров времени в метаязыковом сопровождении слова. Это, как правило, прилагательные *новое* и *модное*, указывающие на статус слова в лексической системе языка и, соответственно, внутреннем лексиконе говорящего. Часто контексты с данными атрибутивами довольно нейтральны, то есть мы имеем дело с констатацией факта: *«Это модное новое слово – кор-*

поратив. Новый год уже не за горами, города потихоньку погружаются в рождественское убранство, народ уже предвкушает вкус глинтвейна, жареных каштанов и радости желудка. Соответственно возникают в коллективах вопросы, разговоры, споры и голосования о том где, как и когда отмечаем рождество» (http://foren.germany.ru, 20.11.2009); *«Ніхто не знає точно, коли було проведене перше корпоративне свято. Давно, мабуть. Проте термін "корпоратив" – досить нове явище. У нас корпоративна вечірка або корпоративний банкет, якщо вам так більше подобається, з'явився лише кілька років тому»* (http://rivne1.tv, 01.12.2009). Однако понятия «старое» и «новое», «раньше» и «теперь» наделены мощным аксиологическим потенциалом. Об одном из его аспектов Н. Д. Арутюнова отмечает, что «слова новизны» принадлежат вместе с рядом религиозных, социальных и аксиологических терминов к «действующим силам языка»: «Они магически заряжены. Их "прикосновение" к денотату (будь то предмет, человек, идея или произведение искусства) тотчас вводит его в круг социального интереса»[5]. Естественно, что признак новизны и модности активно используется в метаязыковых структурах рекламных текстов, в частности на сайтах фирм, организующих корпоративные мероприятия: *«Корпоратив – это модное слово нынче не выходит из обихода современного общества. Каждая уважающая себя компания организует вечеринки для своих сотрудников не реже, чем 3 раза в год. Корпоративы, которые организуем и проводим мы, остаются в памяти надолго»* (http://almanskiy.ru); *«Сегодня модное слово "корпоратив" отлично знакомо даже тем, кто никогда лично не сталкивался с участием в подобных мероприятиях. А для десятков тысяч офисных сотрудников проведение различного рода корпоративных мероприятий давно уже стало привычным и даже обыденным. […] Мы […] готовы сделать каждый корпоратив, проведенный с нашим участием, действительно незабываемым событием для всех сотрудников вашей компании»*. Приведенные цитаты показывают, что прагматика новизны и модности в рекламе детерминирована направленностью текста на адресата, дискурсивным позиционированием последнего как потребителя соответствующих услуг в контексте нового и модного стиля жизни.

В то же время аксиологическая семантика указателей на темпоральной шкале неоднозначна, так как отмеченной мощной привлекательности нового противостоит не менее значительная положительная оценка традиции: *«Старое надежно. Оно проверено временем. В нем собраны опыт и мудрость прошлых поколений. Ему доверяют; новое же сомнительно и нередко вызывает подозрение»*[6]. Отрицательная оценка новизны в отношении понятия *корпоратив*, проявляемая в метаязыковых высказываниях, мотивируется отходом от традиционных моральных норм: *«Розумію, що моду на корпоративи не заборонити. Це лише слово нове, сучасне. А свята в усі часи відзначали не лише родинами, а й колективами. Можливо, тоді ще були якісь гальма суспільного покарання, не було на кожному кроці крутих "кабаків", нічних клубів, духу моральної вседозволеності»* (http://www.galychyna.if.ua, 24.12.2011); *«Нынче новомодное мероприятие – корпоратив – является мерилом престижа, принадлежности к какому-то высшему обществу. Новые времена – новые и слова. Да и суть некоторых старых добрых слов тоже меняется. Прислушайтесь, например, к старому, знакомому выражению: "Нет ничего дороже простого человеческого общения…" Дороже? Не вопрос!»* (http://www.newsvm.com, 31.12.2009). Итак, одни и те же атрибутивные квалификаторы *новое* и *модное* в метаязыковых высказываниях проявляют аксиологическую энантиоконнотемию; используя это их свойство, говорящий позиционирует в дискурсе себя (яркая, современная личность либо сторонник традиций), а в некоторых случаях – и адресата.

В целом стоит отметить, что набор определений, которыми на метаязыковом уровне сопровождается слово *корпоратив*, оказался довольно широким. Обращает на себя внимание, что среди них значительную часть составляют прилагательные и причастия с эмоциональным компонентом в денотате: *«Это пьянящее слово – корпоратив!»* (http://a2vin.com); *«Это сладкое слово – корпоратив!!!! Скоро зашумят Новогодние, Рождественские, Валентиновы… и февральские с мартовскими…»* (http://mamba.ru, 15.10.2012); *«Это страшное слово "корпоратив". Вспоминается длинный, накрытый белой похоронной скатертью и неожиданными, как биде в сельском клубе, вазами стол, вдоль которого жмется нервный коллектив. […] Минут через двадцать пять, уронив лицо в биде с холодцом, засыпает ублаготворенная юристка. […] Жена руководства, вынув из рас-*

красневшихся ушей тяжелые бриллианты и небрежно перекатывая их на ладошке, делится с главбухом широчайшим опытом работы официанткой в привокзальном буфете» (http://markizakarabasa.livejournal.com, 23.12.2010). Как видим, знаки эмоций (положительные или отрицательные) варьируются в широком диапазоне – все зависит от индивидуальных ценностных приоритетов языковой личности; общей чертой остается высокая эмоциональность, воплощенная на метаязыковом уровне. Говорящий может не соглашаться с доминирующей в обществе эмоцией, что проявляется в подтексте высказывания: *«Это сладкое слово "корпоратив"... И не просто сладкое. Заграничное. Оно манит нас обещанием чего-то престижного, с блеском глянца и мишуры…»* (http://www.newsvm.com, 31.12.2009). Не редкостью является и ирония: *«Это страшное слово "КОРПОРАТИВ" =) Во всех ресторанах страны последние две недели перед новым годом проводятся ОНИ! КОРПОРАТИВЫ! Больших и маленьких компаний. Это касается всех»* (http://yulya-ponyulya.livejournal.com, 23.12.2012). В последнем случае эмоциональный атрибутив указывает не на чувства говорящего, а на его мнение о масштабности явления, то есть имеем дело не столько с эмотивностью языкового знака, сколько с экспрессивностью. Естественно, эмоции могут иметь различное языковое воплощение, не только атрибутивное: *«слова карпаратыў раздражняе(»* (http://vk.com, 25.02.2011); *«Кого-нибудь раздражает слово КОРПОРАТИВ? Перед Новым Годом это словечко слышится от всех и отовсюду. Меня оно уже стало подбешивать)»* (http://otvet.mail.ru, 27.12.2011).

Часть эмоционально окрашенных контекстов возникают на основе формы слова, его фонетического состава – взрывные *к*, *п*, *т* и вибрант *р* формируют специфическую, агрессивную звуковую оболочку, которая может усиливать эмоциональную составляющую концепта: *«Шершавое слово корпоратив / Язык продирает напильником»* (http://www.proza.ru, 07.03.2010); *«...у більшості постів у стрічці ріже око слово "корпоратив". Особисто у мене воно залишає в роті якийсь неприємний післясмак, як від заклеювання старого канцелярського конверта, який треба, кривлячись, полизати. Щось у ньому звучить примусово-напружене, як в "колгоспі" або "сільгоспроботах"»* (http://sport-x3.ru, 21.05.2012). Любопытно отметить синестезию: слуховые в основе своей ощущения передаются тактильными и вкусовыми средствами.

Отрицательные ассоциации также вербализируются на метаязыковом уровне в виде ассоциатов – элементов сценария. Пользователь vic-tor: *«Слово "корпоратив" – какое-то гадкое слово, стараюсь не употреблять»*; пользователь step: *«+100. и омерзительное тоже.. У меня ассоциация: дыхание сотрудников свежим алкоголем в перемешку с салатом оливье.. фу..»* (http://academ.info, 14.12.2012). Аналогично: *«Дід Мороз – персонаж для дітей, вважає Михайло Безпалько [исполнитель роли Деда Мороза – Р. Т.], тому на вечірки для дорослих ходить рідко. Не любить слово "корпоратив", одразу на пам'яті нетверезі "дяді", які приймають зі словами: "Ну давай, клоун! Что-нибудь сообрази!"»* (http://poglyad.te.ua, 19.12.2012). Отрицательные оценки слова тесно связаны с реалией и ее восприятием, причем именно в конкретных социально-культурных условиях.

Эти условия вербализирует еще один характерный для слова *корпоратив* метаязыковой маркер – прилагательное *постсоветский*, указывающее на специфику картины мира, в которой концептуальная лексема занимает важное место. Особенно показательными являются контексты непосредственной межкультурной коммуникации, взаимодействия славянской картины мира с западной, например англо-американской: *«...пасля тлумачэнняў перакладчыцы пра чыста постсавецкі тэрмін "карпаратыў" [ICE MC] заматаў галавой: "Ноў, ну што вы, я не спяваю на такіх імпрэзах!"»* (http://news.21.by, 06.06.2010). Во многих высказываниях речь идет не только о самом наличии слова, но и о его особом постсоветском понимании – таким образом маркируется факт концептуального заимствования и его когнитивного освоения: *«У нас корпоратив проводять десь через пару місяців після різдва :D. (Не корпоратив звісно в пострадянському розумінні, а просто колективна вечеря)»* (http://forum.pravda.com.ua, 23.12.2011); *«Дураку понятно, что корпоратив за свои деньги (в том смысле, в каком наше постсоветское общество понимается термин "корпоратив") – это уже не корпоратив, а черти что»* (http://i-m-ho.livejournal.com, 14.12.2013). Это также действенный способ дискурсивного самопозиционирования через метаязык: отсылка к постсоветской картине мира может сопровождаться имплицитным указанием на ее несо-

ответствие идеальному (в субъективном понимании) представлению. Дискурс Другого и тут играет важную роль: *«…есть еще и святое для постсоветского человека понятие “корпоратив”. Например, встреча Нового года компанией и прочие радостные поводы, на которых укрепляется командный дух и формируется эдакая “дримтим” – команда мечты. На этом экономить – себя не уважать»* (http://www.kp.ru, 26.05.2013). В ходе высказывания происходит не выраженный явно, но ощутимый переход в дискурс оппонента, сопровождаемый ироническим отчуждением.

Аксиологическая нагрузка метаязыковых высказываний максимальна в тех случаях, когда речь идет о номинативной неудовлетворительности, неуместности слова *корпоратив*. В этих же высказываниях авторское дискурсивное позиционирование проявляется наиболее прямо: *«Забавно, слово “корпоратив” применяют почти все организации, в том числе и те, которые на корпорацию не тянут ни при каких обстоятельствах»* (https://plus.google.com, 06.12.2011); *«Люди добрі, запам’ятайте собі, що слово “корпоратив” походить від слова “корпорація”. А у нас в Тернополі немає жодної корпорації, тому не треба до кожної “шарашкіної контори” ліпити слово корпоратив. Просто кажіть – п’янка, так вірніше буде»* (http://20minut.ua, 28.11.2010). Слово *пьянка / п’янка* как номинативная альтернатива лексеме *корпоратив* неоднократно упоминается в высказываниях на разных языках, что следует расценить не только как отрицательное отношение к модному заимствованию, но и как самопозиционирование языковой личности в качестве «говорящей без эвфемизмов», видящей суть вещей за завесой слов. Элементом позиционирования становится прямое называние Другого, субъекта иных номинаций: *«Это слово придумали и употребляют снобы. По-русски это обыкновенная пьянка-гулянка в рабочее время, обычно накануне праздников»* (http://otvet.mail.ru, 27.12.2011). Сравним также: *«Гораздо приятнее слышать слова “праздник”, “вечеринка” и даже банальное “пьянка”. Корпоратив – обезличивает, ты уже не человек но лишь часть машины (бюрократической, производственной и т.д.) А корпоратив – это своего рода техобслуживание этой самой машины, ревизия всех механизмов»* (http://academ.info, 14.12.2012). Соответственно, употребление слова *корпоратив* потенциально способно становиться маркером Чужого, и яркий пример этого наблюдаем, когда речь идет о политиках. Прочитав сообщение о корпоративе одной из украинских политических партий, пользователь сети Фейсбук реагирует: *«Розумієте, замість того, щоб тихцем поїсти олів’є та холодцю і перехилити фронтових сто грамів, вони запрошують “поющие трусы” і зустрічають Новий рік! Ну, а скромніше буть не пробували? Бачите, вони ж навіть не називають це “святом”, як живі люди. У них КАРПАРАЦІВ!»* (http://www.facebook.com, 26.12.2012). Фонетическая оболочка слова в украинском языке здесь искажена, так как воспроизводит претенциозную его артикуляцию, характерную для «светского» круга, которому автор себя противопоставляет еще и на таком уровне.

Яркий случай самопозиционирования своеобразным способом – гиперболическое заявление о «незнании» слова *корпоратив*: *«…це іноземне слово “корпоратив” мені не знайомо, ніколи на них не був і годі я можу на тусовку завітати чи так біля вогнища комарів поганяти гітарою»* (http://video.i.ua, 17.12.2011). Это прагматически окрашенная метаязыковая декларация, направленная на «конструирование» собственного «идеального» лексикона, покрывающего «идеальную» для автора картину мира.

Итак, слово *корпоратив* в современных восточнославянских языках сопровождается активными метаязыковыми комментариями, что указывает как на концептуальную значимость слова, так и на его важность для дискурсивного позиционирования языковой личности. Распространены указания на новизну и модность слова, высказывания, передающие субъективное эмоциональное восприятие лексемы, а также размышления о номинативной адекватности единицы в современных общественно-культурных реалиях. Существенную роль играют апелляции говорящего к иным субъектам речи, имплицитно присутствующим в дискурсе.

Примечания

[1] Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005. С. 9.

[2] Шевелева, Е. Н. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «досуг» в современном русском языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 153–157.

[3] Калинин, И. А. ЗАО «Отечество и сыновья» [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/ka18.html.
[4] Лавкова, И. В. Лексемы *соборность* и *коллектив* в современном языковом сознании // Урал. филолог. вестн. 2012. Вып. 3. С. 226.
[5] Арутюнова, Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 170.
[6] Там же. С. 171.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 211–214.

А. Б. Туманова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР

Рассматривается проблема взаимосвязи языков и культур, в частности, особенности взаимовлияния русского и казахского языков языков в Республике Казахстан на основе анализа художественного текста. Описывается художественный дискурс как результат отражения контаминированной языковой картины мира русскоязычного писателя. В качестве иллюстрации приведены фрагменты из произведений казахстанских писателей.

Ключевые слова: *язык, культура, художественный дискурс, писатель-билингв, языковая картина мира, контаминированная языковая картина мира*.

Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. В связи с этим приведем утверждение В. фон Гумбольдта о том, что национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, то есть оставаясь в круге, описанном вокруг нас языком[1]. Как известно, деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, культурную составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность. Не случайно в современной лингвистике проблема взаимосвязи языка и культуры является актуальной. Более того, разрабатывается новое направление, где язык представляется в качестве «культурного кода нации». Здесь нельзя не вспомнить мысль В. фон Гумбольдта о том, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Основные положения исследований ученого относительно языка сводятся к следующему: язык является связующим звеном между человеком и его миром, языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая выступает выражением духа народа, его культуры[2]. В решении данной проблемы наблюдаются несколько подходов:

1) взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону: так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – простое отражение культуры[3] – воздействие культуры на язык;

2) язык как духовная сила: с этих позиций язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нашем сознании[4];

3) язык признается фактом культуры: так как он является составной частью культуры, он – основной инструмент усвоения культуры, а также концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка[5].

На наш взгляд, совершенно справедливыми и не исключающими приведенные выше подходы представляются высказывания по этому поводу В. А. Масловой: «Отношения между

языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, то есть отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике»[6]. Мы согласны с утверждением исследователя о том, что поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, языковые единицы приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Обзор научной литературы, касающейся исследований рассматриваемой проблемы, позволяет говорить о том, что различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицируются с помощью лексических средств языка (лексические единицы и фразеологизмы), поскольку номинативные единицы больше всего и напрямую связаны с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных средств языка может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках. Доказано, что сами реалии национальны, и поэтому слова, их называющие, содержат национально-культурный компонент. Мы провели анализ данных языковых единиц на основе художественных произведений русскоязычных писателей Казахстана (А. Алимжанова, С. Санбаева, Б. Джандарбекова, А. Жаксылыкова и др.) и дали им характеристику. Основные результаты представлены в ранее опубликованных работах автора[7].

В нашем исследовании художественного дискурса писателя-билингва Казахстана установлены следующие факты: 1) в практической речевой деятельности полиязычного общества встречаются случаи несоблюдения норм языковой субкультуры в условиях несовпадения правил речевого этикета у разных народов (в нашем случае: русского и казахского); 2) ситуации кодового переключения с русского языка на казахский и согласования с нормами уже сложившейся особой субкультуры в условиях взаимовлияния двух языков и культур; 3) совершенно иной тип субкультуры представлен в художественном дискурсе русскоязычного писателя, когда не происходит кодового переключения с L-2 на L-1, но с помощью L-2 передаются идиоэтнические черты культуры С-1 (L-1 – казахский язык, L-2 – русский язык, С-1 – культура казахского народа, С-2 – культура русского народа)[8]. Это нашло свое отражение в художественном тексте: использование словнаименований лиц (*ата, аксакалы, женгей, джигиты* и др.), вокативов, слов-возгласов (*калкам, айналайын, барекельды, бисмилла* и др.) без перевода и пояснений в речи повествователя и самого автора – русскоязычного писателя-билингва (казаха по национальности) оказывается стилистически оправданным. В других моментах казахские реалии вполне естественно вводятся писателем путем использования приложений синкретичного характера (*ерке-баловень, коржун – войлочная переметная сумка* и др.) и различных вставок, ссылок (в сноске: **Улкен уй – большой дом* и др.).

Применительно к рассматриваемой нами проблеме корректнее будет говорить об изменениях не в языке как системе, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются основ русского языка. Коренные преобразования и изменения, о которых идет речь, как правило, не замечаются носителями и пользователями языка, так как они проявляются лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры. Подобное происходит и в современной русской языковой культуре и ее субкультурах. На наш взгляд, собственно языковые, глубинные основы (на уровне языковой концептуализации, национальной ментальности, на уровне лингвокультурных концептов и др.), определяющие особенности взаимодействия русского и казахского языков, русской и казахской культур, в высшей степени исторически устойчивы, и это подтверждает художественный дискурс русскоязычных писателей-билингвов Казахстана.

Этнические стереотипы, заложенные в национальном сознании представителей казахского народа, декодируются путем ритуализированного воплощения в обычаях, обрядах и традициях, в своеобразных действиях и поступках, в речевом поведении и др. (например: знак уважения к старшим, получение от них благословения, одаривание за радостную

весть, культ почитания предков, аруахов и так далее.).

Эксплицитными способами выражения национального сознания являются фразеологизмы, пословицы, поговорки, приметы и поверья, отражающие национальную культуру и национальную психологию (ср.: *бие сауым, ак жол, бата беру, коныр козыдай, ботаканын козіндей* и др.). Так, наблюдения над художественным дискурсом русскоязычных писателей Казахстана показали, что речь их персонажей насыщена разнообразными народными пословицами и поговорками, особенно речь аксакалов, старейшин, уважаемых батыров, то есть людей с богатым жизненным опытом. Как известно, в данных языковых единицах аккумулируется опыт предшествующих поколений. Умение красиво, образно выражаться считается одной из особенностей речи носителя казахского языка. И это выпукло представлено в художественном дискурсе русскоязычных писателей (в нашем случае, казахов по национальности), в котором умело и стилистически мотивированно используются пословицы и поговорки. В авторском повествовании и речи персонажей об этом свидетельствуют частотно используемые устойчивые конструкции типа *аксакалы/ старейшины/ мудрые/ старики говорят, казахи говорят, в народе говорят, как говорится,* которые придают речи непринужденный характер, а также сигнализируют об особенностях национального характера, национального сознания, национального видения окружающего их мира языковой личностью писателя-билингва.

Особенно удачно, ярко специфика художественного дискурса писателя-билингва представлена автором в речи персонажей, которая является знаковым отражением национального сознания, мировосприятия того или иного образа – казаха по национальности. Сравним:

– Скажу как старший: клятва с хлебом в руках – священней и страшней, чем клятва над Кораном. *Казахи говорят: «Можно наступить на Коран, но нельзя оставлять под ногами крошку хлеба или пролить на землю каплю молока»*[9];

– За слова поэта он хочет наказать всех бершцев. Ведь слова как стрелы. *Говорят же казахи: «Удар палки разорвет лишь кожу, острое слово пронзит не только сердце, но и кости»*[10].

Следующий фрагмент представляет собой часть диалога между вождями Исатаем и Махамбетом, последнего, так же, как сарбазов, выводит из равновесия вынужденное ожидание боя. Так, в речи Исатая при помощи конструкции *казахи говорят* стилистически мотивированно вводится перевод казахской поговорки. Такой способ, на наш взгляд, эксплицирует национальное мировидение, национальную психологию русскоязычного писателя-казаха, тем самым создавая его особую, контаминированную языковую картину мира, являющуюся результатом наложения, соприкосновения, взаимовлияния двух культур, казахского и русского языков. Сравним:

– Не горячись, Махамбет, – ответил Исатай. – Прошла неделя. Осталось еще три дня. *Казахи говорят: кто томился, ожидая сорок дней, переживет и сорок первый…*[11].

О главном виде деятельности кочевого народа – скотоводстве и о том, что нет никакой гарантии безопасности ни со стороны другого человека, ни со стороны сил природы, в завуалированной форме говорится, например, во фрагменте речи главного героя романа С. Санбаева «Дорога только одна» – Адайбека: Недаром говорил мой дед: *«Мое то, что я съел вчера; то, что гоню сегодня перед собой, – божье»*[12].

Следует отметить, что также в авторской речи и несобственно прямой речи вводятся размышления-заключения, выводы, продиктованные практической деятельностью кочевого народа. Например: Опытные скотоводы – они понимали, что *с зарезанной овцы больше не сострижешь шерсти и не выдоишь сладкого овечьего молока*[13].

В собственно авторской речи, в авторских сентенциях вводятся очень яркие, глубоко философские мысли, которые можно использовать в качестве эпиграфов, цитат, словназиданий. Сравним: *Нет хуже казни для родителя, чем видеть дитя свое в несчастии*[14]; *Если боги карают человека, они отнимают у него разум; Но если уж не везет, то и на верблюде собака укусит*[15].

Итак, особенности художественного дискурса русскоязычных писателей-билингвов Казахстана и приведенные в качестве примеров языковые единицы позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что у каждого народа они свои, маркированы национально специфичной информацией, которая естественно заложена и является обязательной составляющей языковой картины мира писателя, названной нами контаминированной языковой картиной мира. Данная языковая картина мира, отражен-

ная в авторском дискурсе, и представляется нами как результат взаимовлияния языков и культур – русского и казахского языков.

Примечания

[1] См.: Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
[2] См.: Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
[3] См.: Брутян, Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
[4] Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993 ; Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 135–198.
[5] См.: Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
[6] Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. С. 63.
[7] См.: Туманова, А. Б. Особенности употребления этнолексики в художественном дискурсе писателя-билингва// Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : сб. ст. междунар. науч. конф. «X Виноградовские чтения». Т. 1. Текст и контекст в языковедении. Ч. I. М., 2007. С. 182–186 и др.
[8] Туманова, А. Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва : монография. Алматы, 2010.
[9] Алимжанов, А. Стрела Махамбета. Алма-Ата, 1979. с. 68.
[10] Алимжанов, А. Стрела Махамбета. Алма-Ата, 1979. с. 79.
[11] Алимжанов, А. Стрела Махамбета. Алма-Ата, 1979, с. 134.
[12] Санбаев, Дорога только одна, 1974, с. 313]
[13] Джандарбеков, Б. Томирис. Алматы, 1981. С. 9.
[14] Жаксылыков, А. Белый архар. Алматы, 1987. С. 83.
[15] Джандарбеков, Б. Томирис, Алматы, 1981. С. 38, 44.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 214–217.

Г. Г. Хисамова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Выявляются особенности речевого поведения персонажей как языковых личностей в рассказах В. М. Шукшина. Прагматический аспект исследования речевого поведения героев рассказов В. Шукшина позволяет представить разнообразные проявления в речевых реакциях языковой личности ее духовного мира.

Ключевые слова: *диалог, художественный текст, персонаж, речевое поведение*.

Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Не случайно само словосочетание «языковая личность» терминологически зафиксировано В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Опыт описания героев художественного произведения в качестве языковой личности был впервые осуществлен Ю. Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» (1987 г.).

Под языковой личностью понимаем, вслед за Ю. Н. Карауловым, особым образом организованную языковую компетенцию индивидуума, представляющую структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения. Применительно к художественному тексту набор языковых умений мо-

жет расцениваться «как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические составляющие, то есть опредмечивающий в речевых поступках основные стихии художественного образа»[1]. Выделяются три уровня структуры языковой личности: 1) вербально-семантический (уровень языковых единиц); 2) лингвокогнитивный, включающий понятия, идеи, концепты и отражающий иерархию ценностей; 3) прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки, интенции[2].

Особый интерес представляет прагматический уровень (прагматикон), представленный совокупностью языковых средств для выражения интенциональной и иллокутивной сферы личности и отражающий особенности ее речевого поведения.

К. Ф. Седовым разработана типология языковых личностей по характеру коммуникативного взаимодействия, которая предусматривает выделение таких типов, как конфликтный, центрированный и кооперативный. Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей в общении установкой на партнера коммуникации. Конфликтный тип (агрессор и демагог) демонстрирует установку против партнера по коммуникации. Подобная интеракция отражает стремление самоутвердиться за счет собеседника. Центрированный тип речевого поведения характеризуется наличием у одного из участников установки на себя при игнорировании партнера коммуникации[3].

Как отдельную проблему можно выделить принцип отбора автором языкового материала для моделирования языковой личности литературного героя. Особый интерес в этом плане представляет проза В. М. Шукшина – мастера художественного отображения национального межличностного общения. В его произведения доминирует динамичный диалог, что позволяет наиболее ярко проявлять себя и языковой личности.

Статья посвящена характеристике особенностей речевого поведения шукшинских героев в прагматическом аспекте.

Характеризуя персонажи рассказов В. М. Шукшина по степени координации речевого поведения, можно говорить о довольно отчетливо выраженной в их повседневном общении конфликтности. С учетом характера гармоничного/ дисгармоничного речевого поведения герои рассказов писателя представляют два типа языковой личности: конфликтный («энергичные», «крепкие люди» и «демагоги») и центрированный («чудики»)[4].

К «энергичным людям» можно отнести деревенского дельца Баева, «крепкого мужика» Шурыгина, «крепкую нравом» тещу Зяблицкого Елизавету Васильевну, Малышиху, «свояка Сергея Сергеевича», тестя Ивана Дегтярева Наума Кречетова. Особую модель поведения, явление социальной демагогии представляют Глеб Капустин и «непротивленец Макар Жеребцов», «генерал Малафейкин» и «мужик Дерябин». Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам»: Андрею Ерину и Моньке Квасову, Косте Валикову и Веньке Зяблицкому, Броньке Пупкову и Василию Евгеньевичу Князеву, Гриньке Малюгину и Пашке Холманскому.

Крепкие люди демонстрируют в отношении окружающих негативную иллокуцию в виде агрессии. Это проявляется в выборе ими конфронтативных тактик общения: неприятия и отторжения, угрозы, оскорбления, упрека, обвинения.

Речевое поведение персонажей в рассказе «Крепкий мужик» определяет внеречевая ситуация – «снос церкви». Бригадир Шурыгин принадлежит к конфликтному типу языковой личности. Шурыгин наперекор людям решил разрушить церковь, прикатив «три могучих трактора». В рассказе преобладают негармоничные демагоги, так как Шурыгин, будучи языковой личностью конфликтного типа, проявляет себя как вербальный агрессор. Он навязывает свою линию поведения в диалогах с односельчанами, используя неприемлемую, враждебную тональность общения. Им избирается тактика издевки, оскорблений:

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

– Вон отсюдова, пьяная харя!

Неподатливость характера Шурыгина выражена в жажде повелевать, устрашать, подстегивать, так как он «вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями».

Волюнтаризм шурыгинского толка проявляется в употреблении глагольной лексики со значением волеизъявления: *– Не суйтесь не в свое дело; – Не понимаешь, значит помалкивай; – Не лезь!; – Давай, какого!*

Грубость, своеволие Шурыгина проявляются в использовании бранной лексики, угроз (*пьяная харя, халява; – Я вам прижму хвосты-то*), так как бригадир *«распоряжался этим*

делом, как всяким делом: крикливо, с матерщиной».

Постепенно, встречая сопротивление односельчан, Шурыгин впадает в неистовство, что подчеркивается метакоммуникативными показателями *(«Шурыгин всерьез затрясся, побелел», «заревел Шурыгин», «заорал Шурыгин трактористам»)*.

Доминирующая стратегия в речевом поведении «демагогов» – навязывание собственного мнения, собственного жизненного опыта, стремление подчеркнуть собственную значимость. Они используют императивные тактики: поучения, совета, приказа, приоритета мнения.

Роль советчика, своеобразного «унтер Пришибеева», главного героя одноименного рассказа А. П. Чехова, самочинного блюстителя порядка, считающего себя вправе во все вмешиваться, всем делать замечания, «примеривает» на себя «непротивленец Макар Жеребцов», главной герой одноименного рассказа.

Доминирующая иллокутивная установка в речевом поведении почтальона Макара Жеребцова – преувеличение авторитетности своего жизненного опыта и навязывание своего мнения. Стремление к самореализации воплощается у Макара в желании *«учить жить»:* он ходил по домам и *«обстоятельно, въедливо учил людей добру и терпению».* В ходе общения с людьми это проявляется в бесконечных поучениях, советах, наказах Жеребцова, даже если люди и не нуждаются в них: *«– А завтра опять пойду по домам, опять полезу с советами. И знаю, что не слушают они моих советов, а удержаться не могу. Мне бы – в большом масштабе советы-то давать, у меня бы вышло. Ну, подучиться, само собой… У меня какой-то зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри».*

Макар не способен оказать действенную помощь людям, он играет роль стороннего наблюдателя:

– Ты, лоботряс, только рассуждать умеешь… Ходишь по деревне, пустозвонишь… Пустозвон. Чего ты лезешь не в свое дело?

– Я вас учу, дураков. Ты приехай к нему, к Петьке-то, да сядь выпей с ним...

– У тебя прям не голова, а сельсовет.

– Да. Выпей. А потом к нему потихоньку в душу: сократись, сынок, сократись, милый. Ведь мы все пьем по праздникам….

Бессилие что-либо изменить превращает Макара в демагога. Навязчивый, он раздражает односельчан *(«Старухи обижались. Старики посылали Макара… дальше»; «Но Макара не хотели слушать – некогда. Да и мало на селе в летнюю пору встречных»).* Иногда его «деятельность» была причиной конфликта, и не только вербального. Пытаясь дать совет Ивану Соломину в выборе имени только что родившемуся сыну, Жеребцов получил *«пинка под зад. – За совет!»*. Макар не испытывает уважения к людям, презирает их, для него они «бараны», «кроты», «дураки», «подлецы».

Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам».

Обычное речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных тактик ситуации общения и интенции собеседника и предполагает некоторую отстраненность от окружающих. Дисгармония мироощущения «чудиков» приводит их к дисгармонии общения, которое наполнено коммуникативными неудачами.

«Чудики» нередко оказываются беспомощными в самых простых ситуациях. Определенная часть их коммуникативных неудач связана с нарушением правил инициации речевого общения.

Так, конфликт Андрея Ерина и его жены Зои («Микроскоп») начался с сообщения мужа о потере денег:

- Это… я деньги потерял. – При этом ломаный его нос (кривой, с горбинкой) из желтого стал красным. – Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка?.. Она глупо спросила:

– Где?

Тут он невольно хмыкнул.

– Да если б знал, я б пошел и…

– Ну, не-ет!!! – взревела она. – Ухмыляться ты теперь долго будешь! – И побежала за сковородником. – Месяцев девять, гад!

Инициация неожидаемого коммуникативного акта послужила причиной агрессивной реакции жены. Покупая микроскоп, шукшинский герой парадоксально формулирует свою «цель», обращаясь к сыну: «Луну будем разглядывать». Коммуникативная и практическая цель Андрея Ерина (приобретение микроскопа) не согласуется с практическими целями жены (покупка шуб для детей).

Произнося ту или иную реплику, сопровождающую определенные действия, персонаж ожидает реакции от собеседника и пытается ее прогнозировать на базе собственного знания жизни, людей. В случае несоответствия

собственных жизненных представлений и реальности происходящего возникает «эффект обманутого ожидания». Подобное случилось с Чудиком во время поездки к брату. Он вместо положительной реакции соседа, читающего газету в самолете, обнаружил его агрессию:

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он. И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками трогать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?

– Где я ее кипятить буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

Негативная реакция персонажа вызвана не только его высказываниями, но и авторскими *(лысина побагровела, закричал он шепеляво)* и свидетельствует о неудачном начале коммуникативного акта с последующим мгновенным завершением.

Ориентация на речевое поведение персонажа, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности во всей совокупности представленных в тексте характеристик.

Примечания

[1] Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[2] Там же. С. 48–68.

[3] Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999. С. 52–53.

[4] Хисамова, Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина). М., 2007. С. 277–278.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336).
Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 217–220.

М. Г. Церцвадзе

КОЦЕПТ «РОДИНА» В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В рамках межкультурного сопоставления рассматриваются особенности общечеловеческой ценности концепта «родина» в русском и грузинском языковом сознании. Анализ концепта «родина» показывает, что он представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант, составляющих русскую и грузинскую национальные картины мира.

Ключевые слова: *концепт «родина», культура, ассоциативный эксперимент, слово-стимул.*

В последние годы одним из самых актуальных направлений современной лингвистики стало изучение языка в плане его соотнесенности с окружающим миром.

В самом центре современных лингвистических исследований находятся вопросы о том, как человек отражает окружающий его мир, как преломляет его в своем сознании и как репрезентирует эту познавательную деятельность и познанную действительность в языке.

Основной единицей языкового сознания индивида в современных лингвистических исследованиях признается концепт – сложное ментальное образование, аккумулирующее представления, знания, ассоциации человека, связанные с определенным фрагментом действительности.

Термин «концепт» введен в научный оборот С. А. Аскольдовым в статье «Концепт и слово», опубликованной в 1928 г. С точки зрения ученого, концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [1. С. 267].

В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных обла-

стях науки о языке – в когнитивной лингвистике, психолингвистике, семантике, лингвокультурологии. В связи с этим понятие концепта, его содержание и объем, остаются объектом обсуждения. Так, Ю. С. Степанов, рассматривая концепт в культурологическом аспекте, пишет о его сложной структуре: «С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – его исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации» [7. С. 41]. Продолжая мысль о том, что концепт имеет «слоистое» строение, и разные слои являются результатом культурной жизни разных эпох, ученый дает следующее определение концепта: «концепт — это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [7. С. 42].

Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к отражаемому объекту и другие компоненты. В. И. Карасик, выделяя понятийный, образный и ценностный компоненты, подчеркивает принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, так как этот компонент является культурно значимым.

Ценностными, культурно значимыми являются идеалы сообщества, то есть идеалы, которые выходят за рамки индивидуального. Поэтому-то ценности, а следовательно, и включающие их в себя концепты, являются по сути отражением отдельных аспектов таких идеалов [4. С. 91].

В предлагаемой работе мы попытаемся описать в рамках межкультурного сопоставления и выявить особенности общечеловеческой ценности (ОЦ) концепта «родина» в русском и грузинском языковом сознании.

Концепт «родина» является одним из наиболее интересных ключевых концептов культуры, он присутствует в любой этнической культуре и является универсальным. Обшечеловеческая ценность концепта «родина» подробно исследуется в работах А. Вежбицкой, И. Сандомирской, В. Н. Телии, С. Г. Тер-Минасовой, С. Г. Воркачёва и многих других. Эти исследования показали, что «…общечеловеческая ценность РОДИНА является реляционным понятием: в его структуре обязательно должно быть наличие параметра отношения, это всегда “персональное”, “свое” (“мое”) личностное место (места), архетипически противопоставленное “чужому” месту, чужбине. И в русском, и в грузинском языках имеется несколько лексических единиц для выражения понятия *родина*. И в русском, и в грузинском языках имеется несколько лексических единиц для выражения понятия *родина*, наблюдается противопоставление “малой родины”, “личностно-своего пространства” и “большой родины”» [8. С. 78].

Материалом исследования послужили лексические единицы, относящиеся к концептуальной сфере «Родина» в русском и грузинском языках, полученные из лексикографических источников, а также данные ассоциативного эксперимента.

Для выявления сходства и различий в русском и грузинском языковом сознании остановимся на лексико-семантической характеристике лексем «*родина»* и “samshoblo” в грузинском и русском языках.

Так, в толковом словаре грузинского языка под редакцией А. Чикобава фигурируют следующие значения лексемы “samshoblo”:

1. Qvexana, mxare, sadats daibada adamiani da romlis moqalaqedats is itvleba (страна, в которой родился человек и гражданином которой состоит).

2. Visime dabadebis adgili (место рождения кого-нибудь).

3. Gadataniti. Sadats tsarmoishva, sheiqmna rame (переносное, место зарождения, происхождения чего-н.).

4. Igivea, rats mshobliuri , samshoblo mxare (то же самое, что и родной край).

5. Kutxuri (qartluri, kaxuri). Ded-mamis odjaxi gatxovili qalisatvis (диалект.: родительский дом для замужней женщины).

Аналогичное толкование данной лексемы представлено в словаре грузинского языка А. Арабули [11. С. 70].

В толковом словаре грузинского С.-Саба Орбелиани лексема “samshoblo” трактуется как dedis saxli (букв. материнский дом) [12. С. 159].

Русская лексема «родина» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля имеет три значения:

1. Родная земля, чье-то место рождения.

2. Земля, государство, где кто-то родился.

3. Город, деревня [2. С. 11].

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова приведены следующие дефиниций рассматриваемой лексемы:

1. Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит.

2. Место рождения кого-нибудь.

3. Переносное. Место зарождения, происхождения чего-нибудь.

4. Переносное. Место возникновения чего-нибудь [10].

Однако в современных толковых [3] и энциклопедических словарях [5] в слове *родина* значения «Отечество», «родная страна» отсутствуют, а даются следующие определения: 1) Место, страна, где человек родился; где впервые сложился, возник этнос. 2) Место возникновения, открытия или изобретения чего-либо. Решающим фактором «деконструкции Родины» [6], по-видимому, является утрата нацией веры в совместное «славное будущее» и отсутствие общезначимых ориентиров в вопросах морали и нравственности.

Таким образом, анализ словарных дефиниций показал, что в содержательной структуре концепта «родина/ samshoblo» выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценностность для носителей русской и грузинской культуры.

1. Родина – родная страна (земля). Samshoblo mxare

2. Родина – край отцов (место, где человек родился, где живут его родные и близкие). Ded-mamis odjaxi.

3. Родина как место возникновения чего-либо: колыбель. Sadats tsarmoishva, sheiqmna rame .

4. Родина – страна чьего-либо рождения или чьих-либо предков. Visime dabadebis adgili .

5. Родина, Отечество – страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит. Qvexana, mxare, sadats daibada adamiani da romlis moqalaqedats is itvleba

6. Отечество, отчизна – слова торжественной, возвышенной речи.

Часть приведённых грузинским толковым словарем семем совпадает с русским вариантом, однако в грузинском языке, по данным словарей, отсутствуют слова для торжественной, возвышенной речи, которые в русском языке передаются наименованиями Отечество, отчизна.

Важным источником данных для межъязыковых сопоставительных исследований является ассоциативный эксперимент, который дает возможность «…выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [9. С. 100].

Нами был проведен ассоциативный эксперимент с носителями русского языка в возрасте от 18 до 25 лет (15 человек) и носителями грузинского языка в возрасте от 18 до 25 лет (20 человек). проживающих на территории Грузии. Ассоциативный эксперимент проводился в свободной форме, то есть испытуемые должны были как можно быстрее отвечать письменно на стимул первым пришедшим в голову словом. Всего от представителей исследуемых социумов было получено 216 реакций на слово-стимул *родина*: из них 106 реакций от грузинских респондентов, 110 – от русских .

Рассмотрим реакции, полученные от грузиноязычных респодентов. При анализе всей совокупности ассоциативных реакций, полученных на стимул *samshoblo* у грузиноязычных респондентов, необходимо отметить, что среди ответов наиболее часто встречающейся реакцией является adgili, sadats adamiani daibada da gaizarda «место, где родился и вырос человек» (12 реакции). Далее лидируют такие реакции, как: sixvaruli «любовь» (11 реакции); patriotizmi «патриотизм» (10 реакций); saxli «дом» (9 реакций); siamake «гордость» (8 реакций); sakvareli «любимая» (8 реакций); saqartvelo «Грузия» (7 реакций); deda «мать» (7 реакций); ertguleba «преданность» (6 реакций); sitbo «тепло» (6 реакций); mamuli «отечество» (6 реакций). xvelaperi «все» (4 реакций); xvelastvis ertia «у всех одна» (4 реакций); tavisupali «свободная» (4 реакций);

Анализ ответов русскоязычных респодентов выявил, что родина в русском языковом сознании – родная сторона (13 реакций); мать (12 реакций); любовь (11 реакций); любимая (11 реакций), патриотизм (11 реакций); это родной дом (9 реакций); место рождения (9 реакций); гордость (7 реакций); у всех одна (7 реакций); Грузия (5 реакций); гарантия безопасности (5 реакций); большая (4 реакции); красивая (3 реакции); это богатство (3 реакции), преданность (3 реакции).

Среди единичных реакций на слово-стимул родина/ samshoblo *у* русскоязычных и грузиноязычных испытуемых можно отметить такие: silamaze «красота»; *qalaqi «*город»; sopeli «деревня»; simdidre «богатство»; datsva «защита»; tkivili «боль»; pesvebi «корни».

Итак, анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил выявить сходства и различия в отражении концепта «родина» в

языковом сознании представителей исследуемых социумов, проживающих в Грузии. Общими для всех исследуемых народов являются следующие когнитивные признаки рассматриваемого концепта: «родная сторона», «родной дом», «чувства», «Грузия», «мать», «место рождения».

Отличительными признаками для грузинского языкового сознания являются признаки: «корни», «это тепло», «это боль».

Таким образом, проанализировав концепт «родина/ samshoblo» в русском и грузинском языковом сознании и обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Концепт «родина/ samshoblo» представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант, составляющих русскую и грузинскую национальные картины мира.

2. Проведенное исследование свидетельствует о достаточной семантической близости слов родина и samshoblo в русском и грузинском языках, что, в частности, подтверждает статус концепта «родина» как общечеловеческой ценности.

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность : антология / под ред. В. Н. Нерознака. М., 1997. С. 267–280.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М., 1998.

3. Ефремова, Т. А. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2006.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

5. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 2001.

6. Сандомирская, И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.,1997. 824 с.

8. Телия, В. Н. Наименование РОДИНА как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация : материалы круглого стола, посвящ. юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. М., 1997.

9. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента // Русское слово в русском мире : сб. ст. М., 2004.

10. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ushakovdictionary.ru

11. Arabuli, A. Qartuli enis ganmartebiti lexsikoni. T. 1. Tb., 2007. 750 gv.

12. Orbeliani, S-S. Qartuli enis ganmarTebiti lexsikoni. T. 1. 1966. 900 gv.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 220–224.

Ю. А. Южакова

ЯВЛЕНИЕ ТОЖДЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается содержание понятия «тождество», одной из несомненных и обязательных логических категорий, семантическое поле «тождество», использование термина в лингвистической литературе и основания выделения категории тождества в русском языке.

Ключевые слова: *тождество, идентичность, лингвистическая категория, синтаксические конструкции, «знаки» тождества*.

Понятие «тождество» относится к числу фундаментальных концептов мысли и языка. Именно тождество и различие определяет саму «картину мира», делит его на «сущности» [10. С. 12]. Тождество используется в качестве основного понятия философии, логики и математики, поэтому к нему относятся все трудности, связанные с выяснением и определением исходных (фундаментальных) понятий науки.

Тождество обычно представляется как «А (есть) то же, что и Б» или «А тождественно Б». Но и такое, казалось бы, бесспорное тол-

кование сформировалось не сразу. В истории философского учения были сторонники классической теории (Дж. Перри, Дж. Нельсон), которые признавали только абсолютное тождество, и приверженцы релятивистской теорией (П. Гич), которые сводили все тождества к относительным: «А есть то же по свойству Б, что и А», принимая как постулат то, что два предмета могут совпадать по отношению к одному свойству и различаться по отношению к другому, и признавая таким образом существование параметра отождествления. Вопрос о содержании тождества, то есть о том, что может быть отождествлено, также оказался сложным и дискуссионным. Классическая философская теория тождества базируется на утверждении о том, что все тождественно самому себе, ничто не является тождественным чему-либо еще, кроме самого себя (Д. Льюис). Таким образом, только объект А может быть абсолютно тождествен А, то есть самому себе. А как же тогда объект Б, наделенный такими же свойствами? И имеет ли в этом случае смысл сама операция сравнения? Кроме того, возникают проблемы преемственности (можно ли говорить о неизменности или тождественности, несмотря на произошедшие изменения), признания тождественным самому себе объекта с разными наименованиями. Разрушает замкнутый круг сформулированное Лейбницем философское определение тождества как равенство, одинаковость предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов [6. С. 247]. На этом основании можно говорить о различных видах тождества – равенство предмета самому себе и идентичность двух предметов – и разной степени тождества – абсолютное (полное) и относительное (частичное).

Толкование значения слова «тождество» в русской лексикографии не представляется однозначным. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова тождество определяется как «такое состояние, когда два или несколько сравниваемых предметов, явлений представляют собой то же самое, вполне совпадают, являются совершенно одинаковыми» [7. С. 724]. Таким образом, можно полагать, что утверждение о тождественности является результатом логической операции сравнения. Задачей сравнения сопоставимых объектов является установление как тождества, так и различия. Если представить шкалу сравнения, то на одном ее конце будет «различие», то есть абсолютное несоответствие предметов, а на другом – «тождество» в абсолютной его форме. Промежуточными на данной шкале будут «сходство», «подобие» и другие смежные понятия. Опасность подмены тождества сходством или подобием спровоцирована толкованиями понятия «тождественный», которое насколько различается в разных источниках. Это и «идентичный», «такой же, подобный», «равный, одинаковый». Г. **Д. Фи**гуровская отмечала: «Понятия тождества, отождествления, так же как и отношения сходства и различия, являются одними из центральных в языке, так как порождаются универсальным способом логического мышления и познания мира – сравнением, – или, если это способ детализировать, такими мыслительными операциями, как отождествление, сравнение, сопоставление; они образуют чрезвычайно развитую и разнообразную в своем функционировании языковую категорию» [8. С. 217]. Возникает необходимость разграничения смежных понятий.

Тождество следует отличать от сходства, подобия и единства. Сходными мы называем предметы, обладающие одним или несколькими общими свойствами; чем больше у предметов общих свойств, тем ближе их сходство подходит к тождеству. Два предмета считаются тождественными, если их качества совершенно сходны.

Понятие «тождество» часто трактуется как «подобие». Концепт «подобие» промежуточный, «средний» между сходством и одинаковостью. Отождествление в сознании говорящего связано со сближением существенных признаков сопоставляемых объектов вплоть до их полного совпадения. Полное совпадение и воспринимается как тождество, неполное совпадение – как подобие или сходство.

Вслед за Н. Д. Арутюновой сформулируем основные отличия тождества от сходства:

1) тождество, в отличие от сходства, объективно;

2) тождество константно, то есть не зависит от течения времени;

3) «сходство градуировано, тождество нет. Можно говорить о степени сходства (мало похож, очень похож), но не о степени тождества» [1. С. 288];

4) тождество возможно установить только для одного и того же индивида или в пределах одного класса; предметы, относящиеся к разным классам не могут быть тождественны;

5) тождество лишено образности, так как сопоставление происходит в пределах одного класса;

6) конструкции тождества обратимы в отличие от конструкций подобия;

7) предикаты тождества не имеют распространителей, так как неуместно указание на то, в чем равны предметы или объект идентичен самому себе;

8) тождество и подобие имеют различные показатели. Арсенал специальных средств тождества включает *тот же, тот же самый, именно тот, это, то же самое, одно и то же.* Актуализаторами подобия являются *как, наподобие, почти, совсем.*

Не только близкие понятия, но и различные виды тождества (А=А) и (А=Б) требуют разграничения терминологии, причем в двух направлениях: разведение процесса и результата (отождествление и тождество) и разного нахождения в семантическом поле тождества.

Семантическое поле «тождество» обширно и многообразно, в центре его два ядра: **значение тождества предмета самому себе** и **значение идентичности различных предметов**. Первое значение ближе к абсолютному тождеству и имеет следующие семантические варианты: отождествление различных наименований одного объекта (*Бегемот то же, что и гиппопотам)*; неизменность (*И на третий день было то же, и доктора сказали, что есть надежда* (Л. Н. Толстой); единственность, избранность, отсутствие вариантов (*Кто, если не я*). Чуть дальше от центра значения квалификации лица или предмета (*Для Константина* ***народ*** *был только* ***главный участник в общем труде*** (Л. Н. Толстой); утверждение о принадлежности к определенному общепонятийному классу (*Дворяне те же чиновники* (И. С. Тургенев); значение повторяемости (*Что певалось дедами, то поется внуками* (С. Есенин). На периферии данного значения оценка, характеризация через наделение определенными свойствами, признаками, констатация этих свойств (*Она была* ***улыбка,*** *озарявшая все вокруг* (Л. Н. Толстой); констатация цели, задачи, мотива, условия, результата (*Но в этом-то и* ***цель*** *образования –* ***изо всего сделать наслаждение*** (Л. Н. Толстой); характеристика лица по осуществляемой деятельности, ее возможности или отношению к действию (*Отец – вот кто работает день и ночь*).

Второе значение – идентичности различных предметов – ближе к относительному тождеству, так как в основе процесса сравнения лежит выделение параметра, по которому сопоставляемые объекты могут быть признаны тождественными. Основными вариантами значения являются: тождество действий, производимых одним лицом (*Так же краснел и вздрагивал я, считая все погибшим, когда получил единицу за физику и остался на втором курсе; так же считал себя погибшим после того, как испортил порученное мне дело сестры* (Л. Н. Толстой); тождество действий двух и более лиц (*Вронский встал. Камеровский поднялся тоже* (Л. Н. Толстой); тождество субъектов действия (*И сын, так же как и муж, произвел в Анне чувство, похожее на разочарованье* (Л. Н. Толстой); несколько отстают от центра семантические варианты с менее значимым параметром сравнения: тождество косвенных объектов, на которые одинаково распространяется или не распространяется действие одного лица (*Все, что постигнет ее и сына, к которому, точно так же как и к ней, переменились его чувства, – перестало занимать его* (Л. Н. Толстой); тождество мыслительных, интеллектуальных операций двух и более лиц (*Он сам думал о фигуре Пилата то же, что сказал Голенищев* (Л. Н. Толстой); тождество эмоций, чувств (*Ну, так доволен своим днем. И я тоже* (А. И. Куприн); тождество обстоятельств, в которых совершается действие (*Священник посмотрел усталым и грустным взглядом на жениха и невесту, вздохнул и, выпростав из-под ризы правую руку, благословил ею жениха и* ***так же****, но с оттенком осторожной нежности, наложил сложенные персты на склоненную голову Кити* (Л. Н. Толстой); тождество признаков (*Она взглянула на меня* ***тем же*** *несколько* ***холодным открытым взглядом****, который был у ее сына* (И. С. Тургенев). Периферическими следует считать значение одновременности действий одного лица (*Но вдруг в одно и то же время он почувствовал себя виноватым и пожалел ее* (Л. Н. Толстой), а также близкое к сходству по причине наличия образности значение единения, максимальной близости, взаимообусловленности (***Природа****, и* ***луна****, и* ***я****, мы были* ***одно и то же*** (Л. Н. Толстой).

Понятие «тождества» неоднократно отмечалось в работах по лингвистике. В специальных исследованиях оно чаще всего связано с идентичностью форм выражения различных языковых явлений, поэтому говорят о тождестве фонем, морфем, лексем, предложений. В большинстве случаев тождественными, то есть равными, одинаковыми, языковые единицы бывают по одному дифференциальному

признаку: категориальной принадлежности, грамматическому или лексическому значению, составу структурных компонентов, выполняемой функции. Ученые обращаются к понятию «тождества» как необходимому для объяснения лингвистических явлений и отношений между ними.

Об отношениях подобия, тождества, идентичности фонем писал В. В. Химик, рассматривая тождество как соотнесение однопорядковых элементов на основе полного или частичного их сходства. «Таковы связи нескольких фонов, реализующихся в одной фонеме (ср. [г], [г’], [к], [ж], [з’] и встречающиеся в пределах вариантов одной корневой морфемы *друг*)» [9. С. 114]. В отношениях подобия, по его мнению, находятся флексии/ суффиксы глагольных форм инфинитива (ср. *-ть, -ти, -чь, -сти*).

Тождество лексических единиц обычно констатируется на уровне синонимов (*зрелище* и *шоу*). О синтаксической синонимии пишет Г. А. Золотова: «Свой круг в схеме синтаксического поля занимают синтаксические синонимы», например: *На улице холодно – Похолодало – Наступили холода – Стоит холодная погода*. «Синонимическая близость синтаксических моделей в каждом ряду отвечает критерию одноименного, но разнооформленного состава компонентов» [4. С. 40]. В качестве варианта синтаксического тождества рассматривается «кореференция – различное обозначение объекта, появляющееся при его повторной номинации или переименовании одного и того же текстового референта» [9. С. 128]. Все эти термины, хотя и недостаточно распространенные, называют и объясняют существующие на всех языковых уровнях явления.

Языковая **категория тождества** реализуется в особых конструкциях, в которых совмещается функциональное, структурное и семантическое тождество. Конструкции тождества активно используются в речи, но являются недостаточно описанными. Таким образом, возникает необходимость выделения и изучения языковой категории, включающей все названные стороны.

Категориальное значение тождества получило толкование в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Функциональная общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, объединенность этой принадлежностью разных конкретных воспроизведений инварианта» [2. С. 476]. Термин «Категория тождества» находим у П. А. Леканта в статье «К вопросу о категории тождества в русском языке» [5. С. 5].

В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, П. А. Лекант обращались к категориальной семантике тождества при анализе языковых процессов. Современная наука требует не только объяснения содержания термина, но и пристального изучения явлений, его наполняющих, их взаимоотношений и взаимопроникновений, семантических и структурных особенностей, способов реализации и актуализации.

Впервые на категориальное значение тождества указал В. В. Виноградов в труде «Русский язык (грамматическое учение о слове)». Это значение было отмечено у частицы *же* в ряду других: «К указательным частицам, по-видимому, примыкает постпозитивная отождествительная частица *же* в таких сочетаниях, как *тот же, туда же, там же, тогда же* и т. п. Она соединяется с местоименными словами по методу агглютинации» [3. С. 668]. А. А. Шахматов ввел термин «предложения тождества» для характеристики двусоставных несогласованных предложений типа *Нестор – отец русской истории* [11. С. 150]. Если совмещаются концепты одного рода и «объема» (в функциональном и/ или логическом смысле), то предложение принимается как выражающее тождество [см. подробнее: 10. С. 9].

В таких конструкциях тождество содержательной стороны (отождествление двух представлений) сочетается с формой тождества, допускающей обратимость компонентов, например *Мещера – остаток лесного океана* (К. Паустовский). Конструкции тождества, по мнению Г. Д. Фигуровской, это «синтаксические единицы, в которых теми или иными синтаксическими средствами выражается референтное тождество, то есть отнесенность двух компонентов конструкции к одному и тому же реальному лицу, предмету, явлению, действию, событию, ситуации и соотнесенность (корреляция) данных компонентов в одном плане» [8. С. 220].

Конструкции тождества в русском языке отмечаются на всех уровнях. Это словосочетание, однородные члены простого предложения, осложняющие простое предложение конструкции, псевдосложное предложение, сложносочиненное и сложноподчиненное предложение, сложное синтаксическое целое. Для актуализации тождества используются специальные показатели. Изучение и описание конструкций

тождества, их структурно-семантических особенностей является предметом специального исследования.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 476.

3. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947. 668 с.

4. Золотова, Г. А. Некоторые вопросы синтаксической синонимии // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия : межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. П. А. Леканта. М., 2002. С. 39–44

5.Лекант, П. А. К вопросу о категории тождества в русском языке // Средства номинации и предикации в русском языке : межвуз. сб. науч. тр. М., 2001. С. 3–7.

6. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина : в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 247.

7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М., 2000. Т. 4. С. 724.

8. Фигуровская, Г. Д. Семантико-синтаксические отношения в конструкциях тождества (проблема разграничения смежных отношений) // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия : межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. П. А. Леканта. М., 2002. С. 217–223.

9. Химик, В. В. Отношение как гиперкатегория лингвистики // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия : межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. П. А. Леканта. М., 2002. С. 111–116.

10. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1993. 42 с.

11. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка : 3-е изд. М., 2001. С. 150.

Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 224–229.

В. А. Ермакова

«ДРУГОЙ» КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СЕМИОТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ (на материале русских и английских паремий)

Семиотика человеческого поведения предполагает существование «другого» как необходимое условие идентификации личности и формирования самосознания. Благодаря существованию «другого» человек способен формировать суждение о себе как о субъекте и объекте одновременно. «Другой» одновременно выступает посредником в отношениях личности с собой и наблюдателем её мыслей и ощущений.

Ключевые слова: *концепт «друг», другое, оппозиция «свой-чужой», персонифицированность, безличность, языковая картина мира.*

Языковая картина мира многоцентрирована, её зеркальность выражена в наличии разных центров, каждый их которых окружен областью «своего»; «человек существует, осмысляя свою жизнь и сравнивая её с жизнью окружающих людей, со своей собственной жизнью в другие отрезки времени» [6. С. 21].

Опираясь на представление о собственном мире, о своей жизни, человек воспринимает жизнь другого зеркально отраженной, с теми искажениями, которые обусловлены различиями в укладе, быте и т. д. Оппозиция «свой–чужой» выполняет в этом отношении организующую функцию: она сглаживает «неровности» индивидуального, давая право каждому на обладание «своим». Поскольку семантика «своего» подразумевает личное начало и существует некоторое «я» как своего рода центр мира в аспекте оппозиции «свой–чужой», которое «очерчивает область «своего» и выводит не-

которые фрагменты в область «чужого» – «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (…) культуры, другого, чужого мира» [9. С. 15]. И, соответственно, организуется особая последовательность компонентов: если «свое» выстраивается по отношению к «я», то «чужое» выстраивается по отношению к «своему».

Относительно центра «я» выстраивается градация местоимений - иерархия перехода от «своего» к «чужому» в русских паремиях. По отношению к «я» другое лицо выступает как все более отодвигающееся от центра «своего» и приближающееся к «чужому».

Каждый квадрат включает определенное лицо, для которого указана форма притяжательного местоимения, которое очерчивает сферу «своего». Линии между квадратами обозначают границы перехода к чужому. Сфера «безличность» здесь выражает сферу «чужесть». Стрелки показывают схему взаимодействия «своего» и «чужого» в лингвокогнитивном сознании человека.

Русский паремический образ «я» - это образ, обладающий знанием о жизни, определенной житейской мудростью. Русские паремии содержат информацию об объектах, характеризующих область «своего» или «чужого» по отношению к некоторому субъекту оппозиции. Субъектный фактор и особенности его реализации обуславливают разнообразие проявлений оппозиции в виде личных и притяжательных местоимений в русских паремиях.

Первый квадрат описывает сферу, включаемую субъектом в «свое». Отношения внутри квадрата не могут быть оппозитивными, поскольку «я» приравнивается «мы», растворяется в нем, соотносится с ним как часть и целое. Микросфера «своего» индивидуального «я» сливается с макросферой «своего» коллективного «мы». Оппозиция «свой–чужой» возникает на базе осознания своего собственного «я» человека, но существует как закрепленная за определенным локусом, людьми, событиями и т. д. областью, где человек ощущает себя определенным центром.

Второй квадрат представляет оппозицию по отношению к «я/мы», поскольку существует граница между этими мирами: мир «ты/вы» воспринимается с определенной долей отчуждения, становится чужим по отношению к миру «я/мы». Здесь на уровне внутренней формы можно выделить следующие местоимения, представляющие оппозицию «свой-чужой» в русских паремиях: «я–ты» ср.: ***Ты*** *бай на свой пай, а* ***я*** *рискну на свою половину;* «мы–ты» ср.: ***Ты*** *кума про себя умна, а* ***мы*** *кумились, с умом не простились;* «мы-вы» ср.: ***Вы*** *топись, а* ***мы*** *к берегу гребись (за колышки держись);* «моё–твоё» ср.: *На* ***мой*** *счет, на* ***твои*** *деньги;* «мне-тебе» ср.: ***Тебе*** *смешно, а* ***мне*** *к сердцу дошло.*

Референтное пространство местоимения «наш» - шире, чем «свой», поскольку предполагает не единичного (отдельного, а коллективного посессора) или коллективного субъекта «мы», ср.: «наш–ваш» - *Параша то* ***ваша****, да рубашка то на ней* ***наша****;* «нам–вам», ср.: ***Вам*** *гнило, а* ***нам*** *мило.*

«Свой» в сравнении с «наш» имеет меньшее референтное пространство, ср.: ***Своя*** *рубашка ближе к телу; Своя хата, свой уголок.* «Своя» в данном случае относит предмет к узкой пространственной сфере субъекта, а объект, определяемый как «наш» соотносится с большим пространством.

Третий квадрат еще более противопоставлен сфере «своего» и еще более приближает к сфере «чужого». Особенного внимания заслуживает оппозиция, «мы–они», где «они» номинирует фрагмент «чужого мира», ср.: ***Мы*** *узнаем обо всем последними, а* ***они*** *первыми;* ***Наш*** *грех больше всех, а у* ***них*** *и греха нет.*

В английских паремиях, также как и в русских, семантика «своего» подразумевает личное начало, существует некоторое «я» как своего рода центр мира в аспекте оппозиции «свой–чужой», которое «очерчивает область «своего» и выводит некоторые фрагменты в область «чужого». Соответственно выстраивается определенная градация перехода от «своего» к «чужому», где другое лицо все более отодвигается от центра «своего» и приближающееся к «чужому».

Каждый квадрат включает определенное лицо, для которого указана форма местоимения, которое очерчивает сферу «своего». Линии между квадратами обозначают границы перехода к чужому. Стрелки показывают схему взаимодействия «своего» и «чужого» в лингвокогнитивном сознании человека. Исходя из этого, в паремиях были выделены следующие оппозиции: «I -you» ср.: ***I*** *had rather my cake burn than* ***you*** *should turn it;* ***I*** *taught* ***you*** *to swim, and now you'd drown me;* ***You*** *and* ***I*** *draw both*

in the same yoke; ***You*** *keep Easter, when* ***I*** *keep Lent;* «self» ср.: ***Self*** *is a bad counselor;* ***Self****-love is a mote in every man's eye;* «my» ср.: ***My*** *cat is a good mouse-hunt;* ***My*** *house is my castle;* ***My*** *mind to me a kingdom is.*

В английском паремическом корпусе встречаются устаревшие местоимения *thy (твой), thee (ты),* которые легко распознаются современными носителями языка, и входят в следующие оппозиции: «me–thee» ср.: *Claw* ***me*** *and I will claw* ***thee****; Bear with me and I'll bear with* ***thee****, Nab* ***me;*** *I'll nab* ***thee****;* «my–thy» ср.: *Blow* ***thy*** *own pottage and not mine.*

Содержание третьего квадрата еще более противопоставлено сфере «своего» и находятся очень близко к сфере «чужого»: «they» ср.: ***They*** *are wise in other men's matters, and fools in their own,* ***They*** *say is half a lie,* ***They*** *who dance are thought mad by those who hear not the music.*

Компоненты сферы «чужого», воспринимающейся, прежде всего, как безличное пространство, представлены в русских паремиях лексемами «другой», «люди», «свет», «мир», поскольку в своих значениях они содержат сведения о безличности, однородности, серости «чужого мира», который говорящий исключил из мира «своего» (*все другие, кроме меня*), что находит подтверждение в словарях [5; 8].

Семиотика человеческого поведения предполагает существование «другого». В теории Сартра «другой» является необходимым условием семиотизации личности и регулятором, организующим её опыт и поведение: «Появление «другого» в моем опыте обнаруживается в таких формах как мимика и средства выражения, действие и поведение. Все они отсылают к некоторой организующей сущности» [10. С. 95].

Во многих паремиях можно заметить одну семантическую странность: они преподносятся автором речи «я» как слова «другого» (поскольку сам маркер «я» отсутствует), однако маловероятно, что они были сказаны другим, например, «я-другой(-ие)» ср.: *Что мне до* ***других****, был бы* ***я*** *жив (сыт);* ***Я*** *так я, а не кто* ***другой****; а не я, так и бог с тобой; Не смотри, чтоб других сталось, а смотри, чтоб другим досталось; Плохо не клади, другого в грех не вводи; Не делай зла другим, чтобы не получить в ответ.*

С. Л. Сахно утверждает, что говорящий в таких случаях оказывается как бы раздвоенным: он выступает как «я», противопоставленное другому, и одновременно как «другой» с точки зрения «другого», т.е. как «не другой» [2. С. 96].

Существенным аспектом понятия «другого» является различение «своего» и «чужого». Личности образуют значимые миры, сосуществующие друг с другом и способные входить между собой в семиотические отношения, но не способные входить друг в друга. «Не только я нахожусь вне другого, но и мой мир лежит целиком вне его мира: мы два взаимных «вне», и поэтому мы радикально друг другу чужие» [10. С. 101]. Благодаря «другому», в частности, у человека возникает чувство стыда, необходимо предполагающее присутствие свидетеля [10. С. 97].

Мы чужие и мы чужды друг другу. Само существование «другого» нас мобилизует: «другой» таит опасность. Как сказал Ф. Ницше, «нам так хорошо в мире природы, потому, что у нее нет о нас мнения». «Другой» может таить опасность. Достоевский писал: «Есть первый человек, и есть второй человек, первый человек сделает, а второй возьмет» («Подросток»). «Я» становится собой лишь через отношение к «ты».

Исходя из этого, можно объяснить наличие следующих оппозитивных концептов близких к концептам, составляющим оппозицию «свой-чужой», в русских паремиях: «один–другой» ср.: *Что полезно* ***одному****, то* ***другому*** *вредно;* ***Один другому*** *не указ;* ***Один*** *кашу варит,* ***другой*** *ест.* «ты–другой» *Что у* ***тебя*** *болит, то у* ***другого*** *не свербит; Чтобы уважали* ***тебя****, уважай* ***других****.*

Лексемы «люди» и «свет», не смотря на некоторые расхождения в словарных толкованиях, в паремиях предстают семантически равнозначными: «наш-людской» ср.: ***Людские*** *заимодавцы – как свечки гаснут, а на* ***наших*** *и смерти нет;* ***На людей*** *глядя, не вырастешь;* ***Люди*** *как захотят, а* ***мы*** *как позволим;* «люди» ср.: *Научат добрые* ***люди*** *решетом воду носить; Живу как живется, а не как* ***люди*** *хотят; Каков есть, такого и в* ***люди*** *несть;* ***Люди*** *как захотят, а мы как позволим;* «я-свет» ср.: *Мне хоть весь* ***свет*** *гори, только бы* ***я*** *жив был.*

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает лексема «мир», которая, не смотря на ее тесную связь с концептуальной оппозицией «свой–чужой», сочетает в себе различные, противоречащие друг другу признаки.

С точки зрения семантики, в современном русском языке – два слова *мир*, считающихся омонимами: 1) *мир* – вселенная, система мироздания как целое; 2) *мир* – согласные отно-

шения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры. Кроме значений их разделение основывается на грамматике (первое из них имеет мн. ч. – *миры*, а у второго мн. ч. нет). Степанов указывает на то, что первичным фактом является совмещение двух значений в одном слове. «Особая черта русской культуры, - отмечает ученый, - в том, что она в определенной мере сохраняет это совмещение, сменившееся в других европейских культурах более резким разделением». «Мир» в древнейших представлениях индоевропейцев – это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы», место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, где наши законы не признаются, где может не быть законов вообще, где нам страшно. Таким образом, ядром соединения двух рядов представлений – «Вселенная, внешний мир» и «Согласие между людьми, мирная жизнь» является концепт «свои» в противопоставлении «чужому».

В старом русском написании *Мір* - своеобразная, нигде в Европе не встречающаяся ячейка общественного уклада сельской жизни. По происхождению *мир* связан с городом-селом, с двумя различными процессами в нем – 1) внутренним преобразованием этой ячейки земледелия и землевладения (причем этот процесс, по Ключевскому, был, вероятно, двойственным: с одной стороны, расширением привычного двора-рода, его распадением на несколько связанных родовыми отношениями дворов-родов, 2) внешним установлением отношений между этой ячейкой и высшими над ней в иерархическом положении органами и учреждениями власти, вплоть до государства).

После Указа об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года и вплоть до революции *мир* в русском языке означал два существенно различных понятия: 1) сельскую общину, как единицу хозяйственную и юридическое лицо, стоящее на почве гражданского права, 2) сельское общество как низшую административную единицу, стоящую на почве публичного права.

Миром назывались иногда и волостное общество крестьян и поэтому мирскими приговорами именовались и решения сельского схода крестьян.

Следовательно, противоречивость лексемы *мир* в паремиях можно объяснить наличием большого количества значений, существовавших в разное историческое время, но придавших своеобразные оттенки данному слову.

«Мир» ср.: *На весь **мир** мягко не постелешь; Старица Софья о всем **мире** сохнет, никто об ней не вздохнет; На **миру** и смерть красна; С **миром** и беда не убыток.*

Компоненты сферы «чужого», воспринимающейся, прежде всего, как безличное пространство, представлены в английских паремиях лексемами «people», «world», которые отражают сферу «безличность», поскольку в своих значениях содержат сведения об однородности, серости мира, который говорящий исключил из мира «своего», но в отличие от русских, они нейтральны в своей оценке этой сферы, ср.: *True lovers are shy, when **people** are by; It takes all sorts to make the **world**; Half the **world** knows how the other half lives; He that has lost his credit is dead to the **world**.*

Примечательно, что в некоторых английских паремиях, субъект оппозиции может быть представлен как участник сферы «безличность», входить в эту сферу, ср.: *Like priest, like **people**; The voice of the **people**; the voice of God,* сюда также могут входить его близкие люди, семья как сфера «своего», ср.: *In wiving and thriving a man should take counsel of all the **world**.*

Если обратиться к этимологии «другого», то можно проследить, что семантическое развитие корня *друг* шло по двум параллельным направлениям. Первое – от обозначения прочного человеческого союза к обозначению участников деиндивидуализованных, отвлеченных от личности отношений: значение «свита, отряд» – «товарищ, спутник» (член отряда) – «следующий» (идущий за кем-то) – «второй» (следующий по соседству): словен. drug «другой, второй», болг. друк «другой, второй» и т. д. – «другой»: македониц друг «другой, иной», полаб. draug «другой», др.-рус. другъ «другой» и т. д. Этимология здесь подтверждает философские представления о первичности человеческой общности перед познающим сознанием [3. С. 48]: «другой», как и «друг», происходит из совокупности «общественных» значений исходного корня *dhreugh и несет в себе следы первоначальной семантики. Таким образом, в русской культуре парная дружба вычленяется из комплекса межличностных связей (друзья – собирательная форма, предполагавшая приоритет коллектива), во-первых, как вторичная по отношению ко всему комплексу, а во-вторых, как принципиально двусубъектная,

без деления на познающее сознание (я) и познаваемый объект (другой). Этимологическое родство «другости» и «дружбы» обеспечивает замкнутость цикла общения: всякий другой на бессознательном уровне воспринимается как потенциальный друг [1. С. 48]. Этический идеал человеческих взаимоотношений – априорно дружеское отношение к любому незнакомому человеку (Неизвестный друг – тоже друг. Лессинг) – оказывается глубоко укорененным в языковом сознании рядового носителя русского языка. Сфера «другость», исторически являвшаяся центральной в структуре концепта дружба – значения дружба «вереница» [4. С. 1]; друг «ближний, другой человек», основное до XIX в.: *Над* ***другом*** *посмеялся, над* ***собою*** *поплачешь* [4. С. 1], – постепенно уходит на периферию [1. С. 56].

Оба направления семантического развития корня *друг* отражаются в паремиях, четко разбиваясь на противоположные значения, где «настоящая верная, преданная, проверенная дружба» представляет сферу «своего», а второе «другость, другой человек» представляет сферу «чужого», это объясняет подозрительное настороженное отношение к «другу», часто встречающееся в паремиях, ср.: *В* ***друге*** *стрела как во пне, а во* ***мне*** *как в сердце; Будь* ***друг*** *да не вдруг,* ***Друг*** *до поры – тот же* ***недруг****;* ***Друг*** *до поры – хуже* ***недруга****;* ***Друга*** *на деньги не купишь;* ***Другу*** *сноровить –* ***себе*** *досадить;* ***Дружба*** *дружбе рознь, а иную хоть брось;* ***Дружба*** *от* ***недружбы*** *близко живет.* Другом может стать только проверенный человек, готовый всегда помочь, бескорыстный и надежный. Истинная дружба приравнивается к кровному родству или ставится выше него, ср.: *Нет такого* ***дружка****, как* ***родная матушка****; Хороший* ***друг,*** *лучше ста* ***родственников****.* Такое в жизни встречается редко, такую дружбу нужно беречь, поддерживать. ср.: ***Дружба*** *дороже денег;* ***Друга*** *узнать – пуд соли съесть; Не узнавай* ***друга*** *в три дня, узнавай в 3 года;* ***Друзья*** *прямые – братья родные;* ***Дружбу*** *водить, так себя не щадить;* ***Друга*** *ищи, а найдешь – береги;* ***Друг*** *и брат – великое дело: не скоро добудешь.* Но друг может оказаться ложным, моментально перейти в разряд врагов – об этом предупреждают паремии. ср.: ***Друг*** *он мой, а ум у него свой;* ***Друг*** *неиспытанный, что орех не расколотый;* ***Друг другу*** *терем ставит, а* ***недруг недругу*** *гроб ладит; И всяк тебе* ***друг****, да не вдруг; Изжил нужду, забыл и* ***дружбу****; Много* ***друзей****, коли денежки есть* и др.

По данным этимологии, «враг» (от исконно русского слова «ворог») первоначально был связан по происхождению и смыслу с понятием «дьявол» и «неприязнь, вражда, враждебность». В своем устаревшем значении «враг» до сих пор используется как синоним слову «черт» в разговорной речи [1. С. 233].

В английских паремиях, также как и в русских, дружба вычленяется из комплекса межличностных связей. Но при этом прослеживаются некоторые расхождения между русской и общеевропейской моделями дружбы. Базой возникновения дружеских отношений, по данным европейских языков, являются: а) общие интересы: *Дружба основывается на сходстве характеров и интересов в общем совместном деле* (Гегель); б) сходство убеждений, вкусов, мнений: *Дружба – это единодушие относительно прекрасного и справедливого* (Платон), т.е. внутренние особенности индивидов, а не внешние обстоятельства их встречи. Хотя согласно психологическим исследованиям реальная дружба основывается на общности внешних факторов: социальной и территориальной близости субъектов, длительности контактов [7. С. 127].

В английских паремиях встречаются несколько лексем, обозначающих дружеские, приятельские отношения «friend», «companion», «fellow», но не все они входят в сферу «своего», что находит подтверждение в толковых словарях [12].

Лексема «friend» используется для обозначения хорошо знакомого человека (но не родственника), которому можно доверять, «companion» обозначает попутчика или человека с близкими интересами, чье общество приятно, лексема «fellow» обозначает похожего на кого-либо человека, обычно мужского рода. Итак, из всех вышеперечисленных лексем, только «friend» и образованная от него производная «friendship» с ключевой семантикой «настоящая, преданная дружба» представляют сферу «своего» в английских паремиях, ср.: *A* ***friend*** *in need is a* ***friend*** *indeed; A* ***friend*** *is never known till a man has need; A* ***friend*** *is not so soon gotten as lost; A good* ***friend*** *never offends; A near* ***friend*** *is better than a far dwelling kinsman; Among* ***friends*** *all things are common;* а «фальшивая дружба», а также «другость, другой человек» представляют сферу «чужого», ср.: *A broken* ***friendship*** *may be soldered but will never be sound; A courageous foe is better that a cowardly* ***friend****; A* ***friend*** *in court is better than a penny in*

*a purse; A **friend** to all is a friend to none; A penny in the purse is better than a **friend** in Court; All are not **friends** that speak us fair; An empty purse frights away **friends**.*

Другом может стать только проверенный человек, готовый всегда помочь, бескорыстный, надежный. Истинная дружба приравнивается к кровному родству или ставится выше него, ср.: *A good **friend** is my nearest relation.*

Близкие к этой семантической группе лексические единицы «companion» «fellow», ассоциируется просто с другими людьми, и в зависимости от качества опыта, полученного от общения с ними, им приписываются либо отрицательные, либо положительные качества, но, как правило, в английских паремиях демонстрируется очень подозрительное отношение к «companion» и «fellow» ср.: *A man knows his **companion** in a long journey and a little inn; A style toward and a wife forward are uneasy **companions**; He is an ill **companion** that has a good memory; It is good to have **companions** in miser; Penny in pocket is a good **companion**; A fat commodity hath no **fellow**; Feeling has no **fellow**; The wise and the fool have their **fellows**; There is falsehood in **fellowship.***

Сфера «чужого» в английских паремиях представлена такими лексемами как «foe», «enemy», «stranger», что находит подтверждение в толковых словарях [12].

Лексемы «foe» и «enemy» являются абсолютными синонимами и используются для обозначения «врага», «недруга» в бинарной оппозиции с «friend», ср.: *A joke never gains over an **enemy** but loses a **friend**; An enemy's mouth seldom says well; Better a new **friend** than an old **foe**; **Foe** is better than a dissembling **friend**; Hatred with **friends** is succour to **foes**; Man's life is filed by his **foe**; Misfortune makes **foes** of **friends**; Never tell thy **foe** that thy foot aches; The **friend** that faints is a **foe**; A man has many **enemies** when his back is to the wall; **Friends** through fortune become **enemies** through mishap; Gifts from **enemies** are dangerous; God defend me from my **friends**, I'll keep myself from my **enemies**.*

Лексема «stranger» обозначает человека нового, незнакомого, неизученного и потому в паремиях демонстрируется подозрительное отношение к нему, ср.: *A **stranger** on Monday means a **stranger** all week; A **stranger**'s eye sees clearest; Strew green rushes for the **stranger**.*

Всего ходе анализа английских паремий было выделено 140 единиц, в которых представлена социальная оппозиция «друг-недруг», структурирующая человеческое сообщество по принципу «свой–чужой» и участвующая в вербализации оппозитивных концептов «свой–чужой».

Итак, понятие «другого» чрезвычайно важно для формирования самосознания личности. «Другой» превращает субъекта познания в его объект. Благодаря существованию «другого» человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте. В процессе самопознания, человек познает свой образ в своем сознании. «Другой» раскрывает личность, конструирует её как новый тип, он становится посредником в отношениях личности с собой, соглядателем её мыслей и ощущений.

Список литературы

1. Альберони, Ф. Дружба и любовь. М. : Гнозис, 1987.

2. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.

3. Арапова, О. А. Дружба // Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. С. 44–60.

4. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. СПб., 1998. 544 с.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996.

6. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

7. Обозов, Н. Н. Психология межличностных отношений. Киев, 1990.

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. 944 с.

9. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987. М., 1989. С. 13-49.

10. Сахно, С. Л. Свое-чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка: культурные концепты. М. : Наука, 1991. С. 95–102.

11. Язык как образ мира. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 568 с.

12. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 2005.

13. Oxford Learner's Thesaurus. A dictionary of synonyms. Oxford : Oxford University Press, 2008.

SUMMARY

ABDULLINA L. R. Development of a genre of the comment: theoretical aspect

This article is devoted to the transformations of the comment genre, caused by the peculiarities of Internet-communication. During the comparative analysis of comments from readers and experts (as a rule, journalists) similarities and distinctions both in communicative intention of senders, and in the ways of its realization come to light. Prospects of the further research in the frames of the determined sphere are set.

Keywords: internet linguistics, commentary, linguistic identity, journalist, reader.

BASOVSKAYA E. N. Information noise as the affected component of media text

The article is devoted to information noise accompanying the media text. On a material of magazine "Russkiy Reporter" (2013) the author shows two types of information noise – "quantitative" and "qualitative". The first is generated by surplus information which isn't correlating with basic knowledge of audience; the second - features of verbalization of data in a media discourse. In the article it is suggested that "sound effects" can be applied by journalists intentionally – as a lever on consciousness of the reader and formation of a special picture of the world excluding exact knowledge and accurate definition of moral positions.

Keywords: media text, information noise, speech influence, "Russkiy Reporter".

BEREZINA O. A. Semantic invariant of impersonality

The researchers of impersonality semantics base their description on the subject parameters or the predicate characteristics. Thus, there appears a shift towards one of the sentence predicative center foci, which leads to ignoring the sentence structure semantics. The article attempts at investigating the impersonality semantic invariant which is perceived event.

Keywords: categorical semantics, invariant, impersonality, event, index, process, condition.

BIKOVA T. V. Using humor in «gutsul» texts of the early XX century (for example, the short story and Ignat Hotkevych and Anufrij Manchuk)

In the article investigate the artistic features of the use of gutsul humor on the pages of works of I. Hotkevich and A. Manchuk on guzul subjects, to draw conclusion about the features of the use of elements humor for description of Gutsulshchyna humorous as the literary artistic phenomenon that gives an opportunity valuably to grasp all picture of existence of that time life of habitants of mountain edge.

Keywords: Gutsulshchyna, «gutsul» text genres of humor, short story, gutsul mentality, poetic.

BOBNEV B. A. Semantic space of polysemantic noun in Italian language

The article is devoted to the research of such basic construct of the language theory, as the polysemy, or multiple meaning. The noun, or substantive, is the most polysemantic category of word in all Indo-European languages, Italian is including.

Keywords: semantic space, polysemantic word, literal or direct meaning, figurative sense.

CHIRSHEVA G. N. Specific features of gender assignment to English nouns in a Russian sentence

The author analyzes gender assignment to English nouns inserted into Russian sentences. The research question is: what factors account for variations in strategies when Russian native speakers assign gender to English nouns? The differences between the ways men and women assign gender to English nouns are also studied.

Keywords: gender, bilinguals, category of gender, English noun, Russian morphosyntactic frame

Dobrikova K. A. The Culturological realization of the models of tolerance (based on the English language)

The current article contains the research of tolerance as the topical phenomenon. First, the structure of the notion is presented. Then the essence of different modern scientific approaches to the understand-

ing of tolerance is analyzed. The article also contains information about the contradictory phenomena: intolerance, ethnic nationalism, ethnocentrism. The categories and strategies of tolerance are being discussed with the consecutive representation of its models. The optimal models are analyzed, the new ones are introduced, supported with the language material.

Keywords: tolerance, intolerance, ethnic nationalism, globalization, model of tolerance

ELISTRATOV A. A. Remotivated decomposites in English youth slang

The article deals with decomposition and false analysis of some slang words and phrases of English-speaking youth slang. The analysis of the linguistic materials from two comprehensive English slang dictionaries has resulted in finding a small number of lexical units derived from other words and phrases. The found words and phrases' derivation is based upon four general patterns: word for word, phrase for word, word for phrase, phrase for phrase.

Keywords: English slang, slangism, youth, remotivated decomposite, phonetic mimicry, word-formation, lexical unit motivation.

GARBUJO I. Phytometaphors in Italian and Russian languages: lexicographical and linguo-cultural aspects

This article deals with the ways of semantization of the phytometaphors in Italian and Russian dictionaries. It focuses especially on the lexicographical ways of interpretations of the figurative meaning, on the link between the figurative the main meanings and on the representation of a national-cultural component in the semantics of the phytometaphors.

Keywords: phytometaphors, lexicographical aspect, linguo-cultural aspect, Italian language, comparative analysis.

GASHKOV A. V. Improving the identifying quality of morphological properties of unknown word with analogy method and fuzzy sets

Identifying the morphological properties of unknown word, e.g. word, what is not in automatic system's dictionary, is still a problem. The known systems do it with low success under 30%, what is not acceptable for a full automatic system. We propose what using the analogy method with fuzzy sets can improve analysis's quality. Our studies shows the improved quality of identifying up to 50%, what is supposed to be a moderate success.

Keywords: analogy method, morphology, unknown word, fuzzy set, automatic analysis of text

GEYM E. A. Sociocultural aspect of florentine dialect in the middle ages in Italy

The article deals with the formation of the Italian literary language on the basis of Florentine dialect, it reveals peculiarities of Florentine dialect in the Middle Ages in Italy. Particularly in that period the Tuscan dialect began to predominate, because of the central position of Tuscany in Italy, and because of the aggressive commerce of its most important city, Florence.

Keywords: dialect, territorial unification, community of linguistic traits, lexical peculiarities, grammar, the Italian literary language.

GLUSHKOVA N. M. Realization peculiarities of the language and cultural type "friend"

The article deals with the theoretical basis of the notion "language and cultural type", his connection with the language personality description, and the way of their expression by the sociocultural means. The results of the analysis show the realization peculiarities of the language and cultural type "Friend" from the point of view of a child on the ground of the English novel.

Keywords: linguistic type, language personality, language personology.

GOLOVANOV I. A. Folklore text as a tiered structure

Describes a problem where multilevel organization of folk texts. Are the parameters and categories, important in the analysis of folklore texts, as proposed by the author of interpretation of folklore and folk consciousness.

Keywords: art, folklore, folk consciousness level organization of the text.

GRIGOREVA T.V. Metaphorical binary opposition as a way of language interpretation of reality

The article contains the general conclusion of the research, results of integrated study of metaphoric binary oppositions, typical for mythological consciousness and having determined the language behavior of modern man. The author describes the general system of world coordinates, consisting of spatial, temporal, parametric, color and other opposites that help a person to find himself in a diverse world.

Keywords: axiological, metaphorical, symbolic, binary opposition.

HORYTSKA Y. V. The Methods of studying secondary linguistic identity category

The article suggests the linguistic identity reconstruction method as one of the fundamental ones used to investigate monolingual authors' linguistic identities. It also dwells upon the methods of studying bilingual writers' secondary identities both from teaching methods and linguistic perspectives highlighting a new method used in linguistics.

Keywords: secondary linguistic identity, secondary cognitive consciousness, the methods of investigating secondary linguistic identity, linguistic identity reconstruction.

HUSHKOVA L. V. Specific features of usage of emotional particle "что за" in Gogol's texts

The article deals with the emotional particle "что за" and with its role in N. V. Gogol´s works. Observation and analysis of the language material allow us to label the particle "что за" as a means of emotional-evaluative intensification of telling. Emotionality of text is strengthened thanks to the usage of supplementary means of stressing, such as intensiv, interjection and exclamatory intonation.

Keywords: category of expressivity, emotionality, stressing, intensification.

KHISAMOVA G. G. The linguistic personality of character in a fiction text

This article is devoted to the revelation of the peculiarities of the speech behavior of the characters as the linguistic personalities in short stories by V.M.Shukshin. The pragmatical aspect of the research into speech behavior of the characters of the stories by V.M.Shukshin allows representing various demonstrations in speech reactions of an inner world of a linguistic personality.

Keywords: dialogue, fiction text, literary character, speech behavior.

KHOLMANSKIKH Yu. S. Actualization of the semantically negative sign in the philosophico-literary text (on the material of the poem "Annihilation of Nothing" by T. Gunn)

The article deals with the issue of language representation of the author's strategies to visualize the concept of nothing. The method of linguo-semiotic analysis is used to show how the sign being ultimate and negative by nature, may, nevertheless, serve as a starting point to create new meanings. The philosophical poem Annihilation of Nothing by T. Gunn serves as a textual basis to show ways and means of visualization of nothing. Among them there is nomination, localization implying the usage of descriptive imagery and predicate signs, intertextual allusions, interaction of stylistic registers etc.

Keywords: linguo-semiotic analysis, negative semantics of a sign, visualization, philosophico-literary text.

KOCHNEVA I. E. Numerical allusion in the tittles of W. Disney animated cartoons

This article is dedicated to the study of numbers in the titles of animated cartoons by W. Disney. Numbers are viewed as the indicators of allusion that express associative links. Knowledge of these links leads to decoding the information and to better understanding of the main idea.

Keywords: Allusion, association, animated cartoon, number.

KOPACHEVA A. R. Peculiarities of Paul Verlaine's linguistic identity realization on the material of poetic colournaming

The article represents the research of the author's linguistic identity as the main category of a literary text. The analysis of colour images as perceived by the author is given.

Keywords: Linguistic identity, colour metaphor, lingual colour world-image, synaesthesia.

KOSOVYCH O. V. Illogicality/logicality of innovations/neologisms conceptions: the new and the old

This paper investigates some problems of neology. Different points of views of the scientists of our country and foreign ones regarding the main object of neology e.g. neologism and its differentiation criteria are presented. The article deals with the studying status of French language neologization problems, different approaches to innovation studying are analyzed, main notions formation level is determined, cognitive and discursive mechanisms of neologization that determine the development of lexical and semantic system of French language are revealed.

Keywords: neology, neologism, innovation, novation, neonomination.

KOVAL I. I. Idioms, which represent concept SCHÖNHEIT in modern German language

The present paper deals with idioms which represent concept SCHÖNHEIT in modern German. This concept includes following notions: youth, body, taste, clothes. The very significant role plays beauty of a woman. Verbalization of this concept can be seen in similes with mythological and religious images, with floral and faunal representatives.

Keywords: idioms, concept SCHÖNHEIT, picture of the world, values, deep nexus, appearance.

KOZHUKHOVA I. V. Self-reproaches: form and functioning

The article analyzes the functioning and characteristics of self-reproaches in the English language. As a face-threatening speech act a self-reproach tends to be implicit rather than explicit. Subject and predicate peculiarities of self-reproaches reflect their pragmatics.

Keywords: communicative behavoiur, face-threatening speech acts, reproach, self-reproach.

KUZNETSOVA N. Y. The typical linguocultural concepts in German and Russian fairytales

This article considers the notion of linguocultural concept, as well as actualization of such typical linguocultural concepts as “individualism/ collectivism” and “labor/ idleness” in German and Russian fairytales.

Keywords: linguocultural concept, fairytale, binary opposition, stereotype.

LANSKAYA O. V. The concept of “Garden” as it reflected as inospace in the works of Y. P. Kuznetsova (based on the poem “The Red Garden”)

In this article for a poem Y. P. Kuznetsova “Red Garden” is considered mythological space of artistic text, the nomination included in the lexical-thematic groups “time”, “trees”, “flowers”, “space”, “human feelings”, “happiness”, are analyzed, the symbolism of keywords is explored. Through lexical units, associative group revealed the deepest sense of the poetic text, picture of the world of values is defined in the works of Y. P. Kuznetsova, one of the greatest poets of the second half of XX century.

Keywords: concept, keywords, lexical and thematic group; sema; symbol.

LEONOVA M. Semantic and function of the name in the Bely’s novel “Petersburg”

In the analysis of the name function in the Bely’s novel “Petersburg” we first at all are interested in relationship of names in the and in their structural function as a basis of image concept, as well as in the semantic and etymological meaning of the name.

Keywords: analysis of the name, structural function, semantic and etymologycal meaning, relationship of names.

LOBANOVA L. P. Weisgerber’s research methods for analysing the linguistic picture of the world

This paper describes methods and techniques for studying the linguistic picture of the world, both in static (Weltansicht) and dynamic (Weltbild) dimensions, as they were developed and put into practice by Leo Weisgerber. These methods postulate four approaches to dealing with linguistic phenomena or four stages of linguistic analysis: 1) formal analysis (gestaltbezogene Sprachbetrachtung), 2) semantic or content-orientated analysis (inhaltbezogene Sprachbetrachtung), 3) efficiency-orientated analysis (leistungbezogene Sprachbetrachtung), i.e. studying the process of linguistic world-grasping and

4) effect-orientated analysis (wirkungbezogene Sprachbetrachtung), i.e. studying the influence of the linguistic picture of the world upon the speech community.

Keywords: linguistic picture of the world, worldview, Weltbild, Weltansicht, wording the world, linguistic content, linguistic grasp.

MERZLIKINA O. V. Structural and semantic characteristics of Spanish youth slang

This article deals with the structural and semantic characteristics of Spanish youth slang. The young people are constantly finding new ground for new artistic expression of their live and the life around them. The main features of slang, such as semantic shifts and conceptual rethinking, metaphorical nominations, loanwords, use of dysphemism, apocope, neologisms and vocative, specific word formation, are analyzed through their description.

Keywords: Youth slang, colloquial language, jargonisms.

MONGILYEVA N. V. The ethnic and national worlds pictures in the works by F. Guene "Kiffe-kiffe demain"

The article deals with the difference between the concepts of «ethnic" and "national" world picture in the works by F.Guene. The author considers lexical units with cultural component, comparative constructions, evaluative descriptions' connotations. Ethnic and national components in the outlook of the French from North African countries is shown on the example of a teenage girl's novel-diary.

Keywords: The ethnic world picture, the national world picture, literature "beur".

MOSKALCHUK G. G. The important questions of text formation

The article deals with ways of synthesis of different texts into macrostructures on basis of spatial parameters. In the article we describe some tendencies of interlevel language description on condition that text is regarded as a unit of the highest level of complexity. There represented architectonics of the "Text ↔ Medium" system with the help of categories such as symmetry/asymmetry, text typology created on their attractors. Open important issues of the theory of text structures' formation (morphogenesis) are also dealt with.

Keywords: text, text structures' morphogenesis, attractor, medium, structure, symmetry, asymmetry, synthesis, fractality.

MUSINOVA N. E. Postacmeism and the artistic process of N. Zabolotsky, B. Pasternak, I. Brodsky

The problem of integral artistic form is considered in the article. This problem is urgent both for acmeism as art movement and for Silver age in whole. The main idea of the article is a great importance of acmeism and its influence on the artistic process of the Russian poets – including N. Zabolotsky, B. Pasternak, I. Brodsky.

Keywords: the Silver Age, the artistic process, the artistic form, the artistic process, acmeism, postacmeism, N. Zabolotsky, B. Pasternak, I. Brodsky.

OBRAZTSOVA E. M. Sentence-text interrelation as viewed from the standpoint of the semantic-cognitive syntax theory: cognitive aspect

The article deals with the text delimitation problem. Contrasting the text qualifying parameters (composite form of description) with the structural and semantic characteristics of a simple sentence, the author qualifies sentence as a minimal text model. The text/sentence correlation is grounded up from the point of view of cognitive science.

Keywords: text, text composite form, description, simple sentence, word order, cognition, perception.

PODYAPOLSKAYA O. Yu. The paradox as the major mean for expression of social criticism in the short story of German writer G. Kunert "Central Station"

The present article focuses on the literary work of German writer G. Kunert narrating about tragic fate of an individual in a totalitarian society. The paradox is considered to be the major means of criticizing the regime together with the usage of officialese and other stylistic means.

Keywords: Parable, paradox, grotesque, absurdity, estrangement effect, officialese, quasi-direct speech, social criticism.

POPOVA N. B. Discursive irony practice in the work of François Marie de Voltaire

The main features of irony culture phenomenon, known still in Antiquity, are topical for intensions transmission at all times and for many domains of communication. It is noted that the irony culture is particularly apparent in the intersection of different tendencies ideological, philosophical, aesthetic, when the old is blamed and the new is not installed. The research matter of the multiple-value irony phenomenon is the work of Voltaire, French philosopher and writer of XVIII century, known as a great critic of absolutism state structure.

Keywords: ironic identity, oxymoron, syllogism, discursive tale, irony.

POSTNIKOVA E. V. The fragmentary speech portrait construction of a political columnist (based on the Mass Media headlines)

The article regards the problem of the speech portrait reconstruction for the politician's linguistic personality using headlines as research material. The headlines analysis of Fidel Castro "Reflexions" allows to describe his fragmentary speech portrait, examine the possibilities of his speech faculties application while creating a headline and to determine the strongest models of headline creating.

Keywords: headline, column, linguistic personality, fragmentary speech portrait.

RUMYANTSEVA M. V. To the problem of the objective reality reflection in the linguistic imagery

This article presents cognitive analyze of comparative constructions, found in narrative stories of Russian and Kazakh writers of the first half of the 20th century, containing lexemes as the objects of comparison, naming domestic animals. Investigation of comparative constructions of a certain language makes it possible to penetrate into the language of an ethnos.

Keywords: metaphorical constructions, figurative comparison, language world model, linguocultural situation.

SAVCHENKO A. A. Emotive phraseological units of the phraseological semantic field "Joy" in V.Nabokov's prose

The article considers V. Nabokov's original ways of exploiting emotive phraseological units of the phraseological semantic field "Joy" in his prose and analyses particular examples of such units perfoming communicative and aesthetic functions in the text. Resorting to emotive phraseological units as a figurative and expressive means of the language, V.Nabokov employs different tools to add to their imagery. The most frequent of them are changing one of the components, inserting extra elements into the phraseological unit, the violation of traditional syntagmatic relations and the lexical context, in which phraseologial units occur, creation of metaphors based on idioms.

Keywords: author's style, phraseological semantic field, semantic field "Joy", emotive phraseological unit, emotion breath, author transformations.

SINEEVA T. A. Manipulating technologies of the French media discourse in electoral campaign

The article highlights problems of manipulating individual and mass consciousness through the media. Suggestion is a component of everyday communication, but can also act as a specially organized kind of impact. As the research showed, the nature of suggestive strategy points to the highly developed technologies which impact on public opinion.

Keywords: media discourse, electoral discourse, verbal impact, mass communication, manipulative techniques, suggestion.

SIROTKINA T. A. Representation of "The Other" in an artistic picture of the world

This article is devoted to an image of "ethnic human" in Perm writer's works of art. Different ethnonyms are analyzed as a meaning of a representation of an ethnic fragment in a regional picture of the world. It is concluded that writers, reflecting features of the culture of "the other" ethnos in their novels,

raise a tolerant attitude not only to the characters of the novels, but also to people living nearby in multinational Perm Krai.

Keywords: artistic picture of the world, etnononims, ethnic stereotypes.

SOBIESZEWSKA M. Reflexions sur le discours juridique dans la perspective pragma- et sociolinguistique

Although legal discourse falls within the general context of the act of communication, it is a discourse whose specificity is undeniable. The main objective of this paper is to describe first the French legal discourse in pragmatic and sociolinguistic perspectives, or, in other words, to present its general structure and main functions in the sociocultural context. In a second step, we will present the specific streams of legislative stylings and legal vocabulary.

Keywords: discourse, legal, functions, structure, legislative style, legal vocabulary.

SOBOLEVA O. V. To the problem of definition of the notion "hypertextuality"

In the article the notions of hypertext and hypertextuality are defined, typology and main features of hypertextuality are considered, and the hypertextual way of organizing of the Internet is analyzed.

Keywords: Hypertext, Hypertextuality, the Internet, communication, electronic environment, hypermedia, intertextuality.

SOMOVA M. V. Impersonal sentences as an impressive means of language and speech

By means of use of impersonal predicative units in speech it's possible to create pictures of nature, describe various conditions of living beings, estimate or characterise actions and events. The present article is devoted to the research of impersonal predicative constructions which are various by their structure and semantics, bearing additional emotional or aesthetic meaning and functioning as a pictorial-expressive means of speech. In such a context the similar constructions have not yet been exposed to a detailed analysis.

Keywords: impersonal predicative units, agens, pictorial-expressive means, language, speech.

TABAKOVA Z. P. Ethnopoetics: the subject and the ethnopoetic analysis

The article deals with presenting ethnopoetics as a separate branch of linguistics. Ethnopoetism, the main aspect of this branch, is a part of multilayer semantic structure of the concept. The ethnocultural component is a distinctive feature of every multinational state, which is why the principles of ethnopoetical analysis can be applied to exploring the mental aspects of the first language, as well as the aspects of interacting languages. The methodology of analysing the poetic text discloses the figurative-associative mechanisms of speech.

Keywords: Ethnopoetics, linguopoethics, linguoculturology, concept, ethnopoetism, linguistic picture of the world.

TOLCHEEVA K. V. "Everybody is in the secret but me!", or the addressee of the aside in the dramaturgy of Beaumarchais

The theatrical play as a type of text possesses a number of attributes. The description of drama construction rules requires the study of the conditions of construction process, and the perception of context related text features by the reader or the audience. The article underlines certain peculiarities of a parte remark functioning in the dramatic discourse.

Keywords: dramatic discourse, a parte remark (aside), factor of addressee, category of evaluation.

TRYFONOV R. A. The word корпоратив ('corporative party') as an object of metalingual comments in contemporary Eastern Slavic languages

The study considers metalingual utterances accompanying the word корпоратив ('corporative party') in contemporary Eastern Slavic languages. The comments to this word are shown to be very active in today's internet communication, which points at both conceptual meaningfulness of the word and its importance for discursive positioning of the language personality. Indications at novelty and fashionability of the lexeme are widespread as well as the utterances expressing subjective emotional perception of the word or reflections about nominative adequacy of the unit in contemporary sociocul-

tural situation. The presence of speaker's appellations to other speech subjects, implicitly present in the discourse, is underscored.

Keywords: language conscience, mental vocabulary, metalingual comment, metalingual evaluation, current lexical processes.

TSERTSVADZE M. G. The concept of "homeland" in a different system languages

In this paper the author in the framework of intercultural mapping examines peculiarities of human value (OP) of the concept of "homeland" in Russian and Georgian linguistic consciousness. Having analyzed the concept of "homeland" in Russian and Georgian linguistic consciousness, the author concludes,that the concept of "homeland" represents one of the most important cultural, psychological, linguistic, spatial constants, constituents of the Russian and Georgian national picture of the world.

Keywords: concept of "homeland", culture, an association experiment, a word-incentives.

TUMANOVA A. Fiction discourse of a bilingual writer as a result of the cultural interrelation

The article is devoted to the problem of the language and culture connections. It presents the peculiarities of the language interrelation in the Republic of Kazakhstan (in particular, Russian and Kazakh languages) on the basis of the analysis of the fiction text. This article describes the fiction discourse as a result of reflecting contaminated language worldview of the Russian-speaking writer. As an illustration the author uses some fragments from the works of Kazakh writers.

Keywords: language, culture, fiction discourse, bilingual writer, language worldview, contaminated language worldview.

TURNER M. Language, gesture, bodily stance: grammar as a multimodal system

Television news represents a uniquely available dataset of common communicative practices, with the additional attraction that it has been deliberately crafted by professional teams to grab attention, convey complex meanings in a rapid and compressed format, and persuade by implication. The way in which television succeeds in tapping into ancient interpretive structures in our cognitive system makes its detailed examination particularly revealing.

Keywords: blend, cognitive linguistics, communication, data.

YERMAKOVA V. A. "Another" as a prerequisite of personality semiotization (as exemplified in Russian and English paroemias)

Semiotics of human behavior presupposes the existence of "another" as a prerequisite of person's identity and self-consciousness formation. Due to the existence of "another" a person is able to make a judgment about himself both as subject and object. "Another" is a mediator in people's inner relationships and observer in outer reactions and behavior.

Ключевые слова: concept "friend", another, opposition "one's own-another" personification, impersonality, linguistic view of the world

YUZHAKOVA Yu. Yu. Phenomenon of identity in Russian language

Concept "identity" is used both in the everyday speech for the characteristic of the surrounding reality and in the science about the language. Have long ago been described "the proposal of identity". However, this value can be expressed by different means at all lingual levels. This there can be the simple uncomplicated proposals, the complicated proposals with the secretory, explanatory and refining revolutions, compound propositions, text. The presence of special binary structure and specific means of expression makes it possible to estimate identity as the general linguistic category, which requires special study.

Keywords: Identity, linguistic category, syntactic constructions, «signs» of identity.

VLASYAN G. R. Penetration of swear words in everyday language

The article discusses the penetration of swear words in everyday language as one of the consequences of changing of the communicative paradigm in society.

Keywords: swear words, ethno-cultural peculiarities, conversational style, redistribution of boundaries between layers of vocabulary.

VLASYAN N. R. The problem of distinguishing between conventional and conversational implicatures

The article deals with the basic terms of pragmatics such as the theory of speech acts, P. Grice's Cooperative Principle and its maxims, and the additional implicit information inferred by the hearer known as the implicature. The article also touches upon the problem of distinguishing between conventional and conversational implicatures and discusses the difference between them.

Keywords: speech act theory, Cooperative Principle, conversational maxims, conventional and conversational implicatures.

VOYTESHCHUK I. V. The features of speech objectivization of the concept "water" (on material of German and Russian languages)

In the article the regularities of speech objectivization of concepts are considered. The special attention is paid to the description of communicative and nominative characteristics of scientific and art texts, their influence on expression of this or that conceptual information. The place of concept "water" in scientific, naive and art pictures of the world is defined.

Keywords: concept, functional style, scientific and art texts, ways of scientific, naive and art and figurative knowledge of the world.

ZHARKOVA U. A. The verbal portrait of the modern artist in their interviews

The subject of the article are the special attributes of verbal portraits of modern artists, their lexical, grammatical and conceptual preferences. The material for the linguistic analyze are the interviews of modern German artists K. Grosse, J. Beus, G. Baselitz.

Keywords: verbal portrait of professional artist, word picture, concept, language prototype.

ZUBCHINSKIY I. V. Some ways of word formation of football in italian and spanish

The following article is dedicated to studying of the word derivation. We will examine basic common ways of derivation. We will see examples and their application in discourse of the football. Some of them we will explain in this article.

Keywords: terminology, football, soccer, adoptions, derivation, variation, metaphor, anglicism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Лилия Рафаиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
lilioven@mail.ru

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета.
jeni_ba@mail.ru

Березина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).
berezinaolga@gmail.com

Бобнев Борис Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
bor@337mail.ru

Быкова Татьяна Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской литературы Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
nanan@meta.ua

Войтещук Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.
wfirina@mail.ru

Власян Гаянэ Рубеновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.
VlasyanGR@yandex.ru

Власян Наринэ Рубиковна – студентка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.
nvlasyan@yandex.ru

Гарбуйо Илария – соискатель, старший преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета.
ilariagarbujo@gmail.com

Гашков Александр Владимирович – кандидат филологических наук, программист Регионального центра информатизации Пермского национального исследовательского политехнического университета.
gashkov@dom.raid.ru

Гейм Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
meinheim@mail.ru

Глушкова Надежда Маматкуловна – аспирант кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.
Glushkova_nm@mail.ru

Голованов Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Челябинского государственного педагогического университета.
ligol@csu.ru

Горицкая Юлия Васильевна − аспирантка кафедры общего и сравнительного языкознания и новогреческой филологии Киевского национального лингвистического университета.
goryv@ukr.net

Григорьева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета.
Tagrig8@mail.ru

Гушкова Людмила Вадимовна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета.
algoritm_007@bk.ru

Добрикова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.
lioness-x@mail.ru

Елистратов Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета.
asha91@rambler.ru

Ермакова Вера Александровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры языков Международного университета информационных технологий.
vera_nasonova@mail.ru, v.yermakova@iitu.kz

Жаркова Ульяна Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой немецкого языка Челябинского государственного университета.
januar14@ya.ru

Зубчинский Иван Вячеславович – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета.
mrfr74@ya.ru

Коваль Ирина Игоревна – аспирант кафедры немецкой филологии Киевского национального лингвистического университета.
irina.gliten@gmail.com

Кожухова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.
vinantov@mail.ru

Копачева Александра Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
koral2020@rambler.ru

Косович Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры французской филологии Института филологии Киевского національного университета имени Тараса Шевченко (Украина)
olgak2270@gmail.com

Кочнева Юлия Евгеньевна – соискатель кафедры теории и практики английского языка, преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета.
Julia_kochneva@list.ru

Кузнецова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.
nkusnezowa@csu.ru

Ланская Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, учитель МБОУ СОШ № 14 г. Липецка.
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

Леонова Марианна Павловна – литературовед, доцент Института славянской филологии Гёттингенского университета им. Георга-Августа (Гёттинген).
Marianna.Leonova-1@phil.uni-goettingen.de

Лобанова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
lydia.lobanova@mail.ru

Мерзликина Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанской и итальянской филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.
o.merzlikina@mail.ru

Монгилева Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
natmong@rambler.ru

Москальчук Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета.
manakov2004@mail.ru

Мусинова Наталия Евгеньевна – доктор культурологии, доцент, старший научный сотрудник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
NataliyaMysinova@yandex.ru

Образцова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и языкознания Международного гуманитарного университета (Одесса).
mgu_ohelen@ukr.net

Подъяпольская Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.
oljapod@mail.ru

Попова Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
popova@csu.ru

Постникова Елена Владимировна – аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
anelhe@mail.ru

Румянцева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
m.rumjanzewa@rambler.ru

Савченко Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Кубанского государственного университета (Краснодар).
bugaeva_anna@inbox.ru

Синеева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.
cotamaran@mail.ru

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российского государственного гидрометеорологического университета (филиал в г. Туапсе).
sirotkina71@mail.ru

Соболева Ольга Валерьевна – преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета.
olya_soboleva@list.ru

Др. **Собешевска** Марта – доцент Института романской филологии Университета Марии Кюри-Склодовской (Польша).
marta.sobieszewska@gmail.com

Сомова Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.
m.somova@rsu.edu.ru

Табакова Зинаида Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Петропавловск).
ztabakova@yandex.ru

Толчеева Ксения Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Липецкого государственного педагогического университета.
ksetol@list.ru

Трифонов Роман Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.
movoromano@yahoo.com

Туманова Айнакуль Бектасовна – доктор филологических наук, доцент, ассоциированный профессор кафедры языков Казахстанско-Британского технического университета (Алматы).
a.tumanova@inbox.ru

Хисамова Галия Гильмулловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета (Уфа).